

AP
50
R88
1921
no.5

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 5 - Май

1921

ПЕКИНЪ.

Т-во „Восточное Просвѣщеніе“.

Русско-Азіатскій Банкъ.

RUSSO-ASIATIC BANK.

Основной, сполна внесенный капиталъ Руб. 55.000.000. —

Запасный капиталъ Руб. 26.960.000. —

Оборотный вклад. Китайск.

правительст.-Купин. Таэлей 3.500.000. —

Резервы вклад. Китайск.

правительст.-Купин. Таэлей. 1.250.000. —

ПРАВЛЕНІЕ въ ПЕТРОГРАДѢ.

Парижское Отдѣленіе; 9. Rue Boudreau.

Лондонское Отдѣленіе: Old Broad St., E. C.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

Лондонъ: Messrs. Glyn, Mills, Currie & Co.

Парижъ: Société Générale pour favoriser le Développement du Commerce et de l'Industrie en France. Banque de Paris et de Pays-Bas.

Лионъ: Société Générale pour favoriser le Développement du Commerce et de l'Industrie en France.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ и АГЕНТСТВА:

Бомбей	ст. Маньчжурія	Хайларь
Владивостокъ	Никлаевскъ н.-А.	Ханькоу
Гонгконгъ	Ньючжуанъ	Харбинъ-Новый Городъ
Дайренъ (Дальній)	Пекинъ	Харбинъ-Пристань
Юксгама	Тяньцзинъ	Чаньчунь

85 отдѣленій и агентствъ въ Европѣйской Россіи и Монголіи.

ШАНХАЙСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Текущіе счета и вклады въ таэляхъ и долларахъ.

Учетъ мѣстныхъ векселей. Особыя льготы для русской валюты.

Покупка и продажа иностранной валюты главныхъ государствъ міра.

СТАЛЬНАЯ КЛАДОВАЯ СЪ БЕЗОПАСНЫМИ ЯЩИКАМИ.

Управляющіе Отдѣленіями Банка въ Азіи:

В. ЕЗЕРСКІЙ и С. ЯСТРЖЕМБСК. Й.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

Литературный, научный и политическій.

№ 5 - М а й

1 9 2 1.

ПЕКИНЪ.

Типо-Литографія Т-ва „ВОСТОЧНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

Россійская Духовная Миссія.

AP

50

R 88

1921

no. 5

LIBRARY
ОСТ 21 1969

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЛИГА СВОБОДЫ И ПРАВЪ ЧЕЛОВѢКА.

Новоторговая ул. домъ Украинцевъ № 279.

КУРСЫ

АНГЛІЙСКАГО, НѢМЕЦКАГО И ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

Занятія вечернія, три раза въ недѣлю, группами, не свыше 10 человекъ въ группѣ. Плата для членовъ Лиги и Клуба Молодежи — 6 іенъ, для постороннихъ—9 іенъ въ мѣсяцъ. Пріемъ производится постоянно, и новыя группы открываются по мѣрѣ формировація.

При Клубѣ Молодежи открыта Художественная Студія подъ руководствомъ художника Ульянова. Занятія производятся три раза въ недѣлю за плату по 5 іенъ въ мѣсяцъ.

Запись и справки ежедневно отъ 10 до 2 ч. дня и отъ 5 до 8 вечера въ Бюро Лиги.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ

при Клубѣ Молодежи, открытые Харбинскимъ Комитетомъ Лиги, подъ руководствомъ *Н. Ф. ДЫКМАНЪ*.

КУРСЪ ТРЕХМѢСЯЧНЫЙ.

Плата за весь курсъ 30 іенъ. Допускается разсрочка платежа.

Занятія начнутся послѣ сформировація группы.

Запись въ Клубѣ Молодежи (Новоторговая, бл. Чуринскаго моста) ежедневно съ 10 до 12 час. дня и съ 5 до 8 ч. вечера.

Школа кройки и шитья

Новоторговая, № 19.

Запись ученицъ только на двѣ группы 9-го и 15-го мая. Число ученицъ ограничено.

Курсъ обученія 4 мѣсяца. Занятія 4 часа ежедневно, по желанію общеобразовательные предметы. Обученіе художественной вышивкѣ и рисованію въ примѣненіи къ изящнымъ рукодѣліямъ.

Плата за весь курсъ 40 іенъ. Для неимущихъ разсрочка.

Запись: Новоторговая, № 19, канцелярія школы, комната № 2, отъ 10 до 1 часу.

Бюро Лиги.

Оглавленіе.

	страни.
1. Итальянскіе стихи. <i>И. А. Бунина</i>	1
2. Сила земли. Романъ (продолженіе) <i>Л. Никитина</i>	4
3. Мирель. Стихотвореніе <i>Юрія Галичъ</i>	64
4. Рахиль. Повѣсть (продолженіе) <i>Каринъ Михаэлисъ</i>	66
5. Муза странствій (цвѣтъ стихотвореній) <i>Евг. Яшнова</i>	87
6. Для чего Аллахъ создалъ власть? (Сказка стараго Абдулъ-Гафара). <i>Чильдухтеръ</i>	91
7. Отъѣздъ. Стихотвореніе <i>Юрія Галичъ</i>	97
8. У истоковъ революціи (изъ воспоминаній земскаго статистика) . . . <i>Евг. Яшнова</i>	98
9. Константинъ Леонтьевъ о прогрессѣ. <i>Доц. Л. Зандеръ</i>	123
10. Новая германская конституція. <i>Проф. В. В. Энгельфельда</i>	145
11. Психологія большевизма. Изъ книги <i>J. Spargo</i> (перев. съ англійскаго).	
12. Въ осажденной Ургѣ (впечатлѣнія очевидца). <i>Случайнаго</i>	184
13. Семья и бракъ въ совѣтской Россіи. <i>Проф. Г. К. Гинса</i>	200
14. Коммунизмъ въ Сибири (изъ организаціонныхъ опытовъ . . . 1920-1921 г. г.). <i>Инж. Вронскаго</i>	217
15. Къ характеристикѣ быта линейныхъ служащихъ <i>Кит. Вост. ж. д.</i> <i>И. И. Серебренникова</i>	226
16. Обзорніе: Коммунисты о положеніи на Д. Востокѣ. <i>В. Эчъ</i> . Современная Чехословакія. <i>І. В.</i> Злоупотребленіе правомъ стачекъ. <i>Поля Бурже</i> (переводъ). — <i>Вильгельмъ Вундтъ</i> . . .	237
17. Библіографія	251
18. Политическій дневникъ	262
Объявленія.	

Типо-Литографія
ТОВАРИЩЕСТВА
ВОСТОЧНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ⁶⁶

Исполняетъ всевозможныя
типографскія и литографскія работы чер-
ной и цвѣтными красками русскими, славян-
скими, латинскими шрифтами, китайскими
іероглифами, разными орнаментами и
клинше.

Переплетная мастерская дешевыхъ и
цѣнныхъ кожаныхъ переплетовъ.

Словолитня шрифтовъ и орнаментовъ.

Правленіе: Тяньцзинь 19, Роодъ 4. Бывш.
Германск. Концес.

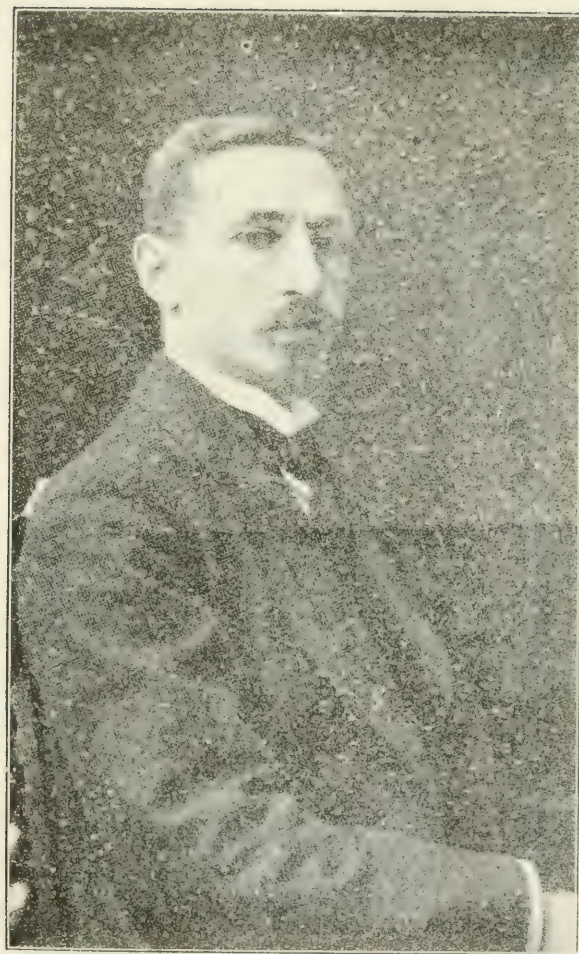
Tientsin, 19, Road 4, Ex. Germ. Conces.

Типографія: Пекинъ, Россійская Духовная Миссія.

Peking, Russian Orthodox Mission.

Местность: Харбинъ, Налицкая, 1250/5, подваръ

Россійской Духовной Миссии
въ Китаю.

П. А. БУНИНЪ.

СТИХИ

И. А. Бунина.

(Въ октябрѣ 1920 г. исполнилось 50 лѣтъ со дня рожденія писателя).

Итальянскія строки.

1.

*На Альпы къ сумеркамъ нисходятъ облака.
Все мокро, холодно. Зеленая рѣка
Стремится свой шумный бѣгъ по черному ущелью
Къ морскимъ крутымъ волнамъ, кипящимъ на песокъ,
И зоркіе очи краснѣютъ вдалекъ—
Во тѣмъ отъ Альпъ и тучъ, подъ горной цитаделью.*

2.

*Вотъ знакомый погостъ у цветной Средиземной волны,
Черный рядъ кипарисовъ въ квадратъ высокой стѣны.
Я въ калиткѣ желѣзный засовъ отодвину, войду
И увижу часовню, аллеи и гравій въ саду.
Близина мавзолеевъ сіяетъ на солнцѣ кругомъ,
И мнѣ радостенъ холодъ, прирѣтый весеннимъ тепломъ,
Шумъ и свѣжесть валовъ, что, какъ сосны, шумятъ за стѣной,
И небесъ пѣвучи въ снѣговыхъ облакахъ надо мной.*

3.

*Роня снѣгъ, проходятъ тучи,
И солнце рѣзко золотитъ
Умбрійскихъ горъ нагія кручи,
Сухой кустарникъ и гранитъ.
И часто въ тучахъ за горами
Обрывки радуги цветутъ—
Святые нимбы надъ главами
Анахоретовъ, жившихъ тутъ.*

4.

Блмыя крулятся облака,
 Небо въ нихъ сущается, чернѣя...
 Какъ весной, стройна и высока
 Въ этомъ небѣ мраморномъ аллея.
 Сѣрый стволъ на солнцѣ позлащенъ,
 А вершины встали сизымъ дымомъ...
 Помню, помню: жаркій день подъ Римомъ,
 Мраморный апрѣльскій небосклонъ...

5.

Дулъ теплый вѣтеръ. Точно съя
 Вечерній сумракъ, жукъ жуужжалъ.
 Щербатый остовъ Колизея,
 Какъ чаща, подо мной лежалъ.
 Чернѣли и зѣли стѣны
 Вокругъ меня. Въ глазницы ихъ
 Синѣла ночь. Пустырь арены
 Былъ въ травахъ, жесткихъ и сухихъ.
 Свѣтъ лунный, вѣчный, неизмѣнный,
 Какъ тонкій дымъ, бѣлѣлъ на нихъ.

6.

Видъ на заливъ изъ сада подъ таверной...
 Въ простомъ винѣ, что взялъ я на обѣдъ,
 Есть странный вкусъ—вкусъ виноградно-сѣрный,
 И розоватый цвѣтъ.
 Пью подъ дождемъ—весна здѣсь прихотлива,
 Миндаль цвѣтетъ на Капри въ холода,—
 И смутно въ синеватой миль залива
 Далекіе бѣлѣютъ города.

7.

Горъ сиреневыхъ кручи встаютъ;
 Гаснетъ сумерекъ алыхъ сіянье.
 Въ тихомъ морѣ сирены поютъ,
 Въ мѣрѣ счастье, покой и молчанье.
 Въ мѣрѣ только старикъ-рыболовъ,
 Да сиреневый островъ Кипрелъ,
 Да заморская синь облаковъ,
 Гдѣ закатъ потухаетъ, алья.

8.

*На виллѣ тихо, ночь темна,
Туманны звѣзды голубыя,
Вздыхая, ширится волна,
Цветы качаются слыные,
И часто съ вѣтромъ, до скамьи,
Какъ нѣкій духъ въ эфирной плоти,
Доходятъ свѣжія струи
Волны, вздыхающей въ дремотѣ.*

Ив. Бунинъ.

(„Общее Дѣло“).

„Сила земли“.

Романъ Л. Никитина.

Глава VI.

Седьмой годъ уже Стоговъ работалъ въ управѣ и все еще не могъ приучить себя смотрѣть на свою земскую работу, какъ на что-то обыкновенное, какъ на ту „службу“, которую люди лѣнливо, день за днемъ, несутъ на своихъ плечахъ. Каждый день, подъѣзжая къ зданію управы, онъ испытывалъ какое-то смутное волненіе, каждый день взвѣшивалъ себя ожиданіемъ, что вотъ сегодня, сейчасъ, произойдетъ что-нибудь значительное, важное, которое покажетъ, что все эти годы труда, кипѣнія думъ не были вовсе безплодными. И съ этими настроеніями онъ проходилъ черезъ канцелярію къ себѣ въ кабинетъ, чутковозволнованный и возбужденный.

Но его возбужденіе, его нервный подъемъ скоро угасали. Настроенный свѣтло и празднично, онъ заставлялъ кругомъ самые сѣренькіе будни. Въ душномъ накуреномъ воздухѣ слышалось шелканье счетовъ, трескотня пишущей машинки, людской говоръ, похожій на гудѣнье пчелъ въ ульѣ. Туда-сюда суетливо ходили люди съ бумагами, съ дѣлами въ синихъ обложкахъ. И у всехъ были такія унылыя, скучающія лица, говорившія о томъ, что эта работа была для нихъ постылой лямкой подневольнаго труда.

И такъ было всегда. Приходилось, тѣмъ не менѣе, „работать“, т. е. отдаться на нѣсколько часовъ бумажному дѣлу: составлять отношенія, объясненія, циркуляры, подписывать ордера на полученіе денегъ изъ кассы, провѣрять счета, спорить съ бухгалтеромъ, вести докучныя, раздражающія пререканія, слошь и рядомъ изъ-за сущихъ мелочей. Все это было необходимо въ общемъ укладѣ земскаго дѣла, безъ этого нельзя было обойтись. И все-таки эта бумажная работа всегда наполняла его уныніемъ. Гдѣ-то въ тайникахъ думъ поднималось даже что-то, вродѣ стыда: изможденный мужичонка круглый годъ надрывается надъ тяжелой работой, живетъ впроголодь, а вотъ онъ, большой, здоровый, сильный, сидеть, подписываетъ бумажки и получаетъ за это боль-

шое жалованье. И думалось, что, сколько бы здѣсь, въ этомъ зданіи, ни писали бумагъ—сѣрая, голодная мужицкая жизнь будетъ идти по прежнему. Отъ этой мысли у него порой опускались руки, въ душѣ поднималось отвращеніе ко всей той шумихѣ, которую окружающіе глабокомысленно почитали „дѣломъ“. Въ такія минуты Стоговъ становился грубымъ и нетерпѣливымъ, придирался къ служащимъ, срывая на нихъ свою досаду. Всѣ знали это и старались не подступаться къ нему, пока не отхлынетъ тяжелое состояніе духа. Такъ и говорили другъ другу:

— На Мѣхала Семеныча опять „нашао“. Сегодня лучше на глаза не попадаться, пока не пройдетъ.

Въ такіе дни страстно и мучительно хотѣлось живого дѣла, любимого и прекраснаго, дающаго удовлетвореніе. Хотѣлось упиться счастьемъ творчества, радостью одолѣнія какихъ-то преградъ... И тогда онъ съ жаромъ отстаивалъ всякій, самъ по себѣ ничтожный, случай, возводя его въ значительность большого вопроса.

Однажды, въ сѣренькій туманный день, обвѣянный влажностью внезапной оттепели, Стоговъ, подѣзжая къ управѣ, еще издали замѣтилъ на крыльцѣ кучку людей. Прищуривъ свои близорукіе глаза, онъ увидѣлъ, что кучка мужиковъ расположилась на крыльцѣ. Кто стоялъ, прислонившись къ периламъ, кто сидѣлъ на ступенькахъ. И всѣхъ осыпала мелкая, влажная пыль. Еще не успѣвъ выйти изъ саней, онъ крикнулъ:

— Здорово, братцы! Чего вы тутъ на дождѣ мокнете?

Мужики снимали шапки, переминались съ ноги на ногу, но не отвѣчали ни слова.

— Что же вы тутъ стоите? Идите туда, въ общую!

Послышался чей-то вздохъ, непонятное бормотанье. Кто-то произнесъ:

— Обчая, вишь, есть, да не про нашу честь. Не пускаютъ... Слякотно, вишь, седни. Анадѣсь полы мыли, такъ оно того... неспособно.

Стоговъ мигомъ закипѣлъ гнѣвомъ. Онъ помнилъ свои схватки съ Алексѣемъ Рафаиловичемъ за его распоряженіе—въ дурную погоду не пускать мужиковъ въ общую, и его возмутило, что то же самое дѣлается и теперь, вопреки его приказаніямъ. Блѣдный, задыхаясь отъ волненія, онъ вбѣжалъ на крыльцо, настѣжь распахнулъ обѣ половинки двери и приказалъ:

— Входите! Всѣ входите!

— Дыкъ мы што... Не бѣда, чай, не сахарные... слышались возраженія.

— Входите, говорятъ вамъ! гнѣвно крикнулъ Стоговъ, уже теряя власть надъ собой. Мужики, съ испуганными лицами, повалили одинъ

за другимъ въ прихожую, но сейчасъ же попытлись назадъ, встрѣченные грознымъ окрикомъ сторожа:

— Вы куда, черти?!

Стоговъ такъ и налетѣлъ на него.

— Какъ ты смѣешь гнать ихъ! кричалъ онъ въ совершенномъ неистовствѣ. Оттолкнулъ сторожа и повелительнымъ движеніемъ руки снова двинулъ впередъ кучку мужиковъ, толкавшуюся, какъ стадо барановъ.

— Такъ что, Михайлъ Семенычъ, оправдывался сторожъ, — Андрей Ардальонычъ не приказывали пущать...

— Никогда чтобы этого не было, слышишь? Скорѣе мы съ тобой на дворъ должны мокнуть, чѣмъ они. И если я еще разъ увижу что-нибудь подобное, я тебя сейчасъ же вонъ выгоню. Чистота проклятая!

Бросивъ пальто и кожанъ на руки сторожу, онъ чуть не бѣгомъ пустился наверхъ. Не отвѣчая на поклоны служащихъ, онъ на ходу бросилъ отрывисто и рѣзко:

— Андрея Ардальоныча ко мнѣ! Сейчасъ!

Андрей Ардальонычъ Кашинцевъ былъ ставленникомъ такъ называемой „стародворянской“ партіи, отколовшейся отъ либеральнаго большинства. Заручившись поддержкой среди купечества и мелкой буржуазіи, эта партія провела таки своего кандидата въ члены управы. Кашинцевъ представлялъ собою колоритный, хотя уже отживающій типъ „кающагося дворянина“. Въ члены управы онъ попалъ непосредственно съ поста земскаго начальника, гдѣ довольно-таки круто управлялъ мужиками въ теченіе 18 лѣтъ. Но это не мѣшало ему, перейдя на земскую службу, нарядиться въ либеральную тогу и со вздохомъ рассказывать о томъ, какъ тяжела была для него дѣятельность земскаго начальника, какой разладъ она вносила въ его душу, исполненную горячей любви къ народу и желанія работать для народнаго блага. Некто не вѣривъ этимъ стenanіямъ, но, прислушиваясь къ нимъ, мѣстное купечество считало Кашинцева человѣкомъ оборотистымъ и съ большой смекалкой. Въ управѣ про него говорили, что онъ отличается необычайной разсѣянностью и путается, гдѣ онъ сидитъ: не то въ канцеляріи земскаго начальника, не то въ земской управѣ. Дѣйствительно, съ первыхъ шаговъ своей земской работы Кашинцевъ внесъ въ управскую среду новый тонъ и новые приемы. Съ мелкими служащими управы онъ здоровался небрежнымъ кивкомъ головы, по утрамъ встрѣчалъ ихъ съ часами въ рукахъ и, въ довершеніе всего, завелъ „черную доску“, на которую записывались фамиліи опоздавшихъ на службу. Сторожей онъ допекалъ требованіями чистоты и порядка: неукоснительно слѣдилъ, чтобы въ зданіи управы не менѣе двухъ разъ въ недѣлю мыли полы, чтобы каждый день стирали пыль, отворяли форточки, вытряхивали половики. Стоговъ не вѣшивался въ эти мелочи, но перой говорилъ съ усмѣшкой:

— Ей-Богу, не знаю, кто изъ насъ предсѣдатель: Кашиинцевъ или я?

По сейчасъ онъ былъ взбѣшенъ до самозабвенія. Столкнувшись съ Кашиинцевымъ въ канцеляріи, онъ такъ и набросился на него:

— Андрей Ардадьонычъ, зачѣмъ вы отдали приказаніе не пускать мужиковъ въ общую?

— Нанакостять, хладнокровно отвѣчалъ тотъ.

— Чтобы впредь этого не было!

— Но позвольте, Михаилъ Семенычъ..

— Дайте мнѣ сказать то, что я нахожу нужнымъ. Мы должны сговориться, должны понять другъ друга, потому что иначе совмѣстная работа невозможна. Поймите, что мы не имѣемъ права третировать мужика, потому что онъ здѣсь хозяинъ, а не мы. Мы только его довѣренныя, его приказчики, и мы ни въ какомъ случаѣ не смѣемъ обнаруживать презрѣніе къ нему!

— Ага! Господиу мужику наше нижайшее! проговорилъ съ усмѣшкой Кашиинцевъ.

Стоговъ уже овладѣлъ собой и въ томъ же тонѣ, съ иронической усмѣшкой, отвѣтилъ:

— Да, именно такъ. И въ кругъ этого „почтенія“ входитъ мое непремѣнное требованіе, чтобы людей не заставляли мокнуть подъ дождемъ изъ-за соблюденія какой-то чистоты...

— Къ сожалѣнію, я принужденъ буду уступить вамъ въ этомъ вопросѣ, сказалъ Кашиинцевъ.—Моя позиція не либеральна, и потому...

— Эхъ, Андрей Ардадьонычъ! замѣтилъ уже окончательно „уходившійся“ Стоговъ:—иной безпорядокъ подчасъ лучше порядка!

— Нѣтъ, я съ вами не согласенъ, возразилъ Кашиинцевъ, и въ его глазахъ блеснули злые огоньки.—Безпорядокъ всегда вреденъ, особенно въ дѣлахъ. Я, съ своей стороны, какъ членъ управы, тоже могу вамъ кое-что сказать о безпорядкахъ. Я, напримѣръ, совершенно не знаю, на какія суммы вы будете устраивать всѣ эти сельско-хозяйственныя академія, опытные поля и прочую агрономическую чепушенцію...

— Изъ неиспользованныхъ кредитовъ на бѣляевскую школу, нѣсколько смущенно отвѣтилъ Стоговъ.—И я думалъ...

— Вотъ это, по моему—вредный безпорядокъ. А мостъ въ Аваньинѣ?

— На мостъ найдутся остатки отъ кредитовъ. Я уже говорилъ съ бухгалтеромъ.

— Да, но этотъ мостъ будетъ стоить пять тысячъ.

— Дешевле каменнаго моста нельзя построить.

— Но зачѣмъ имъ каменный, скажите, пожалуйста?

— Потому что тамъ въ половодье большой размывъ, и деревянные мосты свосить каждый годъ. Вы это не хуже меня знаете.

— Пусть разбираютъ мосты передъ половодьемъ. Вообще, пусть тамъ, какъ хотять, обходятся... Да и вообще мнѣ нѣ это наплевать. Я хочу только указать, что такую постановку дѣла я считаю нераціональной и вредной. Да-съ! Разъ по смѣтѣ строительной комиссіи указано строить деревянный мостъ—мы и должны строить деревянный, не вдаваясь въ философію. Если по стропельнымъ кредитамъ будутъ проведены ассигновки, такъ стройте господину мужику хоть оранжереи, хоть гимнастическія залы—но по существу я подобную дѣятельность считаю вредной.

Стоговъ нахмурился.

— Я не нахожу нужнымъ загонять жизнь въ графы бухгалтерскихъ книгъ. Что жизнь требуетъ въ данный моментъ—то я и дѣлаю. Пока мы стоимъ у власти, мы должны сдѣлать, какъ можно, больше.

— Но въ предѣлахъ смѣты! вѣско я наставительно произнесъ Кашинцевъ.—Конечно, вся тяжесть ответственности падаетъ на председателя управы, но и мы, члены—нельзя сказать, чтобы мы вовсе были не при чемъ. И если я не становился поперекъ всеѣмъ этимъ затѣямъ, то просто потому, что не хотѣлъ ссориться...

— Да, я вижу, намъ съ вами не спѣться, Андрей Ардалыонычъ, задумчиво сказалъ Стоговъ.—И я жалѣю объ этомъ. Наше земское дѣло—это такое большое дѣло, святое даже...хоть и стыдно говорить такія слова сейчасъ. Мнѣ больно видѣть, какъ это дѣло страдаетъ изъ-за мелкихъ счетовъ, изъ-за личныхъ обидъ, изъ-за небрежности... Да мало ли изъ-за чего! И если мы даже оставимъ въ покоѣ „господина мужика“, заботы о которомъ такъ возмущаютъ васъ, и будемъ разсматривать экономическую сторону вопроса, то и тогда мы окажемся не на высотѣ призванія. Вѣдь передъ государствомъ мы все же не болѣе, какъ управляющіе и приказчики по народному хозяйству. И, если мы плохо ведемъ дѣло, если нашъ уѣздъ будетъ страдать отъ бездорожья, безхлѣбья, а бухгалтерскія книги будутъ въ образцовомъ порядкѣ—то неужели мы можемъ сказать, что по совѣсти исполнили нашъ долгъ? Вотъ и хотѣлось бы найти людей, которые подходили бы къ этой работѣ не съ требованіями формализма, а попросту, по совѣсти.

— Вы идеалистъ, Михаилъ Семенычъ, и, извините, человекъ отсталый. Земство теперь уже утратило свои идейныя заданія и силою вещей обратилось въ чисто экономическій аппаратъ. Теперь земство—крупная общественная „латифундія“, и именно потому-то и важно планомѣрное и педантично-аккуратное веденіе земскаго хозяйства. И

скажу вамъ, что земскій дѣятель, приказчикъ, управляющій—педантично-аккуратный дѣлецъ—будетъ болѣе полезнымъ, чѣмъ мечтатель, хотя бы и одушевленный самыми благими намѣреніями.

— Ну, объ этомъ, Андрей Ардаліонычъ, мы съ вами не будемъ спорить, отозвался Стоговъ.— Это бесполезно. Но, по-моему, намъ все-таки нужно играть въ тонъ другъ другу, а не идти врозь, кто куда. Впрочемъ, мы съ вами люди разные, и намъ спѣться трудно.

И съ этими словами Стоговъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, крайне недовольный собой и всей этой сценой.

— Фу, чортъ! думалъ онъ, краснѣя до корней волосъ:—какого я дурака сваялъ—налетѣлъ на него, а обернулось дѣло такъ, что онъ распекалъ меня, какъ мальчишку, а я не могъ... не могъ осадить его, потому что со своей формальной точки зрѣнія онъ правъ былъ, тысячу разъ правъ...

Дверь тихо скрипнула.

— Кто тамъ? спросилъ недовольнымъ голосомъ Стоговъ.

— Это я, Михаилъ Семенычъ, сказалъ Саша Трухановъ, входя въ кабинетъ. — Ужъ извините, побезпокою на нѣсколько словъ.

— Что такое?

— Да ужъ не такъ, чтобы очень хорошее. Плохи дѣла, Михаилъ Семенычъ, честное слово, плохи!

— Да ты насчетъ чего?

— Насчетъ всего, Михаилъ Семенычъ. Раздразнили вы ихъ всѣхъ. Сами виноваты. Вотъ они и пошли вездѣ копать. И ваши питомники себѣ на усъ намотали и про бѣляевскую школу разнюхали.

— Знаю! махнулъ рукой Стоговъ:—еще и мостъ въ Ананьинѣ прибавь.

— Ахъ, уже и мостомъ васъ шмякнули! Ишь, проворные какіе!

— Эхъ, Саша, мерзко все это! Знаю, что и руки и совѣсть у меня чисты. А какъ столкнусь съ ними—пасую. Чувствую, что съѣдятъ они меня.

— Обстрѣляетесь, привыкнете, съ улыбкой отозвался юноша.— Собака, ежели впервой волка почуетъ, хвостъ подожметъ. А потомъ, глядишь, волка за бока хватаетъ.

— Плохо это, Саша, если въ нашемъ дѣлѣ звѣриный обиходъ заведется. Думается, что въ нашемъ дѣлѣ волчьи повадки какъ будто не у мѣста.

— А вотъ погодите, волковъ, Богъ дастъ, одолѣемъ; тогда и по-людски заживемъ. Нельзя все сразу, Михаилъ Семенычъ. А пока скажу вамъ опять: будьте осторожныѣ. Пользы отъ всѣхъ этихъ ссоръ

не наживешь, а вреда онѣ, сколько угодно, могутъ надѣлать. Бы-то всего не знаете, вамъ многого наскажутъ, а я-то вездѣ толкаюсь и всякую всячину слышу. Пуще всѣхъ Федика нашъ, лѣшій, старается. Потомъ еще рыжій этотъ...

— Кто еще?

— Да агрономъ-то нашъ. Охъ, какую они вамъ ямину роютъ!

— Ну, что жъ, Господь съ ними. Пусть роютъ, а я все-таки пойду своей дорогой. Только столкнуть меня въ яму не такъ-то легко.

Саша насмѣшливо прищурилъ бойкіе сѣрые глаза.

— Вы думаете? Охъ, Михайлъ Семенычъ, и столѣтніе дубы валятся! А вы только боровковъ нашихъ не дразните, тогда они подъ васъ и подрываться не станутъ. А я къ вамъ вотъ еще насчетъ чего: вы, Михайлъ Семенычъ, съ обѣдомъ-то вашему предмѣстнику, Алексѣю Рафаилычу, нехорошо затянули...

— Я-то при чемъ? Пусть обѣдаютъ. Ничего противъ не имѣю.

— Видите, Овцынъ сегодня былъ у Алексѣя Рафаилыча. Просилъ платежи за кирпичъ отсрочить. Алексѣй Рафаилычъ ему сказалъ, что онъ на всѣ дѣла по заводу полную довѣренность своему управляющему выдалъ, а самъ ничего не знаетъ, и въ скорости ѣдетъ барскія кости отъ мужицкой работы за границей лечить. Такъ выходитъ, что съ обѣдомъ поспѣшить надо. Меня къ вамъ по этому дѣлу и послали.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Давайте обѣдать. Хоть въ эту субботу.

— Плохо, что передъ двадцатымъ. Ни у кого денегъ нѣтъ.

— Пустите листъ. За кого нужно, я внесу.

— Охъ, Михайлъ Семенычъ! Милліонеръ вы!

— Ничего, на нихъ хватить.

— Я сейчасъ пойду, скажу Кашиинцеву и Максutowу, что вы ихъ къ себѣ просите насчетъ обѣда сговориться.

— Къ чему, Саша? Пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ.

— Нехорошо, Михайлъ Семенычъ. Скажутъ, что вы задаетесь и сторонитесь.

— Ну, ладно, пусть идутъ. Охъ, до чего все это надоѣло!

Черезъ нѣсколько минутъ къ нему явился Кашиинцевъ и Максutowъ, веселые, оживленные, какъ будто не было никакой бури, никакихъ непріятныхъ инцидентовъ. Съ интересомъ стали обсуждать вопросъ объ устройствѣ обѣда, который вносилъ пріятное разнообразіе въ сѣрую скуку обыденныхъ дней.

Обѣдъ состоялся въ первую же субботу. Къ назначенному часу всѣ служащіе управы собирались у Иванихи и съ видимыхъ удовольствіемъ поглядывали на длинный парадно сервированный столъ. Старались быть

веселыми, развязными, но все-таки какъ-то пугливо жались въ уголь, сбившись въ кучу. То и дѣло поглядывали на закусочный столъ, но сейчасъ же конфузливо отводили глаза, дѣлая видъ, что они и не помышляютъ смотрѣть на аппетитныя, рѣдкія для нихъ кушанья и деликатессы, на вереницу бутылокъ и графинчиковъ. Разговоръ не клеился. Выручалъ только старичокъ-бухгалтеръ, который подробно и обстоятельно рассказывалъ сослуживцамъ о вчерашней партіи преферанса, о томъ, какія карты были у него на рукахъ, какія у партнеровъ, кто ремизился, кто сердился изъ-за проигрыша. Его слушали съ преувеличеннымъ вниманіемъ, радуясь, что этотъ разговоръ даетъ возможность чувствовать себя свободно.

Всѣмъ этимъ бѣднякамъ, робкимъ, плохо одѣтымъ, обремененнымъ семей—страстно хотѣлось казаться сытыми, довольными, независимыми. И подчасъ ихъ напускной задоръ былъ болѣе трогательнымъ, чѣмъ смѣшнымъ. Всѣ они принарядились, какъ могли: при затрепанныхъ, убогихъ костюмчикахъ, бѣльѣ „монополь“, на нихъ пестрѣли яркіе, пышные галстуки, булавки со стразами, блестящія запонки. Дѣлопроизводитель Буташевъ прохаживался отъ окна до окна, распахнувъ сюртукъ для того, чтобы былъ виденъ его сиій вельветиновый, съ бѣлыми крапинками, жилетъ. Всѣ въ городѣ знали, что пріобрѣтеніе Буташевымъ этого жилета ознаменовалось крупнымъ семейнымъ скандаломъ. Супруга Буташева, Любовь Ивановна, особа воинственная и рѣшительная, не разъ говаривала, что когда-нибудь изрѣжетъ въ кусочки этотъ проклятый жилетъ, изъ-за котораго ей пришлось мѣсяцъ безъ ботинокъ ходить. Буташевъ, зная воинственный нравъ своей супруги, понималъ, что эти слова—не пустая угроза. Поэтому онъ отдавалъ свой жилетъ на сохраненіе холостымъ пріятелямъ. Цѣлыя легенды ходили по городу о буташевскомъ жилетѣ. Рассказывали, что Буташевъ, приглашенный на именины, отпирался къ тому изъ пріятелей, у котораго жилетъ находился на сохраненіи. Не заставъ пріятеля дома, онъ обѣгалъ полгорода и, наконецъ, рѣшилъ пойти на именины въ черномъ жилетѣ. Когда онъ пришелъ на именины, то увидѣлъ тамъ вѣроломнаго пріятеля и—къ своему негодованію—въ его, Буташева, жилетѣ! Буташевъ сначала зло и ядовито попрекнулъ его, но къ концу имениннаго пира, когда всѣ подвыпили, сталъ настойчиво требовать, чтобы тотъ снялъ жилетъ. И такъ разбушеваясь, такъ кричалъ и топалъ ногами, что пріятелю пришлось-таки снять чужой жилетъ. Исторія разнеслась по городу, и за легкомысленнымъ управскимъ франтомъ бѣгали мальчишки и кричали: „сними жилетъ, сними жилетъ!“, что доводило его до бѣшенства. Послѣ этого случая Буташевъ пересталъ довѣрять пріятелямъ. За пять рублей въ годъ онъ навѣялъ имъ почти несгораемый ящикъ и, по минованіи надобности, собственноручно от-

носилъ туда свой жилетъ, находя это хранилище болѣе надежнымъ, чѣмъ частныя руки.

Всѣ уже были въ сборѣ и ждали только Алексѣя Рафаиловича. Асторскій, по обыкновенію, перебѣгалъ отъ одной группы къ другой, прислушивался къ разговору, иногда вставлялъ нѣсколько словъ. Замѣтивъ кого-нибудь стоявшимъ въ одиночествѣ, подкрывался къ нему, бралъ подъ-руку и начиналъ что-то нашептывать.

— Шепотники и клеветники не выйдутъ въ царствіе небесное! проговорилъ Неустроевъ, искоса поглядывая на Асторскаго.

— Кто? Федька-то не выидетъ? разсмѣялся Беркуловъ:—будь спокоенъ, раньше насъ съ тобой туда втиснется.

Среди собравшихся чувствовалось томленіе. Оно увеличивалось съ каждой минутой ожиданія, особенно при взглядѣ на накрытый столъ. И потому общая радость при появленіи Тристорова была, несомнѣнно, искренней. Его привѣтствовали шумными возгласами, а онъ съ сіяющей улыбкой раскланивался на всѣ стороны. Всѣ гурьбой двинулись къ закусочному столу, загудѣли довольные голоса, послышался смѣхъ.

Къ Стогову подошелъ Кораблевъ, сегодня менѣе блѣдный и слабый, чѣмъ всегда, и, чокаясь съ нимъ, проговорилъ:

— Здравье царствующаго!

— Какое тамъ „царство“, Василій Николаичъ! Такъ заѣли, что, ей-Богу, житья нѣтъ!

— Мнѣ нужно съ вами кое-о чемъ поговорить, Михаилъ Семенычъ, да все какъ-то не приходилось. Я такъ себя плохо чувствую, что за послѣднее время даже въ городѣ рѣдко бываю.

— Отдохнуть бы вамъ нужно, мягко и осторожно замѣтилъ Стоговъ.

— Вотъ, вотъ, по этому-то поводу я и хотѣлъ съ вами поговорить. У васъ въ управѣ была Варя... моя невѣста, Варвара Петровна, и она...

— Помню, сказалъ Стоговъ.— Охъ, ужъ и раздѣлала же она меня и земство! Но у нея это такъ хорошо, искренне вышло...

— Мнѣ хотѣлось бы объяснить вамъ ея поступокъ. Не судите ее строго, Михаилъ Семенычъ. Какъ женщина, она не можетъ смотрѣть на вещи вполне объективно. Въ свою жизненную формулу она совершенно спокойно, вмѣсто „идеи“, подставляетъ „личность“, и ей кажется, что сущность формулы не измѣняется. И, конечно, въ данномъ вопросѣ я не солидаренъ съ ней. Она дѣйствовала помимо меня, въ этомъ даю вамъ слово.

— Я въ этомъ ни минуты не сомнѣвался.

— А мнѣ больно, что она придала всему дѣлу такую непріятную окраску. Конечно, съ извѣстной точки зрѣнія, всякая идея жестока, потому

что она не признаетъ уклоненій и компромиссовъ. Но, тѣмъ не менѣе, квалификація нашей земской работы „жестокостью“ для меня звучитъ рѣзко и даже оскорбительно. Изъ-за этой ея выходки мы съ ней долго ссорились. И если бы даже я хотѣлъ уйти изъ земства, то послѣ этого—ни за что не уйду!

— А я васъ уволю, засмѣялся Стоговъ.

— А я все-таки не уйду. Конечно, я не прочь бы отдохнуть, сказалъ молодой врачъ.—Хотѣлось бы поѣхать куда-нибудь въ санаторію, подлѣчиться, набраться силъ. Но трудно оторваться отъ дѣла. Какъ ни бранять нашу земскую медицину, все-таки въ нее втягиваешься. Бездна живого матеріала! Работашь—растетъ опытъ и знанія. И въ то же время затягиваетъ острая жалость. Все время горишь, какъ въ огнѣ! А потомъ вѣдь—жить нужно, работать нужно... Не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ...

Разговоръ прервался, такъ какъ всѣ пошли къ столу. Беркуловъ шепнулъ Стогову:

— Вмѣстѣ сядемъ, Миша. Безъ тебя мнѣ тошно будетъ!

Шумно разсаживались по мѣстамъ, а лакеи уже разносили жиденькое „консоме“ въ чашкахъ, пирожки. Вскорѣ поднялся бухгалтеръ Карлъ Карлычъ для произнесенія привѣтствія. Онъ откашлялся, поправилъ очки на носу, вынулъ изъ кармана бумажку и сталъ читать: „Достоуважаемый Алексѣй Рафаиловичъ! Всѣ мы, здѣсь собравшіеся на дружескій обѣдъ, привѣтствуемъ васъ, какъ полезнаго дѣятеля, добраго товарища и рѣдкаго человѣка. Ваша трудовитость“...

— „Трудовитость“ по-русски не говорятъ! громко замѣтилъ кто-то.

— Онъ смѣшалъ съ „плодовитостью“! послышалось въ отвѣтъ.

Ораторъ метнулъ въ ту сторону недовольный взглядъ и продолжалъ:

... „гуманность и отзывчивость привлекли къ вамъ общую любовь. Работать подъ вашимъ руководствомъ на нивѣ народной было для насъ глубокимъ наслажденіемъ. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія мы нынѣ прощаемся съ вами, но образъ вашъ еще долго будетъ жить въ нашихъ сердцахъ. Пью за ваше здоровье, приношу вамъ самыя теплыя чувства тѣхъ, кто работалъ рука объ руку съ вами, и привѣтствую васъ русскимъ „ура“!!

Раздались жиденькіе аплодисменты. Алексѣй Рафаиловичъ кланялся, прижимая руку къ сердцу, и всѣми силами старался показать, что онъ смущенъ и растроганъ. Тотъ конецъ стола, гдѣ расположились мелкіе служащіе управы, упорно состоялъ въ оппозиціи общему ликованію. Оттуда слышались хихиканье и ядовитыя замѣчанія.

— Господа, торопливо сообщалъ кто-то:—я сегодня старую лисицу видѣлъ.

— А ты почему знаешь, что она старая?

— Зубовъ у нея нѣтъ, и въ очкахъ ходитъ. А хитрая, шельма, хоть и старая! Такъ хвостомъ и вертитъ! доканчивалъ остроумецъ при общемъ смѣхѣ.

— Это она свою „трудоѣдность“, показывать, сострѣлъ Бутащевъ, но его острота пропала даромъ, такъ какъ вниманіе присутствующихъ обратилось на только что внесенную огромную рыбку. Украшенная пестрыми, желто-малиновыми узорами, она покоилась въ рамкѣ изъ гарнира, во рту у нея былъ пучокъ зелени, а на головѣ—вырѣзанное изъ моркови сердце, украшенное вѣночкомъ изъ той же зелени. Сразу замолкли праздноголаголющія уста, и помыслы устремились къ рыбѣ. Забыты были и тщеславіе, и самолюбіе, и горечь мелкихъ обидъ—все поглотила рыба подъ провансальемъ!

— Ну-ка, Миша, скажи, что болѣе властвуетъ надъ жизнью: мозгъ или желудокъ? шепнулъ Стогову Беркуловъ.

— Все-таки мозгъ! отвѣтилъ Стоговъ.—Власть желудка—временная. Съѣдятъ рыбу—и власти этой конецъ. Захочется чего-нибудь другого.

— А все-таки, чортъ се возьми, дѣйствительно вкусная штука, произнесъ Беркуловъ, накладывая себѣ порядочный кусокъ.—Въ сущности, мало кто изъ присутствующихъ можетъ доставить равноцѣнное духовное удовольствіе!

Алексѣй Рафаиловичъ озирался кругомъ съ плохо скрытой безглаголивостью. Онъ чокался со всѣми, кто къ нему подходилъ, кланялся и улыбался въ отвѣтъ на привѣтствія, какъ кукла на пружинахъ. Онъ почти съ ужасомъ смотрѣлъ на тѣхъ, кто, по простотѣ, ѣлъ рыбу ножомъ, или слизывалъ съ ножа соусъ. И впечатлѣніе было такъ сильно, что онъ даже не могъ ѣсть. Два раза принимался за рыбу и, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ положилъ вилку и откинулся на спинку стула.

— Алексѣй Рафаиловичъ, вамъ не нравится? освѣдомился Кашинцевъ.

— О, нѣтъ, рыба хороша. Но... но я не могу ѣсть!

— У васъ аннетитъ отбили, да? тихонько спросилъ его Максutowъ.

— Съ непривычки трудно.

Тристовъ кивнулъ головой и сказалъ тихонько:

— Я думаю, знаете, что на такихъ обѣдахъ все-таки слѣдовало бы раздѣлять публику. Или, по крайней мѣрѣ, какъ-нибудь внушить этимъ... чтобы они ѣли прилично! Вѣдь это же ужасъ, что такое! проговорилъ онъ, обводя глазами сидящихъ за столомъ.

Кашинцевъ сочувственно закивалъ головой. Затѣмъ онъ, не торопясь, всталъ, громко постучалъ вилкой о тарелку и всѣмъ корпусомъ откинулся назадъ, принявъ горделивую и эффектную позу. Всѣ

замолчали, и, вмѣсто оживленнаго говора, слышалось только чавканье жующихъ челюстей. Внимательно оглядываясь, Кашицевъ началъ:

— Милостивые государи! Позвольте и мнѣ, вашему новому товарищу и сотруднику, сказать нѣсколько словъ по поводу сегодняшняго торжества. Вотъ мы всѣ...собрались сюда. Я признаю это за крайне отрадное явленіе, ибо вижу въ этомъ симптомъ...какъ бы это сказать?...видимый симптомъ того невидимаго единенія, которое соединяетъ насъ всѣхъ. А такъ какъ въ единеніи—сила, то мы всѣ представляемъ собою силу! И въ томъ, что мы такъ дружно собрались проводить нашего Алексѣя Рафаиловича, я вижу залогъ того, что мы...мда...мы и впредь будемъ столь же солидарны во всемъ, что касается нашихъ ближайшихъ задачъ. И потому пью за здоровье и за благополучное путешествіе нашего достоуважаемаго Алексѣя Рафаиловича! Ур-ра-а!

Послѣднія слова своей рѣчи ораторъ произнесъ съ такимъ одушевленіемъ, что заставилъ забыть о крайне туманномъ содержаніи его рѣчи. Только со стороны „оппозиціи“ слышались насмѣшливыя замѣчанія:

— „Видимый симптомъ невидимаго единенія“! Вотъ такъ штука! Сразу не раскусишь. Можно сказать, за вкусъ не ручаюсь, а горячо будетъ. Ужъ нашъ „земскій“ за себя постоитъ!

Всталъ для привѣтственной рѣчи и Саешниковъ. Не рѣчистъ онъ былъ и въ трезвомъ видѣ, а теперь уже порядкомъ охмѣлѣлъ. Языкъ настолько плохо слушался хозяина, что въ его рѣчи нельзя было доискаться никакого смысла. Но это невнятное бормотанье только усилило общую веселость.

— М...м...милостивые господа! съ усиліемъ выговорилъ ораторъ, качая головой и обводя присутствовавшихъ посоловѣлыми глазами:— Всѣ мы здѣсь собравшіеся въ видахъ этого самаго...просвѣщенія...да! И потому какъ мы, значить, добра жалаемъ и всяческой пользы...и вообще прочее...

При этихъ словахъ ораторъ громко икнулъ, что вызвало смѣхъ.

— Уймите его! съ раздраженіемъ сказалъ Алексѣй Рафаиловичъ.

— Вѣдь это же безобразіе!

— Чаво, черти, ржете? Нѣшь я кончилъ? проговорилъ Саешниковъ, утирая ротъ рукавомъ и съ удивленіемъ прислушиваясь къ общему хохоту.—Я вотъ только хотѣлъ сказать, что...припоздали мы съ обѣдомъ-то...Такъ штрахву съ насъ надо содрать! Надо съ насъ, ракальевъ, два обѣда взять! Нѣшь Алексѣй Рафаилычъ двухъ обѣдовъ не стоитъ, ась?

Тристовъ подозвалъ къ себѣ лакея и что-то шепнулему. Тотъ подошелъ къ Саешникову и, взявъ его за локти, старался усадить на мѣсто. Онъ упирался и обнаруживалъ наклонность побуянить:

— Ты чаво меня нагибаешь? А? Что я тебѣ, несмысленнышъ? Вотъ какъ дамъ тебѣ, сукиному сыну, по рожѣ! бормоталъ онъ, но скоро прилежъ на уголъ стола, и его осовѣлыя вѣки сомкнулись. Лакеи съ необыкновеннымъ проворствомъ выхватывали тарелки, чуть только кто-нибудь заговорится и перестанетъ ѣсть. Еще не собраны были тарелки послѣ жаркого, какъ уже несли пирамиды разноцвѣтнаго мороженаго и бокалы съ шампанскимъ.

Беркуловъ наклонился къ Стогову и сказалъ:

— Михаилъ, а ты что же ничего не скажешь?

— Не хочется.

— Брось. Скажи разумное человѣчье слово! А то вѣдь кругомъ Валамова скотинка ораторствуетъ. Ей-Богу, тошно, душа горить!

Стоговъ улыбнулся.

— Сказать то, что хотѣлось бы—нельзя. А такъ, сотрясать воздухъ—не стоитъ. Да и пьяны все здорово.

— Сдѣлай опытъ, друже, не унимался Беркуловъ.—Узнай, есть ли въ тебѣ нѣчто отъ „святого огня трибуна“! Узнай, есть ли у тебя тотъ кнутъ, которымъ ты можешь подщелкивать человѣческое стадо. Испытай, можетъ ли твое слово быть тѣмъ бичомъ разящимъ, отъ котораго даже пьяные опомнятся и встрепенутся.

Стоговъ задумался. Улыбка сбѣжала съ его лица, и стало оно серьезнымъ, сосредоточеннымъ. Точно прислушивался онъ къ чему-то, что нарастало въ его душѣ, точно вызывалъ въ памяти владѣвшія имъ видѣнія и грезы...И, наконецъ, всталъ, замѣтно взволнованный, нервно комкая салфетку.

— Алексѣй Рафаиловичъ, спокойно и просто началъ онъ.—Мнѣ, занявшему ваше мѣсто, труднѣе всехъ привѣтствовать васъ, говорить вамъ трескучія хвалебныя рѣчи. Да и нужно ли это? Дѣйствительно ли нужна и вамъ, уходящему отъ насъ, и намъ, остающимся—эта привычная, традиціонная шумиха застольныхъ тостовъ? Не нуждаемся ли мы скорѣе въ иномъ словѣ, болѣе дружескомъ, простомъ и сердечномъ? Въ томъ словѣ, которое помогло бы намъ оглянуться на то, что насъ окружаетъ, сознать свои ошибки и приложить силы къ тому, чтобы постараться избѣгнуть ихъ въ будущемъ...Мы съ вами три года работали вмѣстѣ. Дѣлали, что могли и какъ умѣли. И, по совѣсти говоря, мы не можемъ сказать, чтобы все сдѣланное нами было безупречно хорошо. Были ошибки, недочеты, упущенія, какъ и во всехъ дѣлахъ людскихъ. И вотъ мы сейчасъ сидимъ все здѣсь—сытые, довольные, веселые. Сидимъ за нарядно-убраннымъ столомъ. Передъ нами—будущее. Это будущее—три года работы...И вотъ, когда я думаю объ этой работѣ, мнѣ сейчасъ представляется, что, пока мы съ вами сидимъ здѣсь и пьемъ, тамъ гдѣ-то—за дверью, подъ окнами, бро-

дять кто-то, обдѣленный и обиженный. Бродить какой-то призракъ.. Призракъ этотъ—Духъ Земли. Но не тотъ хитрый, ученый нѣмецкій Духъ, котораго намъ показывала литература, а нашъ русскій Духъ—голодный, изможденный, въ рубищѣ, съ сумой за плечами. Въ костлявыхъ рукахъ его что-то...нельзя даже сразу разобрать, что. Два кома какихъ-то, темныхъ, слежавшихся. Одинъ изъ этихъ комьевъ—комъ той-же земли, другой—комъ хлѣба, темнаго, плотнаго, похожаго на землю. Знаетъ онъ, этотъ Духъ, что мы, работники земли, собрались здѣсь, и ждетъ онъ отъ насъ заботы и попеченія. Истомился онъ, обезсилѣлъ, захудалъ. Помощь нужна ему. Ждетъ онъ отъ насъ мощныхъ порывовъ, честнаго труда—и всякую крупницу такого труда приметъ съ благодарностью и воздастъ за нее сторицею. Поможемъ же ему! Забудемъ все мелкое, личное, будемъ честно трудиться—и мы познаемъ счастье исполненнаго долга! Я поднимаю свой бокалъ за честный, доблестный трудъ на пользу истощенной осиротѣлой Земли!

Онъ взялъ бокалъ изъ рукъ официанта, залпомъ осушилъ его и сѣлъ. Беркуловъ молча пожалъ ему руку. Послѣ этой рѣчи не раздалось обычныхъ апплодисментовъ и неистовыхъ криковъ „ура“. Всѣ точно замерли на мгновение и смотрѣли на дверь, будто ожидая, что вотъ-вотъ она отворится, и станетъ передъ ними Духъ Земли Русской, приниженный и жалкій. Робѣя и путаясь, станетъ онъ просить у нихъ, довольныхъ и сытыхъ, того, что онъ могъ бы *требовать*...И всеми ощущалась какая-то смутная неловкость. Первымъ овладѣлъ собою, какъ свѣтскій человѣкъ, Тристановъ. Съ любезной улыбкой онъ подошелъ къ Стогову:

— Да вы поэтъ, Михайлъ Семенычъ! У васъ рѣдкій даръ. Вы нарисовали такую картину, что я и мы всѣ...

— Полноте, Алексѣй Рафаилычъ, проговорилъ Стоговъ, по обыкновенію, смущаясь.—Мнѣ стыдно, что меня прорвало...Покрасовался опять! И къ чему? Это все онъ меня подбиль, указалъ онъ на Беркулова.

— Нѣтъ, нѣтъ, прекрасно! Ваша рѣчь украсила весь нашъ обѣдъ...Довольно пошлый, если сказать правду, шопотомъ договорилъ Тристановъ.—Нѣтъ, благодарю, мнѣ не нужно, сказалъ онъ лакею, обносившему мороженымъ. И, на вопросительный взглядъ Кашинцева, пояснилъ:

— Я мороженое ѣмъ только дома.

— Почему? съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ Стоговъ.

— Да такъ...Мало ли какъ оно приготовлено, изъ чего... Можетъ быть, грязно...

— А я—наоборотъ, засмѣялся Беркуловъ.—Я ѣмъ, гдѣ угодно, только не дома. Въ домашнемъ мороженомъ рѣдко бываетъ все

благополучно. То мало сахару, то мало ванили, то неожиданно попадаетъ соль, то, вмѣсто мороженаго, приходится ѣсть жиденькую сладкую похлебку...

Тристановъ нерѣшительно поднялся.

— Вы меня простите, тихо сказалъ онъ, — но мнѣ нужно домой. Я на-дняхъ уѣзжаю за границу, такъ у меня дѣла пропасть... Но я хочу исчезнуть незамѣтно, ни съ кѣмъ не прощаюсь... До свиданія, господа! Благодарю васъ за вниманіе, а васъ, Михайлъ Семенычъ, за прекрасную рѣчь!

Онъ тихо, украдкой, пожалъ имъ руки и вышелъ. Обѣдъ кончился. Всѣ стали курить, разбѣлись на группы. Беркуловъ, прихлебывая красное вино, рассказывалъ:

— Знаете, когда я кончилъ университетъ, то попалъ на службу въ N-скую больницу. Край захолустный, дикій, докторовъ боятся хуже смерти. Знахарство тамъ, наговоры всякіе процвѣтали. И вотъ была тамъ одна старуха. Удивительная пророчица, ей-Богу. Многое она предсказывала, и вѣрно. Предсказала холеру, скотскій падежъ, пожаръ и еще тамъ что-то. Но предсказывала она только дурное. Ея боялись, считали не то колдуньей, не то порченой, ублажали, чѣмъ могли, чтобы она не „накликала“. Я признаться, думалъ, что эта старуха — просто шельма. Разспрашивалъ ее. Она дичилась, но говорила про свое предвидѣнье, что „не мое это. Находить на меня что-то, а какъ, почему — не знаю.“ Но дѣло не въ этомъ. Мнѣ всегда казалось, что эта деревенская Бассандра должна быть очень несчастной. Вѣдь она жила въ вѣчномъ трепетѣ ожидаемаго несчастія. И вотъ я думаю, что и ты, Михайлъ — ты такъ же несчастенъ, какъ эта старуха!

— Я? Съ чего ты взялъ? удивился Стоговъ.

— Мнѣ кажется, что ты видишь дальше другихъ. И видишь, какъ и та, только грозу ожидаемыхъ несчастій. Ну, это и тяжело! Охъ, не хочу я больше этой кислятины! Послушай, дружокъ, дай-ка намъ коньяку, обратился онъ къ лакею.

— И кофе прикажете?

— Къ чорту кофе, давай коньяку. Да смотри, не горлодеръ кавказскій, а самого „финь-шампанистаго“ дай! Бархатнаго!

— Эхъ, Петръ, не нужно бы! сказалъ Стоговъ.

— Какъ не нужно? Коньякъ завсегда нуженъ! неожиданно поднялъ голосъ Сяешниковъ, который сидѣлъ и клевалъ носомъ, но, услышавъ слово „коньякъ“, вострепнулся, какъ боевой конь при звукахъ знакомаго сигнала.

— Вотъ она, истинно-русская душа! воскликнулъ Беркуловъ. — Ужъ этотъ ничего не видитъ, не слышитъ, но насчетъ коньяку — всегда готовъ! Правда, Гурьяша?

— Истинная правда, Петръ Николаичъ. Мы насчетъ коньяку всегда готовы себя оказать. А еще лучше, ежели водочки...

— Ну, это, братъ, дудки! Водку послѣ обѣда не пьютъ.

Когда принесли бутылку коньяку, Беркуловъ хотѣлъ налить Стогову, но тотъ отказался:

— Пить, пить, мнѣ не нужно. Я больше не буду пить.

— Ну, и чортъ съ тобой, коли такъ! Мы и съ Гурьяшей выпьемъ. Правда?

— Истинное слово, Петръ Николаичъ! Господи! Да неужто жъ мы...

— Михайлъ, не хочешь коньяку, такъ хоть красенькимъ винцомъ поливайся. Оно и время ведетъ и осѣждаетъ!

Отодвинули поданныя лакеемъ рюмки и стали пить коньякъ изъ винныхъ стаканчиковъ. Неслышной походкой къ нимъ подошелъ Асторскій.

— Хорошо это, господа? укоризненно произнесъ онъ.— Какой примѣръ для малыхъ сихъ! И онъ указалъ на управскихъ служащихъ, которые расположились на концѣ стола, забрали себѣ недопитыя бутылки и съ хохотомъ и пьянымъ галдѣньемъ пили все, что попадетъ: портвейнъ, рябиновку, ликеры, водку... Беркуловъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на нихъ:

— Малые сидятъ и безъ нашего руководства сосутъ, какъ дай Богъ большымъ. А тебѣ, Федя, что за печаль? Что ты: классный наставникъ, или мадамъ въ пансіонѣ безъ древнихъ языковъ?

— Петръ! не утерпѣлъ Стоговъ.—Что за шутки!

— Петръ Николаевичъ—широкая русская натура, и потому во всемъ позволяетъ себѣ лишнее, замѣтилъ Асторскій.

— Въ чемъ же это „во всемъ“?

— Да такъ, во всемъ... И въ шуткахъ, и въ употребленіи алкоголя, и...

— Въ чемъ же еще? не унимался Беркуловъ.

— Ну, и въ работѣ тоже.

— Какъ это въ работѣ?

— А такъ... Взять хотя бы вашу частную практику...

Беркуловъ маленькими глотками потягивалъ коньякъ и, прищурившись, смотрѣлъ на Асторскаго. Смѣялись его глаза зло и безпощадно, и отъ ихъ усмѣшки смутился Асторскій, думавшій смутить другихъ. Настала минута молчанія. Беркуловъ допилъ коньякъ, зѣвнуль, потянулся и усталымъ голосомъ сказалъ Асторскому:

— Федя, будь другомъ, наклонись! Дай уши пощупать!

— Это еще что такое?

— На взглядъ они у тебя холодныя, но я могу ошибаться! Асторскій вспыхнулъ густымъ румянцемъ.

— Ваши шутки, господинъ Беркуловъ, переходятъ всякія границы дозволеннаго!

— Какія шутки? Я вовсе не шучу. Мы всё здорово накачались, и у всѣхъ у насъ уши горячія, красныя! Вонъ у Мишки—такъ и горять. А вы—трезвенникъ. Хлебнули, сколько полагается на официальныхъ обѣдахъ — и стопъ! И вотъ мнѣ интересно пощупать трезвыя уши: холодныя они, или нѣтъ?

— Я бы покорнѣйше попросилъ васъ, Петръ Николаевичъ, оставить мои уши въ покоѣ, съ раздраженіемъ сказалъ Асторскій и направился къ выходу. Стоговъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покачалъ головой.

— Напрасно ты его, Петръ, дразнишь. Нехорошо.

— Противенъ онъ мнѣ. Думалъ, что только въ трезвомъ видѣ, а, оказывается, и въ пьяномъ душа не принимаетъ. Эхъ, Михайлъ, пора трогаться! Душить даже! Пойдемъ-ка, братья!

Они вышли, оставивъ за собой нестройный шумъ пьянаго разгула. Лакеи торопливо убирали со стола. Въ облакахъ голубого дыма всѣ лица казались усталыми, задумчивыми. Вяло, одно за другимъ, падали въ голубоватый сумракъ вялыя, ненужныя слова. Въ сосѣдней комнатѣ уже были приготовлены карточные столы. Туда потянулись всѣ, шатаясь и толкая другъ друга. Составлялись партіи въ стуколку, въ преферансъ. Нѣкоторые располагались на потертыхъ бархатныхъ диванахъ и засыпали мгновенно тяжелымъ, пьянымъ сномъ...

Торжественный день кончился.

Глава VII.

Послѣ духоты прокуренного трактирнаго зала, хорошо и вольно дышалось подъ темнымъ ночнымъ небомъ. Надвинулась легкая туча, и оттуда тихо падали нѣжныя звѣзды снѣжинокъ. А другія звѣзды, далекія, золотыя, казалось, трепетно таяли, дрожали на бархатѣ темнаго неба, вдали, на краю горизонта. Бросали на землю робкіе, золотые лучи, точно пытались разбудить въ людскихъ сердцахъ думы о вѣчности, о великихъ тайнахъ вселенной. Но люди, души которыхъ томятся въ плѣну земныхъ мечтаній, не любятъ смотрѣть на звѣзды. Онѣ будятъ въ нихъ думы слишкомъ тревожныя, слишкомъ большія для ихъ маленькихъ душъ...

Беркуловъ и Стоговъ молча шли по тихимъ, пустыннымъ улицамъ. Оба молчали. У каждого вставала въ сердцѣ вереница интимныхъ думъ, интимныхъ печалей, такихъ властныхъ и неотвизныхъ въ ночные часы! Ночью наши думы безстыдно касаются всего самаго тайнаго, глубоко схороненнаго въ сердцѣ, и несутъ въ сознаніе горь-

кіе, бесполезные укоры. И если человекъ не властенъ отогнать ихъ — его ждетъ тяжкая, бессонная ночь...

— Ты куда сейчасъ, Михайлъ?

— Прoberусь къ Артамонову, достану лошадей и поѣду домой.

— Брось, чего тебѣ ночью ѣхать?

— О, у меня тамъ такая музыка, что тошно дѣлается, какъ подумаю. Нашей свободой платимъ мы за миражъ любви!

— А мнѣ бы не хотѣлось сейчасъ разставаться съ тобой. Въ душѣ у меня что-то нехорошее творится.

— Выпалъ лишнее, вотъ и все.

— Такъ я развѣ спорю? Но въ такіе часы страшно одному оставаться. Въ такія минуты пьянаго раздумья можно, чортъ знаетъ, что сдѣлать. И стрѣляются и вѣшаются именно въ такія минуты...

— Ужъ не собираешься ли ты этакое колѣнце отмочить?

— Нѣтъ, твердо отвѣтилъ Беркуловъ. — Хотя *mors omnia sanat*, но я, какъ врачъ, не долженъ прибѣгать къ такому исходу. А между тѣмъ, говорю тебѣ, бываютъ минуты великаго искушенія. Понимаешь? Ясно ощущаешь безцѣльность жизни, въ виду неизбежности смерти...

Вдали четко рисовались молочно-бѣлые шары дуговыхъ фонарей. То былъ мѣстный театр-иллюзіонъ „Римъ“. Рядомъ находился грязневскій трактирчикъ „Москва“, гдѣ часто бывали скандалы и всякія безобразія. У подъѣзда стояли извозчики, толпились люди, слышался оживленный говоръ.

— Пойдемъ-ка туда, сказалъ Беркуловъ. — Въ „Москвѣ“ опять что-то случилось.

Среди собравшихся у подъѣзда оказались два земскихъ подрядчика, Гусевъ и Егосианъ. Они узнали Стогова и радостно привѣтствовали его:

— Михайлъ Семенычъ, съ проводовъ? Надо быть, хорошо проводилъ?

— Ужъ такъ хорошо, что вотъ мы съ нимъ еле тащимся, говорилъ Беркуловъ. — Еще хорошо, воздухомъ обвѣяло, легче стало.

— Что жъ, Петръ Николаевичъ, наддать надо? Мы тоже председателя проводить желаемъ.

— Нѣтъ ужъ, довольно, запротестовалъ Стоговъ. — Я домой хочу ѣхать.

— Успѣешь домой, сказалъ Беркуловъ. — Въ сущности, еще и не поздно. Всего двѣнадцатый часъ. Пойдемъ, посидимъ...

— Михайлъ Семенычъ, осчастливьте! Соизвольте въ нашу „Москву“ заглянуть! говорилъ Егосианъ, заглядывая Стогову въ лицо.

Ихъ обступила кучка легковыхъ извозчиковъ. Всякій изъ нихъ зналъ Стогова, который садился безъ торгу и платилъ щедро. Те-

перъ они сошли съ козелъ и, придерживая полы длинныхъ кафтановъ, шумно толпились около него.

— Прокатили бы предѣдателя, честное слово! смѣялись они.

— Пойдемъ въ Яблочковку?

— Э, нѣтъ, Михаилъ Семенычъ. Лошади уставши. Дороги не осилать...

— Да брось ты свою Яблочковку! перебилъ Беркуловъ. — Пойдемъ, посидимъ въ „Москвѣ“. Пить не будемъ, чайку съ лимономъ спросимъ, или содовой. Посидимъ, поболтаемъ...

— Ну, что же, пойдемъ, промолвилъ со вздохомъ Стоговъ. — Эхъ, мало меня ругать, ей-Богу! Никакой стойкости нѣтъ. Хотѣлъ домой—и вотъ отбился!

Они вошли въ грязную небольшую комнату, гдѣ мирно поклеивали носомъ буфетчикъ, за столиками скромно закусывали кое-кто изъ посѣтителей.

— Эй вы, кто тамъ есть! громовымъ голосомъ крикнулъ Беркуловъ: — чаю намъ давайте! Да живо!

На этотъ зычный, рыкающій гласъ сбѣжались половые, съ умильными улыбками, съ поклонами встрѣчая почетныхъ гостей.

— Паж-жалте, Михаилъ Семенычъ... Сей минутъ! Вотъ сюда паж-жалте въ красную угловую. Самый господскій номеръ-съ!

Вся компанія вошла въ довольно большую комнату, оклеенную красными съ золотомъ обоями. По стѣнамъ была симметрично разставлена крытая краснымъ бумажнымъ бархатомъ мебель. Въ простѣнкахъ, какъ водится, красовался рядъ картинъ весьма пикантнаго содержанія. Тутъ былъ и Юсифъ, отбивавшійся отъ дебелой жены Пентефрія, была купающаяся Сусанна, Леда съ лебедемъ, въ весьма откровенной позѣ. Въ углу стояло піанино, потертое, исцарапанное. У окна—невѣроятно чахлые, пыльные фикусы въ кадкахъ. Пахло сыростью, мышами и чѣмъ-то затхлымъ.

— Ну-съ, водки, коньяку давайте! командовалъ Беркуловъ.

— Петръ, опять?

— Такъ вѣдь это я для нихъ, кивнулъ онъ головой на умильно ослабившихся подрядчиковъ. — Они-то вѣдь хотятъ. Нельзя такимъ эгоистомъ быть: все я да я. Ты и о другихъ подумай!

Стоговъ разсмѣялся.

— Ахъ, Петръ, Петръ!

Егошинъ подошелъ къ піанино и началъ тыкать по клавишамъ указательнымъ пальцемъ. Послышались жалобные, дрожащіе звуки.

— Брось, оставь, не твоего ума дѣло! отрывисто крикнулъ Беркуловъ. И, обращаясь къ Стогову, сказалъ:

— А, знаешь, я хорошей музыки прямо боюсь. Постѣ нея все по-

стылымъ кажется. Вотъ гармонь, шарманка—это примитивы, и не опасные. Теперь, кажется, грамфонъ—омега обывательской любви къ музыкѣ!

— Ахъ, вотъ это вы вѣрно, Петръ Николаичъ, ослабился Египтъ.—То-есть, до чего я люблю грамфонъ—сказать невозможно! Поправлюсь дѣлами, безпремѣнно большой заведу, во-отъ съ этакой трубищей! Главное дѣло, на немъ—что хочешь. Хочешь жалостное—одна пластинка, хочешь веселое—другая. А захотѣлъ—онъ тебѣ и человѣчій голосъ пускаетъ.

Принесли водку, закуску, коньякъ. Но бесѣда не клеилась. Что-то въ этой красной комнатѣ навѣвало уныніе. Половой, который все время сновалъ туда и сюда, видимо, хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшался. И, наконецъ, весь ослабившись, предложилъ:

— Барышневъ не желаете ли?

— Давай ихъ! Тащи! оживился Беркуловъ.

— Къ чему? возразилъ Стоговъ:—въ нашемъ пейзажѣ—совсѣмъ лишній штрихъ...

— Нѣтъ, не говори. Онѣ намъ пару поддадутъ. Мы здѣсь скоро плѣсенью обрастемъ, и языки у насъ мыши съѣдятъ. Пришли поведеселиться, а сидимъ, точно кота хоронимъ.

— А сколько штукъ прикажете? освѣдомился половой.

— Сколько-о? Двѣ дюжины намъ надо!

— Столько нѣту! хихикнувъ, сказалъ половой.

— Ну, двѣ штуки давай! Только, чтобъ веселыя были!

— Ужъ будьте спокойны! Нашихъ барышневъ завсегда одобряютъ.

— Что за мерзость! негодовалъ Стоговъ.—Зашли чаю выпить, а, вмѣсто того, получается новое пьянство!

— Врешъ! крикнулъ Беркуловъ, стукнувъ кулакомъ по столу, такъ что посуда и бутылки зазвенѣли.—Мы не чай пить сюда шли, а время убивать! Отъ этихъ подлыхъ минутъ отдѣлываться, которыя душатъ, жгутъ... Одной водкой, безъ дѣвчонокъ, намъ ихъ не одолѣть!.. А-а, прекрасныя донны! Привѣтъ вамъ!

И онъ кланялся, прижимая руки къ сердцу. На порогѣ номера стояли и хихикали двѣ молоденькія дѣвушки, пухленькія, курносенькія, веснушчатые. Онѣ жеманились, дѣлали видъ, будто попали сюда невзначай и ужасно сконфужены. Ихъ усадили на диванъ и стали угощать.

— Прекрасныя леди! Прошу безъ церемоній! Пейте и кушайте, сколько влѣзетъ!

Дѣвушки выпили по рюмкѣ водки и утерли губы руками.

— Прелестныя инфанты, откройте ваши губки! Осчастливьте насъ хоть однимъ словечкомъ! не унимался Беркуловъ.—Какъ васъ

зовуть, графиня? наклонился онъ къ пухленькой блондинкѣ, съ огромнымъ шиньономъ искусственныхъ локоновъ.

— Любка, отвѣтила она, почему-то фыркнувъ.

— Прекрасно, Любка! А васъ, синьора? обратился онъ къ другой дѣвушкѣ. Она бросила ему грубое площадное слово. Гусевъ и Егосинъ загоготали отъ удовольствія, а Беркуловъ озадачился.

— Потерялъ тонъ, объявилъ онъ, съ недоумѣніемъ разводя руками. — Жаль, что онѣ меня не поняли. Я хотѣлъ создать иллюзію, декорацию красивыхъ обмановъ, а она вотъ этакимъ словомъ все съ маху и разрушила. Да, наши въ этомъ отношеніи очень примитивны. Никакого чутія. Ну, и больше я ничего не могу. Умываю руки!

Онъ подошелъ къ столу, залпомъ выпилъ стаканъ пива и утѣлся, хмурый и недовольный. Воцарилось молчаніе. Стоговъ уже хотѣлъ доставать бумажникъ, чтобы расплатиться, какъ вдругъ Егосинъ предложилъ:

— Давайте, пьяные бѣга устроимъ!

— Нѣтъ, я больше пить не буду.

— Михаилъ Семенячъ, да вамъ и не нужно пить. Онѣ, барышни, попьютъ!

— Погоди, Миша, не мѣшай. Ну-ка, говори, что за штука? заинтересовался Беркуловъ.

— А вотъ: будемъ наливать водки, а барышни пушай кушаютъ. Онѣ будутъ кушать, а мы на нихъ парей будемъ держать, которая перепьетъ. Я вотъ, благословясь, на эту озорную зелененькую махну!

Предложеніемъ заинтересовались. Самимъ пить уже немоготу было, а напоить дѣвчонокъ показалось забавнымъ. Выложили съ одной тарелки колбасу прямо на полъ, а на тарелку стали собирать деньги.

— Я на Любку ставлю! кричалъ, воодушевившись, Беркуловъ. — А ты, Миша, чего сычомъ сидишь! Ставь!

— Отвяжись, не хочу!

— Ну, я за тебя, тоже на Любку.

— А мы съ имъ на эту озорницу! кричалъ Егосинъ, захлебываясь отъ удовольствія. — Ну, теперь ихъ на площадку выводить, равнять надо!

Онъ разливалъ водку и съ наслажденіемъ слѣдилъ, какъ дѣвчонки хлопали рюмку за рюмкой.

— Любка—три, а та озорная, Катька—та ужъ четвертую дуешь! Пять! Ахъ, ловко шельма жарить! Ей-Богу, ловко! То-есть, что за молодецъ дѣвка, прямо на удивленье!

Катька, видимо, хмѣлѣла, но продолжала пить, польщенная одобреніемъ Егосина и громовымъ хохотомъ Беркулова.

— Катька перегонитъ, говорилъ, тяжело сопя носомъ, Гусевъ.

— Кабы знать, больше бы поставить. Пуцай за заслугу получаетъ. Любка вонъ, гляди, осовѣла, въ жаръ ее ударило, а Катька бойко бѣжитъ!

— Семь, восемь! громогласно отсчитывалъ Егосинъ.— Любка пятую, шестую! Ой, скиснетъ Любка, ей-Богу, скиснетъ!

Вдругъ раздался звонъ разбитого стекла, рюмка выпала изъ дрожащихъ потныхъ рукъ Катьки, и дѣвушка въ безпамятствѣ склонилась на столъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Вотъ тебѣ и фунтъ съ походомъ! Вотъ и добѣжала! Плакали теперича ейныя денежки! вопилъ Егосинъ въ полномъ неистовствѣ, взвизгивая и топоча ногами.— Любка, наддай! Перегони ее! Дуй въ хвостъ и въ гриву! Девять, десять... На десятокъ выкатила! Къ столбу, къ столбу пришла! заоралъ онъ въ полномъ восторгѣ.— Дура, да не лопай больше! Твои деньги! кричалъ онъ, вырывая рюмку изъ ея рукъ. Дѣвушка оглядывалась кругомъ тупыми, осоловѣвшими глазами и силилась что-то сказать коснѣющимъ языкомъ:

— Н-не...не.. м-мог-гу больше! наконецъ, произнесла она. Хотѣла встать, но покачнулась и упала на диванъ. Беркуловъ разстегнулъ ей лифъ и корсетъ, мочилъ голову холодной водой, а Гусевъ и Е ошинъ съ веселымъ гоготаньемъ совали ей за рубашку смятыя трехрублевки и пятирублевки.

— Это ейный барышъ! Пуцай его за пазуху обираетъ!

— Да оставьте вы ее, черти! сердился Беркуловъ.— Экое свинство выдумали! Самимъ въ глотку не лѣзетъ, двухъ дурь спили и рады. А деньги не суйте ей зря, она ихъ, все равно, растеряетъ.

Онъ собралъ деньги, пересчиталъ и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Послѣ отдамъ, или пошлю ей, сказалъ онъ.— Тутъ всего 33 рубля.

Стоговъ поднялся.

— Ну, какъ хочешь, Петръ, а съ меня довольно всѣхъ этихъ развлеченій, сказалъ онъ.— Позвоните, чтобы подали счетъ, и я отправлюсь.

— На счетъ эфтого дѣла не извольте беспокоиться, Михаилъ Семенычъ, сказалъ Егосинъ.— Мы еще отчаливать не будемъ. Намъ по домамъ рано. Наша такая модель, чтобъ до утра. А за компанію благодаримъ покорно! Не погнушались, осчастливили...

— Я тебя провожу, Миша, до Артамонова, сказалъ Беркуловъ.— А не то пойдемъ вочевать ко мнѣ?

— Нѣтъ, хочу домой, усталымъ голосомъ сказалъ Стоговъ.— Мнѣ досадно, зачѣмъ я пришелъ сюда. Ужасная у меня безхарактерность!

— Вѣрно, Миша. Лучше было бы не затѣвать этой мерзости. Вечеръ убили, но такъ глупо и подло, что и говорить не хочется. А, впрочемъ, ну ихъ къ чорту, эти позднія сожалѣнія!

Онъ разсѣянно оглянулся кругомъ.

— А этихъ дурь-то вы бы въ покоѣ оставили, пусть ихъ спятъ!

— Мы ихъ не изобидимъ, хихикнулъ Егшинъ. — Коли ежели что — скажемъ, этихъ уберутъ, намъ другихъ доставятъ. Чего-чего, а ужъ этого добра, сколько угодно!

Стоговъ и Беркуловъ вышли на улицу. И опять глубокое, теперь чистое, золотозвѣздное небо развернуло надъ ними свое великолѣпіе, навѣяло на нихъ тихую, созерцательную грусть.

— Ф-фу, мерзость какая наша жизнь! сказалъ Беркуловъ, распахивая шубу и съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій, бодрящій воздухъ.

— Да, мерзость. И печальнѣе всего, Петръ, что мы сами со-знаемъ, понимаемъ всю эту мерзость. А отстать не можемъ.

— Послушай, Миша, началъ Беркуловъ послѣ молчанія: — тебѣ никогда не приходило въ голову, что вотъ всѣ эти Любки, въ сущности, честнѣе и лучше такъ называемыхъ порядочныхъ женщинъ?

— Нѣтъ, я слишкомъ занятъ для такихъ парадоксовъ, улыбнулся Стоговъ. И, вообще, я мало думаю о женщинахъ.

— А я думаю. И часто. И мнѣ кажется, что этихъ, по крайней мѣрѣ, считаешь тѣмъ, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ. А тѣ — самъ чортъ ихъ не разберетъ!

И онъ махнулъ рукой.

— Странный ты человекъ, Петръ, сказалъ Стоговъ. — Изъ-за того, что ты бередишь въ себѣ какой-то супружескій надрывъ, ты доходишь до самыхъ абсурдныхъ обобщеній!

— Ты говоришь — надрывъ... Это ты вѣрно сказалъ. Но развѣ у меня одного этотъ надрывъ? Посмотри кругомъ, какъ сложилась семейная жизнь у тѣхъ, кто женился на барышняхъ. Понаблюдай. Ей-Богу, стоитъ. Я, какъ врачъ, знаю объ этомъ больше, чѣмъ кто другой, и говорю тебѣ, что всѣ онѣ, эти порядочныя женщины — ни къ чорту не годны. Что онѣ изъ себя представляютъ, что даютъ намъ? Ни она тебѣ жена, ни товарищъ, ни любовница, а такъ себѣ, чортъ ее знаетъ, что! Даже рожать, подлая, не хотятъ. Ну, тогда хоть бы одалисками путными были — такъ и того нѣтъ. И хуже всего наша пресловутая и воспѣтая русская женщина. Отъ семьи отбѣлась, а ни къ чему путному не пристала. Обязанностей никакихъ, а правъ — цѣлая уйма. И не думай, что я это про свою жизнь говорю. Нѣтъ, это вездѣ такъ. Жена, мать, хозяйка — все это въ тартарары провалилось, а на мѣсто ихъ передъ нами дергается меланхолія въ юбкѣ!

— Нѣтъ, Петръ, къ такимъ вопросамъ нельзя подходить такъ, какъ ты подходишь, въ порывѣ какого-то личнаго раздраженія. По моему, въ распадѣ женской психики что-то кроется, какая-то эволюція. Нынѣшняя женщина, со всей ея неуравновѣшенностью — переходъ

къ какой-то новой, еще грядущей. Какова она будетъ — мы не знаемъ и даже предугадать не можемъ. Но она придетъ, говорю тебѣ!

— Понесъ, по обыкновенію, идеальную чуху! перебилъ его Беркуловъ. — Эхъ, Мишка, Мишка! Чудакъ ты ужасный!

— Нѣтъ, погоди, дай мнѣ сказать. Это правда, что женщина теперь дѣйствительно „уходитъ отъ семьи“. Уходитъ изъ дѣтской, изъ кухни, изъ спальни. Уходитъ изъ того „терема“, гдѣ мы, мужчины, держали ее взаперти для семейнаго счастья и для всякихъ, надо сказать правду, довольно скучныхъ обязанностей. Ну, вотъ она и ушла. Бродить по путямъ жизни, пытливыми глазами озирается кругомъ. Ты видѣлъ, конечно, какъ женщина что-нибудь покупаетъ? Иной разъ она придетъ и не знаетъ, что ей выбрать. Но оглядится, что-нибудь купить. Такъ и въ жизни. Что-нибудь ужъ она выберетъ для себя, какой-нибудь кусокъ отхватить, въ этомъ будъ увѣренъ. И тогда ея не запрешь больше.

— Хорошо. Пусть такъ. Но тогда за какимъ же чортомъ онѣ замужъ идутъ? Зачѣмъ ловятъ насъ всякими ужимками и приманками?

— Какъ тебѣ сказать? Гонятся за миражемъ любви и счастья. Подумай, голубчикъ, какой, въ сущности, безсовѣстный обманъ вся эта такъ называемая „любовь“. Всѣ искусства воспѣваютъ ее на разные голоса, увѣряютъ, что любовь — восторгъ, блаженство, упоенье. А на дѣлѣ — подумай, какъ врачъ, — къ чему все это сводится? И не мудрено, что, вкусивъ этой самой нашей „любви“, онѣ бываютъ разочарованы, если не больше.

— Что же ты, физиологію на смарку? А онѣ-то, ангелы во плоти, что ля?

— Видишь ли, мой другъ, у женщинъ физиологія, несомнѣнно, называется слабѣе, чѣмъ у насъ. А мы — мы съ ними не перемонимся. Мы не принимаемъ никакихъ мѣръ, чтобы хоть чуточку продлить этотъ обманъ — вотъ насчетъ любви-то. Мы грубы, жадны, циничны. Мужъ въ бѣлѣ и женихъ во фракѣ — это, братецъ, такія антитезы, что ой-ой! И онѣ не могутъ понять, что въ этой метаморфозѣ никто не виноватъ, что въ этомъ — жестокой и непреложный законъ жизни. Онѣ чувствуютъ себя въ чемъ-то обманутыми. И вотъ тутъ-то и начинается надрывъ, у всякой по своему. Вотъ тогда онѣ и „уходятъ отъ любви“. Однѣ — въ материнство, другія — къ новому любовнику, просто-сердечно полагая, что онъ лучше мужа, третьи — въ шумиху какого-нибудь дѣла. Все это, конечно, незрѣло, нивно, но говорю тебѣ — онѣ все-таки растутъ умственно. Понемножку, но растутъ. И настанетъ такой день, когда онѣ, эти новыя дѣвушки, прекрасно будутъ знать, чего стоитъ наша любовь. И онѣ отведутъ ей въ жизни такое мѣсто, какое имъ захочется. Даже и теперь, по моему, уже есть такія!

— Ты идеалистъ, Михаилъ! Э, чортъ, какъ хорошо говорится! Даже жаль, что мы скоро придемъ.

— Ну, еще не такъ скоро. До Артамонова еще двѣ улицы пройти.

— Да... что такое я говорилъ? Идеалистъ ты, Мишка, невозможный! И идеалистъ во всемъ: и въ твоей тоскѣ о землѣ и въ грезахъ о женщинѣ. И живешь ты такой странной, двойной жизнью: душой паришь въ какихъ-то высотахъ, а тѣломъ—пьянствуешь у Иванихи, валандаешься съ бабами...

— Трудно стать выше жизни, выше самого себя, задумчиво отвѣтилъ Стоговъ. — Я знаю только одно, что всегда уважалъ слово. Никогда не прелюбодействовалъ съ нимъ. Слово мое всегда было честнымъ. И мнѣ кажется, что тамъ, гдѣ запросы духа столкнутся съ запросами тѣла — духъ у меня побѣдитъ!

— Ой, врешь, Мишка! Тѣлеса твои никакому духу не осилить. И слава про тебя такая идетъ, что въ деревняхъ отъ тебя мужья бабъ прячутъ. Тутъ ужъ духъ, видимо, побѣжденъ!

Оба размѣялись. Скоро подошли къ дому Артамонова, который держалъ лучшихъ лошадей въ городѣ. Чуть только постучали въ калитку, какъ за заборомъ, утыканнымъ гвоздями, послышалось громаханье цѣпей и злобный, залиvistый лай сторожевыхъ псовъ. Черезъ нѣсколько минутъ заспанный недовольный голосъ крикнулъ:

— Кто-й-то тамъ? Кого чортъ несетъ?

— Предсѣдатель управы лошадей въ Яблоновку! крикнулъ Стоговъ. Послышались удары, цыканье на собакъ. Калитка открылась, но изъ-за неистоваго лая нельзя было слышать ни слова. Парень коломъ отбивался отъ разъяренныхъ псовъ и, наконецъ, угналъ-таки ихъ въ конуры, гдѣ они глухо ворчали и таякали.

— Пожалте, Михаилъ Семенычъ. Лошадокъ требуется?

— Да. Ну, и собаки же у васъ!

— Нельзя по нашему дѣлу безъ собакъ. У насъ тутъ всякаго добра пропасть. Обождите маленько, я ямщика разбужу, запрягать станемъ.

— Ну, прощай, Миша, я домой пойду, сказалъ Беркуловъ.

Они простились. Стоговъ присѣлъ на скамейкѣ у калитки, а Беркуловъ, плотно запахнувъ шубу, зашагалъ по пустынной улицѣ.

Глава VIII.

Беркуловъ занималъ большой двухъэтажный домъ, съ колоннами, съ монументальнымъ фронтономъ, съ большими окнами, выходившими на главную улицу. Отъ большой двусвѣтной залы, малиновой штофной гостиной, столовой, отдѣланной дубовыми панелями—вѣяло воспоми-

наніями о пышной, красивой дворянской „были“, нынѣ уже отжившей, отошедшей въ область преданій. Несмотря на поздній часъ, въ двухъ окнахъ верхняго этажа свѣтился золотистый свѣтъ, чуть пробивавшійся черезъ неплотно задернутыя занавѣски. Звонить пришлось довольно долго и безрезультатно. Рѣшивъ, что звонокъ испорченъ, Беркуловъ принялся изо всѣхъ силъ колотить въ дверь, и этотъ стукъ переполошилъ всѣхъ сосѣдскихъ собакъ. Беркуловъ невольно усмѣхался, представляя себѣ раздраженіе Антонины Александровны, которая не выносила собачьяго лаю. Наконецъ, послышалось бойкое топотанье босыхъ ногъ, и дверь отворила дѣвочка лѣтъ десяти, кухаркина дочка Сонька. Беркуловъ недовольно поморщился. Онъ не любилъ, когда на малолѣтнюю, слабенькую дѣвочку взваливали неподходящее для нея дѣло.

— Ты чего тутъ топчешься, когда тебѣ давно спать надо?

— Мамка послала, двери открыть.

— А Василій гдѣ?

— Спитъ.

— Такъ разбудили бы его.

— Они выпимши, простодушно отвѣтила Сонька.

Увидя, что баринъ раздѣлся и повѣсилъ шубу на вѣшалку, она высоко подняла свѣчку, чтобы освѣтить лѣстницу. Беркуловъ схватилъ ее на руки и, поднявъ къ верху, говорилъ:

— Свѣти, шельма! Будь живымъ факеломъ!

Сонька отбивалась, заливаясь звонкимъ визгливымъ смѣхомъ, и во время этой возни уронила свѣчку.

— Ахъ ты, несуразная! А у меня и спичекъ-то, кажется, нѣтъ! Ну, ничего, луна свѣтитъ—и такъ дойдемъ!

Онъ спустилъ ее на полъ, далъ ей шлепка, шутливо прикрикнувъ:

— Ну, брысь на печку!

И дѣвочка бойко затопотала босыми ножонками, юркнула въ маленькую дверку, ведущую изъ вестибюля въ кухню, и исчезла. Беркуловъ хотѣлъ подняться наверхъ, но, что-то вспомнивъ, долго и старательно шаркалъ ногами по коврику и черезъ рядъ темныхъ притихшихъ комнатъ прошелъ въ спальню, откуда лился нѣжно-золотистый свѣтъ.

Антонина Александровна, въ бѣломъ батистовомъ капотѣ, сидѣла передъ трехстворчатымъ зеркаломъ и ловкими привычными движеніями массируя себѣ лицо и шею. Волосы были перевязаны голубой лентой, и двѣ золотыя косы падали чуть не до пола. Увидавъ мужа въ зеркалѣ, она улыбнулась ему. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но она отстранилась.

— Нельзя, Петръ. На мнѣ кремъ. Ты вѣдь знаешь.

— О, Господи!

Онъ со вздохомъ опустился на низенькій пуфъ около туалета.

— Тонечка, милая, зачѣмъ это тебѣ? Вѣдь ты и такъ прекрасна, какъ лилія Саронской долины! Кажется, была гдѣ-то такая долина...

Антонина Александровна посмотрѣла на него и сказала съ лукавой улыбкой:

— А вы, мой супругъ и повелитель, кажется, опять подъ хмѣлькомъ? Осмѣлюсь васъ спросить: зачѣмъ это?

— Нѣтъ, серьезно, Тонечка, къ чему? Къ чему этотъ культъ красоты?

— Видишь ли, Петръ: красота—это моя радость. Мнѣ доставляетъ наслажденіе сознавать, что я красива. И я берегу свою красоту.

— Но къ чему тебѣ это сознаніе? Плѣнять? Покорять? Вѣдь ты, Тонечка, холодна, какъ ледышка. Амуръ давно на тебя рукой махнулъ и рѣшилъ, что тутъ и стрѣлъ своихъ тратить не стоитъ.

— Мнѣ пріятно сознаніе своей власти надъ людьми, отвѣтила молодая женщина.—А плѣнять я, конечно, никого не хочу. Особенно здѣсь!

Окончивъ массажъ, она привела въ порядокъ разныя баночки, коробочки, флакончики, затѣмъ осторожно вытерла лицо мягкой шелковой тканью. Онъ не отводилъ глазъ отъ ея прелестныхъ полуобнаженныхъ рукъ, отъ нѣжнаго лица, чуть разгорѣвшагося отъ массажа.

— Какъ врачъ, Тонечка, я тебѣ скажу, что массажъ лица—опасная штука. Вызывая приливъ крови къ мышцамъ, онъ усиливаетъ ихъ жизнѣдѣтельность. Но можетъ наступить реакція. Понимаешь? Мышцы ослабнуть, ткани сдѣлаются дряблыми.

— Я совѣтовалась со специалистами. Мнѣ сказали, что контуръ щекъ—у меня самое слабое мѣсто. Возможно, что дряблость щекъ у меня можетъ развиваться преждевременно, и тогда овалъ лица испортится. А массажъ, легкій, умѣренный, поддерживаетъ кожу.

— Гдѣ же ты набралась всей этой премудрости?

— Въ Москвѣ, въ „Институтѣ красоты“.

— Антонина, значить, у тебя это въ полномъ смыслѣ слова культъ? Культъ созвательный и давишиній?

— Да, отвѣтила она, улыбаясь.—Что это тебя такъ удивляетъ? Я считаю красоту столь же цѣннымъ даромъ, какъ и всякій талантъ. Вѣдь развиваютъ же, берегутъ люди имѣющіеся у нихъ таланты? А у меня, кромѣ красоты, нѣтъ рѣшительно никакихъ талантовъ. Вотъ я и ухаживаю за ней и берегу ее. Для меня моя красота—счастье. Если бы случилось, что она пропала—я бы не могла жить.

— Послушай, Антонина... А тебѣ не хочется иногда какого-нибудь другого счастья?

— Какого? спросила она, лѣнливо потягиваясь гибкимъ, стройнымъ тѣломъ.

— Счастья безумной страсти? Счастья материнства?

Она отрицательно покачала головой. Хотѣла отойти отъ туалета, но онъ привлекъ ее къ себѣ. Нѣсколько минутъ молча любовался ею, потомъ сталъ цѣловать ея нѣжныя руки, золотыя косы...

— Да, ты права, Тонечка, права. Красота—это огромная сила! Полчаса тому назадъ я бранилъ тебя, на чемъ свѣтъ стоитъ: какъ жену и какъ женщину. Бранилъ за твою холодность, за эгоизмъ, за дѣтубоязнь... А теперь я весь во власти твоихъ чаръ!

Она рѣзко вырвалась отъ него.

— Ахъ, Петръ, какъ я не люблю этой твоей манеры въ пьяномъ видѣ выносить соръ изъ дому и разбрасывать по улицѣ!

— Не могу удержаться, Тонечка. У кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить. Но сейчасъ... сейчасъ забылъ все! И преклоняюсь передъ тобой, какъ самый смиренный рабъ. И мнѣ кажется, что смотрѣть на тебя—и то счастье. А ужъ цѣловать!.. Вѣдь теперь можно, да? Нѣтъ крема?

И, не обращая вниманія на ея сопротивленіе, онъ долго цѣловалъ ея лицо, шею, плечи. Потомъ взялъ ее на руки и долго ходилъ съ ней по комнатамъ, цѣлуя то губы, то золотую головку. Тихія, пустынные комнаты были застланы полосами луннаго свѣта. Голубые отблески ложились на томно-покорное личико, дѣлая его точно мраморнымъ—блѣднымъ и таинственно-прекраснымъ. И ему, мужичкѣ, знающему всю грязь жизни, эта женщина казалась хрупкимъ вилѣніемъ сказки, волшебнымъ и призрачнымъ, которое можетъ каждую минуту исчезнуть, улетѣть въ просторъ голубыхъ полей...

— Ты—царевна-сказка, шепталъ онъ ей съ глубокой нѣжностью. —И такія минуты съ тобой—дороже, плѣнительнѣе полнаго обладанія другими женщинами.

Въ его голосѣ слышалась такая покоряющая сила искренности, что нѣжное кольцо блѣдныхъ рукъ тѣснѣе и жарче сомкнулось на его шеѣ. Губы ея что-то прошептали... У него закружилась голова, онъ тѣсно и жарко прижалъ ее къ себѣ...

— Пусти меня, спокойно и властно сказала она. И, соскочивъ на полъ, взяла его подъ-руку. И опять они стали ходить по безмолвнымъ, залитымъ голубымъ свѣтомъ комнатамъ. И каждый разъ, что онъ хотѣлъ увести ее къ золотистому свѣту въ спальнѣ, она ласково и настойчиво уводила его въ голубую тишину, обвѣянную чарами только что пережитой сказки. И тихимъ, задушевымъ голосомъ говорила ему ласковыя слова, подчасъ безсвязныя, но отрадныя и плѣнительныя, какъ роса послѣ истомно-жаркаго дня.

— Нужно беречь не только красоту, Петръ, но и любовь, говорила она. — Вовсе я не холодная, какъ ты думаешь. Но никто не понимаетъ того, что любовь дѣйствительно нужно беречь! Даже ты, умный, сильный, знающій всё тайны жизни—и ты этого не понимаешь! Вѣдь подумай, какъ живутъ всё кругомъ? Спариваются, какъ животныя, чуть не каждую ночь, безъ страсти, безъ увлеченія. И доходятъ до пресыщенія, до ненависти другъ къ другу. А нужно, чтобы страсть была праздникомъ жизни. Нужно беречь ее! И не думай, что я не люблю тебя. Нѣтъ, я понимаю, что любовь нужно беречь. И я берегу нашу любовь, Петръ. Берегу отъ пресыщенія, отъ свинства, отъ обыденной пошлости. Я хочу, чтобы въ нашей жизни любовь была праздникомъ, красивымъ забытѣмъ. И тогда мы будемъ больше дорожить ею...

И отъ этихъ словъ утихало чувственное возбужденіе, во власти котораго былъ мужчина, и смѣнялось тихой нѣжностью. Какая-то сила смирляла его, дѣлала его, высокаго и сильнаго, рабомъ этой стройной, хрупкой женщины. И, когда она увидѣла, что онъ успокоился, что онъ подчиненъ ея власти, она проговорила:

— Ну, теперь пойдемъ спать, Петръ. Вѣдь уже поздно. Я устала.

Онъ покорно пошелъ за ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и сталъ раздѣваться. Растянувшись въ кровати, онъ почувствовалъ усталость, легкую головную боль и не могъ не оцѣнить своеобразнаго такта и жизненной мудрости красавицы-жены. Улыбаясь, онъ слегка дотронулся до ея плеча.

— Что тебѣ, Петръ? уже соннымъ голосомъ сказала она.

— Дай косу.

Она высвободила одну изъ своихъ длинныхъ косъ. Онъ придвинулъ поближе подушку и легъ, подложивъ подъ щеку конецъ золотой косы. Онъ любилъ засыпать такъ и часто говорилъ въ шутку:

— Какъ бы крѣпко я ни спалъ—не убѣжишь отъ меня.

— Захочу убѣжать, косы не пожалѣю. Отрѣжу—и уйду, отвѣчала Антонина Александровна.

Послѣ голубой ночи встало ясное, погожее утро, съ бѣлизной недавно выпавшаго снѣга и ласковой лазурью небесъ. Откинувъ занавѣску, Антонина Александровна засмотрѣлась на бѣлый нарядъ городскихъ улицъ, еще не изыѣженныхъ, не загрязненныхъ.

—Какъ хорошо, проговорила она.—Если бы Петръ послѣ амбулаторіи въ уѣздъ поѣхалъ—вотъ бы прокатиться!

Она прошла въ столовую, гдѣ мужъ, уже одѣтый, выбритый, наскоро пилъ кофе. Съ улыбкой прильнула она къ нему, шептала ласковыя слова, ласкалась, какъ кошечка.

— Охъ, ужъ и обводишь же ты меня, Тонька! засмѣялся онъ, цѣлуя ея руки.

— Обвожу? Это еще что за выдумки? Какъ это я тебя обвожу?

— Очень просто: вокругъ пальца обводишь. Вотъ вокругъ этого розоваго пальчика меня, дурака, и обматываешь. Цѣломудріе мое блюдешь.

Антонина Александровна покраснѣла, улыбнулась и отошла отъ него. Сѣла на свое мѣсто у самовара, налила себѣ жиденскій чай и стала намазывать тартинку.

— Знаешь, Тонька, русскую пословицу: сухая ложка ротъ деретъ? Знаешь? смѣялся онъ, заглядывая ей въ лицо.

— Ну, знаю, краснѣла, отвѣчала она.

— Вотъ ты меня все время сухой ложкой по губамъ и мажешь. У, хитрая!

— Ну, и что же? Деретъ ротъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Это ужъ отъ твоей хитрости.

— Тогда о чемъ говорить? Послушай, Петръ, ты сегодня въ уѣздъ не поѣдешь?

— Нѣтъ, Тонечка. Нужно бы, да некогда. За меня Валентинъ Михайловичъ сѣздитъ. У меня сейчасъ два визита. Потомъ въ больницу. Послѣ амбулаторіи—обѣдать, потомъ—пять визитовъ и вечеромъ на засѣданіе. Вотъ мой день. А что? Почему спрашиваешь?

— Мнѣ прокатиться захотѣлось.

— Такъ поѣдемъ со мной сейчасъ. Первый визитъ у меня—къ Соковиннымъ. Я сойду, а ты прокатись, сколько захочется, потомъ домой поѣзжай и вели Митрофану, чтобы онъ къ больницѣ ѣхалъ.

— А тебя это не стѣснить?

— Не стѣснить! Скажите, пожалуйста, какая деликатность и тонкое обхожденіе! Фокусница ты, Тонька! И шельма, ухъ, какая шельма! Иди скорѣе, одѣвайся.

— Слушай, Петя...

— Ну, что еще?

— Помнишь, что ты вчера говорилъ, будто съ кѣмъ-то бранилъ меня...

— Я? Тебя? Богъ съ тобой, Тонечка!

— Нѣтъ, нѣтъ, не увертывайся! Помнишь, когда ты говорилъ о томъ, что красота—сила, ты сказалъ, что полчаса тому назадъ ты бранилъ меня, какъ жену и какъ женщину? Это съ кѣмъ ты такъ откровенничалъ?

— Ахъ, теперь вспомнилъ! Это мы съ Мишкой Стоговымъ на тему о современныхъ женщинахъ бесѣдовали. О бракѣ и о прочемъ. Ну, я и высказалъ нѣсколько общихъ мыслей. А про тебя только думалъ, мысленно тебя раздѣлывалъ. Говорить же про тебя даже съ Мишкой Стоговымъ... Да что съ тобой, Тонечка? Задилась, какъ піоны!

Покажись-ка, покажись! Те-те-те, да мы не влюблены ли въ этого земскаго мужа? Ну, расскажу ему, непременно расскажу!

— Петръ, не выдумывай глупостей, чуть не плача, говорила Антонина Александровна. — Какъ тебѣ не стыдно! Просто я...

— Нѣтъ-съ, сударыня, это не „просто“! Что-нибудь сидитъ въ вашей златокудрой головкѣ! Преступная страсть! Берегись, измѣни-ца! Кр-р-рови, крови жажду! заревѣлъ онъ дикимъ воплемъ, неистово размахивая руками.

— Брось, Петръ, дурить. Вѣдь по всему дому слышно. Глупости все такія говоришь, что ужасъ. Конечно, я сконфузилась, потому что не вѣрю тебѣ. Въ пьяномъ видѣ ты нехорошій. И, конечно, мнѣ непріятно, если ты про меня, про нашу жизнь говоришь съ посторонними, жалуешься...

— Нѣтъ, Тонечка, я не вру. Говорили мы съ нимъ о современныхъ бабахъ. О тѣхъ, которыя ни Богу свѣча ни чорту кочерга. Развѣ это къ тебѣ, божественная, можетъ относиться?

Вбѣжала Сонька, гладенькая, веселая, въ сѣромъ холстинковомъ платьѣ и въ черномъ фартучкѣ.

— Что тебѣ, Софистика?

— Лошади подаены, Петръ Миколаичъ, бойко затараторила дѣвочка. — Идите скорѣй, потому Митрофанъ ругаются. Гнѣдой балуетъ. Намедни, баловавши, холку натеръ.

— Что же, Тоня, ѣдемъ?

— Да, я сейчасъ, отвѣтила Антонина Александровна. И скоро уже спускалась по лѣстницѣ, въ синемъ суконномъ платьѣ, въ маленькой котиковой шапочкѣ съ бѣлыми крылышками. Мужъ помогъ ей надѣть котиковый жакетъ и отворилъ дверь, пропуская ее впередъ. Черная бархатистость мѣха такъ красиво отгнѣняла золото тяжелыхъ косъ, нѣжную бѣлизну лица, что онъ невольно залюбовался ею.

— Чортъ тебя знаетъ, Тонька, говорилъ онъ, усаживаясь около нея въ сани. — Можетъ, ты и права...

— Въ чемъ?

— Да въ твоей вѣрѣ, въ твоемъ культѣ. Твоя красота—дѣйствительно даръ. И не на потребу, а сама по себѣ, понимаешь?

— Не будешь больше говорить, что я тебя „обвожу“?

— Нѣтъ, не буду, отвѣтилъ онъ, обнимая ее за талію.

Митрофанъ, съ широкой улыбкой во весь ротъ, оглянулся назадъ. Пьяница и лѣнтяй, онъ былъ, какъ многіе русскіе люди, поэтѣмъ въ душѣ. Онъ любилъ лошадей, старательно ухаживалъ за ними, но дулся и грубилъ, пока баринъ не купилъ новыхъ саней и новой парадной сбруи. Теперь же, когда все было въ порядкѣ: щегольской выѣздъ, пушистая медвѣжья полость—его кучерская амбіція была вполне удо-

влетворена. А случай прокатить красавицу-барыню, на которую за-
считывался всё встрѣчные, окончательно наполняя его гордостью.
Едва только они уѣхали, застегнули полость, какъ горячіе кони рва-
нули и понеслись, обдавая разгорѣвшіеся лица мелкой снѣговой пылью.

— Къ Соковиннымъ, на Широкую, приказалъ Беркуловъ.

Вдали слышался благовѣстъ. Въ ясные голубые просторы торже-
ственно плыла мѣдная гудящая пѣснь, воздавая хвалу за радостное
голубое утро, за сверкающую улыбку солнца, за чистый блескъ снѣ-
говъ. И отзвуки этой радости мощно звучали въ сердцѣ. Отошли, ис-
чезли всё грязные, больные призраки ночи—и въ душѣ пѣла радость.
Радость отъ ясности неба, отъ сіянія снѣжныхъ далей, отъ красоты
женщины, сидящей съ нимъ рядомъ... И казалось, что долго-долго
будутъ они мчаться куда-то, въ бѣло-серебряные просторы, на-
встрѣчу счастью...

— Царевна-сказка, вспомнилось ему видѣніе минувшей голубой
ночи, и еще громче зазвучало въ сердцѣ побѣдное ликование. — Да,
это любовь, думалъ онъ. — Любовь, не похожая на то, что я,
какъ мужчина, какъ врачъ, считалъ бы нормальной, здоровой любовью.
Но, ей-Богу, это что-то лучшее. Что-то болѣе волнующее, чѣмъ до-
говоренность полного обладанія...

— А такія минуты, какъ вчера! вдругъ вслухъ проговорилъ
онъ.

— Что ты, Петръ?

— Ничего, улыбнулся онъ. — Размечтался вслухъ, какъ влю-
бленный гимназистъ.

Передъ воздушно-кружевной оградой богатаго купеческаго особня-
ка кучеръ осадилъ лошадей. Беркуловъ сошелъ и только что хотѣлъ
снова застегнуть полость, какъ Антонина Александровна остановила
его.

— Нѣтъ, Петръ. Пусть лошади ждутъ тебя, а я пройдуся пѣш-
комъ. У меня ноги озябли.

— Ну, какъ хочешь, Тонечка. До свиданья!

Онъ прошелъ черезъ дворъ къ подъѣзду, а она тихо шла по
улицѣ, отдавшись своимъ думамъ. Она была рада, что осталась одна,
и можетъ свободно, безъ помѣхи, разобраться въ самой себѣ, опредѣ-
лить причину смущенія, овладѣвшего ею, когда мужъ упомянулъ при
ней имя Стогова.

Вѣдь не влюблена же я въ него, думала она, улыбаясь. Для
героя моего романа онъ слишкомъ простъ, слишкомъ *peu distingué*.
Но въ немъ привлекать какая-то сила. И не обычная мужская сила.
Петръ чуть понатужится, подковы гнетъ. А въ Стоговѣ—что-то дру-
гое. Онъ что-то знаетъ такое, чего другіе не знаютъ. И хочетъ онъ

чего-то особеннаго. Достигнетъ ли — не знаю, но уже одно то, что онъ хочетъ не того, чего хотятъ другіе, притягиваетъ къ нему. И потомъ... я чувствую, что ко мнѣ онъ совершенно равнодушенъ. И это меня бѣситъ, бѣситъ ужасно. Вотъ потому-то я такъ часто и думаю о немъ.

Шагъ за шагомъ она вышла на людную улицу и скоро очутилась въ суетливой городской толчеѣ, среди лавокъ, магазиновъ, уличныхъ торговцевъ.

На углу она столкнулась съ Татьяной Владимировной — такой жалкой при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, въ порывшемъ драповомъ пальто, въ фетровой шляпѣ съ нелѣпо болтавшимся пунцовымъ перомъ. Та хотѣла проскользнуть мимо, но Антонина Александровна ласковымъ движеніемъ остановила ее:

— Татьяна Владимировна, вы куда торопитесь?

Маслитенова сконфузилась. При встрѣчѣ съ Антониной Александровной ей всегда было стыдно за свою некрасивость, за жалкую обтрепанную одежду. И ей казалось, что и Антонинѣ Александровнѣ стыдно съ ней встрѣчаться, и она только изъ деликатности преодолеваетъ себя. Но черезъ нѣкоторое время это ощущеніе неловкости сглаживалось, уступая мѣсто чувству какого-то восторженнаго обожанія.

— Здравствуйте, Антонина Александровна. Я къ Горожанкину иду, хочу заказать Катѣ сапожки, совсѣмъ прохудились.

— А я съ мужемъ прокатилась, потомъ пошла прогуляться. Какая сегодня погода чудесная! Вы не дежурная сегодня, вѣтъ?

— Да, я вчера дежурила.

— Тогда пойдемте вмѣстѣ, погуляемъ. Я васъ провожу къ Горожанкину.

Антонина Александровна взяла ее подъ-руку и, стараясь идти съ ней въ ногу, ласково спрашивала ее:

— Ну, какъ вы живете? Очень утомляетесь, да?

— Какъ вамъ сказать? Привыкла. Въ дежурные дни не замѣчаешь, какъ идетъ время. Столько дѣла, что кипишь, какъ въ котлѣ. И некогда даже подумать о томъ, устала я, или нѣтъ. А вотъ въ свободные дни иногда чувствую такую усталость, что даже страшно дѣлается. Вдругъ свалишься! Намъ, земскимъ клячамъ, нужно работать безъ отдыха.

— Такъ вѣдь и заработать можно.

— А кому я нужна? съ горечью вырвалось изъ наболѣвшаго сердца. И она разсмѣялась, но въ этомъ смѣхѣ такъ и звенѣли слезы.

— Вы нужны Катѣ, серьезно, почти строго сказала Антонина Александровна. — И ради нея вы должны...

— Ахъ, Антонина Александровна, мнѣ со всѣхъ сторонъ только и говорить о томъ, что я должна! Я должна работать, должна заботиться о дочери, должна заниматься хозяйствомъ, должна быть здоровой и бодрой. И никто не подумаетъ, откуда же мнѣ взять силъ? А силъ мнѣ много нужно, больше, чѣмъ кому-нибудь, закончила она, и слезы, одна за другой, побѣжали по ея изможденному лицу.

— Голубчикъ, успокойтесь. Ради Бога, возьмите себя въ руки! Еще подумаютъ, что я васъ обижаю...

— Нѣтъ... оставьте меня... я пойду одна.

— Нѣтъ, я васъ не оставляю. Перестаньте плакать. Нехорошо на улицѣ.

— Не могу я больше терпѣть, не могу! съ отчаяніемъ говорила Татьяна Владимировна.— И просвѣта нѣтъ, ничего!

Антонина Александровна увлекла ее за собой, отворивъ первую попавшуюся калитку, лишь бы избѣгнуть любопытныхъ взглядовъ и встрѣчъ со знакомыми. Онѣ очутились въ чьемъ-то большомъ саду. Оголенные деревья, чуть опушенные снѣжной пылью, казались легкими, воздушными, стоящими, точно невѣсты въ легкой кисеѣ вѣнчальной фаты. Густой слой палыхъ листьевъ также былъ запорошенъ снѣгомъ, и ноги ступали, какъ по мягкому ковра. Большой черный песъ съ громкимъ гавканьемъ побѣждалъ имъ навстрѣчу, но Антонина Александровна смѣло подошла къ нему, потрепала жесткую мохнатую шерсть. И песъ уже усердно махалъ хвостомъ и взглядывалъ на нее умильными глазами, влажными отъ избытка собачьей преданности. Когда Антонина Александровна перестала ласкать его, онъ развалистой рысью побѣждалъ по дорожкѣ, помахивая хвостомъ и поминутно оглядываясь и гавкая, какъ бы приглашая слѣдовать за собою. Антонина Александровна опять взяла свою спутницу подъ-руку, и онѣ пошли за собакой, оглядываясь по сторонамъ.

— Что мы дѣлаемъ! Забрались въ чужой садъ и гуляемъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ случаѣ чего, совремъ что-нибудь, извинимся и уйдемъ. Смотрите, собака-то: остановилась и точно поджидаетъ насъ!

Собака, дѣйствительно, остановилась у небольшой бесѣдки, скрытой густой порослью кратегуса и жимолости, съ уцѣлѣвшей еще красной листвою. Въ бесѣдкѣ была скамейка, не занесенная снѣгомъ.

— Смотрите, какая умная собака! Вотъ она куда насъ вела. Умный ты песъ, умный! говорила Антонина Александровна. Онѣ вошли въ бесѣдку, сѣли на скамейку, а песъ улегся у ихъ ногъ, изрѣдка покусывая отъ избытка чувствъ.

— Вы не знаете, Татьяна Владимировна, чей это садъ?

— Нѣтъ, не знаю, уныло отвѣтила Маслитенова.

— Какъ хорошо здѣсь, тихо, красиво! Точно въ заколдованномъ саду...

И вдругъ, съ внезапнымъ порывомъ ласки, дружескаго участія, она обняла Маслитенову, привлекла ее къ себѣ.

— Танечка, милая...Ничего, что я васъ такъ называю?

Та молча кивнула головой.

— Расскажите мнѣ, въ чемъ ваше горе? Отчего вы никогда ко мнѣ не зайдете?

— Неловко мнѣ какъ-то къ вамъ заходить...

— Фу, вздоръ какой! Я по утрамъ часто бываю одна во всемъ домѣ. Зашли бы, поговорили по душѣ, и вамъ стало бы легче. Вѣдь мы, женщины, любимъ пожаловаться, поплакать. Любимъ, чтобы насъ пожалѣли и приласкали.

— Меня жалѣть и ласкать некому. А горе мое вы знаете. Алеша—вотъ мое горе.

— Не любить онъ васъ, да?

— Какая ужъ тамъ любовь! Развѣ такихъ клячъ, какъ я, любить мужичины? Не въ этомъ дѣло. Меня убиваетъ то, что онъ несчастенъ. Ахъ, какъ больно, какъ остро я это чувствую!

— Вы фантазируете, милая. Просто онъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю. Вѣдь у него нѣтъ ни капли радости въ жизни. А вѣдь онъ молодъ, много моложе меня. У него нѣтъ праздника, вѣчные сѣрые будни.

— Онъ вамъ говорилъ? Жаловался?

— Я и сама знаю, что ему все опостылѣло. И я, и Катя, и служба, и наша неуютная, какъ сарай, квартира...все, все! И я вижу это, чувствую на каждомъ шагу. Кажется, жизнь отдала бы за минутку его радости! Но ничего не могу сдѣлать.

— Вы напрасно себя мучаете подобными мыслями. Въ сущности, счастье — это третье блюдо на пирѣ жизни. И требовать его, ждать, чтобы оно свалилось съ неба—нельзя. Особенно мужичинѣ. Счастье нужно завоевать, отбить для себя. И потомъ вы сами...Вѣдь живете вы той же сѣренькой трудовой жизнью, вамъ также нелегко.

— Я старше его, Антонина Александровна, сказала, краснѣя, Маслитенова. — Поэтому я могу жить безъ третьяго блюда, а ему трудно.

— Ну, а вы говорили съ нимъ на эту тему?

— Онъ вообще не говорить со мной.

— Вотъ онъ какой! Злой, эгоистъ...Ужасно я, Танечка, не люблю мужичинъ. Всѣ они такіе.

— Такъ и должно быть. Въ насъ, женщинахъ, больше самопожертвованія.

— Знаете что, Таня? Я какъ-нибудь приду къ вамъ и попробую поговорить съ нимъ.

— Антонина Александровна, ради Бога!..

— Да вы не бойтесь. Вы не думайте, что я приду и ляпну: ваша жена мнѣ говорила, что вы несчастны... Нѣтъ, я иначе поговорю съ нимъ. Знаете, почему мнѣ хочется помочь вамъ? Потому что было время, когда моя замужняя жизнь не очень-то налаживалась.

— У васъ, Антонина Александровна? Полноте! Не можетъ быть, чтобы васъ не любили, не поклонялись вамъ.

— Любили, да не такъ, какъ я хотѣла. Ну, да объ этомъ нечего говорить. Я хотѣла только вамъ сказать, что по опыту знаю, какъ тяжелъ и мучителенъ семейный разладъ. Тутъ иногда посторонніе могутъ сдѣлать больше, чѣмъ мужъ съ женой.

Маслитенова встала.

— Пойдемте, Антонина Александровна, мнѣ домой нужно. Починки у меня накопилось много. Въ свободный день, кажется, все бы передѣлала, да рукъ не хватаетъ.

— Ну, пойдемте. Хотя здѣсь очень хорошо сидѣть.

Онѣ пошли къ выходу. Собака сначала съ недружбіемъ посмотрѣла на нихъ, а потомъ побѣжала за ними, обнюхивая слѣды по дорожкѣ.

— Ну, не будете больше плакать? спрашивала Антонина Александровна, когда онѣ вышли на улицу.

— Сейчас не буду, а за будущее ручаться трудно. Во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ за ваше участіе.

— Какъ-нибудь въ скоромъ времени я зайду къ вамъ.

— Приходите, пожалуйста. Но только помните: Алешѣ ни слова ни намека.

— Я понимаю.

— Онъ и такъ обвиняетъ меня въ томъ, будто я всемъ на него жалуюсь. А что жаловаться? Нашъ разладъ и такъ все знаютъ.

— Ну, до свиданія, Танечка! Не мучайте себя, все устроится.

Онѣ простились и разошлись въ разныя стороны. Антонина Александровна, задумавшись, тихо шла по улицѣ, машинально отвѣчая на поклоны знакомыхъ. Она думала объ этой семейной драмѣ, такой обыденной и въ то же время волнующей. Думала о той нелѣпой, возмутительной любви, которая доводитъ женщину до униженія, до полного обезличенія.

..Боже мой, у самой въ чемъ душа держится—и все Алеша! Ребенокъ заброшенъ такъ, что нельзя безъ жалости смотрѣть на ея Катю. И этого не видить, не чувствуетъ. Если кто изъ нихъ троихъ несчастенъ, такъ это Катя. Эта—безъ вины виноватая... А Татьяна Вла-

димировна счастлива своимъ самоистязаніемъ. Но еще лишнее подтвержденіе того, что всѣ мужчины—деспоты и эгоисты.

Антонина Александровна хотѣла сначала пойти домой, но потомъ раздумала и повернула въ другую сторону. Переходя изъ улицы въ улицу, она вышла, наконецъ, на небольшую площадь къ зданію земской управы. Напряженно и внимательно вглядывалась вдаль, замедляя шаги. И почему-то покраснѣла, увидѣвъ Сашу Труханова. Тотъ почтительно поклонился ей и хотѣлъ пройти мимо, но она остановила его:

— Михаилъ Семенычъ въ управѣ?

— Нѣтъ, еще не пріѣзжалъ. Запоздалъ онъ что-то сегодня.

Антонина Александровна сконфузилась. Ей вдругъ представилось, что Трухановъ догадался, зачѣмъ она въ ранній неурочный часъ бродить здѣсь одна, далеко отъ дома.

Она пошла обратно, а къ Труханову, волнуясь и спѣша, бѣжалъ подрядчикъ Егосинъ.

— Не видать Михаилъ Семеныча?

— Нѣтъ, не пріѣзжалъ. Да ты чего егозишь-то? Что тебѣ такъ приспичило? Съ чего?

— Не то, что приспичило, а прямо сказать—вотъ! И онъ! провелъ пальцемъ себѣ по горлу.—Вонъ они, мои ироды, вонъ погубители!

Онъ указалъ на трехъ мужиковъ, которые, переминаясь съ ноги на ногу, стояли у входа въ зданіе управы, видимо, поджидая кого-то.

— Такъ это наши мужики, знакомые. Изъ Сухова, кажется?

— Да, суховскіе, угрюмо отвѣчалъ подрядчикъ.

— Съ чего же это они твоими погубителями сдѣлались?

— Дѣло такое вышло.

— Ну, коли не хочешь говорить, Господь съ тобой. Миѣ тоже къ своему мѣсту пора. Коли Михаилъ Семенычъ подѣдетъ и увидитъ, что я тутъ съ тобой мотаюсь, онъ не очень похвалитъ.

Онъ хотѣлъ уйти, но Егосинъ схватилъ его за рукавъ.

— Сашенька, другъ! Помоги, вызволи! Ужъ я тебѣ...

— По-мо-ги! Теперь, когда въ бѣду втянулся—помоги! А когда я у тебя намерднись четвертную просилъ, такъ тогда небось задавался, носъ свой паршивый кверху дралъ.

— Сашенька, да я... Господи! Ну, не было у меня въ тѣ поры денегъ. Даже четвертной не было. Вызволи ты меня теперь—такъ я тебѣ двѣ четвертныхъ съ превеликимъ удовольствіемъ!

— Ну, расскажи миѣ толкомъ, въ чемъ дѣло. Пойдемъ туда, что жъ на холодѣ.

— Нельзя, Сашенька. Я этихъ иродовъ съ глазъ не спущаю. Съ кой поры ихъ караюлю, около нихъ, какъ неприкаянный, болтаюсь. Боли они Михаилъ Семеныча допрежь меня увидать—бѣда!

— Посто́й, Егорка! А ежели мы ихъ къ члену отправимъ? Не къ Селезневу, а къ Кашиинцеву? Онъ ихъ такъ турнетъ!

— Не очень-то понѣ ихъ турнешь. Тоже такъ объ себѣ полагаютъ, что важнѣй ихъ брата-мужика во всемъ уѣздѣ и народу нѣту. Да и не пойдутъ они къ Кашиинцеву. Они, сукины дѣти, чуютъ, что имъ въ Михалъ Семенычъ вся заступа.

— Ну, говори, въ чемъ дѣло. Я увижу, можно ли тебя вызволить, или вовсе отъ тебя отступиться. Только смотри, не ври.

— Да дѣло-то оно, вишь, какое... Прямо сказать, левое дѣло, а склока черезъ него большая можетъ выйгнѣть. Михалъ Семенычъ, онъ горячій. Набрешутъ они ему, онъ и осерчаетъ. А дѣло-то оно вотъ какое. Ты, Сашенька, знаешь Грачевскіе Выселки?

— Ахъ, это тамъ, гдѣ ты два вѣнца изъ сруба уперъ? Какъ же, знаю.

— И вовсе я даже не упиралъ.

— Разсказывай! Ужъ и сердился же тогда Михайлъ Семенычъ!

— Такъ вѣдь дѣло-то какъ было? Вотъ они, эти самые выродки, у меня со стройки маштовья сваи уперли. Что мнѣ было дѣлать? Время горячее, дѣловъ у меня пропасть. Ну, снялъ я вѣнцы на сваи и вывелъ ихъ.

— А говорятъ, что сваи у тебя и вовсе не было?

— Говорятъ... Кто такой это говорить? Ужъ я бы тому подлецу всѣ бока обломалъ!

— Это Овцынъ говорилъ.

— Овцынъ? Ахъ онъ, распреподлецъ! Ну, вотъ, какъ объявилось это дѣло, съ вѣнцами-то, Михалъ Семенычъ отругалъ меня, а потомъ засмѣялся и говоритъ: ладно, грить, я тебя, Егоръ Матвѣичъ, прощаю...

— Ишь, какъ онъ съ тобой деликатно, засмѣялся Саша.

— Онъ меня уважаетъ. И я, грить, тебя во всемъ оправдаю, продолжалъ Егосинъ,—только навози ты мнѣ въ Грачевскіе Выселки два куба камня. Ну, мнѣ камня нѣшто жалко? У меня этого самаго бута—уйма. А на счетъ подвоза—зарѣзъ. Всѣ подводы въ разгонѣ. Вотъ я тогда этимъ иродамъ и споялъ ведро, а они обѣщались два куба въ Грачевскіе Выселки вывозить. И что жъ ты думаешь? Водку, аспиды, слопали, а возить не хотятъ. Ну, что станешь дѣлать? Былъ я на Леонтія у земскаго на именинахъ и попросилъ его: Леонтій Митричъ, сдѣлай ты милость, припугни суховескихъ, чтобы камень возили. Обсказалъ ему все. Онъ ихъ и припугнулъ. Ну, они вывозили два куба. А теперь съ меня деньги требуютъ. Какъ такъ? Вѣдь водку то вы, щучье племя, пили? Какъ же, говорятъ, пили за твое, Егоръ Матвѣичъ, здоровье. А теперь, вишь, къ Михалъ Семенычу трафятъ жалаться, что имъ денегъ не плачу. Ну, не подлецы ли? Не сукины

ли дѣти? Вызвали, Сашенька! Только бы до Михалъ Семеныча не доводить. Онъ насчетъ мужиковъ ужъ больно строгъ. Никакихъ по-ступковъ...

— Двѣ четвертныхъ и ужинъ у Иванихи, скороговоркой проговорилъ Саша. И вдругъ, сдѣлавъ звѣрское лицо, затопалъ ногами и закричалъ:

— Это ты что выдумалъ? Мужиковъ обижать? Обманывать, урѣзывать? Ни за что не допущу. Убирайся съ глазъ моихъ!

Это было такъ неожиданно, что Егошинъ ошолоумѣлъ. Выпученными глазами смотрѣлъ онъ на юношу, испуганно пятился передъ нимъ, а тотъ все грознѣе наступалъ на него. На лицахъ мужиковъ мелькнула злорадная улыбка. Егошинъ, смущенный и растерянный, шелъ по улицѣ, ничего не понимая. Только что онъ завернулъ за уголъ, какъ столкнулся со Стоговымъ.

— Егору Матвѣичу! весело крикнулъ ему тотъ изъ саней.

Егошинъ снялъ шапку и побѣждалъ чуть не рысью на другую сторону улицы. Стоговъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Когда онъ проходилъ къ себѣ въ кабинетъ, Саша, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и бойко поцелкивалъ костяшками счетовъ. Суховскіе „проды“ стояли передъ Саешниковымъ, который выдавалъ имъ ордеръ на полученіе денегъ изъ кассы. Стоговъ ласково отвѣтилъ на ихъ чуть не поясной поклонъ и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Туда сейчасъ же къ нему явился старикъ-бухгалтеръ и съ сіяющимъ видомъ сообщилъ:

— А я, Михаилъ Семенычъ, копейку нашелъ! Слава Господу!

— Копейку? удивился онъ.—Что вы такъ обрадовались?

— Да какъ же не радоваться? Помните вы, у насъ по строительнымъ смѣтамъ балансъ не сходился?

— Ахъ, вы про это! А я сразу не сообразилъ, думалъ, вы нашли на дорогѣ копейку и обрадовались.

— Да, три дня рылся въ книгахъ и вотъ, благодареніе Создателю, нашелъ эту копеечку!

Его розовое, гладко выбритое лицо сіяло счастьемъ. Стоговъ едва скрылъ невольную усмѣшку. Найденная копейка! Но онъ быстро опомнился, спустился изъ шири мечтаній въ обыденную управскую дѣйствительность и съ улыбкой сказалъ:

— Отчетность—великое дѣло.

— Какъ же можно? Отчетность—это все, глубококомысленно подтвердилъ бухгалтеръ.—Мнѣ эта копейка покою не давала. Сама по себѣ копейка что? Пфуй! Я своихъ двѣ приложилъ бы для баланса. Но порядокъ! Вотъ въ чемъ сила!

Вошелъ секретарь съ пачкой бумагъ для подписи, за нимъ Саешни-

ковъ съ квитанціей отъ депежнаго ордера. Тихонько пробрался и Саша. Сталъ въ сторонѣ, чутко прислушиваясь къ разговору.

— Михайлъ Семенычъ, началъ Саешниковъ:—вотъ мы только что выдали 182 р. 70 к. суховскимъ мужикамъ, но я что-то не помню...

— Что такое? спросилъ Стоговъ. Подошелъ Саша и взялъ у Саешникова квитанцію.

— Гурій Сергѣичъ, это дѣло я помню...

— Я и пришелъ, чтобы обозначить. Кажись, съ суховцами у насъ ряды не было...

— А я помню, сказалъ Трухановъ.—Это было тогда, когда...

— Саша, дай сюда квитанцію, сказалъ Стоговъ.

Но тотъ положилъ ее въ карманъ и говорилъ Саешникову:

— Вы, Гурій Сергѣичъ, не беспокойтесь, я вамъ сейчасъ скажу...

Стоговъ внимательно смотрѣлъ на того и на другого. Брови его нахмурились, глаза потемнѣли. Этихъ потемнѣвшихъ глазъ боялись всѣ служащіе.

— Дай мнѣ сюда квитанцію! рѣзко крикнулъ онъ. Саша молча отдалъ, Стоговъ пробѣжалъ ее глазами и съ недоумѣніемъ сказалъ Саешникову:

— Что же, все въ порядкѣ... И номеръ по корешку и кассовый номеръ. Можно справиться по книгамъ.

— Да я нѣшъ про те? На бумажкѣ-то оно все, какъ слѣдъ быть. А дѣло-то оно путаное. Какъ оно и въ книгѣ-то пошло. Путаное оно, дѣло-то...

Саша поблѣднѣлъ.

— Охъ, Гурій Сергѣичъ, сказалъ Стоговъ:—если вамъ что путаное мерещится, распутывайте сами. Съ формальной стороны—все въ порядкѣ, значать, беспокоиться не о чемъ. Вонъ у насъ посерьезнѣе бумага получена, объ ней говорить надо...

— Что за бумага? спросилъ Саешниковъ, видимо встревоженный.

— Бумага, гдѣ намъ предлагается „отписаться“ по случаю передвиженія кредитовъ...

— Это про каки же кредиты?

— Бѣляевскую школу мы не строили, вотъ эти кредиты и пошли на ананьевскій мостъ.

— Охъ, говорилъ я вамъ тогда, Михайлъ Семенычъ! Не послушали меня въ тѣ поры.

— Не бѣда, отпишемся. Дурного мы ничего не дѣлали. Но неприятны эти бумажныя дразги. Терпѣть я ихъ не могу. А вы еще точно нарочно прибавлять своихъ стараетесь. Пора понять, что наша сила, успѣхъ нашей работы—въ единеніи, а не въ раздорахъ. Вы же, какъ нарочно, всякій пустякъ хотите сдѣлать поводомъ для недоразумѣній.

Онъ сталъ просматривать поданныя для подписи бумаги.

— Иванъ Николаевичъ, обратился онъ къ секретарю,—вы составьте мнѣ подробную, обстоятельную бумагу въ отвѣтъ на запросъ изъ губерніи, и непременно сегодня же. Потому что бумага срочная.

Секретарь взялъ бумагу и вышелъ. За нимъ вышелъ и Сасиниковъ. Въ кабинетѣ остался только Саша.

Стоговъ подошелъ къ окну и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ блистающія серебряныя дали. И проговаривалъ тихо, какъ бы говоря съ самимъ собой:

— Какая красота и ясность въ природѣ — и какая грязь и злоба въ нашихъ помыслахъ. И почему мы все такъ мелки, такъ безчувственны! Столько красоты каждый мигъ раскрывается передъ нами, а насъ, кажется, ничѣмъ не проймешь. Ни лучше духомъ ни чище помыслами мы, кажется, никогда не станемъ!

Саша подошелъ къ нему и взялъ его руку какъ-то робко и бережно, почти благоговѣнно.

— Что ты, Саша, разиѣжничался? обернулся Стоговъ къ юношѣ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что глаза его застланы туманомъ слезъ, а лицо поблѣднѣло отъ чего-то, сильно всколыхнувшего душу.

— Я очень виноватъ передъ вами, Михайлъ Семенычъ, прошепталъ юноша.—Простите меня!

— Виноватъ? Ну-ка, говори, въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, не спрашивайте, взволнованно говорилъ онъ.—Просто простите. И вѣрьте, что больше я никогда...

Онъ не могъ договорить отъ волненія. Стоговъ ласково погладилъ его по головѣ и проговорилъ, улыбаясь:

— Ну, и денекъ сегодня выдался! Тянуть меня къ отвѣту за „передвиженіе кредитовъ“. Передвинулъ кредиты... Вѣдь звучитъ-то какъ грозно! Можно подумать, что я ихъ въ свой карманъ передвинулъ. Еще опомниться не успѣлъ, тутъ на меня наши налетѣли: кто копейку нашелъ, кто въ рубляхъ запутался. А въ довершеніе всего еще ты, Сашка, мелодраму развелъ!

Юноша молчалъ, смиренно понуривъ голову и изрѣдка взглядывая на него робкими, виноватыми глазами. Стоговъ опять сѣлъ къ столу и началъ разбирать и просматривать грудой наваленныя бумаги, дѣлая иногда помѣтки то краснымъ, то синимъ карандашомъ.

— Ты чего же тутъ сидишь? спросилъ онъ Сашу.—Дѣла нѣтъ?

— Я сейчасъ уйду, Михайлъ Семенычъ. Немножко посижу и уйду. Успокоиться хочется.

— А ты думаешь, мнѣ не хочется успокоиться? Онъ всталъ, потянулся всемъ тѣломъ.—Эхъ, тоска кака! Ей Богу, занью, кажется, сегодня!

— И я тогда съ вами, Михайлъ Семенычъ. Мнѣ тоже такъ тошно, что только запить, больше ничего не остается.

— Тебѣ-то съ чего? Влюбился, что ли?

Саша махнулъ рукой.

— Э, изъ-за этого не сталъ бы. Нѣтъ, баба меня не достигла и не ущемила. Меня своя подлость достигла, вотъ что!

— Подлость? Ну, что жъ, Саша, это хорошо, что ты отъ содѣянной подлости мучаешься, задумчиво произнесъ Стоговъ.—Страшно вотъ что: если ты надѣлаешь подлостей, и тебѣ, какъ съ гуся вода... Знаешь, что: ты теперь мнѣ не мѣшай, я поработаю, заставлю-таки себя. А какъ Иванъ Николаичъ принесетъ мнѣ одну бумажку, я просмотрю ее, тогда мы съ тобой закатимся наше горе заливать!

Юноша вышелъ, Стоговъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и потомъ принялся за работу.

Глава IX.

Послѣ земскаго собранія прошло два мѣсяца. Жизнь маленькаго города вошла въ обычную колею. Тахо, уныло тянулись дни, прочно вдвинутые въ рамку уклада обыденной жизни. Послѣ сырой и хмурой осени встала, наконецъ, зима, съ невинно-чистой опушкой снѣговъ, съ буйными вихрями, весело подымавшими колючую порошу по простору безкрайныхъ равнинъ. Занесло снѣгомъ жалкія „вѣшки“ земскихъ дорогъ, и по нимъ ѣздили „щупомъ“, т. е. запрягали парную упряжку гусемъ, предоставляя головному кореннику „прощупывать“ дорогу. Заморенныя лошаденки охотно и скоро нашли бы дорогу домой, но отыскивать ее подъ пухлымъ наносомъ снѣговъ имъ было не подъ силу. Увязнувъ чуть не по брюхо, онѣ останавливались, уныло мотая головой. Тогда на просторѣ бѣлыхъ полей слышалась крѣпкая мужицкая ругань и крикъ. Мужики топтались въ снѣгу, таща лошадей подъ-узды, по разнымъ примѣтамъ угадывая дорогу. Такъ все маялись изо дня въ день, изъ года въ годъ, ругали, на чемъ свѣтъ стоитъ, и вѣшки, и дорогу, и лошадей, и снѣгъ.

— То-есть, снѣгу нонѣ намело—чистое наказаніе, жаловались мужики.—И вѣтеръ-то паршивый, все низомъ, все низомъ поземку наметаетъ. Хоть садись посередѣ поля и плачь!

Во время одной изъ поѣздокъ Стоговъ сбился съ дороги, долго плуталъ по полю, чуть не замерзъ и, наконецъ, выбрался къ Мещерину, очутившись въ противоположной сторонѣ отъ конечной цѣли своей поѣздки. Онъ сидѣлъ въ деревенской чайной, носившей трогательное названіе „Свиданіе друзей“, и отогрѣвался, бесѣдуя съ мужиками, которые изъ сочувствія къ нему наперерывъ другъ передъ дру-

гомъ ругали обильно выпавшій снѣгъ, отъ котораго ни проходу ни проѣзду.

— Эхъ, старички! Снѣгъ-то нечего ругать. Снѣгъ къ урожаю. Тутъ другая причина есть, говорилъ онъ имъ, подливая малиновой наливки, которую пили, за непимѣніемъ водки.—Тутъ снѣгъ не при чемъ.

— Вѣстимо, снѣгъ къ урожаю, соглашались мужики.—А только отъ его, отъ этого самаго снѣгу, ни проходу ни проѣзду.

— Такъ вы бы, чѣмъ снѣгъ ругать, колевы какихъ бы повыше натыкали. А то вѣдь, какъ ваши вѣшки поземкой занесетъ, такъ тутъ, плутоваши, и замерзнуть недолго.

— Это ты вѣрно говоришь, Михаль Семенычъ, степенно и дѣловито согласился одинъ изъ стариковъ.—У насъ замерзнуть въ полѣ въ снѣжную зиму, прямо сказать, ничего не стоитъ. Какъ тебѣ снѣгомъ колею замететь, да приморозить—тутъ самая понятная животина ни за что дорогу не сыщетъ. Еще коли снѣгъ пушной, легкій, такъ изъ-подъ его конь духъ-то навозный учуетъ, конькомъ колею обознаетъ. А ужъ когда приморозить—тутъ, прямо сказать, возжи кинь, руки складай и твори молитву.

— Ну, вотъ, значить, сами видите, что этой бѣдѣ подсобить нужно. Значить, надобно на будущій годъ съ ранней осени около дорогъ не то колевы набить, не то елочекъ насадить. Елки-то, оно да же лучше.

— Это правильно. Ужъ лучше елки ничего не найтить. Елка—она на вѣки вѣчные. Опять же и снотина елку не тронетъ. Переводу ей, этой елкѣ, не будетъ.

— Вотъ и соберите міръ насчетъ этого дѣла, говорилъ Стоговъ, радуясь быстро установившемуся пониманію сути дѣла.—Соберитесь и потолкуйте, какъ за это дѣло взяться. Возьмемъ, къ примѣру: отъ вашего Мещерина на двѣ стороны дороги идуть. Одна къ Мотовилихѣ, другая въ городъ. До города-то версты 22, кажется, будетъ?

— Кажись, 22. Бабы считаютъ и всѣ 25.

— Ну, все одно. Такъ вотъ, ежели на версту по пяти елочекъ сажать, стало быть, на дорогу 125 елокъ выходить. А въ бору на прогалинахъ у васъ хвойнаго молодняку много, тамъ онъ тѣсною глущится и, все одно, пропадаетъ. А дворовъ у васъ сколько?

— У насъ въ Мещеринѣ 38 дворовъ, отвѣчали мужики.

— Тридцать восемь... Стало быть, на дворъ по четыре, по три елки придется. Такъ это пустяковое дѣло!

— А насчетъ платы какъ, Михаль Семенычъ, съ воза аль съ десятка?

— Какая плата? Кто же вамъ будетъ платить? Вѣдь для себя же вы дѣлаете.

На потныхъ темныхъ лицахъ заиграла улыбка. Блеснула и скрылась въ патлатыхъ нечесаныхъ бородахъ.

— Для себя? Ужъ и затѣйникъ же ты, Михалъ Семенычъ! Этакое удумаешь, чего нѣму вѣкъ не удумать. Для себя! Да нѣшь мы господа аль купцы? Кака наша ѣзда? Мужичкая, одно слово. А снѣжокъ, коли правду сказать, отъ Бога. Потерпѣть надо. Мы на снѣжокъ не обижаемся.

— Постои, старая голова! А не обидишься, какъ замерзнешь?

— А ужъ это, какъ Богъ. Богъ не попуститъ, такъ и не замерзнемъ. А попуститъ, такъ ты, хошь весь елками обсадишь, все одно, замерзнешь.

— Такъ вѣдь вамъ же лучше будетъ! Ну, какъ вы этого не понимаете?

— Нѣтъ, ты погоди. Скажемъ, будемъ мы, по твоему, елки сажать. Посадимъ и на Мотовилиху и на Мещеринскій Логъ, по всей дорогѣ. Будемъ ѣздить. А мотовилинскіе—что жъ они за господа такіе, чтобъ по нашимъ елкамъ таскаться?

— Такъ мотовилинскіе дальше отъ себя будутъ сажать. На Лытвино, на Зыково.

— И пущай сажаютъ. Ихнее дѣло. А намъ убиваться не гоже. Еще кабы управа насъ хошь задешево подрядила. Ну, тогда ино дѣло. А такъ, задарма—кака намъ сласть спину гнуть да скотину мучить?

Стоговъ началъ горячо доказывать имъ обоюдную выгоду отъ этого дѣла. Онъ объяснялъ, доказывалъ, а мужики молча слушали его, часто прикладываясь къ малиновой настойкѣ и закусывая ее селедкой съ лукомъ. Лица ихъ были спокойны и благодущны, но за этимъ благодущіемъ стояла несокрушимая стѣна чисто мужичкаго упрямства. И Стоговъ понималъ, что стараться сокрушить это стѣну глупо, но не могъ сдержать себя. Съ горячностью идеалиста онъ старался пробить брешь въ этой стѣнѣ. Уже забыты были елки и вѣшки—теперь онъ съ возрастающимъ жаромъ громилъ деревенскіе неурядки. Попрекалъ мужиковъ за составленіе приговора противъ учительницы, за то, что она учитъ ребятъ въ престольные праздники, подбирая ихъ на непочтеніе къ Богу. Припомнилъ отдачу въ аренду деревенскому міроѣду нѣсколькихъ десятинъ общественнаго выгона, громилъ пьянство, темноту мужичкую, нежеланіе сдѣлать хоть маленькое усиліе, чтобы устроить лучше свою жизнь.

— Вотъ вы не хотите вѣхъ по дорогѣ поставить, говорилъ онъ горячимъ, взволнованнымъ голосомъ:—вамъ неохота себя и скотину мучить. Что же, дѣло ваше. Но мнѣ больно, что даже доброе, хорошее для васъ приходится дѣлать насильно. И вы даже не вѣрите въ то, что вамъ хотять добра, а только и думаете о томъ, чтобы сор-

вать лишнюю копейку, которую потомъ глупо и безцѣльно пропъете. Меня вы знаете не первый годъ и, кажется, могли бы мнѣ вѣрить, а между тѣмъ...

Голосъ его оборвался отъ волненія. Сидѣлъ онъ, склонившись на руку, и не видѣлъ, какъ мужики смущенно переглядывались между собой, какъ раскрывались ихъ уста, точно желали что-то сказать... Наконецъ, одинъ изъ мужиковъ, бодрѣе и моложе всѣхъ, съ рябымъ скуластымъ лицомъ и маленькими умными глазками, всталъ, подошелъ къ Стогову и нерѣшительно дотронулся до его плеча:

— Ты, Михайло Семенычъ, того... не серчай. Мы къ тебѣ всей душой, а только тебѣ нашей причины въ толкъ не взять. Не осилить... Да.

Онъ откашлялся, обвелъ взглядомъ присутствующихъ, какъ бы ища поддержки и одобренія, и продолжалъ:

— Вѣрно я говорю. Потому, хоть ты, правду сказать, нутромъ какъ бы нашъ, хресьянскій, но утроба-то у тебя, повадки—все же господскія. Отъ этого не отчуждаешься. Мы испоконъ вѣковъ все какъ-нибудь жили... Насъ „худомъ“ не удивишь. И хребтина у насъ отъ этого „худа“ во какъ болитъ. Потому оно огромное, „худо“-то это наше. Его не сдюжаешь. Его, поди, столько же годовъ изморомъ надо брать, сколь оно нами владеетъ. А ты съ налету хочешь, съ форцемъ. А этакъ не потрафишь. И тебѣ натуга и намъ огорченье.

Стоговъ поднялъ голову и улыбнулся. Въ нескладной мужицкой рѣчи онъ сумѣлъ уловить отзвуки большой правды. И ему стало стыдно за свою горячность, за свое нетерпѣніе. Съ шутливой улыбкой, скрывавшей его смущеніе, онъ пожалъ грязную, потную руку и сказалъ:

— Ну, ладно, дядя. Будемъ жить по пословицѣ: тише ѣдешь, дальше будешь. Пусть будетъ по вашему: не хотите мотовилинцамъ услужить—будемъ себѣ всѣ плутать и мерзнуть.

— Не всякъ день плутать доведется. Ипо мѣсто, коли животина уметвенная, такъ она и безъ вѣшекъ куда ни на есть вывезетъ.

Разстались друзьями, но этотъ эпизодъ надолго запомнился Стогову. Онъ далекъ былъ отъ слѣпого, фанатическаго поклоненія мужику, но не могъ не видѣть того, что очень часто тотъ самый мужикъ, къ которому интеллигенція относится свысока, усмѣхнется себѣ въ бороду и что-то смекнетъ про себя. А, смекнувши, огоршитъ уметвующаго интеллигента какимъ-нибудь афоризмомъ изъ кодекса „земляной мудрости“, вроде хотя бы слѣдующаго: „его, худо-то наше, столько годовъ надо изморомъ брать, сколь годовъ оно нами владало. А съ палету, съ форцемъ—никакъ не потрафишь“. И Стоговъ далъ себѣ слово послѣдовать этому совѣту.

Въ свободные вечера онъ вырабатывалъ планъ кампаніи: обду-

мывалъ, какъ провести въ жизнь рядъ намѣченныхъ мѣропріятій. Занимался книгами по агрономіи, по сельскому хозяйству. Такая способность всецѣло отдаться достиженію широкой идеи помогала ему переносить невзгоды личной жизни. А такихъ невзгодъ было немало. Когда пришелъ срокъ платежа процентовъ за имѣніе, Глафира предложила ему взять у нея изъ той небольшой суммы, которую дядя давно еще положилъ въ банкъ на ея имя. Она настаивала на этомъ, втайнѣ рассчитывая, что узами благодарности за оказанную услугу онъ будетъ крѣпче связанъ съ нею, чѣмъ капризомъ страсти. Но Стоговъ наотрѣзъ отказался взять у нея деньги и обратился къ Беркулову. Глафира обидѣлась, грозилась уйти отъ него. Стоговъ съ добродушной усмѣшкой говорилъ:

— Куда ты уйдешь, Глафира? Отъ меня-то? Никуда не уйдешь!

— Нѣтъ, уйду, уйду! гнѣвно кричала она.—Вотъ сдѣлай что-нибудь еще. Не вынесу—и уйду.

— А уйдешь—вернешься, спокойно и увѣренно отвѣчалъ онъ.— У меня приворотный корень есть.

Глафира съ испугомъ посмотрѣла на него. Ея суевѣрный разумъ вполне допускалъ возможность существованія подобнаго корня.

— Вздоръ говоришь, Миша. Ужъ захочу уйти—никакіе привороты не помогутъ.

Къ вечеру они помирились. Забылось все въ волнѣ налетѣвшей страсти, въ опьяняющемъ безуміи поцѣлуевъ. И вдругъ Глафира, близко наклонившись къ нему, прошептала:

— Миша, золото... Дай мнѣ этотъ корень!

— Какой? удивился онъ.

— Да вотъ приворотный, который у тебя. Дай!

— А-а, вотъ чего захотѣлось! Зачѣмъ тебѣ?

— Хочу тебя приворожить.

— Да ты и такъ приворожила.

— Тѣло, да... Взяла, это знаю. А душу ты мнѣ не даешь. На запорѣ отъ меня ее держишь.

— Такъ и нужно. Съ вами, бабами, иначе нельзя. Не дай Богъ вамъ цѣликомъ отдаться.

— А зачѣмъ тогда мою-то душу бралъ?

— А ты зачѣмъ давала? Я бы и такъ обошелся, смѣялся онъ.

— Мы не можемъ безъ души любить, въ полузабытій шептала Глафира.—Ужъ отдаваться, такъ безъ оглядки. И такъ ты меня взялъ, что только приворотомъ и можно.

— Что ты за вздоръ говоришь, Глафира! Неужто меня безъ приворота я полюбить нельзя? И брось ты все это, оставь ты мою душу въ покоѣ. На что тебѣ она? Вѣнъ ты красавица какая. Отъ тебя грѣ-

хомъ и страстью, какъ отъ печки, пышетъ, а ты все насчетъ души антимонію разводишь. Вотъ погода, пройдетъ время, утихнутъ страсти, состаримся мы съ тобой—я и самъ тебѣ свою душу на блюдѣ преподнесу: вотъ, пожалуйста, Глафира Даниловна, возьмите на свое попеченіе заблудшую душу раба Божія Махаила.

— Правда? Не врешь, не смѣешься? спрашивала Глафира, впиваясь въ него пристальнымъ взглядомъ блестящихъ глазъ.

— Зачѣмъ врать? Такъ вѣдь всегда бываетъ, уклончиво отвѣчалъ онъ. Но она въ порывѣ восторга цѣловала его жарко и горячо за этотъ мимолетный намекъ на ихъ общую будущность, на длительность и прочность любви. И въ такія минуты Глафира забывала все свои тревоги, все опасенія. Но за пьянящими минутами счастья наступали холодные, угрюмые дни. Таяли одинъ за другимъ красивые обманы, сгорала жаркая вѣра—и опять Глафира ходила угрюмая, настороженная, чутко-ревнивая.

Скандалъ, происшедшій во время попойки въ день выборовъ, тяжело мучилъ Стогова. Съ Маслитеновымъ они встрѣчались въ управѣ съ холодной враждебностью, обмѣнивались чисто официальными фразами, но Стоговъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ нимъ за рѣзкость кулачной расправы и рѣшилъ съѣздить къ нему объясниться, по возможности загладить свою вину.

Маслитеновъ жилъ во второмъ этажѣ большого деревяннаго дома и занималъ квартиру изъ пяти большихъ, но пустыхъ и неуютныхъ комнатъ. Эти комнаты имѣли унылый, заброшенный видъ, вслѣдствіе недостатка мебели, занавѣсокъ и всехъ тѣхъ мелочей, которыя придаютъ квартирѣ малую теплоту и уютность. Пусто было, холодно и скучно въ этихъ большихъ комнатахъ, гдѣ тихо бродила высокая худенькая дѣвочка. Она часто оставалась одна, и потому росла страннымъ созданіемъ, блѣднымъ и задумчавымъ. Огсуствіе заботливой женской руки чувствовалось очень замѣтно: въ порванныхъ на колышкахъ чулкахъ ребенка, въ неубранномъ послѣ утренняго чая самоварѣ. Маслитеновъ также рѣдко бывалъ дома, разъѣзжая по уѣзду, и впечатлѣніе унынія и заброшенности еще болѣе увеличивалось.

Въ ту минуту, когда Стоговъ подъѣхалъ къ его дому, онъ ходилъ по комнатамъ, съ ожесточеніемъ куря одну папиросу за другой. Временами подходилъ къ окну, ерошилъ свои густые волосы и сквозь зубы ругался, кого-то проклиналъ. Когда Стоговъ постучалъ въ дверь, то онъ, не оборачиваясь, равнодушно бросилъ:

— Кто тамъ? Войдите.

Увидавъ Стогова, поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ. Встрѣчаясь съ нимъ только въ управѣ, онъ сразу подумалъ, что этотъ визитъ вызванъ какими-нибудь упущеніями по службѣ, за которыя Стоговъ бу-

детъ ему мстить, какъ человѣку, лично для него непріятному. И онъ стоялъ, смущенный, испуганный, предчувствуя бѣду—потерю мѣста, нужду, что еще болѣе увеличить тяготу опостылѣвшей ему семейной жизни. Но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ пріободрился и чуть насмѣшливымъ голосомъ спросилъ:

— Кого я имѣю честь видѣть у себя: Михаила Семеновича Стогова, или г. председателя земской управы?

— Зачѣмъ этотъ тонъ, Алексѣй Ивановичъ? проговорилъ Стоговъ. — Ей-Богу, бросьте. Влиновать я передъ вами и пришелъ попросту, мириться. Больше ничего.

— Нѣтъ-съ, позвольте, перебилъ его Маслитеновъ. — Миѣ важно это знать. Потому что съ Михаиломъ Семеновичемъ Стоговымъ я буду говорить такъ, а съ г. председателемъ управы долженъ говорить совсѣмъ иначе. Вотъ-съ почему.

— Я вовсе не желаю прикрываться въ своихъ частныхъ дѣлахъ званіемъ председателя управы.

— Прекрасно. Значитъ, я имѣю дѣло съ Михаиломъ Семеновичемъ Стоговымъ. Огласно-съ. Такъ и запомнимъ. Да что вы не присядете? Ну-съ, такъ что же вы имѣете миѣ сказать, Михаилъ Семенычъ?

— Что? Да я же вамъ говорилъ, что пришелъ мириться. То-есть, не мириться, а попросить прощенья за то, что я себѣ тогда позволилъ. Это было некрасиво...

— Это тогда, когда вы меня ударили? съ язвительной усмѣшкой переспросилъ его Маслитеновъ.

— Ну, да, если вамъ угодно это подчеркивать. Пьяны мы были оба—оба и виноваты. Но меня давно тяготилъ мой поступокъ. И вотъ хочу, какъ могу, загладить его. Словомъ, забудемъ то, что было!

И онъ протянулъ ему руку. Маслитеновъ отступилъ отъ него шагъ назадъ и съ усмѣшкой произнесъ:

— Если бы миѣ протягивалъ руку г. председатель управы, я бы счелъ себя обязаннымъ почтительно пожать ее. Но Михаилу Стогову я руки не подамъ. Не по-дамъ!

Стоговъ пожалъ плечами.

— Какъ хотите. Но я не совсѣмъ понимаю причину вашей ко миѣ... ненависти, что ли. Можетъ быть, это слишкомъ сильно, но миѣ кажется...

— Нѣтъ-съ, это не сильно, а въ самую точку. Что, не ожидали? Не ожидали, что смренный агрономическій червь будетъ ненавидѣть одного изъ сильныхъ здѣшняго земскаго міра? Да-съ! А между тѣмъ это такъ!

— Полно вамъ, Алексѣй Ивановичъ! Вы изнервничались, много пережили. Я это понимаю.

— Врете, ничего вы не понимаете! Ни черта! рѣзко оборвалъ его Маслитеновъ.—Развѣ вы можете понять психологію человѣка, у котораго петля на шеѣ? Никогда вамъ этой штуки не понять, пока жизни не накинеть вамъ такую же петлю. Тогда вы поймете, почему вы мнѣ дали пощечину, а я отонелъ въ уголъ и подло смолчалъ. Здѣсь у себя я всячески ерешенлся. А какъ приду въ управу—сейчасъ всю злость и гоноръ въ карманъ. И знаете, почему? Потому, что я весь въ долгахъ, потому что и я и жена—оба мы служимъ въ земствѣ, ѣдимъ хлѣбъ изъ вашихъ рукъ, отъ вашей милости. Ну, поневолѣ и молчишь. А сейчасъ вы сюда ко мнѣ разлетѣлись съ вашимъ великодушіемъ, и я вамъ, Михаилу Семеновичу Стогову, могу все на чистоту выложить. Могу выложить, какъ я васъ ненавижу!

— Но за что, Алексѣй Ивановичъ? За что? Неужели за то, что я—предсѣдатель управы, а вы—земскій агрономъ? Но вѣдь это же смѣшно...

— Итъ, не за то. Не хочется говорить объ этомъ, такъ это глубоко и сложно. Но ладно... Пусты! Помните, изъ-за чего вы меня ударили?

— Да, конечно. Потому что вы позволили себѣ намекать что-то на даму, всѣми уважаемую, которая...

— Словомъ, на Антонину Александровну Беркулову. Вотъ изъ-за нея-то я васъ ненавижу.

— Ей-Богу, ничего не понимаю!

— Ахъ, Михаилъ Семеничъ, какъ ни мизерна на первый взглядъ иная жизнь, а въ ней таятся много сложнаго. Такого, что сразу и не скажешь. Дѣло-то вотъ въ чемъ...Моя жизнь—это петля, помойная яма, каторга—все, что хотите, въ этомъ духѣ. И хочется мечты, отрады...какой-нибудь красивой грезы, недоступной, какъ звѣзда...Фу, чортъ, точно гимназистъ влюбленный! Ну, да не въ этомъ дѣло. И вотъ моя греза, моя звѣзда—это Антонина Александровна. Никогда я ей о томъ не сказалъ ни слова. Но въ тишинѣ думъ молхъ—молюсъ на ея красоту, какъ на лучшее, что я видѣлъ въ мірѣ. И однажды, случайно... я уловилъ одинъ ея взглядъ, брошенный на васъ. Мимолетный это былъ взглядъ. Но мнѣ онъ сказалъ многое. Сказалъ, что вы для нея... Ну, чортъ васъ возьми! Не смотрите же вы на меня такими выпучеными глазами! Словомъ, вы для нея—такая же звѣзда, такая же греза. А вѣдь вы ей посторонній человѣкъ, какъ и я. И все-таки—вы! Вы, а не я. И вотъ за это я и возненавидѣлъ васъ!

Стоговъ дѣйствительно смотрѣлъ на него широко открытыми отъ изумленія глазами. Никогда не предполагалъ онъ, что въ этомъ невзрачномъ, некрасивомъ человѣкѣ таилась какая-то большая сложная драма, въ которой онъ, Стоговъ, оказался въ чемъ-то виновнымъ. Это

было такъ сложно, такъ странно и такъ нелѣзно! Хотѣлось уѣхать, но неловко было встать и уйти послѣ надрыва этой исповѣди. И онъ сидѣлъ смущенный, досадуя на себя, зачѣмъ онъ впутался въ эту тяжелую сцену.

Ни тотъ ни другой не слышали, какъ въ комнату вошла Татьяна Владимировна. Стоговъ поднялся къ ней навстрѣчу.

— Здравствуйте, Татьяна Владимировна. Мы и не слышали, какъ вы вошли.

— Здравствуйте, Михаилъ Семенычъ.

— Ты смѣнилась, или только обѣдать? спросилъ жену Маслитеновъ.

— Обѣдать, отвѣтила она.

— Тогда не знаю, какъ и быть. Марья пьяна, и ничего не сговорено.

— Я пойду, посмотрю. Можетъ быть, хоть личицу сдѣлаю, сказала Татьяна Владимировна и вышла. Послѣдъ за ней поднялся и Стоговъ.

— Ну, какъ бы вы ни приняли мое извиненіе, Алексѣй Ивановичъ, все же я исполнилъ то, что считалъ нужнымъ, сказалъ онъ. — А теперь я пойду.

— Подождите минутку, Михаилъ Семенычъ, остановилъ его Маслитеновъ. — Вы человѣкъ благородный, ходите прямо, не согнувшись. Хорошо, пусть. Но придавленные люди... тѣ, которыхъ вы презираете...

— Я никого не презираю, Алексѣй Ивановичъ.

— Позвольте, дайте мнѣ кончить. Такъ вотъ эти самые люди — они должны склоняться передъ вами, но минуты своего униженія они не забудутъ. Понимаете? И потому... никакими извиненіями...

— Это какъ вамъ будетъ угодно, проговорилъ Стоговъ. Вся эта сцена порядкомъ утомила его. Онъ чувствовалъ желаніе поскорѣе уйти изъ этой большой неуютной комнаты, которую раннія зимнія сумерки уже окутали черно-синими тѣнями. Онъ сухо поклонился и вышелъ. А Маслитеновъ подошелъ къ самовару, наклонился и долго пилъ прямо изъ крана холодную воду, а потомъ сталъ мочить себѣ голову. Когда же услышалъ скрипъ полозьевъ отѣзжавшихъ саней, схватился рукой за сердце, и лицо его исказилось отъ боли.

— Что, Алеша, опять нехорошо? съ испугомъ спросила Татьяна Владимировна. Въ рукахъ у нея была глиняная чашка съ холоднымъ картофелемъ и кусокъ черного хлѣба.

— Нѣтъ, ничего, прошло, угрюмо отвѣтилъ онъ.

Подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Кто-то Властный затягивалъ сѣрое небо покровомъ густого мрака. И небо темнѣло, бросало на снѣговые равнины густо-лиловые тѣни. Стлались онѣ по пустынной улицѣ, какъ печаль на пути человѣческой жизни. На бѣломъ коврѣ

снѣговъ наѣзженныхъ колесъ казались сѣрыми змѣями, тихо уползающими вдаль. Хотѣлось идти по дорожкѣ между колесами, идти куда-то далеко отъ сѣрой неуютной жизни, отъ ея холода и мелкихъ униженій... Хотѣлось простора, ярко-алыхъ далей, многоцвѣтности гаснущихъ зорь—но сѣрыя сумерки все захватили себѣ, все окутали мглой.

На плечо глубоко задумавшагося человѣка легла чья-то рука, съ коротко обстриженными ногтями, жилистая, пахнущая карболомъ... Но нѣжно, почти материнской лаской звучалъ женскій голосъ:

— Алеша, не мучь себя, не унывай, не падай духомъ. Помни одно: ты лучше этой жизни. Стань выше ея!

— Гдѣ ужъ намъ, уныло отозвался онъ.

А она еще ближе прильнула къ нему и продолжала говорить тѣмъ же ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ. И этотъ голосъ, эти интонаціи у нея, усталой и состарѣвшейся, могла вызвать только огромная, беззавѣтная любовь.

— Алеша, знаю я, что тяжело тебѣ живется. Знаю, что у насъ неуютно, пусто... Знаю, что я не женщина, а рабочая кляча. И наша жизнь—вѣчныя будни. Но знай: нѣтъ потемокъ, куда бы рано или поздно не заглянулъ лучъ свѣта!

— Ну, къ намъ-то не заглянетъ!

— Почему? Въ жизни такъ много радостей! Я уже отжила, а ты моложе. Жизнь еще можетъ дать тебѣ многое. И ты долженъ вѣрить въ жизнь. Ищи радостей, ищи счастья. Не жди, пока онѣ сами придутъ къ тебѣ. Ты мужчина, ты можешь отвоевать себѣ красивые моменты... увлеченія. И вѣрь мнѣ,—тутъ ея голосъ дрогнулъ, зазвучалъ глубокимъ волненіемъ:—вѣрь мнѣ, что бы ты ни сдѣлалъ, какую бы ни нашелъ себѣ радость, я не отравлю ея тебѣ, не стану на твоёмъ пути. Я сумѣю сломать себя до конца...

— Хорошо, Таня, спасибо, усталымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.—Только ты слишкомъ фантазируешь. Ничего, никакихъ радостей жизнь мнѣ не можетъ дать. Все, что я хотѣлъ бы—такъ недоступно!

— Для тебя-то? съ глубокимъ изумленіемъ спросила она.—Да что ты, Алеша! Ты себя не знаешь, не хочешь цѣнить. Если бы ты чего-нибудь захотѣлъ—все было бы твоимъ!

И она смотрѣла на него восторженными глазами. Въ этихъ глазахъ угасающей женщины свѣтилась какая-то иная любовь, близкая къ жалости, къ всепрощенію, почти материнскому. Онъ задумался и не слышалъ, какъ она вышла изъ комнаты, смагивая внезапно набѣжавшія слезы. Тихо прошла она по темнымъ, пустымъ комнатамъ. Въ послѣдней слабо горѣлъ желтый огонекъ жестяной лампочки. Тамъ, въ уголкѣ около кровати, копошилась дѣвочка, стараясь нарядить ко-

тенка въ кружевной чепчикъ съ оборочкой. При входѣ матери она улыбнулась и сказала:

— Мама, я хочу Котьку нарядить, а онъ не дается.

— Ты ѣла что-нибудь? спросила мать.

— Нѣтъ, спокойно отвѣтила дѣвочка. — Сегодня Марья пьяная, и объѣда не будетъ.

— Я знаю. Но все-таки нужно было дать тебѣ чего-нибудь поѣсть.

Татьяна Владимировна уже не могла сдерживаться. Она присѣла на полъ, привлекла къ себѣ дѣвочку и тихо заплакала. И когда горячая слеза упала на блѣдную щечку, дѣвочка подняла на мать большіе глаза и серьезно сказала:

— Ты не думай, мама, что я ѣсть хочу. Я вовсе не хочу. Папа нашелъ въ кухнѣ вчерашнюю говядину, звалъ меня, но я не хотѣла. А что осталось отъ папы, я дала Котькѣ.

Слезы капали все чаще и чаще...

Дѣвочка съ досадой высвободилась изъ объятій матери.

— Вѣчно ты плачешь, мама. Отъ этого легче не будетъ.

Въ тускломъ желтоватомъ свѣтѣ обрисовывались два лица: лицо отжившей женщины, усталое, все въ морщинахъ, покраснѣвшее отъ слезъ, и лицо ребенка—блѣдное, съ тѣнью утомленія и печали. Было въ нихъ что-то общее, какое-то сходство, жутко сближавшее ихъ. Много надо было бы свѣта, ласки и счастья, чтобы оба эти лица засіяли радостью.

Глава X.

Антонина Александровна подъѣхала къ крыльцу дома, гдѣ жили Маслитеновы, и нѣкоторое время стояла у двери, лѣбуясь задумчивымъ безмолвіемъ голубой ночи. Уже не хотѣлось входить въ душныя комнаты, слушать давно знакомые нудные разговоры, самой отвѣчать, улыбаться—въ то время, когда душа тянется къ свободѣ, къ молчанію голубой ночи. Хотѣлось подольше глядѣться въ ея призрачную красоту, прислушаться къ тѣмъ грезамъ о счастьѣ, которыя навѣваетъ она, забыть хоть на мигъ о скучной и надоѣвшей правдѣ жизни...

Но вдали послышались шаги, чьи-то голоса, и Антонина Александровна позвонила. Никто не открывалъ, она стала стучать.

Дверь отворила сама Татьяна Владимировна и съ радостнымъ оживленіемъ привѣтствовала гостью.

— Здравствуйте, Антонина Александровна, мы ждемъ васъ...

— Значитъ, мужъ не забылъ, передалъ мое письмо?

— Передалъ. Васъ нѣтъ, и я ужъ боялась, что васъ задержали, что вы не придете.

Въ большой уютной столовой скоро стало какъ-то весело, по праздничному. На суровой, вышитой краснымъ узоромъ скатерти стояло масло въ хрустальной масленкѣ, сыръ, варенье, вазочка съ пастилой. На эту пастилу умильно поглядывала блѣдная, худенькая дѣвочка, на нѣсколько мгновеній ставшая ребенкомъ. Алексѣй Ивановичъ, веселый, принарядившійся, встрѣтилъ молодую женщину съ нескрываемымъ восхищеніемъ. Въ кофточкѣ изъ нестраго шелка, съ пышной пунцовой розой на груди, съ высоко поднятыми волосами, она показала ему какой-то новой, пикантной и соблазнительной. Онъ поцѣловалъ холодную ручку и съ сожалѣніемъ отпустилъ ее. Такъ хотѣлось задержать ее въ своихъ рукахъ, отогрѣть жадными, горячими поцѣлуями. Но зналъ, что это желаніе должно быть подавлено, какъ бы ни просило сердце этой невинной радости. Антонина Александровна, помѣшывая ложечкой чай, рассказывала о только что полученной ею книжкѣ толстаго журнала:

— Такъ хотѣлось хоть заглянуть, хоть узнать, что тамъ такое. Но нѣтъ, дала себѣ слово, что не буду смотрѣть. И только разрѣзала всю. А пока разрѣзала—зажмурилась. И ничего не видѣла. Даже заглавій не прочла.

— Зачѣмъ же это? удивилась Татьяна Владимировна.

— А я люблю испытать себя. Смогу ли я все сломать въ себѣ, что захочу.

— Вотъ вы какая! сказалъ Маслитеновъ, не спуская съ нея восхищенныхъ глазъ.—А надъ другими вы такихъ опытовъ не производите? Не пробуете свою силу?

Ей не понравился этотъ вопросъ, и она отвѣчала:

— Глупости все это. Просто не хотѣлось насильно заглядывать въ книгу и портить впечатлѣніе. Вотъ приду, лягу въ кровать и буду читать съ полнымъ комфортомъ.

И вдругъ размѣялась, такъ весело и беззаботно.

— Какіе вы оба оригинальные! протянула она.

— Чѣмъ это, скажите пожалуйста, мелкая земская сошка вдругъ оказалась оригинальной? спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— А тѣмъ, что ни одинъ изъ васъ не сказалъ мнѣ, что лежать вредно, что это портитъ глаза. Я ужъ знаю. Какъ скажешь кому, что вотъ буду читать вечеромъ въ кровати—сейчасъ всё, какъ по командѣ, заведутъ: ахъ, это вредно! ахъ, это опасно! ахъ, это нехорошо!

— Но страницѣ всего, знаете, что? сказалъ Маслитеновъ:—то, что все вредное, опасное, нехорошее—оно всегда удивительно заманчиво. Такъ и тянетъ къ чему-нибудь вредному.

— Охъ, Татьяна Владимировна, присматривайте за мужемъ! Его къ вредному тянетъ!

— Пусть дѣлаетъ, что хочетъ, лишь бы ему было весело и хорошо, отвѣтила она, улыбаясь. Мужъ бросилъ на нее исподлѣбья недовольный взглядъ, и, когда онъ заговорилъ опять, то въ его голосѣ уже не было вспыхнувшего оживленія:

— Мы всё хорошо знаемъ, что нужно пить чай, молоко, ложиться спать въ десять часовъ, добросовѣстно исполнять всё свои обязанности. И предѣлываемъ все это. Но иногда кажется, что съ наслажденіемъ послалъ бы къ чертямъ всю эту „хорошую жизнь“! Напился бы, набуянилъ, недѣлю не ходилъ бы на службу! Или уѣхать куда-нибудь, чтобы не видѣть ничего, что такъ опостылѣло!

Когда онъ говорилъ, лицо Татьяны Владимировны принимало страдальческое выраженіе, глаза заволакивались слезами. И, наконецъ, когда она почувствовала, что не можетъ сдерживаться, что слезы вотъ-вотъ брызнуть изъ глазъ—она встала и ушла. Мужъ съ ненавистью посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Вотъ у насъ всегда такъ, сказалъ онъ. — Слезница какая-то неизсякаемая.

— Не нужно раздражаться, Алексѣй Ивановичъ, мягко сказала молодая женщина.—Она заработалась, нервы расшатались.

— Ахъ, оставьте, Антонина Александровна! Знаемъ мы эту пѣсню. Слышали!

Наступило молчаніе. Алексѣй Ивановичъ большими шагами ходилъ по комнатѣ, то вздыхая, то ероша свои густые волосы. Антонинѣ Александровнѣ было неловко, хотѣлось уйти, но она знала, что уйти сейчасъ нельзя, и сидѣла молча, низко наклонивъ голову и помѣшивая чай. Она досадовала на Маслитенова за его выходку, находила его безтактнымъ и дурно воспитаннымъ. Послышалось, какъ кто-то стучитъ внизу, у парадной двери. Тогда Алексѣй Ивановичъ точно очнувшись, подошелъ къ ней и смѣло, съ какой-то властью внезапнаго порыва, прильнулъ поцѣлуемъ къ ея рукѣ.

— Не нужно этого, Алексѣй Ивановичъ... Пожалуйста. Я не люблю.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но въ передней уже слышались голоса, собачій лай. Въ столовую вмѣстѣ съ хозяйкой входила Ольга Семеновна Асторская. Въ городѣ ее любили, но побаивались изъ-за мужа. При ней соблюдали осторожность въ разговорахъ, въ пересудахъ о ближнихъ. Но цѣнили ея порядочность, доброту и готовность помочь всякому, чѣмъ только можно. Стройная, миловидная, съ типомъ лица „интеллигентной“ женщины, она одѣвалась и причесывалась съ утрированной простотой. На ней было гладкое черное платье съ бѣлыми рукавичками и воротничкомъ. Войдя, она быстрыми и проникающими глазами оглядѣла Бергулову и Алексѣя Ивановича и подумала: тутъ что-то есть.

— Извините, что я такъ поздно зашла къ вамъ, начала она.—

Но вечеръ такой славный. Захотѣлось пройтись. Я уложила Володю и пошла.

— Какъ вы его рано спать укладываете, сказала Татьяна Владимировна.—Вѣдь онъ уже большой мальчикъ.

— О, мы съ мужемъ стоимъ за то, чтобы дѣти рано ложились. Это въ высшей степени гигиенично. Ваша Катя не спитъ до сихъ поръ. Это очень вредно.

Всѣ оглянулись и увидѣли Катю, которая молча сидѣла на дѣтскомъ стульчикѣ въ темномъ углу столовой. Сидѣла она, сложивъ худенькія ручки на колѣнахъ, а въ глазахъ ея стояли печаль и усталость.

— Конечно, ребенку давно пора спать, сказалъ Алексѣй Ивановичъ.—Поди, уложи ее, я за тебя похозяйничаю.

Онъ налилъ Ольгѣ Семеновнѣ стаканъ чаю, придвинулъ къ ней сыръ, хлѣбъ и масло.

— Антонина Александровна, прикажете еще чаю?

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣтила она, съ усиліемъ подавляя зѣвоту. Этотъ вечеръ утомилъ ее. Ей тяжело было здѣсь, въ атмосферѣ плохо скрытаго семейнаго разлада. Хотѣлось къ себѣ, въ свой уютный уголокъ, къ мягкому свѣту лампы, къ новой, только что разрѣзанной, не прочитанной книжкѣ журнала.

— Какъ поживаетъ Петръ Николаевичъ? съ вкрадчивой ласковостью спросила Асторская.

— Занятъ онъ очень. И больница, и разъѣзды, и визиты. И покутить любить. Съ утра до ночи дома не бываетъ.

Глаза Асторской блеснули, но сейчасъ же скромно скрылись за бахромкой рѣсницъ. И участіе, только участіе слышалось въ ея невинномъ замѣчаніи:

— Не надо ему такъ усиленно заниматься частной практикой!

— Такъ вы думаете, онъ ищетъ практики? Добивается? Къ нему приходятъ и просятъ, чтобы онъ лечилъ. Во многихъ домахъ онъ состоитъ годовымъ врачомъ.

— У Соковниныхъ, кажется, тоже, да?

— Да! У Соковнина жена давно больна. И безнадежно, всѣ врачи отъ нея отказались. Старикъ самъ пріѣзжалъ просить Петра Николаевича, чуть не со слезами просилъ. Въ Петра Николаевича какъ-то всѣ вѣрятъ. Вѣрятъ, что у него легкая рука.

— Но онъ все-таки прежде всего—земскій врачъ, вѣско и значительно произнесла Асторская.

— Не понимаю я этого вашего земскаго сектантства, сказала Антонина Александровна, задумчиво расправляя лепестки розы, приколотой на груди.—Почему земскій врачъ долженъ быть чѣмъ-то вродѣ

брата-трапписта? Кому и чему мѣшастъ то, что Петръ Николаевичъ занимается частной практикой—я рѣшительно не могу понять.

— По своему, вы, конечно, правы, отвѣтила Асторская.—Но земская служба—дѣло идейное. На все и нужно смотрѣть съ этой точки зрѣнія. И потому, разъ Петръ Николаевичъ служить въ земствѣ, онъ уже не „свой“, а земскій.

— Но досугъ у него, свободное время—вѣдь оно свое? съ нѣкоторымъ раздраженіемъ возразила Антонина Александровна.

— Нѣтъ, дорогая моя, и досугъ земскій. Если у земскаго работника остается свободное отъ работы время, онъ долженъ—понимаете? долженъ отдыхать, чтобы сберечь силы и болѣе продуктивно работать для земства.

— Боже мой, но развѣ это не сектантство! воскликнула Антонина Александровна.—Вѣдь это прямо, Богъ знаетъ, что!

— Съ Ольгой Семеновной о земствѣ нельзя спорить, вступился хозяинъ.—Она вся, до кончиковъ ногтей—земская. У нея и слова, и дѣла, и помышленія—все самое, что ни на есть, земское.

— Да, но все-таки...

— И это ее Федоръ Лаврентьевичъ такъ „оземилъ“. Видите, я футуристомъ сталъ и новое слово выдумалъ!

— Тутъ мужъ не при чемъ, возразила Асторская.—Я еще до замужества въ земствѣ служила, учительницей была. Я давно свыклась съ мыслью, что работа въ земствѣ—не служба, а подвижничество.

— Ну, и все-таки супругъ подбавилъ вамъ этого самаго земскаго усердія, такъ сказать, напшиговалъ васъ.

— Вовсе нѣтъ, увѣряю васъ, горячилась Асторская, и ея негодованіе было до того комичнымъ, что Антонина Александровна, уже забывъ свое недовольство, звонко хохотала, откинувшись на спинку стула.

— Федоръ Лаврентьевичъ мнѣ недавно нотацію прочелъ, говорилъ Маслитеновъ:—зачѣмъ-де я фуражку съ кокардой ношу, а не какую-нибудь такую кепку или беретикъ. Пошелъ бы ко мнѣ беретикъ съ помпончикомъ? спрашивалъ онъ Беркулову, но та только отмахивалась отъ него и смѣялась.

Асторская обидѣлась.

— Можно всячески извратить какую угодно хорошую мысль, сказала она.—Федя пылъ въ виду то, что мужикъ боится кокарды и видитъ въ носящемъ ее „барина“, начальство, а земскій дѣятель долженъ подходить къ мужику, какъ другъ, какъ товарищъ, какъ равный.

Въ столовую вошла Татьяна Владимировна. Разговоръ прекратился, и Антонина Александровна опять почувствовала скуку и усталость. Такъ захотѣлось домой, что она не въ силахъ была сидѣть дольше.

Поднялась и стала прощаться. Ее всё уговаривали остаться, даже Асторская.

— Подождите, посидите еще немножко. Мы не будем больше спорить о земствѣ. Богъ съ нимъ. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Нѣтъ, я очень устала и хочу домой.

— За вами лошади пріѣдутъ?

— Нѣтъ, даже лошадей не хочу дожидаться. Сейчасъ иду и иду!

— Тогда я долженъ проводить васъ, сказалъ Алексѣй Ивановичъ.

— Вовсе не должны, отозвалась она.—Я прекрасно дойду и одна.

— Ну, нѣтъ, этого нельзя допустить.

Беркулова простилась и вышла въ переднюю. Алексѣй Ивановичъ такъ бережно, чуть не благоговѣнно помогалъ ей одѣваться, что ей даже жалко его стало. Поняла она чуткимъ сердцемъ, какъ болятъ и тоскуетъ душа въ этомъ нескладномъ тѣлѣ, какъ жадно и тщетно тянется къ чему-то яркому, праздничному, чего нѣтъ въ окружающей жизни. Поняла весь робкій трепетъ ласки и обожанія, скрывавшійся въ тѣхъ мелкихъ услугахъ, которыя онъ, какъ хозяинъ, оказывалъ ей. И потому позволила ему даже то, чего обычно не любила позволять никому изъ мужчинъ—позволила надѣть ей ботинки. Но брезгливо вздрогнула, ощутивъ черезъ паутинку шелкового чулка прикосновеніе робкихъ горячихъ рукъ, которыя—она чувствовала это—съ трудомъ повинуются власти условностей и только изъ страха передъ ея волей не смѣютъ сжать ея ногу, прильнуть въ дерзкой ласкѣ къ колѣнамъ...

— Я вамъ больно сдѣлалъ? спросилъ онъ, уловивъ ея нетерпѣливое движеніе.

— Нѣтъ, не больно, но вы очень долго возитесь. Дайте, я сама.

Но онъ сейчасъ же быстро и ловко надѣлъ ботинки, очевидно, сирившись съ вихремъ дерзкихъ желаній. Подавая шубку, онъ невольнымъ движеніемъ задержалъ руки на ея плечахъ. И опять она угадала жаркую, но глубоко затаенную жажду объятія, жажду прикосновенія къ ея тѣлу.

— Всѣ, всѣ одинаковые, думала она съ раздраженіемъ.—Кромѣ... одного. Тотъ и не помышляетъ о такомъ... воровствѣ. А во всѣхъ остальныхъ—красота пробуждаетъ чувственность. Они не могутъ любить—и не желать.

Когда они вышли на улицу, то тихая задумчивая ночь приняла ихъ, взволнованныхъ и разгоряченныхъ, въ свои объятія, заворожила ихъ наговоромъ голубой сказки, плывущей въ ночной тишинѣ. Было еще не поздно, но маленькій городъ уже спалъ, укрывшись бѣлымъ пушистымъ покровомъ.

— Антонина Александровна, началъ онъ, несмѣло взявъ ее подъ-

руку:—мнѣ хочется еще разъ попросить у васъ извиненія за ту вспышку, которую я себѣ позволилъ при васъ.

— Вы не у меня должны просить прощенія, а у жены.

— Охъ, бросьте читать мнѣ нотаци! Ничего не выйдетъ.

— Но вѣдь согласитесь, вы кругомъ виноваты передъ Таней.

Она—хорошая, прямо рѣдкая женщина, а вы...

— Что она хорошая—я съ этимъ согласенъ. Но съ тѣмъ, что она „женщина“—согласиться не могу. Все въ ней высохло, увяло. Вся она изшла въ слезахъ. И въ этомъ ея вина. Невольная, конечно. Ни улыбки ни шутки—вѣчно слезы и жалкія слова. И это мнѣ осточертѣло до смерти. Хоть пулю въ лобъ. Я съ револьверомъ ни минуты не расстаюсь. Ужъ когда дойдетъ до предѣла, сразу бацъ—и готово!

Антонина Александровна нѣкоторое время молчала.

— Все-таки вы могли бы попытаться хоть сколько-нибудь наладить вашу жизнь.

— Да какъ наладить-то! почти съ отчаяніемъ вырвалось у него.

— Мало ли какъ. Вы мужичина, вамъ легче направить семейную жизнь по новому. Будьте помягче, понисходительнѣе къ женѣ, и Таня перестанетъ нервничать, будетъ спокойнѣе. Будь вы одинокими, вы могли бы разойтись, но у васъ ребенокъ. Ради него вы должны идти на уступки.

Антонина Александровна чувствовала, что ея миссія не удастся. Чувствовала, что она говоритъ фразами изъ давно слышанныхъ, банальныхъ проповѣдей. Поэтому она замолчала, слегка вздохнула и, оглядѣвшись кругомъ, сказала:

— Смотрите, какъ ночь-то хороша! Въ такую ночь можно поверить во все!

Она чувствовала, какъ его рука нескромнымъ движеніемъ проскользнула въ муфту, какъ онъ взялъ ея руку, разстегнулъ перчатку и цѣловалъ съ возрастающимъ волненіемъ. И какое-то, ей самой непонятное, чувство жалости мѣшало ей вырвать руку, отнять ее отъ жадныхъ, ищущихъ ласки устъ... И вдругъ... онъ съ неистовымъ порывомъ обнялъ ее и впился грубымъ поцѣлуемъ въ ея полуоткрытыя губы. Собравъ все силы, она вырвалась отъ него и бросилась бѣжать по тихой, пустынной улицѣ. Онъ постоялъ минуту, схватился за голову и быстрыми шагами пошелъ за ней.

— Антонина Александровна! Остановитесь, умоляю васъ!

Но она бѣжала все дальше и дальше, разстегнувъ шубку, чтобы удобнѣе было бѣжать. Онъ также побѣжалъ вдогонку за ней, поминутно останавливаясь и задыхаясь. И въ ночной тишинѣ странно звучалъ его голосъ, въ которомъ слышались и мольба, и гнѣвъ, и отчаяніе:

— Остановитесь же, говорятъ вамъ! Пулю въ лобъ пущу сейчасъ же, если вы не остановитесь!

И въ его голосѣ слышалась такая мука, такая боль нестерпимаго униженія, что она, наконецъ, остановилась:

— Ну, что вамъ нужно отъ меня?

Онъ хотѣлъ ближе подойти къ ней, но она гнѣвно крикнула:

— Не смѣйте подходить ко мнѣ! Не могу васъ видѣть! Какая гадость!

Онъ снялъ шапку, тяжело и глубоко вздохнулъ.

— Не стану просить прощенія. Глупо. Да и къ чему? Сдѣланнаго не воротить. Пойдемте теперь домой.

— Не нужно. Не хочу. Я пойду одна.

— Я пойду за вами слѣдомъ, какъ лакей! Но... позвольте мнѣ еще сказать вамъ, что, въ сущности, я не такъ уже виноватъ...

— Это еще что?

— Знаете... Если женщина идетъ ночью подъ-руку съ чужимъ мужчиной, позволяетъ цѣловать себѣ руки, то этимъ самымъ...

— Замолчите, какъ вамъ не стыдно! крикнула она. — Неужели вы не понимаете, что я только изъ жалости къ вамъ позволила, чтобы вы цѣловали мнѣ руку! Я столько слышала про васъ, что вы несчастны, что вы обижены, что поддавалась этой дурацкой жалости. А вы забылись, какъ хамъ, и сейчасъ же вообразили, что я чуть ли не интрижку хотѣла съ вами затѣять. Какая грязь, какая гадость! Не смѣйте за мной идти!

Весь согнувшись, какъ побитая собака, пошелъ онъ домой. Антонина Александровна нѣсколько разъ оглядывалась и, увидѣвъ, что онъ не преслѣдуетъ ея, пошла тихимъ шагомъ, стараясь успокоиться. Когда она очутилась у себя въ спальнѣ, зажгла свѣчи на туалетѣ —она не узнала себя. Какое-то чужое лицо, съ красными пятнами на щекахъ, съ дико-блестящими глазами, съ растрепанными прядями волосъ, смотрѣло на нее въ зеркалѣ. Она долго мыла лицо, чуть не до крови терла губы, чтобы избавиться отъ ощущенія этого поцѣлуя, горѣвшаго на губахъ.

Съ раздраженіемъ закрыла она занавѣски, зажгла лампу, сѣла на свой любимый диванчикъ. Теперь она невидѣла красоту голубой ночи, обвиняла ее въ минутѣ слабости, толкнувшей ее на путь безсознательнаго кокетства, которое женщины обычно называютъ „жалостью“... Мало-по-малу она успокоилась. Переодѣлась, взялась за разрѣзанную книжку журнала. И когда Беркуловъ вернулся домой, то на него, измученнаго капилелью длиннаго, суетливаго дня, при взглядѣ на нее, повѣяло очарованіемъ уюта и домашняго отдыха... Въ бѣломъ пеньюарѣ, съ распущенными золотыми косами, сидѣла она за

книгой. Мягкій свѣтъ лампы освѣщалъ ея лицо, искрился въ прядяхъ золотыхъ волосъ, игралъ бликами колецъ на ея рукѣ... Онъ стоялъ нѣсколько мгновений въ дверяхъ, невольно любуясь ею.

— Нѣтъ, Тонька права! думалъ онъ, улыбаясь. — Она несетъ свою миссію, исполняетъ свое назначеніе. Она больше, чѣмъ какая-нибудь изъ Евпннхъ дочерей, вплетаетъ небесныя розы въ пустоту и безтолочъ земной жизни...

Случайно поднявъ глаза отъ книги, она увидѣла его и улыбнулась. Огложила книгу и потянулась всеѣмъ тѣломъ.

— Я и не слышала, какъ ты вошелъ.

— А я стоялъ и любовался тобой. Миѣ, Тонечка, подчасъ не вѣрится, что ты—живая женщина.

— А что же я такое?

— Не то картинка, не то призракъ. Или, можетъ быть, фея Виллиса. Знаешь, которая, кажется, занималась тѣмъ, что подкарауливала на дорогахъ одинокихъ путниковъ и околдовывала ихъ... А что же ты, Тонечка, не дождалась лошадей? Вѣдь я послалъ ихъ за тобой.

— Надоѣли миѣ Маслитеновы! Не хотѣлось сидѣть долго.

— А я, когда ѣхалъ, видѣлъ его, этого агронома. Бѣжитъ, шапка на затылкѣ, пальто на-распахъ, руками размахиваетъ и что-то бормочетъ. Хватилъ, вѣрно, бѣдняга, лишнее.

Антонина Александровна почувствовала, что краснѣетъ. Потянулась къ мужу, чтобы скрыть свое пылающее лицо, но онъ отстранилъ ее:

— Подожди, Тонечка. Я не мылся и не переодѣлся. Нашему брату послѣ рабочаго дня нельзя безъ предосторожностей.

— Чго, ужъ не оспа ли? съ тревогой спросила Антонина Александровна. Она боялась оспы больше всего на свѣтѣ и даже заставляла мужа дать клятву, что онъ не будетъ лечить заболѣвшихъ оспой.

— Ну, да, конечно, весь день у оспенныхъ сидѣлъ. Цѣловался съ ними. Эхъ, Тонька! Чудачка ты у меня!

Онъ лѣняво собралъ мыло, полотенце, домашній костюмъ и отправился мыться въ ванную комнату. Антонина Александровна подошла къ зеркалу и внимательно оглядѣла себя. И вдругъ одна мысль снова заставила ее покраснѣть:

— А если бы... поцѣловалъ меня не этотъ нахаль, а Михаилъ Семеновичъ? Было ли бы это такъ же противно?

И улыбающееся лицо старалось хмуриться, губы шептали:

— Да, конечно, я бы тоже разсердилась.

А сердце говорило что-то другое...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мирель.

1.

Былъ годъ войны и ласковый апрель,
И нѣжный паръ струился надъ Варшавой...
Въ груди поетъ стозвучная свирель—
Свободный, молодой, увитый бранной славой,
Искатель жемчуга, поэтъ и донжуанъ,
Я медленно граню асфальтовые плиты
И, какъ клинокъ, въ одно желанье слитый,
Оскаливъ страсть, жду жертву и романъ...

2.

Она бѣжитъ проворною походкой
По шумному бульвару, какъ газель...
—Куда спѣшите такъ, мадмуазель?
Звучитъ вопросъ насмѣшливою ноткой...
Взглянула на меня, безпечною цуляку—
Ни слова...Мой вопросъ, онъ, несомнѣнно, глупъ...
Но это что? Смѣшокъ лукавыхъ губъ?
Бросаюсь, шапки—вонъ, стремительно въ атаку...

3.

Ахъ, этотъ день, весна, лучи, апрель...
Я помню васъ такъ явственно, такъ четко...
Ей девятнадцать лѣтъ, ее зовутъ Мирель,
Мирель, Мирель! Одинъ ударъ короткий—
И завершенъ кавалерійскій бой...
Сверкало солнце въ безднѣ голубой,
Потомъ зажались огни, и медленной стопой
Бредемъ по улицамъ, наряженнымъ толпою...
Потомъ спустилась ночь...Потомъ, потомъ—игра,
Игра весеннихъ чувствъ, безумства, ласки, чары...
Въ моей груди побѣдныя фанфары
Гремятъ восторженно до самаго утра...

4.

Уже проснулся день, а я, склонясь надъ нею,
 Вонзивъ пылливый взоръ, горю и пламенною...
 О, если бы я могъ забыться какъ-нибудь!
 Она лежитъ, и тихо дышитъ грудь,
 Волнуясь очеркомъ безстыжихъ полушарій.
 Румянецъ дѣтскій щекъ, волна пушистыхъ косъ,
 А на устахъ еще застылъ вопросъ...
 И, идъ-то въ уголокъ сознанія пошаривъ,
 Минь все представилось такою дикой шуткой,
 Такой преступною и инуною игрой—
 Мирель, прости меня, забудь меня и скрой
 Весенней шалости кощунственныя сутки!..

5.

Мирель, Мирель!.. Гоню сознанье прочь...
 Одна, о, лишь одна, единственная ночь,
 Дрожащій поцѣлуй, прощальная улыбка—
 И все исчезло вдругъ, такъ трепетно, такъ зыбко,
 Какъ золотистый сонъ, навъянный весной...
 Но почему съ тѣхъ поръ стоитъ передо мной
 Жемчужный образъ твой, весталки и кокотки,
 И Лориганъ-Коти, и траурныя четки?..
 Но почему, какъ сладостная трель,
 Звучитъ въ моей душѣ такъ женственно—Мирель?

Юрій Галичъ.

Рахиль.

Каринъ Михаэлисъ.

(продолженіе).

Насталъ вечеръ, когда Рахиль приподняла покрывало, за которымъ пряталась ея душа.

Почему она заговорила? Почему она не скрыла въ глубокомъ молчаніи то, что касалось ея одной?

Пришло время, когда я снова и снова задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Пришло также время, когда я услышалъ отвѣтъ.

Конечно, она не могла, не въ силахъ была молчать. Одна мысль поднималась за другой и окружала ее цѣлымъ лѣсомъ жуткихъ воспоминаній. Куда бы она ни посмотрѣла, было страданіе. Она должна была освободиться отъ гнета, расчистить себѣ дорогу.

Почему она заговорила со мной? Развѣ я знаю? Развѣ она знала?

Я предполагаю, что ея откровенность въ это время имѣла маленькое, совсѣмъ маленькое отношеніе къ необъяснимой, но очевидной связи между фазами луны и душевнымъ и физическимъ состояніемъ женщины. Я замѣчалъ и раньше, что луна дѣйствуетъ на Рахиль, какъ на животныхъ и на растенія. Во время полнолунія ея кожа дѣлалась сухой, дыханіе горячимъ, какъ воздухъ около плавильной печи въ рудникахъ, волосы потрескивали, какъ сѣно, ногти краснѣли, а губы дѣлались кровавыми. Тогда ею овладѣвало особое сдержанное безпокойство, какая-то внутренняя дрожь, и во всемъ ея существѣ было что-то жуткое, производившее одинаковое впечатлѣніе какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ...

Былъ день передъ полнолуніемъ. Когда я пришелъ, Рахили не было, но лакей впустилъ меня и попросилъ меня подождать.

Когда я посидѣлъ нѣкоторое время, меня охватило нетерпѣніе, и я только что собрался встать, чтобы походить по комнатѣ, чтобы привлечь Рахиль хотя бы маленькимъ шумомъ. Но тутъ я услышалъ смѣхъ, сухой, отчаянный смѣхъ, который заставилъ меня отшатнуться, какъ отъ шипѣнія змѣи. Это былъ смѣхъ Рахили.

Гуксъ послѣднѣе прошелъ черезъ комнату, и она послѣдовала за нимъ. Она положила руки ему на плечи и что-то прошептала. Потомъ онъ ушелъ. Но Рахиль замѣтила меня. Она подошла ко мнѣ. Ея глаза блестѣли, какъ осколки стекла. Я почувствовалъ ея дыханіе, всегда напоминавшее мнѣ тропическій лѣсъ на закатѣ солнца, когда всѣ растенія лютуютъ въ темнотѣ свои благоуханія.

— „Теперь идемте!“ прошептала она, какъ будто бы хотѣла сказать: „Теперь очередь за тобой“.

Но я уже почувствовалъ ревность къ Гуксу.

Я молча послѣдовалъ за ней въ ея комнату, гдѣ четыре фитиля желѣзнаго свѣтильника бросали свой мягкій и меланхолическій свѣтъ на пестрые старинные ковры и на красную позолоту саркофага.

Мнѣ показалось, что въ этотъ вечеръ потолокъ сдѣлался ниже, и натянутый коверъ опустился.

Рахиль смотрѣла въ землю, ея вѣки закрылись, она стояла, словно погрузившись въ тяжелый, глубокій сонъ. Потомъ она подняла руки надъ головой, какъ птица, распускающая крылья, чтобы полетѣть.

Рахиль спросила:

— „Сильны ли вы? Можете ли вы оправдать довѣріе женщины?“

Я взглянулъ на нее.

— „Я должна говорить... Я расскажу вамъ сказку... Ту сказку, которую я когда-то обѣщала“...

Она предложила мнѣ сѣсть на низкій диванъ, повернула ко мнѣ лицо и улыбнулась. Никогда улыбка ея блѣднаго полупарализованнаго лица не казалась еще такой страдальческой. Она взяла мою руку и удержала ее въ своихъ. Замѣтивъ мое невольное пугливое сопротивленіе, она тихо сказала:

— „Мнѣ было бы пріятно, чтобы вы были близко отъ меня, когда я буду рассказывать“...

Потомъ она заговорила, близко склонясь къ моему лицу.

Мнѣ казалось, что она выжигаетъ слова огненными буквами на моей кожѣ.

— Вы не были тамъ. Вы не знаете этого солнца. Вы не видѣли этого песка. Нога погружается въ него, какъ въ воду, не оставляя въ немъ слѣда... Вы не бродили около пирамидъ ночью, когда появляются шакалы, и растутъ тѣни... Вы не видѣли каравановъ верблюдовъ. Вы не видѣли улицъ Бапра, поросшихъ зеленой травой... Вы не были въ Египтѣ. Но я была тогда молода, такъ молода. Когда мы пріѣхали въ Египетъ, я подумала: вотъ гдѣ я буду жить. Это моя страна. Это подходитъ ко мнѣ. Я тоскую... Тоскую объ этой странѣ и не могу вернуться туда“...

Рахиль опустила мою руку. Она вынула изъ прически, одну за другой, все четыре желтовато-бѣлыхъ шпильки, которыя всегда удивляли меня, и ея волосы рассыпались. Шпильки лежали у нея на колѣняхъ. Она играла ими. Она поднесла одну изъ нихъ близко къ моимъ глазамъ. Я замѣтилъ, что она была нѣсколько длиннѣе другихъ и отличалась отъ нихъ своей формой.

— „Я расскажу вамъ, какъ это случилось“.

Она глубоко вздохнула и снова начала:

— „Мы приѣхали въ Египетъ. Я хотѣла познакомиться съ этой страной. Мы жили въ Каирѣ, въ отелѣ, выходившемъ въ большой садъ, и я бывала одна вездѣ, гдѣ хотѣла. Все люди возвращались съ закатомъ солнца въ свои дома. Я оставалась на воздухѣ. Я видѣла, какъ земля и небо приближаются другъ къ другу. Я видѣла ихъ объятіе. Тогда во мнѣ вспыхнулъ огонь, который никогда, никогда не погаснетъ. Я лежала въ пескѣ. Онъ уже не былъ желтымъ, онъ былъ цвѣта вянущихъ фіалокъ... Онъ попадалъ мнѣ въ волосы и на рѣсницы. Я чувствовала его на своихъ зубахъ. Я лежала въ пескѣ, въ этомъ тепломъ, живомъ пескѣ. Онъ дрожалъ, когда небо спускалось къ нему. Каждая песчинка сверкала и раскрывалась, какъ падучая звѣзда. Ночь охватила землю своими властными объятіями. Я тогда не знала, что мракъ можетъ быть такимъ темнымъ... Мнѣ хотѣлось спать. Мои глаза были открыты. Я услышала шумъ вдаль. Я чувствовала его всемъ своимъ тѣломъ по колебанію земли.

„Сначала я думала, что это шакалы или летучія мыши, дерущія изъ-за добычи... Шумъ приближался. Факелы разогнали мракъ. Каменные стѣны пирамидъ сдѣлались бѣлыми, какъ сѣжные сугробы. Это былъ рабъ со своимъ свадебнымъ поѣздомъ. Новобрачная лежала въ его объятіяхъ, и верблюды скакали галопомъ. На меня упала его тѣнь. Поднятая имъ пыль засыпала меня...

„Поѣздъ проѣхалъ. Тамъ было много, много людей. Я видѣла ихъ лица. Жениха я помню до сихъ порт...

„Они играли на своихъ инструментахъ, будя эхо среди пирамидъ. Казалось, что тонкій серпъ луны на горизонтѣ звенить имъ въ отвѣтъ... Потомъ они исчезли.

„Я ползала по песку, какъ червякъ... Меня сжигалъ какой-то огонь. Я кричала, какъ одержимая. Онъ, женихъ, на первомъ верблюдѣ... Я хотѣла бы вырвать ему глаза своими пальцами...

„Когда небо начало свѣтлѣть, я заплакала. Мои глаза походили на источники, изъ которыхъ льется кипящая вода.“

Губы Рахили искривились. Она сжала руки и продолжала:

— „Черезъ нѣсколько дней я гуляла по улицамъ Каира. Вокругъ

большого сада стоятъ ослы: улицы поросли травой. На мостовой лежать люди на разостланныхъ коврахъ и продають поддѣльные амулеты.

„Я встрѣтила человѣка въ бурнусѣ. Онъ направился ко мнѣ. У него была царственная осанка. Это былъ онъ. У меня забилось сердце... Джемъ, мнѣ было восемнадцать лѣтъ... Онъ хотѣлъ продать мнѣ стеклянныя бусы, которыя будто бы самъ выкопалъ около пирамидъ. Онъ склонился передо мной до земли покорно, какъ рабъ.“

Рахиль свернула волосы узломъ и воткнула въ нихъ свои шпильки.

— „Теперь вы спросите меня, зачѣмъ я рассказываю вамъ эту скучную исторію. Да... Въ этотъ вечеръ у пирамидъ въ моей душѣ зажегся этотъ огонь. Подождите, подождите... Сейчасъ я расскажу то, что вы должны знать, потому что я хочу этого.“

Руки Рахили, касавшіяся моихъ, были влажны, словно отъ слезъ. Я чувствовалъ со страхомъ, что она все ближе и ближе подвигается ко мнѣ.

— „Потомъ мы поѣхали въ Луксоръ. Вы не катались по Нилу при лунномъ свѣтѣ... Я хотѣла увидѣть древніе Фивы съ ихъ стариннымъ храмомъ. Мнѣ много рассказывали о нихъ. Непонятныя надписи, сдѣланныя какъ будто кровью, солнцемъ и небесной лазурью, притягивали меня, какъ будто каждый знакъ относился ко мнѣ, какъ будто въ немъ—моя судьба...“

„Мы жили у рѣки. Куда бы мы ни пошли, насъ вездѣ окружали молодые погонщики ословъ. Они сновали между колоннами храма, передъ пѣлонами, вокругъ священнаго озера, на берегахъ рѣки, повсюду... Я выбрала одного изъ нихъ, или, вѣрнѣе, онъ выбралъ меня. Его оселъ долженъ былъ доставить меня къ гробницамъ фараоновъ. Я посмотрѣла на его руки. Онѣ были сильны. Я посмотрѣла на его ступни; онѣ были строены. Его лицо было болѣе смугло, чѣмъ у другихъ. Одинъ глазъ былъ закрытъ, онъ смотрѣлъ однимъ глазомъ. Онъ говорилъ, что это происходитъ отъ яркаго свѣта. Ему было двадцать лѣтъ, а мнѣ восемнадцать. Наканунѣ мы съ нимъ ходили по берегу рѣки. Онъ пришелъ условиться, когда мы тронемся въ путь. Онъ спросилъ меня, не хочу ли я купить египетскую принцессу, принадлежащую его дядѣ. Я засмѣялась и не повѣрила. Онъ нахмурился. Его лицо приняло жестокое выраженіе, которое должно было предостеречь меня, но я была молода и легкомысленна.“

„Онъ повелъ меня къ своему дядѣ, старому арабу, который жилъ въ глинобитной хижинѣ за священнымъ озеромъ.“

„Было темно. Тѣни пальмъ лежали на дорогѣ, какъ змѣи; я боялась споткнуться. Онъ взялъ мою руку. Его рука была похожа на потемнѣвшее дерево. Я хотѣла отпустить ее и не могла...“

„Его слова о принцессѣ оказались правдою. Старикъ рассказывалъ

мнѣ, что онъ изъ года въ годъ каждую ночь дѣлалъ раскопки по указаніямъ, которыя передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наконецъ, онъ нашелъ, совершенно самостоятельно, тайный входъ въ одну изъ царскихъ гробницъ. Онъ тайно ночью вытаскивалъ оттуда все и закопалъ въ горахъ, чтобы со временемъ продать все путешественникамъ.

„Единственное, что у него осталось—это принцесса, которую онъ не могъ продать. Онъ боялся выдать себя этимъ, и ни у кого не хватало храбрости увезти ее.

„Саркофагъ стоялъ въ его хижинѣ, завернутый въ одѣяло изъ верблюжьей шерсти.

„Я думаю, что онъ говорилъ правду. Я увидѣла саркофагъ. Я купила его и общала взять. Кромѣ саркофага, я приобрѣла ящичекъ съ парикомъ принцессы и шпатель изъ слоновой кости, которыя она употребляла для прически. Это была большая рѣдкость. Я тотчасъ же взяла и воткнула ихъ въ волосы. Да...Вы, навѣрное, находите, что все это очень неинтересно. Вы не понимаете, зачѣмъ я рассказываю это... Но подождите немного“...

Рахиль смотрѣла мнѣ въ глаза; она такъ тѣсно прижалась ко мнѣ, что ея рѣсницы задѣвали мои, и я ждалъ, что наши глаза прикоснутся другъ къ другу.

Теперь она шептала тихо-тихо, подобно своеобразной жалобной мелодіи, поднимающейся и опускающейся, какъ волна, набѣгающая на берегъ и снова отливающая къ морю.

— „На разсвѣтѣ мы перебрались черезъ рѣку. Насъ было много. Всѣ погонщики стояли группами около своихъ ословъ; Махмудъ былъ одинъ. Одинъ его глазъ смотрѣлъ на меня, другой былъ закрытъ...

„Мы проѣхали мимо поющихъ статуй...Одиноко стоять онѣ среди пустыни. Онѣ поютъ, когда восходитъ солнце.

„Это двѣ птолинскія человѣческія фигуры, вышиною съ домъ. Я думаю, что когда-то онѣ стояли въ храмѣ, но его стѣны развалились, и крыша обрушилась; остались только статуи.

„Мы въѣхали въ горы. Песокъ красный, какъ пепелъ. Горы красныя. Глубоко внизу пролегаютъ тропинки. Высоко надъ нами видны горныя вершины—одна выступаетъ за другой, и никто не знаетъ ихъ числа. О, онѣ не похожи на горы, у другихъ горъ совсѣмъ не такой видъ. Онѣ напоминаютъ большихъ рыжихъ кошекъ, подстерегающихъ добычу...

„Махмудъ шелъ за моимъ осломъ. Его рука лежала на сѣдлѣ. Она не шевелилась...Нѣтъ, она шевелилась, но тогда я не знала этого...Я думала, что меня жжетъ горячее солнце.

„Махмудъ не говорилъ со мной. Онъ не пѣлъ, какъ другіе проводники. Онъ не свистѣлъ. Я не слышала его шаговъ. Мы были позади всѣхъ...Навстрѣчу намъ попался маленькій обнаженный мальчикъ,

весь коричневый, какъ пчела. Его тѣло было обмотано синей шерстяной ниткой...Я часто вспоминала потомъ этого мальчика. Откуда онъ явился?

„Онъ держалъ въ рукѣ сломанную ногу муміи. Онъ поднималъ ее, чтобы я ее купила. Но Махмудъ прогналъ его. Онъ бѣжалъ, онъ летѣлъ со всей быстротой своихъ маленькихъ ножекъ.

„Я не понимала, что жжетъ мою спину, я думала, что это солнце. Въ моихъ ушахъ шумѣло...

„Мы пріѣхали къ царскимъ гробницамъ.

„Махмудъ остался у входа съ другими проводниками, но, когда я обернулась, чтобы кивнуть ему, прежде чѣмъ войти, онъ посмотрѣлъ на меня обоими глазами. Его глаза влекли меня.

„Въ гробницахъ было холодно. Я бродила по темнымъ переходамъ, ничего не видя...Я помню только этотъ холодъ въ гробницахъ фараоновъ... Потомъ я возвратилась одна къ солнцу...къ Махмуду.

„Онъ стоялъ со своимъ осломъ, какъ будто ожидая меня. Онъ... Всѣ другіе спали въ тѣни. Они только что поѣли, я видѣла яичную скорлупу.

„Махмудъ кивнулъ мнѣ. Его глаза были широко раскрыты.

„Онъ спросилъ меня, хочу ли я видѣть тайную гробницу, извѣстную только ему и его дядѣ. Онъ помогъ мнѣ вскочить на осла и повелъ его въ горы.

„Я не смѣла оглянуться. Я снова почувствовала въ спинѣ такую боль, какъ будто къ ней приложили кусокъ раскаленнаго желѣза. Я раскрыла ротъ, чтобы закричать...Тогда мой оселъ всталъ на колѣни—добыча была у его ногъ.

„Солнце и оселъ видѣли мой стыдъ. Онъ измучилъ мнѣ и тѣло и душу. Онъ не только опозорилъ меня...Нѣтъ... Онъ осквернилъ мои мысли. Съ тѣхъ поръ мнѣ кажется, что мои глаза—грязная лужа.

„Его лицо было спокойно, серьезно, жестоко...Его руки не отпускали меня...Потомъ онъ усталъ. Онъ отошелъ отъ меня, легъ въ тѣни около своего осла и заснулъ.

„У меня не было силъ бѣжать.

„Онъ вернулся...опять. Я подняла руки и умоляла его, какъ умоляютъ божество. Я встала передъ нимъ на колѣни. Въ его душѣ не было жестокости.

„Лишь когда солнце начало спускаться за горы, я могла привести въ порядокъ свою одежду.

„Въ тотъ день я плакала кровавыми слезами“...

Рахиль говорила, почти касаясь ртомъ моихъ губъ. Я былъ парализованъ ея разказомъ.

Она замолчала и отодвинулась отъ меня. Она все ниже и ниже опускала голову, пока она не коснулась колѣнъ.

Вдругъ она выпрямилась, стройная, какъ пальма. Она словно выросла въ своемъ гнѣвѣ:

— „Я отомстила! Я отомстила!“

Я видѣлъ, что она дрожитъ, но она стояла прямо, она чувствовала себя правой.

— „Джемсъ, мы вернулись. Я сидѣла на ослѣ, Махмудъ шелъ за мной. Тогда-то я отомстила...Посмотрите на меня, Джемсъ, и скажите, не была ли я права.“

Она стояла, заложивъ руки за голову. Ея взглядъ пронизывалъ меня, какъ молнія пронизываетъ тучи.

Она нѣсколько разъ глубоко вздохнула, какъ бы желая отдѣлаться отъ ужаснаго воспоминанія.

Она снова вынула изъ волосъ желтоватую шпильку.

— „Посмотрите на нее внимательно. Это мой другъ. Она спасла мой разсудокъ. Посмотрите на нее.“

Я взялъ шпильку и осмотрѣлъ ее настолько тщательно, насколько позволяли это мои глаза.

Она была дюймовъ въ пять длиной, одинъ конецъ былъ сильно заостренъ, другой былъ красиво изогнутъ въ видѣ факела. Я отдалъ ее Рахили, и она воткнула шпильку въ волосы.

Когда она снова заговорила, ея голосъ звучалъ мелодично, какъ всегда.

— „Сказка кончена“! сказала она.

Я не сказалъ, что понимаю ея ложь. Я не сказалъ, что понимаю конецъ сказки такъ же хорошо, какъ если бы желтоватая шпилька ожила и рассказала мнѣ ея преступленіе.

Рахиль взглянула на меня. Ея зрачки расширились. Ея слова падали, какъ градъ.

— „Вы такой же трусъ, какъ другіе! У васъ не хватаетъ смѣлости выслушать меня до конца. Всѣ люди, которыхъ я встрѣчаю, трусливы. Безъ исключенія... А вы могли оказать мнѣ большую услугу, выслушавъ мою...сказку до конца. Вы готовы служить мнѣ, но боитесь. Вы заботитесь о своемъ драгоценномъ снѣ. Вы хотите сохранить свои сны. Мои же васъ не касаются... Я пощажу васъ. Вы ничего не знаете. Я ничего не рассказывала...Ничего. Я просто занимала васъ нѣсколько часовъ. Но вы все время скучали. Вы утомились. Спокойной ночи.“

Я словно окаменѣлъ. Что это означало? Или Рахиль замѣтила, какъ ужасъ окрасилъ мою душу?

Я назвалъ ее по имени съ покорной мольбой.

Она снова вплотную подошла ко мнѣ. Ея горячія губы дрожали около моихъ. Мнѣ казалось, что она высасываетъ кровь моего сердца.

Она откинула занавѣску. Рѣжущій, ослѣпительный, возбуждающій лунный свѣтъ хлынулъ въ комнату.

Рахиль подняла руки, словно купая ихъ въ этомъ потокѣ бѣлаго цвѣта.

Рахиль говорила со мной. Я знаю, что она говорила, но я не слышалъ ея словъ, въ моихъ ушахъ шумѣло.

Взглядъ Рахили все глубже и глубже вливался въ мои глаза. Въ то же время она говорила, и я видѣлъ ея освѣщенныя луной бѣлыя руки у своего лица.

Рахиль шептала, сжимая мои виски своими пальцами:

— „Этимъ руками я раскапывала песокъ, какъ звѣрь.. копала, пока кровь не брызнула изъ-подъ ногтей... Теперь вы меня понимаете.“

Это были послѣднія слова, сказанныя ею. Они проникли въ мое сознаніе. Эти слова стояли передо мной, какъ искра темной ночью. Я не понималъ ихъ смысла и цѣли.

Не ожидая отвѣта, она тихо отстранила меня.

За дверями стоялъ Ванъ-Гроостенъ. Сколько времени онъ стоялъ тамъ? Можетъ быть, онъ подслушивалъ.

Я молча прошелъ мимо него.

Онъ вошелъ къ Рахили въ ея „тайную комнатку“, въ которую онъ не входилъ обыкновенно безъ приглашенія, а я направился къ выходу черезъ пустыя комнаты.

Противъ обыкновенія, лакея не было. Надѣвая въ вестибюлѣ пальто, я случайно заглянулъ въ скудно освѣщенную оранжерею, и мнѣ почудилась тамъ мужская фигура.

Я не могъ замкнуть за собой дверь и долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что захлопнулъ ее.

На обратномъ пути я шатался, какъ пьяный. Мое тѣло было словно изъ камня, голова казалась падающей башней, и я не могъ приподнять ее.

На улицахъ было тихо, какъ во веѣхъ англійскихъ городахъ послѣ заката. Я слышалъ только звукъ своихъ шаговъ. Но у меня было чувство, что я не одинъ...

Я зажечь свѣчу. Меня притягивало зеркало.

Серебристый, сверкающій образъ Рахили неустанно бродилъ по его стеклу. И эта „сказка“... Горы, лѣжанія среди пустыни, какъ красныя, насторожившіяся кошки... Махмудъ съ закрытымъ глазомъ... Желтоватая шилька... Я долженъ былъ повернуть зеркало къ стѣнѣ.

Ужасная усталость мучила мое тѣло. Душа была полна зловѣщихъ предчувствій.

Воздухъ въ моей комнатѣ казался сухимъ, горячимъ, гнетущимъ, какъ при сильномъ паденіи барометра.

Я попытался успокоить свою тревогу работой. Буквы плясали передъ моими глазами. Вдругъ мнѣ показалось, что изъ-подъ моихъ ногтей брызнула кровь. Это былъ только сильно выступившій потъ. Вслѣдъ за тѣмъ я почувствовалъ то ощущеніе чего-то клейкаго и сладкаго, которое всегда переходило на мое тѣло съ рукъ Рахили.

Я ждалъ Аллана, но онъ не пришелъ. Я тихо открылъ дверь въ комнату, гдѣ стояла кровать съ четырьмя колоннами. Я хотѣлъ про-спать эту ночь подъ шелковымъ пологомъ, видѣвшимъ молодые сны Рахили. Я подошелъ, но отшатнулся, какъ передъ кощунствомъ.

Въ шесть часовъ утра меня разбудили.

По телефону, находившемуся непосредственно около моей кровати, я получилъ извѣстіе, что Ванъ-Гроотенъ убитъ.

У меня стучали зубы. Слуховая трубка прыгала въ моей рукѣ. Я видѣлъ, какъ въ зеркалѣ, лицо и руки моего брата. Я боролся съ этимъ, повторяя себѣ, что это безуміе, что это невозможно.

Но, стоя подъ холодной струей душа, я чувствовалъ, какъ кровь стучала въ моихъ вискахъ, и сердце трепетало, какъ птица, которая бьется головой о стекла маяка.

Мнѣ сообщили по телефону главные обстоятельства дѣла. Поденщицы, приходившія въ половинѣ шестого для уборки конторы, нашли его въ кабинетѣ мертвымъ.

Онъ былъ убитъ выстрѣломъ въ ухо. Револьверъ лежалъ возлѣ трупъ. Несгораемый шкафъ былъ взломанъ. Были ли похищены цѣнные бумаги, долженъ былъ выяснитъ предварительный допросъ.

Я машинально отдалъ приказаніе поставить караулъ на мѣстѣ преступленія, запечатать все и оставить трупъ до моего прибытія. Это мнѣ не стоило никакого труда, такъ какъ я думалъ о другомъ и передавалъ свое приказаніе, какъ рядъ мертвыхъ словъ, смыслъ которыхъ былъ для меня въ ту минуту совершенно неясенъ. Виѣшне мой мозгъ дѣйствовалъ совершенно нормально, но его внутренняя дѣятельность представляла ужасный хаосъ.

Чтобы подкрѣпить нервы, я выпилъ чашку чернаго кофе и отправился въ ратушу, въ свое официальное бюро, чтобы познакомиться съ дѣломъ. Сдѣлавъ это, я поступилъ согласно голосу разсудка, вмѣсто того, чтобы подчиниться зову сердца и пойти разыскивать Аллана.

Я попробовалъ успокоиться. Все заставляло предполагать самое обыкновенное ограбленіе, которое могъ совершить человѣкъ, поверхно-

стно знакомый съ окружающей обстановкой. Но, въ сущности, даже это не было необходимымъ. Возможно, что убійцей являлся случайный воръ, незнакомый съ привычками Ванъ-Гроотена, застигнутый имъ врасплохъ и убившій его, защищая собственную жизнь.

Убійцѣ, повидимому, посчастливилось скрыться, не оставивъ никакого слѣда, кромѣ револьвера. Оружіе же—всегда крайне слабая улика. Правда, находка на мѣстѣ преступленія подтяжекъ, которыми убійца задушилъ свою жертву, указываетъ на то, что преступникъ принадлежитъ къ низшимъ слоямъ общества, но револьверъ не могъ служить серьезнымъ указаніемъ въ этомъ городѣ, гдѣ даже школьники занимались стрѣльбой ради спорта, и гдѣ всегда стояли корабли съ экипажами всевозможныхъ національностей.

Несмотря на это, мысль объ этомъ револьверѣ подѣйствовала на мои нервы, какъ видъ остраго, блестящаго на солнцѣ клинка, которымъ взмахнули передъ самыми глазами.

Но я повторялъ себѣ: мой братъ не убійца! Мой братъ не убійца! Эти слова качались въ моемъ мозгу, какъ невидимые маятники. Мой братъ не убійца!

Постепенно во мнѣ проснулся интересъ криминалиста къ своему дѣлу. Я больше не былъ свободнымъ человѣкомъ. Я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ ответственности, тяжелымъ камнемъ лежавшей на моихъ плечахъ. Я былъ готовъ исполнить свой долгъ.

Когда я вспоминаю то время, это обстоятельство всегда удивляетъ меня, какъ одна изъ загадочныхъ сторонъ жизни человѣка.

Вѣдь Алланъ былъ моимъ единственнымъ братомъ, и его жизнь была тѣсно связана съ моей. Но я спросилъ совершенно спокойно, кто и когда услышалъ выстрѣлъ. Мнѣ отвѣтили, что нѣкоторые изъ слугъ Ванъ-Гроотена, справлявшіе внизу въ боковомъ флигелѣ маленькую вечеринку, слышали выстрѣлъ, но были въ такомъ повышенномъ настроеніи, что никто не обратилъ вниманія на этотъ звукъ. Все же они могли сказать съ увѣренностью, что это было между полночью и часомъ.

А я покинулъ Рахиль въ десять часовъ.

Я отправился въ домъ Ванъ-Гроотена въ сопровожденіи одного изъ своихъ лучшихъ сыщиковъ. Мы прошли черезъ ворота прямо въ контору; я хотѣлъ допросить Рахиль послѣ.

Однимъ изъ тѣхъ громаднхъ усилій воли, которыя дѣлаютъ человѣка человѣкомъ, хотя и не всегда оказываютъ ему честь, я заставилъ себя отбросить всѣ субъективныя мысли и чувства, касающіяся Рахили.

Всю ночь ея „сказка“ кружилась надо мной, какъ воршунъ, и терзала мое сердце.

Отнынь Рахиль была только m-me Ванъ-Гроотенъ, родственница покойнаго, а я—криминалистъ, исполнявшій свой служебный долгъ.

Вѣглаго взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться, что настоящаго нападенія извнѣ не было. Ни двери ни окна не были повреждены снаружи.

Я предоставилъ сыщику осмотрѣть дворъ и садъ, а самъ вошелъ въ контору.

Къ моему большому удивленію, я увидѣлъ, что трупъ Ванъ-Гроотена убранъ. Но лакей, охранявшій контору вмѣстѣ съ моими людьми, заявилъ, что барышня приказала немедленно перенести трупъ отца въ его спальню.

Зная характеръ Рахили, я простилъ ихъ за нарушеніе инструкціи.

Теперь я приступилъ къ систематической работѣ и осмотрѣлъ все вмѣстѣ со своими людьми.

Полосы ваты, которыми были заклеены окна, чтобы не дуло, были цѣлы. Большой письменный столъ, конторка и стѣнной шкафъ были невредимы. Ни одинъ изъ замковъ не носилъ слѣдовъ отмычки. Несгораемый шкафъ былъ открытъ настежь. Бумаги, документы и книги лежали тамъ въ нестромъ безпорядкѣ, изъ чего можно было заключить, что преступникъ рылся въ нихъ, чтобы найти какую-то определенную вещь. На полу лежала связка ключей. На одной изъ полокъ желѣзнаго шкафа стояли три пустыхъ металлическихъ чашки, величиней съ тарелку, но глубже.

По тому, какъ лежали бумаги, я могъ рассчитывать, куда упалъ убитый. Онъ стоялъ передъ шкафомъ, когда его сразилъ выстрѣлъ, и упалъ навзничъ, убитый на мѣстѣ.

Мнѣ доложили, что пришелъ завѣдывающій конторой, маленькій, сморщенный старичокъ, дрожавшій отъ страха до кончиковъ своихъ кривыхъ пальцевъ.

Я просилъ его сказать все, что ему извѣстно относительно содержимаго несгораемаго шкафа. Но онъ покачалъ головой и объявилъ, что Ванъ-Гроотенъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые позволяютъ кому бы то ни было изъ постороннихъ слѣдить за собой. Но онъ былъ увѣренъ, что Ванъ-Гроотенъ всегда имѣлъ въ домѣ золото на большія суммы и сохранялъ его въ этомъ шкафу.

Я спросилъ, есть ли у него факты, и онъ съ застѣнчивой улыбкой сознался, что ему было извѣстно пристрастіе Ванъ-Гроотена къ золоту.

Онъ разсказалъ, что, когда получались большія суммы денегъ, Ванъ-Гроотенъ сейчасъ же посылалъ ихъ въ банкъ, а золото оставлялъ у себя. Конторщикъ часто заставлялъ его сидящимъ у письменнаго стола, на которомъ стояли двѣ хрустальныя чашки, до краевъ на-

полненные золотомъ. Онъ погружалъ въ нихъ руки, какъ въ воду, и игралъ монетами, но, когда кто-нибудь входилъ, онъ тотчасъ же уносилъ чаши въ несгораемый шкафъ и запиралъ ихъ тамъ.

Я спросилъ, было ли это извѣстно конторскому персоналу. Онъ отвѣтилъ, что молодые конторщики устроили себѣ изъ этого забаву. Они внезапно замолкали, чтобы въ глубокой тишинѣ всѣ могли слышать звонъ золотыхъ монетъ, перебираемыхъ Ванъ-Гроотеномъ.

Наконецъ, я спросилъ стараго конторщика, хранились ли бумаги и книги торговаго дома въ этомъ шкафу.

Онъ отвѣтилъ, что всѣ книги и бумаги, за исключеніемъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ документовъ и облигацій, хранятся въ стѣнныхъ шкафахъ въ разныхъ отдѣленіяхъ конторы.

Я отпустилъ старика, но попросилъ его быть по близости, чтобы я могъ позвать его, если бы мнѣ понадобилось говорить съ нимъ.

Я продолжалъ свои изслѣдованія.

Мною овладѣла новая мысль. Можетъ быть, вечеринка прислуги была устроена для того, чтобы преступникъ могъ спокойно выполнить свое намѣреніе.

Вся прислуга въ домѣ, какъ слуги, такъ и горничныя, должны были знать привычку Ванъ-Гроотена каждый вечеръ передъ сномъ являться въ контору, посмотреть, все ли въ порядкѣ. Они не могли не знать ни этой привычки ни точности, съ которой онъ ей слѣдовалъ.

Съ другой стороны, Ванъ-Гроотень былъ слишкомъ уменъ, чтобы оставить дверь открытой, такъ, что каждый могъ послѣдовать за нимъ.

Было ясно, что онъ, во всякомъ случаѣ, былъ нѣкоторое время одинъ въ конторѣ, такъ какъ онъ самъ открылъ денежный шкафъ. Самъ—потому что никто другой не зналъ секрета этого замка.

Я сѣлъ въ большое кожаное кресло у письменнаго стола, чтобы спокойно обдумать положеніе. Мой взглядъ упалъ на открытую коробку для перьевъ. Я не знаю, какъ это случилось, но этотъ взглядъ пробудилъ цѣлый рядъ новыхъ мыслей.

Ванъ-Гроотень былъ преувеличенно аккуратенъ въ мелочахъ. Если онъ вынималъ коробку съ перьями, это значило, что онъ долженъ писать; послѣ употребленія онъ закрывалъ коробку и ставилъ ее на мѣсто. Слѣдовательно, онъ писалъ, и ему помѣшали во время работы. Но это не былъ незнакомый человѣкъ, иначе онъ не подошелъ бы къ шкафу, не кончивъ писать.

Гдѣ же было написанное? Я невольно приподнялъ промокательную бумагу. Подъ нею лежалъ листъ чистой бумаги, исписанный во всѣхъ направленіяхъ однимъ словомъ: „Рахиль“.

Конечно, это выраженіе влюбленности больше подходило къ двадцатилѣтнему юношѣ, чѣмъ къ Ванъ-Гроотену, которому было за пять-

десять, но его экзальтація могла выразиться и такимъ наивнымъ образомъ.

Я сложилъ бумагу и сунулъ ее въ карманъ. Минуту спустя, я снова вынулъ ее. Мнѣ вдругъ показалось, что я знаю эту бумагу, что уже держалъ ее въ рукахъ.

Вѣроятно, у Ванъ-Гроотена была привычка въ свободныя минуты исписывать попадавшуюся ему подъ руки бумагу именемъ Рахили. Больше я не думалъ объ этомъ обстоятельстве.

Револьверъ лежалъ на столѣ. Это была маленькая изящная вещь — заграничной работы, элегантная и совершенно новая.

Револьверъ былъ шестизарядный; пять пуль еще сидѣли въ дулѣ.

Теперь, когда мысль о винѣ Аллана отпала, ко мнѣ вернулось легкое и свободное настроеніе. Все это дѣло казалось мнѣ фокусомъ, который я долженъ былъ выполнить, или, вѣрнѣе, благороднымъ спортомъ, требующимъ хитрости, силы и упорства.

Спокойно и холодно я расположилъ по порядку собранныя подробности и рѣшилъ въ тотъ же день допросить въ отдѣльности всѣхъ слугъ и конторскій персоналъ, чтобы каждый могъ доказать свое alibi.

Я сидѣлъ и игралъ револьверомъ, какъ вдругъ вздрогнулъ, глядя въ его дуло. Дѣйствительно, нужна была твердая рука, опытный глазъ и крѣпкіе нервы, чтобы попасть этой пулей въ такую цѣль, какъ ухо.

Я вспомнилъ со стыдомъ свою университетскую жизнь, когда моей честолюбивой, но неудачной мечтой было сдѣлаться хорошимъ стрѣльцомъ.

При обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ у меня всегда дрожала рука, въ то время, какъ въ фехтованіи я былъ довольно ловокъ. Я снова невольно подумалъ объ Алланѣ, который еще ребенкомъ попадалъ изъ лука въ кольцо, образованное моими пальцами.

Я приказалъ доложить Рахили о себѣ. Меня просили подождать, и я пошелъ въ оранжерею. Невольно я посмотрѣлъ на пальмы передъ дверью Рахили. Дверь была закрыта. Солнечно-желтыя занавѣски были задернуты, но она, конечно, встала.

Душный воздухъ давилъ мою голову, но я не ушелъ, а остался.

Чтобы не терять времени, я началъ осматриваться. Какъ криминалистъ, я привыкъ наблюдать и не пропускать ни одной мелочи. Я оглянулся, измѣряя взглядомъ длину и ширину комнаты.

Дѣйствительно ли я ожидалъ найти что-нибудь важное, внимательно изучая гравій около бассейна, или это было только проявленіе нервнаго и возбужденнаго настроенія? Я не знаю этого.

Я шелъ медленно, ступая въ свои собственные слѣды, и тутъ

я увидѣлъ и узналъ слѣды ногъ Рахили, ея тонкихъ, узкихъ, длинныхъ туфель съ острымъ носкомъ и каблуками въ формѣ полумѣсяца, оставлявшими вездѣ глубокіе отпечатки. Видѣ этихъ слѣдовъ въ то утро произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я почувствовалъ, какъ все мое лицо вспыхнуло. Мнѣ показалось, что при помощи этихъ слабыхъ слѣдовъ я могу ощущать ея тѣло въ пустомъ воздухѣ.

Кровь съ шумомъ и звономъ пульсировала въ моихъ ушахъ.

Рахиль! Рахиль! Пожаръ внезапно погасъ. Меня охватилъ холодъ, который буквально врѣзался въ мое сознание.

Алланъ и я были близнецами; мы часто прыгали по слѣдамъ другъ друга въ снѣгу и на землѣ. Мнѣ ли было не узнать его узкую ногу, которая при ходьбѣ не поворачивалась наружу, а двигалась прямо, какъ нога высѣченнаго на камнѣ ассирійскаго воина.

Алланъ всегда, насколько я могъ припомнить, ходилъ такъ, какъ будто балансировалъ на стальномъ остріѣ.

Мнѣ ли было не узнать его слѣды! Тамъ были и другіе слѣды, но отпечатки ногъ Аллана и Рахили были всего свѣжѣе. Былъ ли онъ здѣсь въ прошлый вечеръ, когда я ушелъ, когда я сидѣлъ дома и ждалъ его? Невозможно! Но слѣды были на лицѣ. Они смотрѣли на меня. Мое безпокойство не пугало ихъ.

Тутъ я совершенно сознательно нарушилъ свой служебный долгъ. Я удалилъ слѣды, растопталъ ихъ одинъ за другимъ, уничтожилъ ихъ своими ногами.

Какой-то шумъ, раздавшійся надо мной, заставилъ меня вздрогнуть, но я не оглянулся; я былъ убѣжденъ, что шевельнулась одна изъ тропическихъ птицъ, клѣтки которыхъ висѣли подъ куполомъ.

Нѣкоторое время я стоялъ около бассейна, въ которомъ жирныя рыбы беззаботно сверкали чешуей среди листовъ водяныхъ растений.

Моя душа рыдала. Алланъ, братъ мой! Алланъ, братъ мой!

Погрузившись въ мысли, я опустилъ руку въ воду, чтобы освѣжить лицо, но вода была непріятно теплая, и я стремительно вытащилъ руку. Тогда я началъ тщательно, какъ садовникъ, изучать отдѣльныя растенія, словно надѣясь найти разгадку въ этой влажной землѣ.

Тутъ ползъ червякъ, тамъ лежалъ коконъ. Красный цвѣтокъ двигалъ свои покровы, какъ бабочка сбрасываетъ куколку. Мой взглядъ упалъ на что-то, показавшееся мнѣ желтоватой ягодой, но цвѣтъ заставилъ меня обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ. Я потянулъ за свободный конецъ и вытащилъ изъ рыхлой земли, окружавшей большую *Nepenthes*, длинную костяную шпильку, воткнутую туда, очевидно, въ минуту разсѣянности.

Я снова хотѣлъ воткнуть ее въ землю, но мои пальцы задрожали,

какъ будто черезъ нихъ прошелъ электрическій токъ. Это не была, какъ я подумалъ сначала, сломанная вязальная спица, это была одна изъ египетскихъ шпильекъ Рахили...

Снова передо мной воскресла „сказка“ со всеми ужасами пустыни... Вѣроятно, она потеряла шпильку, одинъ изъ помощниковъ садовника нашелъ ее и воткнулъ въ первый попавшійся цвѣточный горшокъ, не подозрѣвая ея цѣнности. Да, вѣроятно, такъ и было.

Я стоялъ, держа въ рукѣ маленькую желтоватую шпильку. Она пострадала въ землѣ; одинъ изъ ея концовъ былъ темнокрасноватаго цвѣта. Въ водѣ, которой поливались растенія, были, очевидно, щелочныя соединенія, впитавшіяся въ поры слоновей кости.

Я хотѣлъ вернуть шпильку Рахили. Она, вѣроятно, замѣтила пропажу. У нея вѣдь были только эти четыре шпильки. Вчера вечеромъ она показывала ихъ. Вчера вечеромъ... У меня позеленѣло въ глазахъ. У Рахили было только четыре шпильки, и, когда я ушелъ въ 10 часовъ, онѣ были все у нея.

Эти факты впились въ мой мозгъ, какъ когти.

Рахиль была здѣсь съ Алланомъ, съ моимъ единственнымъ братомъ, вчера вечеромъ, почти ночью...

О чемъ они говорили, гуляя здѣсь, такъ что она, забывая все, вынула эту шпильку изъ волосъ, воткнула ее въ землю около цвѣтка и забыла ее вытащить!

О чемъ они говорили? Кто же была Рахиль, эта женщина, которая только что прижималась ко мнѣ и обвѣшала меня ужасомъ своего довѣрія, чтобы черезъ часъ привлечь моего брата?

Алланъ пришелъ по своей волѣ. Для этого я зналъ его слишкомъ хорошо. Но кто же была она? Какова ея душа?

Снова сверху раздался звукъ вдоха или жалобнаго смѣха. Я медленно повернулъ голову и посмотрѣлъ наверхъ. Тамъ стояла Рахиль, нагнувшись надъ перилами, словно она хотѣла увидѣть свое отраженіе въ бассейнѣ.

Ея длинныя блѣдныя руки свѣшивались на бронзовую рѣшетку, какъ мертвые цвѣты. Она качалась взадъ и впередъ, какъ змѣя, поднимавшаяся подъ звуки музыки. Лицо было совершенно спокойно и носило слѣпое, утомленное выраженіе. Она прешла по балкону; я слышалъ стукъ ея каблучковъ по желѣзу и шипящее шуршаніе ея платья.

Она спустилась по узкимъ ступенькамъ и остановилась противъ меня. Однако, когда я протянулъ къ ней руки, она уклонилась.

Она была синевато-блѣдна, и на ея волосахъ опять лежалъ кроваво-красный отблескъ. Но волосы, обыкновенно пышно окружавшіе лобъ, теперь тяжело, словно смоченные чѣмъ-то, падали на виски.

Въ своей гнѣвной страсти я подумалъ, что она такъ огорчена во-

все не смертью человѣка, замѣнявшаго ей отца, которому она поневолѣ дала слово.

Я долженъ былъ бороться съ отвратительной радостью при мысли, что этотъ человѣкъ былъ силой удаленъ отъ нея. Слова, которыя я хотѣлъ сказать, замерли у меня на устахъ подъ ея безжизненнымъ и мертвящимъ взглядомъ.

Я все еще держалъ въ рукахъ шпильку. Рахиль замѣтила ее. Ея лицо вздрогнуло, она нѣсколько разъ беззвучно пошевелила губами. Наконецъ, она сказала:

— „Отдайте мнѣ шпильку!“

Этотъ голосъ былъ ея и не ея; онъ казался поблекшимъ, какъ кожа ея лица, какъ блескъ ея глазъ.

— „Дайте мнѣ ее“, просила она.

Я передалъ ей шпильку. Она взяла ее, посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, подняла ее къ волосамъ и снова опустила, какъ будто эта тяжесть была слишкомъ велика для ея руки.

Охваченный жгучей жалостью передъ этимъ страхомъ, причинъ котораго я не зналъ и не понималъ, я взялъ шпильку изъ ея рукъ и положилъ ее въ свой боковой карманъ. Ея губы попробовали выговорить слово, и это слово было: „благодарю“. Но тотчасъ же съ ней совершилась перемѣна. Она вся какъ-то сжалась, сдѣлалась въ одно мгновеніе твердой, какъ сталь, принудила себя къ мысли и волѣ, какъ человѣкъ, который посмотрѣлъ въ глаза смерти и рѣшается бороться съ ней.

Рахиль сказала, и въ ея голосѣ снова слышалась жизнь:

— „Вы хотѣли говорить со мной.“

Я отвѣтилъ, заикаясь, пораженный перемѣной, причины которой я не могъ прослѣдить.

— „Я пришелъ изъ конторы... Я хотѣлъ бы видѣть вашего... отца.“

Рахиль подошла ко мнѣ и приблизила свое лицо къ моему.

— „Джемсъ Тэмплъ“, сказала она, „если вы хотите послѣдовать моему совѣту, по возможности, не вмѣшивайтесь въ это дѣло. Я говорю это ради себя и васъ. Но я не буду повторять этого. Въ остальномъ вы можете поступать, какъ вамъ угодно.“

Если бы Рахиль сказала эти слова робкимъ, умоляющимъ или хотя бы печальнымъ тономъ, я знаю, что склонился бы передъ ея волей, какъ соломинка, но она произнесла ихъ съ угрожающимъ, надменнымъ, повелительнымъ выраженіемъ.

Моя ревность проснулась снова, еще мучительнѣе и необузданнѣе, чѣмъ раньше, и я отвѣтилъ кратко:

— „М-me Ванъ-Гроотенъ, въ этомъ дѣлѣ я исполняю свой долгъ, ни больше ни меньше.“

Она серьезно посмотрѣла мнѣ въ глаза и сказала съ печальнымъ взглядомъ:

— „Вы хотите видѣть моего отца. Я заставила перенести его въ спальню. Я не могла оставить его на полу подъ всеѣми чужими любопытными взглядами. Я пойду съ вами.“

Ванъ-Гроотенъ лежалъ на кровати съ лицомъ, покрытымъ простыней. Рахиль спокойно смотрѣла на блѣдное, неподвижное лицо, на которомъ нельзя было замѣтить признаковъ насильственной смерти.

Я подошелъ къ кровати съ другой стороны, чтобы лучше рассмотреть его.

Рахиль отвернулась и подошла къ окну.

Да, мнѣ сказали правду: твердая рука держала револьверъ. Ничего не было повреждено или разможено, кромѣ слухового прохода, наполненного свернувшейся кровью.

Я стоялъ, погружившись въ созерцаніе этого блѣднаго безмолвнаго лица, которому спокойствіе смерти придавало величіе и гордость, несвойственныя Ванъ-Гроотену при жизни. Но даже передъ лицомъ смерти моя ревность была сильнѣе, чѣмъ моя воля.

Глядя на Ванъ-Гроотена, я въ глубинѣ души радовался, что онъ побѣжденъ, что Рахиль никогда не будетъ принадлежать ему.

Въ моемъ умѣ возникали странныя мысли, но прежде, чѣмъ я могъ отдать себѣ отчетъ въ нихъ, онѣ исчезали, какъ тѣни въ лѣсу, гдѣ шумитъ буря. Но я начиналъ понимать, что жажда власти можетъ толкнуть человѣка на убійство. Я громко спросилъ у Рахили:

— „Быль ли произведенъ осмотръ трупа?“

Она медленно подошла и передала мнѣ конвертъ, лежавшій на столѣикѣ. Это былъ протоколъ домашняго врача и свидѣтельство о смерти. Не думая ничего особеннаго, я сказалъ:

— „Не лучше ли вскрыть тѣло вашего отца. Меня удавляетъ, что пуля оставила такой узкій ходъ“...

Рахиль стояла, какъ статуя. Она говорила, но ея губы не шевелились. Ея слова просачивались, какъ вода въ песокъ:

— „Никто не тронетъ тѣло моего отца“...

Я думалъ, что она упадетъ, но она стояла на мѣстѣ, и ея обаяніе было такъ велико, что я наклонилъ голову въ знакъ безусловнаго, нѣмого повиновенія.

Я отвернулся; у меня кружилась голова. Мнѣ казалось, что холодный туманъ ползетъ изъ всѣхъ угловъ комнаты. Мнѣ сдѣлалось дурно. Я бросился вонъ изъ комнаты, какъ если бы трупъ поднялъ руку и указалъ на меня.

Рахиль медленно послѣдовала за мной. Я сталъ прощаться, но въ послѣдній моментъ мучительный страхъ заставилъ меня спросить:

— „Видѣли вы моего брата на этихъ дняхъ“?

Рахиль отвѣтила громко и ясно, пристально глядя мнѣ въ глаза:

— „Нѣтъ, я давно не видѣла вашего брата.“

Я схватился за лобъ. Мнѣ показалось, что моя спина парализована сильнымъ ударомъ. Я вышелъ, шатаясь.

Свѣтило солнце, и небо было ясно.

Я услышалъ звонъ колоколовъ и посмотрѣлъ на свои часы. Было половина девятаго.

Допросъ конторскаго персонала долженъ былъ состояться черезъ часъ. Въ этотъ промежутокъ времени я могъ дойти до квартиры Аллана.

Мнѣ была невыносима мысль встрѣтиться и впервые увидѣть при постороннихъ печать Каина на его челѣ. Я долженъ былъ предупредить его и помочь ему скрыться...или молчать.

Мостовая горѣла подъ моими ногами, какъ будто огонь, дремлющій въ нѣдрахъ земли, проснулся и достигъ ея поверхности.

Нужно было дѣйствовать теперь, сейчасъ же; черезъ часъ могло быть поздно. Я не могъ остановить время, или измѣнить неумолимый порядокъ событій. Я былъ безсиленъ, но все-таки терзался, стараясь найти какой-нибудь выходъ.

Было половина девятаго. Въ девять часовъ должны были явиться служащіе. Потомъ всѣ они, не исключая Аллана, должны были подвергнуться, смотря по обстоятельствамъ, открытому или замаскированному допросу, единственной цѣлью котораго было установить, гдѣ былъ каждый изъ нихъ съ одиннадцати часовъ вечера до трехъ часовъ ночи. Тѣ, кто указали свое мѣстопробываніе, могли считаться внѣ подозрѣній, если ихъ показанія соответствовали фактамъ, установленнымъ моими людьми. Что касается тѣхъ, кто не могъ доказать своего alibi, за неимѣніемъ свидѣтелей, или вслѣдствіе другихъ причинъ—они должны были состоять подъ постояннымъ негласнымъ надзоромъ.

Я не рѣшился взять извозчика. Это могло обратить на меня вниманіе въ тихомъ кварталѣ, гдѣ жилъ Алланъ.

Хозяева Аллана любили его, какъ сына, и не выдали бы его умышленно, но это были простые, откровенные люди, у которыхъ умные сыщики могли выпытать роковыя свѣдѣнія.

Если бы я могъ, послѣ короткаго разговора съ Алланомъ, направить ихъ на ложный слѣдъ, такъ, чтобы они отвѣчали то, что было нужно мнѣ—многое было бы выиграно.

Я вполне понималъ, что мое намѣреніе преступно и непрости-

тельно при моемъ служебномъ положеніи. Но, если бы мнѣ были даны мѣсяцы на размышленіе, я все-таки не измѣнилъ бы своего плана. Я долженъ былъ спасти Аллана. Я долженъ былъ сдѣлать это, даже если бы это грозило мнѣ гибелью.

Когда я подошелъ къ маленькому бѣлому дому, я чуть не упалъ отъ волненія.

Онъ казался такимъ мирнымъ, со своимъ залитымъ солнцемъ палисадникомъ и цвѣтникомъ, созданнымъ руками Аллана.

Окна были открыты. Комната была пуста. Аллана не было.

Окончательно разбитый, я сѣлъ на скамейку; мнѣ казалось, что вся кровь отхлынула отъ моей головы, и моя жизнь медленно ускользаетъ.

За моей спиной была стѣна, обвитая вьюнками и глициніями, изъ цвѣтущихъ гроздей которыхъ слетали на землю блѣдные лепестки, подобные усталымъ бабочкамъ.

Посреди сада стояло единственное дерево, красный каштанъ, который былъ съ большимъ трудомъ и затратами перевезенъ Алланомъ изъ лѣса.

Онъ гордился тѣмъ, что дерево перенесло перевозку изъ лѣса въ городъ.

Узкія грядки, изъ которыхъ состояла остальная часть сада, были засѣяны цвѣтущими растеніями, къ которымъ слетались пчелы.

Около улья, устроеннаго Алланомъ съ почти дѣтской радостью, дѣловито сновали взадъ и впередъ жужжащія пчелы, опьяненные цвѣтами.

Вся эта картина дышала блаженнымъ покоемъ и довольствомъ и составляла кричащій контрастъ съ происшествіями прошедшей ночи.

Я постучалъ въ дверь, и появилась пожилая жена ремесленника, одѣтая по утреннему, въ нижнюю юбку и ночную кофту.

Ея первыя слова еще больше встревожили меня:

— „Господи Боже мой! Значить, я была права. Вашъ братъ захворалъ... Вѣдь я сейчасъ же замѣтила это и еще сказала мужу: какъ же мы можемъ отпустить его въ такомъ видѣ? А если онъ упадетъ на улицѣ“...

Я быстро перебилъ ее:

— „Глупости! Мой братъ совершенно здоровъ. Что вы рассказываете!“

Прошло нѣкоторое время, пока я убѣдилъ ее, что явился совсѣмъ не съ сообщеніемъ о болѣзни Аллана. Когда она, наконецъ, поняла это, она начала плакать и твердить, что у него былъ ужасный видъ, и что онъ, очевидно, всю ночь не раздѣвался.

Это былъ подходящий случай. Нельзя было упускать его. Я сказалъ, вкладывая какъ можно больше рѣшимости въ свой голосъ:

— „Знаете, вы говорите ужасныя глупости. Алланъ былъ у меня до трехъ часовъ ночи. Правда, мы слишкомъ засидѣлись за разговорами, и онъ усталъ, но я самъ проводилъ его до двери, и знаю, что онъ легъ спать.“

Женщина смотрѣла на меня округлившимися отъ страха глазами.

— „Да, но постель даже не смята. Я же видѣла собственными глазами, что господинъ Тэмпль пришелъ домой въ четверть седьмого. Притомъ его сапоги были въ такомъ видѣ, какъ будто онъ всю ночь бродилъ по канавамъ. И онъ, всегда такой привѣтливый, не сказалъ мнѣ ни одного слова, а на цвѣты и на пчелъ онъ даже не посмотрѣлъ, вотъ не сойти мнѣ съ этого мѣста! Онъ только переодѣлся и выпилъ двѣ чашки кофе, а потомъ сѣлъ на скамейку. И у него было такое лицо, какъ будто ему больше всего хотѣлось умереть: А потомъ онъ опять ушелъ.“

Кровать не смята... Мои мысли кружились въ отчаянномъ водоворотѣ.

— „Нѣтъ, знаете, моя милая, вы среди бѣлаго дня видите привидѣнія. Неужели вы не знаете, какъ поступаетъ человѣкъ, который дѣйствительно усталъ? Онъ бросается, одѣтый, на стулъ и тутъ же засыпаетъ, не думая о томъ, что кровать въ двухъ шагахъ отъ стула. Но такой сонъ не освѣжаетъ, поэтому просыпаешься рано, чувствуешь себя плохо и идешь поскорѣе пройтись. Я десять разъ испытывалъ все это“...

— „Но господинъ Тэмпль все это время спалъ каждую ночь въ постели.“

— „Ну, а сегодня онъ провелъ ночь на стулѣ... Если вы можете сохранить тайну, я скажу вамъ, отчего мой братъ такъ плохо выглядѣлъ сегодня утромъ“.

Я съ невѣроятной быстротой сочинилъ трогательную исторію о юношеской любви, нарушенной вѣрности и о письмѣ съ отказомъ, будто бы полученномъ вчера Алланомъ. Простодушная женщина заплакала отъ жалости. Игра была выиграна.

Я началъ объяснять ей, что часто бѣда не приходитъ одна, и что Алланъ, придя утромъ въ контору, услышалъ печальную вѣсть объ убійствѣ своего принципала.

Женщина хотѣла громко закричать, какъ дѣлаютъ такіе люди, услышавъ о сенсационномъ событіи. Я помѣшалъ ей въ этомъ, пробудивъ ея любопытство подробнымъ описаніемъ происшествія, такъ что она замерла отъ волненія, какъ при чтеніи бульварнаго романа.

На ея вопросъ, кто убійца, я отвѣтилъ, что это, вѣроятно, былъ пьяный матросъ или бродяга, застигнутый при покушеніи на кражу. Тутъ же я подчеркнулъ, какое это несчастіе для Аллана, который, вѣроятно, потеряетъ мѣсто, если дѣло перейдетъ въ другія руки.

Женщина смотрѣла теперь на вещи моими глазами и видѣла только то, что должна была видѣть по моему желанію.

Разговаривая о постороннихъ вещахъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушалъ ей, что нельзя выдавать сердечную тайну Аллана и говорить кому бы то ни было о его разстроенномъ видѣ, несмятой постели и утренней прогулкѣ. Чтобы еще больше укрѣпить ее въ убѣжденіи, я рассказалъ, что мой отецъ, священникъ, имѣлъ обыкновеніе засыпать въ креслѣ, не ложась въ постель. Алланъ, вѣроятно, унаслѣдовалъ эту привычку.

И женщина слѣпо вѣрила мнѣ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Муза странствій.

Warte nur! Bold ruhest du auch.

* * *

*Ручка Тананычка,
Вечеръ, путь степной,
Балагуритъ птичка
Божія со мной.*

*Облака надъ міромъ
Въ юлубой дали
Къ Богу бѣлымъ клиромъ
Тихо подошли.*

*Ковыли устало
Прилегли вздремнуть,
Время словно стало,
Затерялся путь.*

*Выглянули мыши
Изъ норы своей..
Міръ темный и тише,
А душа—свѣтлый.*

* * *

*Заря томится, тихо потухая.
Простонетъ астренокъ, спѣша къ звѣзду.
Ниспосылаетъ въ міръ Рука Благая
Первую дрожащую звѣзду.*

*Бреду, не ожидая встрѣчъ лукавыхъ.
Течетъ въ пустыню ночь. Летитъ, шурша
Повыжженнымъ холмамъ въ помынныхъ травахъ,
Вѣтра безпріютная душа.*

*У шалаша вдали огонь проглянетъ—
Тамъ пастухи-киргизы и стада...
И какъ-то хорошо, что не вспомнитъ
Странника никто и никогда.*

Въ Красноярскомъ бору.

*Давно простеръ угрюмый боръ.
Надъ Волгой сумрачныя сѣни;
Слѣдитъ зашедшій мшистый взоръ
За смѣлой быстрыхъ поколѣній.*

*По древнимъ стойбищамъ болгаръ
Здѣсь шли татары и калмыки,
За ними вслѣдъ на Красный Яръ
Взбредли съ сохой родныя лыжи.*

*Спаслись пока средь склоки расъ
Мы государства цѣпью ржавой,
Но все же время стравитъ насъ
Своей медлительной потравой.*

*Въка иные подойдутъ,
Затопчутъ слѣдъ лаптей и плуга—
А боръ все такъ же будетъ тутъ,
Не разомкнетъ живого круга.*

*Смирено я прижался къ вамъ,
Цѣлую въ кряжистыя губы:
Любовь мою къ роднымъ полямъ
Храните вѣчно, сосны, дубы!*

Вечеромъ на Тянь-Шанѣ.

*Надъ вечернющей землей
Пылаетъ алый макъ заката,
И темный островъ Беговата
Вонзаетъ въ пурпуръ профиль свой.*

*Акъ-су кипитъ, свергаясь въ долъ,
Блестя рдльной чешуею.
Оврагомъ узкимъ къ водопое
Табунъ со ржаньемъ подошелъ.*

*Киргизъ, поводя опустивъ,
Слетаетъ внизъ съ кремнистой кручи.
Я слышу древностью созвучій
Безъ словъ волнующій мотивъ.*

*Поетъ и вътеръ о своемъ
Въ горахъ бродяжество упорномъ,
И ночь, таясь въ ущельи горномъ,
Мнѣ чернымъ машетъ рукавомъ.*

*Какъ бы возставшая отъ сна,
Душа глядитъ на міръ родимый.
Ей путь пророчитъ нелюдимый
Надъ гребнемъ всплывшая луна.*

* * *

*Пропала во мракъ тропинка,
Туманомъ запахло съ болотъ,
И мѣсяца мѣдная льдинка,
Обтаявъ, по вѣтру плыветъ.*

*Зажегъ я костеръ у дороги.
Безлюдье, бугоръ да ветла,
Да тѣнь моя длинная нош
Въ сосѣдній оврагъ занесла.*

*Лишь паспортъ намокшій въ карманъ
И старое съ нимъ портмоне...
Поплачь о заблудшемъ Иванъ,
Молись, моя мать, обо мнѣ!*

Бездомный песъ.

Л. А. Зандеру.

*Къ исходу ночи на меня внезапно
Пустынной свѣжестью повѣяло со степи
И запахомъ безвѣстныхъ травъ востока.
Изъ-подъ плаща я выляннулъ. Безмолвье
По древнему простору Туркестана
Текло шуршавшей темною рѣкою.
Качались въ небесахъ скорлупки-звѣзды,
И лодочка луны спускалась въ гавань*

Незримаго за млами горизонта.
Едва скользили облики ближайшихъ
Холмовъ волнистыхъ... А со мною рядомъ
Лежалъ, свернувшись комомъ, песъ бездомный,
Вчера ко мнѣ приставшій средъ безлюдья.
Его погладилъ я. Пугово взвизнувъ,
Онъ легъ на спину. Жалобно, со страхомъ,
Глядѣлъ въ мою измученную душу
Измучившійся одинокій звѣрь...
И я подумалъ:—Я растратилъ юность
Въ тоскѣ, въ безвѣрьи, въ горечи любви.
Но въ чемъ виновна передъ правдой жизни
Шершавая, голодная собака?
И почему средъ полноты Вселенной
Не только человекъ, оторванный отъ міра—
Несчастны звѣри, воющіе ночью,
Быть можетъ, травы, вѣтеръ, эти звѣзды
И даже Самъ Всебѣдущій Господь?

Е. Яшновъ.

Для чего Аллахъ создалъ власть?

(Сказка стараго Абдуль-Гафара).

Скитаясь по міру, въ поискахъ за счастьемъ, я былъ заброшенъ въ дикія горы Памира. По долгу службы, мнѣ приходилось много разъѣзжать среди населенія, мѣстами настолько дикаго, что въ моемъ лицѣ оно въ первый разъ видѣло европейца. Дорога тяжелая, большей частью, пѣшкомъ, по оврагамъ.¹⁾

Населенныхъ пунктовъ почти нѣтъ—въ теченіе одного, двухъ мѣсяцевъ не видишь людей.

Сначала я любовался красотами природы—надоѣло; сталъ спрашивать обо всемъ переводчика—надоѣло слушать его монотонный заплетающийся языкъ опекурильщика. Я сталъ тяготиться дорогой... Но одна встрѣча вывела меня изъ состоянія апатіи.

Послѣ долгаго и очень утомительнаго пути предстояло остановиться на ночлегъ на берегу горной рѣки Бартангъ, подъ открытымъ небомъ.

Большой кишлакъ Орошоръ лежалъ на той сторонѣ, верстахъ въ шести, семи ниже.

Дороги здѣсь совсѣмъ нѣтъ—развѣ что кичья²⁾ тропы; нужно было сплавиться на бурдюкахъ внизъ по Бартангу.

Это, вообще, довольно рискованное путешествіе, а по такой рѣкѣ, какъ Бартангъ—очень опасное.

Бурдюкъ—это цѣльно-снятая и выдѣланная шкура барана. Намоченная и надутая, она представляетъ собой родъ пузыря-поплавка, очень устойчиваго на водѣ и съ большой грузоподъемностью. Изъ 6-8 такихъ бурдюковъ связывается плотъ на жердочкахъ, толщиной въ 2 пальца. Ведутъ такой плотикъ два пловца. Они раздѣваются, привязываютъ платье къ головѣ, садятся верхомъ на такой же бурдюкъ, имѣя горло его у рта и время отъ времени надувая его. Пловцы берутся за два

¹⁾ Оврагъ—подвѣсные мостики и лѣстницы, изъ жердей и лозы, перекинутые черезъ пропасти.

²⁾ Кичъ—горный козелъ. По его тропамъ мѣстами не можетъ пройти даже самый опытный горецъ.

задніе угла плотика руками (площадь плота 1¹/₂ кв. ар.) и, лежа грудью на своемъ бурдюкѣ, ногами управляютъ.

Бартангъ, какъ дикій звѣрь, бросается изъ берега въ берегъ, съ шумомъ, грохотомъ катя свои мутныя воды между громадами камней, образуя на каждомъ шагѣ стремнины, въ массѣ пѣны и брызгъ.

Только таджики, мѣстные жители, проводшіе всю жизнь на этой рѣкѣ, умѣютъ провести бурдюки между камнями и стремнинами и во время отвернуть ихъ отъ отвѣсныхъ скалъ, на которыя будетъ бросать васъ Бартангъ съ головокружительной быстротой.

Сильныя ощущенія переживаешь во время такого путешествія! Дыханіе останавливается, когда несетъ прямо на камень или на скалу, и кажется уже, что пловецъ не рассчиталъ и не можетъ справиться со стремниной. Еще мигъ — и вы должны удариться со всей силой о скалу. Зажмуриваешь глаза и...подъ самой скалой отворачиваешь въ сторону.

Въ такое путешествіе, конечно, нельзя было рискнуть пускаться ночью, да и бурдюки и пловцы еще не были все готовы. Пришлось согласиться ночевать въ какомъ-то скотскомъ загонѣ, такъ какъ было уже довольно холодно ночами.

За день до моего прибытія, изъ Орошора вышелъ меня встрѣтить бывшій аксакалъ, старикъ Абдуль-Гафаръ. Высокій, стройный горецъ, весь сѣдой, какъ лунь, съ большой бѣлой бородой, орлинымъ носомъ и соколиными глазами. Для встрѣчи онъ разодѣлся. Надѣлъ почетный халатъ, обшитый галунами; нѣсколько медалей украшали его грудь.

У него былъ истинно-царственный видъ. Старикъ за свою жизнь видѣлъ много блеска и почестей, онъ выросъ въ понятіяхъ восточной торжественности и привыкъ къ великолѣпію. Это было сразу видно по нему.

Въ начальникахъ онъ привыкъ видѣть отраженіе солнца, блестящіе мундиры, громадныя свиты, торжественныя встрѣчи....

Повидимому, онъ сильно былъ разочарованъ, увидѣвъ меня въ сѣрой солдатской истрепанной шинелькѣ, съ однимъ проводникомъ и двумя джигитами и безъ всякихъ вещей. Онъ долго не могъ успокоиться, что мнѣ придется ночевать безъ ковровъ и шелковыхъ подушекъ и одѣялъ, просто у костра, какъ обыкновенному пастуху — таджику, въ скотникъ котораго мы забрались.

Абдуль-Гафаръ давно-давно представлялся государю и очень гордился этимъ. Изъ его собственныхъ рукъ онъ получилъ большую золотую медаль за вѣрную службу. Ѣздилъ въ Петроградъ, въ Москву, по Россіи...

Зналъ два-три русскихъ слова: спасибо, пожалуйста и пр., и все время пересыпалъ ими свою туземную рѣчь.

Абдуль-Гафаръ—большой старикъ; сколько ему лѣтъ, онъ не помнитъ. Но въ дѣтствѣ еще—онъ помнитъ—жилъ въ самостоятельномъ государствѣ Восточнаго Туркестана, въ которое входили: Кашгаръ, Яркендъ, Сарыколь, всѣ Памиры, Канджуть, Гильмитъ, Чипраль, Бадакшанъ и даже часть Ферганы.

Оказалось, что Абдуль-Гафаръ прекрасно говоритъ по-тюркски. Я очень обрадовался этому, предвкушая удовольствіе скоротать ночь за разказами его о старомъ житѣй-бытѣ, безъ переводчика.

Мой переводчикъ, сартъ Минкбай—завзятый опіистъ. При первомъ же удобномъ случаѣ, гдѣ бы ни было, онъ располагается поудобнѣе, разстилаетъ свой халатъ, ложится на него бокомъ, обвязываетъ туго голову платкомъ и, разставивъ курительныя принадлежности, принимается священнодѣйствовать.

И теперь, пока джигиты обдѣлывали барана, онъ уже курилъ. Въ воздухѣ уже разносился рѣзкій, непріятный запахъ дыма и клопочущіе звуки кипящаго въ трубкѣ опія. Еще нѣсколько минутъ—и его блѣдное, испитое лицо запрокинулось, и онъ весь ушелъ въ свои грезы, въ созерцаніе чего-то неземного, радостнаго. По лицу его уже распространилась блаженная улыбка... Доносились неслышимые звуки его голоса, перешедшіе въ какой-то отрывочный бредъ. Открытые воспаленные глаза расширились все больше и больше и горѣли нехорошимъ огонькомъ...

Мнѣ было всегда непріятно наблюдать опіистовъ, а Минкбая—въ особенности.

Я залѣзъ въ маленькій загончикъ и тамъ расположился у костра, на разостланномъ Абдуль-Гафаромъ халатѣ. Мнѣ хотѣлось скорѣе поговорить съ нимъ. И ему, видимо, тоже. Но на мои вопросы о прежней ихъ жизни онъ отвѣчалъ вяло и неохотно. Наконецъ, онъ не выдержалъ и прямо началъ:

Почему нѣтъ теперь такихъ начальниковъ, какъ раньше? Что такое творится въ Россіи? Куда ушелъ Бѣлый Царь—Акъ-Паша, и зачѣмъ онъ насъ оставилъ? Что же дѣлаетъ Ярымъ-Паша? ¹⁾

Какъ умѣлъ, объяснилъ ему революцію. Онъ, оказывается, кое-что зналъ обо всемъ этомъ: молва съ караванами купцовъ докатилась и сюда.

Что же дѣлали начальники, вѣдь у нихъ много было солдатъ подъ властью? Почему же они не употребили свою власть, чтобы удержать народъ отъ войны между собою?

Пришлось сознаться, что многіе начальники тоже пошли за революціей и солдатъ повели за собою.

¹⁾ Ярымъ-Паша—дословно значитъ пол-царя. Такъ въ Туркестанѣ называютъ генералъ-губернатора.

Затрясся старый Абдуль-Гафаръ.

— „Таксырь, великій грѣхъ передъ Аллахомъ взяли на себя начальники, что отдали данную имъ власть! Отъ этого-то вся война у васъ идетъ, и люди рѣжутъ другъ друга и бьютъ начальниковъ своихъ. И правильно дѣлаютъ.

„Пусть бьютъ, пусть всѣхъ перебьютъ, такъ имъ и надо. Они не достойны больше жить, такъ какъ совершили великій грѣхъ, оставили порученныхъ имъ Аллахомъ и Акъ-Пашей людей.

„Виноваты не тѣ, кто бьетъ своихъ начальниковъ—тѣ неразумны,—а начальники, которые сами отреклись отъ власти.

„Послушай меня, Таксырь, я расскажу тебѣ сказку-правду, что говорилъ мнѣ еще мой дѣдъ.

„Дѣдъ мой былъ очень большой человѣкъ, имѣлъ большую власть, и много людей ему было подчинено. Онъ пользовался большимъ почетомъ, онъ былъ очень умный старикъ.

„Таксырь! Аллахъ, создавая людей, далъ каждому призваніе и, по призванію, надѣлялъ ихъ своими дарами.

„Однимъ Аллахъ далъ даръ пророка и велѣлъ имъ просвѣщать душу людей; другимъ далъ даръ читать въ сердцахъ людей и велѣлъ имъ хранить чистоту души; третьимъ открылъ даръ произрастанія сѣмянъ земныхъ и велѣлъ имъ обрабатывать поля, чтобы питать плодами трудовъ своихъ людей; четвертымъ далъ способность добывать въ нѣдрахъ земли золото и другіе драгоценные каменья и велѣлъ имъ украшать жизнь людей. Пятымъ открылъ тайны премудрости неба и земли и велѣлъ учить людей; шестымъ научилъ строить дворцы, пруды, мосты и дороги и пр. и велѣлъ имъ устраивать жизнь человѣка; седьмымъ онъ открылъ тайну жизни человѣка и велѣлъ имъ врачевать недуги людей и т. д.

„Много Аллахъ роздалъ своихъ даровъ людямъ—всѣ, какіе у него были. И всѣ эти дары давали возможность человѣку жить, какъ въ раю.

„Каждый долженъ былъ дѣлать свое дѣло и тѣмъ помогать другому, и жизнь была бы прекрасна.

„Тогда сказалъ Аллахъ людямъ: *дѣлайте свое дѣло*—и вы будете жить *свободно и счастливо*.

„Но Шайтанъ все время вертѣлся около, и, какъ только Аллахъ сталъ отдыхать послѣ тяжелаго труда, онъ принялся за свою работу. Онъ сталъ смущать людей, указывая, что одному будетъ работать труднѣе, другому легче; одному будетъ житъся богаче, другому бѣднѣе, и т. д. Люди заволновались, начали сердиться... Ссора перешла въ драку, всѣ бросили дѣла, которыя далъ имъ Аллахъ, и стали отни-

мать чужое. Но, не получивши отъ Аллаха таланта, не умѣли справиться, и дѣла гибли, такъ же, какъ и люди.

„Наконецъ, Аллахъ сжалился надъ людьми и пришелъ ихъ разобрать. Онъ увидѣлъ, что люди сами работать *свободно* не могутъ, потому что Шайтанъ ихъ все время смущаетъ взяться за то дѣло, котораго они не знаютъ, и котораго имъ Аллахомъ не дано знать.

„Взялъ тогда Аллахъ всѣ свои дары назадъ, собралъ ихъ вмѣстѣ и перемѣшалъ. Потомъ позвалъ людей и сталъ имъ раздавать дары щедрой рукой. Каждому человѣку попадало всякихъ даровъ, однихъ меньше, другихъ больше. И сказалъ Аллахъ людямъ: у cadaго изъ васъ теперь есть всѣ дары. И отъ cadaго изъ васъ зависитъ развить тотъ или иной талантъ и работать. Теперь вы не можете роптать на меня, что я кого-нибудь обдѣлилъ.

„И люди разошлись.

„Но Аллахъ зналъ, какъ велика слабость людская. Онъ зналъ, что Шайтанъ будетъ смущать людей, и они снова начнутъ завидовать другъ другу, ссориться и драться. Онъ зналъ, что люди не справятся сами съ этимъ шайтановымъ искушеніемъ и вѣчно будутъ враждовать между собою.

„Чтобы оградить людей отъ искушенія Шайтана, рѣшилъ Аллахъ дать людямъ начальниковъ, надѣливъ ихъ особымъ даромъ.

„Аллахъ задумался, какъ сдѣлать человѣка, который могъ бы быть начальникомъ.

„Онъ ушелъ на берегъ моря и тамъ, подъ шумъ морскихъ волнъ, размышлялъ объ этомъ, созерцая созданную имъ природу.

„Въ мечтахъ его постепенно складывался образъ начальника. Онъ видѣлъ у подножія скалы змѣю, которая гипнотизировала птичку гремушками своего хвоста, чтобы легче поймать ее, и Онъ далъ эту мудрость начальнику. Онъ видѣлъ, какъ тигрица бросилась на звѣролова, защищая дѣтенышей, и Аллахъ далъ ему ея храбрость. Онъ видѣлъ, какъ соколъ, парившій высоко въ поднебесьѣ, камнемъ упалъ на землю, увидѣвши полевую мышъ, и онъ далъ ему орлиныя очи. Онъ видѣлъ, какъ дрожала скала подъ ударами гигантскихъ волнъ, но не ломалась, и Онъ далъ ея твердость человѣку-начальнику.

„Этотъ образъ становился въ мысляхъ Аллаха все яснѣе и яснѣе, и еще одинъ мигъ, одно желаніе Его—и человѣкъ предсталъ передъ Аллахомъ.

„Аллахъ сказалъ ему:

„Я тебѣ даю всѣ дары, какіе далъ людямъ, и, кромѣ того, Я даю тебѣ великій даръ, котораго не имѣютъ другіе—даръ власти.

„Тебѣ все будетъ подвластно. Ты долженъ будешь держать людей въ повиновеніи себѣ, слѣдить, чтобы они развивали свои таланты, чтобы

Шайтанъ не искушалъ ихъ браться за чужое дѣло, и чтобы они не дерзали стать равными тебѣ.

„Власть—это одинъ изъ величайшихъ даровъ человѣка, и нужно умѣть имъ владѣть.

„Смотри же, храни строго людей и держи твердо власть въ своихъ рукахъ. Знай, что люди могутъ жить и работать спокойно, боясь искушенія Шайтана, только подъ страхомъ твоей власти.

„Знай, что, какъ только ты выпустишь ее изъ своихъ рукъ и бросишь въ толпу людскую, Шайтанъ сейчасъ же воспользуется этимъ и совратитъ людей.

„Всѣ они бросятся за властью, и въ погонѣ за ней начнется ужасная война. Люди будутъ рѣзать и убивать другъ друга, и на землѣ опять настанетъ то время, какое было во время перваго искушенія Шайтана.

„Тогда я позову тебя и спрошу: что ты сдѣлалъ? И сколько изъ-за тебя погибло людей? Чѣмъ ты отплатишь за страданія людскія?

„Что ты мнѣ тогда отвѣтишь? И чѣмъ ты сможешь искупить вину свою?

„Такъ, таксыръ, говорилъ Аллахъ. Поэтому у насъ такъ и чтисъ начальники, настоящіе, большіе начальники, которые умѣли держать власть въ своихъ рукахъ, которые имѣли много настоящаго блеска и величія, даннаго имъ Аллахомъ, которые умѣли эти блескъ и величіе сохранять.

„А что сдѣлали теперь ваши начальники? Куда дѣвали они данную имъ Аллахомъ власть, куда дѣвали они свое величіе, почетъ, блескъ? И что они отвѣтятъ Аллаху, и чѣмъ они Ему заплатятъ за страданія людскія?“...

Абдуль-Гафаръ давно кончилъ, а я все лежалъ молча, устремивъ глаза на яркіе угли костра и думая о сказкѣ Абдуль-Гафара.

Онъ посидѣлъ еще немного молча, потомъ сказалъ, что завтра рано вставать, пора спать, и, не получивъ отвѣта, рѣшилъ, что я уже уснулъ подъ его рассказъ, пожалѣлъ меня, что я сильно усталъ, вздохнулъ, испросилъ благословеніе Аллаха и вышелъ...

Чильдухтеръ.

ОТЪѢЗДЪ.

Уже стоятъ оконенныя дрожки,
А осень желтая разсыпалась въ саду..
Въ послѣдній разъ по узенькой дорожкѣ,
Бреду.

Ахъ, милый садъ!. Вотъ прудъ... А вотъ бесѣдка.
Мнѣ почему-то вспомнилась сосѣдка,
Вопросъ, нѣмой отвѣтъ—
И лунный свѣтъ...

Прощайте, всѣ! Прощайте, до свиданья,
Дуга, поля..
Грядущее туманно, какъ гаданье,
Какъ бѣзъ руля...

И мнѣ въ отвѣтъ скрипятъ деревья парка,
И зыбь расходится кругами по водѣ,
А на прощанье воронъ такъ закаркалъ..
Нехорошо все это.. Быть бѣдъ!..

Юрій Галичъ.

У истоковъ революціи.

Изъ воспоминаній земскаго статистика.

Тренивка.

Тренивка затерялась среди луговыхъ побережій Волги, нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, на берегу какой-то маленькой рѣчушки. Я, какъ сейчасъ, помню милый идиллическій пейзажъ, открывающійся, когда подъѣзжаешь къ ней съ сѣвера.

Обширная зеленая низина, съ юга и запада ограниченная каймою лѣсовъ и уходящая далеко на востокъ, вмѣстѣ со склонами рѣчной долины, безконечной лентой пашень. Почти у самаго края лѣсныхъ угодій притулилось небольшое село съ бѣленькой зеленокрышей церковкой и въ нѣкоторомъ отдаленіи — бѣлымъ же господскимъ домомъ. Издали избы кажутся кучкой привѣтливыхъ старушекъ, усѣвшихся на облюбованномъ благодатномъ мѣстечкѣ, чтобы накормить, напоить и пріютить усталого путника. Ближе къ сѣверу, среди полей, стоятъ большой, уже одряхлѣвшій осокорь. Подъ нимъ когда-то старый баринъ Тренивъ творилъ скорый и милостивый судъ своимъ крестьянамъ. Здѣсь же у него было условленное мѣсто встрѣчъ со своимъ закадычнымъ другомъ, сосѣднимъ бариномъ Наумовымъ. Выѣзжали они на прогулку верхами, но въ халатахъ, подпоясанныхъ шелковыми поясами, и ждали одинъ другого у осокоря. Чинно кланялись, лобызались и вели неспѣшную бесѣду. Оба рослые, сѣдобородые, увѣренные въ нерушимости своего быта. Это было сравнительно такъ недавно, что картина эта еще живо стоитъ въ воспоминаніяхъ тренивскихъ стариковъ, которые съ благоговѣйнымъ и боязливымъ любопытствомъ наблюдали ее мальчишками, спрятавшись гдѣ-либо въ сосѣднемъ кустарникѣ.

Старый баринъ умеръ еще до уничтоженія крѣпостного права. Его наслѣдники были достаточно либеральны и употребляли всѣ усилія, чтобы по возможности лучше обезпечить мужиковъ. Но послѣдніе издавна отличались исключительнымъ упрямствомъ и безповоротнo рѣшили нейти, на выкупъ“, т. е. не принимать полнаго надѣла, ограничившись дарственной десятиной. Въ то время свободной земля около Тренивки было, сколько хочешь. Земля эта на небо не улетитъ, а пахать

ее, кромѣ нихъ, некому. Лучше ужъ будемъ брать ее по-прежнему у господъ за пустяковую плату, чѣмъ связываться на долгіе годы съ платежомъ какого-то выкупа.

Такъ рѣшили мужики и настояли на своемъ. Ни просьбы, ни угрозы, ни даже арестъ старосты не могли сломить ихъ упрямства. Тренивцы остались „дарственниками“.

Въ сущности, въ отношеніи себя лично они не ошиблись. То поколѣніе, повидимому, успѣло почти все сойти въ могилу, не почувствовавъ особаго утѣшенія. Господа были хорошіе, и, пока они владѣли окрестной землей, мужики могли оставаться спокойными.

Но время дѣлало свое неспѣшное дѣло. Съ одной стороны, „эти проклятыя бабы“ годъ за годомъ плодили ребятъ, а съ другой—общее оскудѣніе дворянства понемногу задѣло и господъ Тренивыхъ. Крестьянское населеніе, а, слѣдовательно, и число хозяйствъ, понемногу почти что удвоились. Жаднѣе стали тренивцы на аренду. Къ тому же, у нихъ появилась довольно сильная конкуренція въ лицѣ крестьянъ сосѣднихъ селеній, которыхъ недостатокъ земли тоже заставлялъ приарендовывать, или, какъ говорятъ мѣстные мужики, „прикупать“ пахотныя угодыя. Цѣна на аренду росла.

Въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго вѣка все тренивское имѣніе, на правахъ управляющаго, арендовалъ одинъ извѣстный русскій писатель. Это была широкая натура, въ полномъ смыслѣ этого слова, съ весьма большимъ діапазономъ практической дѣятельности, страстей и мышленія. Онъ то строилъ желѣзныя дороги, то занимался сельскимъ хозяйствомъ, то путешествовалъ, то увлекался какимъ-либо инымъ видомъ дѣятельности, то бывалъ богатъ настолько, что зимой выписывалъ гдѣ-нибудь въ Сибири вагоны цѣтловъ и фруктовъ изъ Ниццы, то оказывался не въ состояніи заплатить за починку ботинокъ. Среди женщинъ онъ пользовался исключительнымъ успѣхомъ, причемъ удивительно умѣлъ укрощать ревность у предметовъ своихъ одновременныхъ увлеченій. Изъ народника онъ, съ той же искренностью, которая отличала всѣ его поступки, превратился впослѣдствіи въ марксиста. Можетъ быть, въ немъ не было особенной глубины, но, и какъ писатель, онъ подкупалъ своимъ яснымъ, здоровымъ отношеніемъ къ жизни.

Въ его лицѣ судьба послала тренивцамъ сущій кладъ. Увлекаясь въ то время народничествомъ, онъ явился передъ мужиками съ раскрытой настежь душой, съ готовностью сдѣлать для нихъ все, что только возможно. Онъ, дѣлая для нихъ всевозможныя поправки насчетъ аренды и часто самъ производя за нихъ платежи, принялся за устройство хорошей школы, за рьяную пропаганду болѣе раціональных системъ хозяйства, выписывалъ для нихъ улучшенныя орудія и съ-

мена, хорошихъ жеребцовъ, молочный скотъ, тонкорунныхъ овецъ, пытался наладить маслодѣліе и т. д. Въстѣ съ тѣмъ, не будучи пуританиномъ и любя внѣшнюю красочность жизни, онъ часто устраивалъ „угощенія“, на которыхъ иногда всѣ мужики и бабы должны были появляться въ платьяхъ и рубахахъ изъ подареннаго имъ кумача или ситца другого цвѣта.

Наконецъ, онъ рѣшилъ окончательно упрочить экономическое положеніе тренеццевъ. Собралъ сходъ и заявилъ приблизительно слѣдующее:

— Братцы! Съ каждымъ годомъ вамъ на вашей дарственной десятищѣ становится все труднѣе и труднѣе. Господа же ваши бѣднѣютъ и собираются продать имѣніе. Если купить его какой-нибудь кушечъ, то онъ сможетъ васъ согнуть въ бараній рогъ и выпить изъ васъ послѣднюю кровушку. Я самъ не прочь бы пріобрѣсти имѣніе, но у меня не хватаетъ ни денегъ ни кредита. Поэтому я предлагаю вамъ купить его пополамъ. Возможно, что на уплату вашей доли у васъ не достанетъ средствъ, такъ я устрою вамъ черезъ банкъ льготную разсрочку. Пока я живъ, мы будемъ пользоваться имѣніемъ на равныхъ правахъ. Послѣ же моей смерти моя половина переходитъ къ вамъ совершенно бесплатно, и вы окажетесь собственниками всего имѣнія. Будущее васъ и вашихъ дѣтей и внуковъ будетъ вполне обезпечено. Для своихъ мужиковъ господа не постоятъ за цѣной. Мы купимъ очень дешево. Не опускайте же такого случая, иначе дѣти ваши будутъ проклинать своихъ отцовъ.

Это предложеніе подняло среди мужиковъ большую бучу. Пока тароватый баринъ выписывалъ для нихъ разныя сѣялки и вѣялки и одаривалъ яркими ситцами, все это было болѣе или менѣе понятно. Извѣстно, что господа любятъ почудить. Но когда этотъ баринъ, въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, предлагаетъ имъ подарить половину имѣнія, хотя бы и послѣ своей смерти, да въдобавокъ еще упрощаетъ ихъ, то ясно, что это не спроста. Почувалъ, можетъ, что манифестъ о землѣ скорѣ выйдетъ, ну, и стакнулся съ господами Треневыми, хотятъ облапошить православныхъ.

Нельзя сказать, что такая точка зрѣнія раздѣлялась всѣми. Были и благоразумные, настаивавшіе на принятіи предложенія. Они указывали, что изъ-за такой же самой дурости село осталось когда-то на дарственномъ надѣлѣ, и до сихъ поръ служить посмѣшищемъ всѣхъ сосѣдей.

— Неужели мы и теперь не поумнѣли? Да надъ нами не только сосѣди—вороны смѣяться будутъ!

Но еще больше оказалось фанатиковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что тутъ есть какой-то подвохъ со стороны господъ.

Чѣмъ усиленнѣе и искреннѣе старался баринъ склонить крестьянъ

янъ на покупку, тѣмъ яростнѣе сыпали они всякія подозрѣнія, и тѣмъ недовѣрчивѣе становилось большинство.

Въ концѣ концовъ, такъ ничего изъ этого и не вышло. Баринъ былъ до глубины души обиженъ — онъ не ожидалъ, вмѣсто награды за всѣ свои труды и заботы, встрѣтить такое бессмысленное и грубое недовѣріе. Его пылъ къ сельскому хозяйству быстро остылъ, и новый вѣтеръ унесъ эту разностороннюю натуру куда-то на Дальній Востокъ. Мужики проводили его взглядами, въ которыхъ ясно можно было прочесть скрытое торжество: не удалось, молъ, провести-то! Тоже и мы не лыкомъ шиты!

Усовершенствованныя сѣялки и трехлемешные плуги стали ржавѣть на задворкахъ и быстро заросли бурьяномъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Необходимость продажи имѣнія становилась для владѣльцевъ все очевиднѣе. Наконецъ, изъ Парижа пріѣхала самая главная барыня, старуха Тренева. Она созвала крестьянъ къ господскому дому, вышла на крыльцо, поклонилась имъ чуть не въ ноги и сообщила, что нужда заставляетъ ихъ продать землю, что, памятуя давнюю связь своихъ предковъ съ мѣстнымъ крестьянствомъ и зная тяжелое положеніе послѣдняго, она хотѣла бы продать землю именно имъ, что Шихобаловъ (одинъ изъ извѣстныхъ купцовъ) даетъ за имѣніе столько-то, что крестьянамъ она готова отдать за три четверти этой цѣны, и что платежи можно разсрочить на много лѣтъ...

Опять начался безконечный нудный мужицкій галдежъ. Барынѣ пришлось выходить на крыльцо къ мужикамъ разъ пять. Но, чѣмъ ниже она кланялась, чѣмъ болше дѣлала уступокъ, тѣмъ глубже каменили сумрачныя мужичьи лица и сердца, проникаая увѣренностью въ какомъ-то неуловимомъ, но непремѣнномъ подвохѣ...

Барыня съ чѣмъ пріѣхала, съ тѣмъ и уѣхала, но продать имѣніе въ жилистыя купеческія руки, жалѣя мужиковъ, все же не рѣшилась. Черезъ нѣкоторое время собственникомъ его сталъ Крестьянскій Поземельный Банкъ.

Для мужиковъ это явилось нѣкоторой неожиданностью: въ глубинѣ души у нихъ жила какая-то смутная надежда на то, что земля отъ нихъ не уйдетъ.

И вдругъ изъ господскаго дома стали вывозить фамиліныя треневскія вещи и приспособлять его подъ жилище банковскихъ чиновниковъ. Понаѣхали землемѣры въ формѣ, съ какими-то трубами на треногахъ, начали ставить межевые знаки... Зазвенѣли залихватскіе бубенцы банковскихъ троекъ, въ которыхъ сидѣли важные сытые господа. Дѣло становилось серьезнымъ.

Вскорѣ мужиковъ позвали на сходъ. Вышелъ къ нимъ довольно солидный чиновникъ, съ широкимъ, румянымъ, безбородымъ и даже безу-

сымъ лицомъ, и заявилъ, что всѣ треневскія земли вмѣстѣ съ господскимъ домомъ перешли во владѣніе Крестьянскаго Поземельнаго Банка. Задачей этого Банка является удовлетвореніе земельной нужды крестьянъ. Такъ какъ земельное положеніе треневцевъ отчаянное, то Банкъ будетъ имѣть въ виду, прежде всего, ихъ. Но, вслѣдствіе того, что общинное владѣніе уже доказало свою несостоятельность, продажа земли, особенно пахотной, будетъ производиться, главнымъ образомъ, въ собственность отдѣльнымъ домохозяевамъ небольшими отрубными или хуторскими участками. Уплата стоимости можетъ быть по желанію разсрочена на срокъ до 55¹/₂ лѣтъ.

Чиновникъ говорилъ нѣсколько популярнѣе, чѣмъ это изложено здѣсь. Его рѣчь была пересыпана прибаутками, особенно, когда онъ описывалъ отрицательныя стороны общинныхъ порядковъ и блага единоличнаго землевладѣнія.

При другихъ условіяхъ онъ могъ бы даже понравиться мужикамъ, но на сей разъ его рѣчь вызвала только всеобщую ненависть. Мѣстный зубоскаль, ящикъ Василій, сейчасъ же окрестилъ его „татарской задницей“.

Это была уже эпоха 1905–6 годовъ. По крестьянству ходили разные темные слухи о передѣлахъ, манифестахъ. Изъ Симбирска въ Треневку наѣзжали агитаторы-эсеры, увѣрявшіе, что вся земля принадлежитъ трудящимся. Правда, это былъ народъ молодой, вертлявый, ненадежный, и говорили они много непонятнаго, но насчетъ земли все было правильно. А тутъ этотъ чиновникъ съ его необычными предложеніями: выходить на отруба и закабаливаться въ долгъ банку на полета слишкомъ лѣтъ.

— Держись, православные, не выдавай обчества! рѣшили мужики и, набравшись храбрости, сняли съ работъ всѣхъ землемѣровъ и вмѣстѣ съ „Татарской Задницей“ попросили убираться по-добру, по-здорову: „потому землю эту наши дѣды и прадѣды испоконъ вѣка потомъ своимъ поливали, а на отруба мы не согласны“...

Прошло не слишкомъ много времени, какъ въ Треневку явились казаки. Мужики въ паникѣ попрятались по сосѣднимъ лѣсамъ и оврагамъ, куда бабы таскали имъ хлѣбъ и картошку. Такъ продолжалось, должно быть, недѣлю или двѣ. Наконецъ, мѣстному земскому начальнику удалось кое-какъ замять дѣло. Все ограничилось тѣмъ, что нѣсколько „зачинщиковъ“ посидѣли въ административномъ порядкѣ въ холодной. Казаки были уведены—однако, съ угрозой: въ случаѣ малѣйшихъ попытокъ къ безпорядкамъ, вернуть ихъ и перепоротъ все село. Вновь возвратились землемѣры и продолжали свою методическую работу. Треневцы смотрѣли на нихъ, почесывая спины. Вер-

нулся и „Татарская Задница“ и возобновилъ свои атаки на треневскій сходъ въ цѣломъ и на отдѣльныхъ его представителей.

— Вилать, охъ, какъ вилать! говорили про него мужики промежь себя. — Главное, очень ужъ улецаеть да подмасливаетъ. Долго ужъ мы держались, потерпимъ еще маненечко.

Треневцы упрямо не шли ни на какіе уговоры. Между тѣмъ, положеніе Крестьянскаго Банка было затруднительно. Эксплоатація имѣнія путемъ сдачи въ краткосрочную аренду не соотвѣтствовала общимъ предначертаніямъ политики центра. Необходимо было использовать его, какъ фондъ для насажденія единоличныхъ хозяйствъ. Но кому продавать отруба? Треневцы дружно отказывались. Кандидаты же со стороны были. Однако, представлялось крайне опаснымъ навсегда зафиксировать безземельность Треневки и создать, такимъ образомъ, изъ этого села постоянный тлѣющій очагъ аграрныхъ волненій. Поэтому мѣстная администрація и податная инспекція настойчиво указывали на необходимость соглашенія съ треневцами. Банковскіе чины получали соотвѣтствующія инструкціи и изъ гужей лѣзли, чтобы покончить съ проклятымъ „треновскимъ дѣломъ.“

— Я прямо въ азартъ вошелъ, рассказывалъ мнѣ „Татарская Задница“, оказавшійся, кстати, очень разумнымъ и расположеннымъ къ мужикамъ человѣкомъ. — Всѣ приемы перепробовалъ. Повѣрите ли, изъ своихъ больше мѣсячнаго жалованія имъ пропойлъ, ребятъ у нихъ крестилъ, такъ познакомился, что всѣ ихъ имена и отчества наизусть помнилъ—и хоть бы на вершокъ съ мѣста!

Рассказывалъ онъ это уже въ другомъ районѣ, куда его перевели изъ Треневки около 1910 года, въ виду окончательной безуспѣшности всѣхъ его попытокъ достичь мирнаго разрѣшенія вопроса. Къ этому времени „ставка на сильныхъ“ уже безповоротно стала осью правительственной политики. Вмѣсто добродушнаго Ивана Николаевича, былъ присланъ сухой формалистъ, который заявилъ, что главная масса имѣнія, уже разбитая на отруба, будетъ немедленно пущена въ продажу: хотя бы треневцы—пусть покупаютъ, не хотятъ—ихъ дѣло.

Треневцы продолжали находиться въ состояніи привычнаго пассивнаго упрямства.

— Не можетъ этого быть, чтобы на нашу-то землю да чужихъ мужиковъ посадили.

Однако, Банкъ не шутилъ. Большая часть отрубовъ была продана, даже не русскимъ, а мордвинамъ изъ Казанской губерніи. Тѣ пріѣхали цѣлымъ таборомъ и начали обстраиваться.

Треневцы испугались и немедленно рѣшили отправить делегацію въ Самару. Тамъ делегатамъ задали нѣсколько вопросовъ:

— Неправда ли, Банкъ купилъ землю шесть лѣтъ тому назадъ?

- Совершенно вѣрно.
- Всѣ эти годы Банкъ только и дѣлалъ, что убѣждалъ васъ покупать отруба?
- Правильно.
- Вы все время отказывались?
- Такъ точно.
- Продажа отрубовъ началась въ мартѣ. Вы объ этомъ знали?
- Знали.
- Ни одинъ изъ васъ не пожелалъ купить?
- Никакъ нѣтъ.
- Чего жъ вы еще хотите?

Делегаты заикнулись было о своихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, о томъ, что заселять мордвой кровную русскую землю никакъ невозможно, что Тренивкѣ остается только петлю на шею надѣть и т. п. Но ихъ не стали слушать и выпроводили, посовѣтовавъ пенять на себя.

Я посѣтилъ Тренивку въ 1913 году. На первый взглядъ казалось, что въ настроеніяхъ мужиковъ царитъ полный хаосъ изъ всевозможныхъ противорѣчивыхъ чувствъ и помышлений. Сказывалось раскаяніе въ своемъ упрямствѣ. Вопреки неотмѣненному рѣшенію „міра“—нейти на отруба, нѣсколько семей успѣли-таки пріобрѣсти оставшіеся еще непроданными наименѣе пригодные участки; другіе стремились перекупить отруба у мордвы, давая за это „отступное“, доходившее, если не измѣняетъ память, до трехсотъ рублей на отрубъ. При воспоминаніи о социалистахъ-агитаторахъ 1905 года, мужики выражали какъ будто единодушное сожалѣніе о томъ, что въ свое время не обломали имъ бока. Николай Егорычъ (писатель-управляющій) и старуха Тренива выросли въ воспоминаніяхъ до легендарныхъ размѣровъ какихъ-то боговъ-покровителей, передъ которыми мужики, повидимому, признавали себя неблагодарными скотами. Даже „Татарская Задница“ завоевала запоздалую популярность, и бывали случаи, что тренивцы говяли къ нему за нѣсколько десятковъ верстъ, чтобы спросить совѣта по какому-нибудь дѣлу.

Однако, эта психологическая реакція носила не слишкомъ глубокій характеръ. Рядомъ съ раскаяніемъ въ тайникахъ души у большинства все же продолжала дремать упрямая вѣра въ правоту своей исконной политики пассивнаго сопротивленія.

Это для меня стало ясно, главнымъ образомъ, въ результатѣ довольно близкаго знакомства съ ямщикомъ Василиемъ. Послѣдній по наружности напоминалъ самаго захудалаго мужичонку: лѣтъ 45-ти, съ черной лохматой бородой, одѣтый всегда въ неизмѣнный рваный, облѣпленный засохшей грязью чапанъ. На самомъ дѣлѣ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣтно выдѣлялся изъ средняго уровня. Во-пер-

выхъ, пилъ больше обычнаго, приче́мъ не водку, которой не любилъ, а спиртъ. Во-вторыхъ, несмотря на это, ума пропивалъ меньше, чѣмъ другіе, и былъ довольно хозяйственнымъ мужикомъ; какъ разъ въ дни нашего знакомства онъ приторговывалъ у одного мордвина отрубъ, и дѣло уже совсѣмъ налаживалось. Въ-третьихъ, наконецъ, Василій отличался исключительнымъ, прямо художественнымъ талантомъ къ крѣпкой ругани.

Онъ везъ меня въ Тренивку и былъ поэ́тому первымъ моимъ знакомствомъ въ этомъ селѣ.

— Вы, должно, много по крестьянству поѣздили? спросилъ онъ меня.

— Да, порядочно.

— Такъ вотъ, обратите вниманіе на насъ. Если весь свѣтъ ѣздитъ, дурѣ нашего села не найти. Насъ бы на выставкѣ всей Россіи показать.

— Почему?

— Да какъ же. Смотрите—и онъ обвелъ кнутовищемъ по четыремъ сторонамъ свѣта:— все это намъ въ ротъ клали, а мы выплюнули. и теперь на одной ногѣ стоимъ, да и то тѣсно. Пѣтухъ съ курицей. можетъ, какъ-нибудь еще и управятся, а ужъ жеребцу негдѣ: переднія ноги у кобылы обязательно на банковской землѣ будутъ.

— Эхъ! воскликнулъ онъ, помолчавъ.—То-есть, до чего съ этимъ народомъ тошно! Прямо бы куда-нибудь въ Сарынь-пески, въ туманны горы уѣзжалъ. Развѣ это народъ? Голова чешется, вши въ карманѣ! Вы посудите-ка! продолжалъ онъ, обернувшись ко мнѣ съ облучка:—Николай Егорычъ, извѣстнѣйшій писатель, намъ свое снисхожденіе оказывалъ. Да какое снисхожденіе-то! Разъ позвалъ насъ къ себѣ и говорить: вотъ купилъ я, братцы, по случаю погребъ винный. Этотъ погребъ двѣсти аль триста лѣтъ тому назадъ королю Ивану Бѣсовскому¹⁾ принадлежалъ. Вину этому теперь цѣны нѣтъ, и пить бы его слѣдовало лишь князьямъ или даже государямъ. А я, говорить, желаю имъ васъ угостить, потому на русскомъ крестьянинѣ весь міръ, не токмо Россія, стоитъ. Ну, мы выпили, и такъ это вино намъ понравилось, какъ будто прокислая жижа изъ-подъ коровы. Нѣтъ ужъ, говоримъ, Николай Егорычъ, русская водка куды лучше твоего бѣсовскаго пойла. Поставь-ка намъ ведерка два. Плохъ, отвѣчаетъ, у васъ вкусъ. Однако, два ведра выставилъ. Такъ и во всемъ: господа намъ апельсинчикъ чистятъ, а мы морды воротимъ да соленымъ огурцомъ закусываемъ...А къ слову, хватимъ-ка, господинъ, спиртишку. У меня и огурецъ есть.

¹⁾ Очевидно, Яну Собѣскому. Трудно допустить, чтобы это было действительно такъ; во всякомъ случаѣ, писатель зналъ толкъ въ винахъ, и въ Тренивкѣ у него былъ очень дѣнный погребъ.

Онъ остановилъ лошадей, вынулъ изъ-за пазухи кусокъ грязной бумаги, свернулъ изъ обрывка ея маленькій конусъ, далъ его мнѣ въ руки и налилъ туда спирту.

— Пейте скорѣй!

Съ этого началась наша дружба съ Василиемъ. Я присматривался къ нему съ большимъ интересомъ, ибо въ немъ, какъ въ каплѣ воды, отражались все противорѣчія, раздражившія душу нашего крестьянства вообще и тренецевъ въ частности.

Собственникъ, и притомъ самый жестокій, скопидомный, сказывался въ немъ на каждомъ шагѣ. Расходы на спиртъ онъ считалъ чѣмъ-то неизбѣжнымъ, но въ остальномъ готовъ былъ, кажется, подраться до смертоубійства изъ-за мѣднаго пятака. Мечта объ отрубѣ не давала ему покоя; деньги на отступное у него были; было высчитано, что и платежи Банку онъ осилитъ. И, однако, онъ никакъ не могъ рѣшиться на этотъ шагъ. Даже мнѣ надобѣлъ постоянными вопросами: брать ему отрубъ, или нѣтъ?

— Что ты, маленький, что-ли, наконецъ! отвѣтилъ я какъ-то разъ. — Вѣдь твой отрубъ не татарская невѣста подъ фатой. Ты его не только ногами, небось, руками исползалъ. Знаешь, на что идешь...

Василій посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то сожалѣніемъ.

— Хотя ты и называешь себя крестьяниномъ, отвѣтилъ онъ, — а ничего не понимаешь!

— Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ въ этомъ, указалъ онъ рукой на треневскія избы. — Ты какъ полагаешь: я буду на отрубѣ съ бабой на пуховой перинѣ въ растяжку лежать, а мужики, какъ голодные собаки, станутъ кругомъ только зубами лязгать, а укусить побоятся?

— Вѣдь они казаковъ попробовали?

— Казаковъ! И смирная кобыла черезъ оглоблю прыгаетъ, когда взбѣсится. Ты скажи лучше, куда имъ податься. Окромѣ отрубной земли — некуда.

Въ другой разъ онъ говорилъ:

— И къ чему ты все это обспрашиваешь да записываешь? Обнаучены твои мозги, должно, совсѣмъ по-господскому. У всехъ у васъ одна пѣсня: удобряй, да многополье заводи, да сѣй сѣялками, да для коровъ теплыя хоромы строй, да ребятъ побольше учи — тогда, молъ, богатымъ будешь... Ну, конечно, будешь, какой дуракъ съ этимъ не согласится. Это и мы понимаемъ, только одного не понимаемъ, откуда денегъ на все это взять, и на какой землѣ все это раздѣлать. Вы бы лучше передѣлъ исхлопотали. А когда передѣлъ будетъ, мужикъ вамъ оперится — самъ и землемѣровъ найметъ и всякую агрономію разведетъ. До тѣхъ же поръ все ваши рѣчи и хлопоты — ни къ чему. Только му-

жика злите. Вѣдь онъ чувствуетъ, что вы отъ ума или отъ ученой глупости туману напускаете, *отъ главнаго-то его отвести хотите...*

Василій съ особеннымъ ехидствомъ произнесъ послѣднія слова.

Однажды онъ повезъ меня въ сосѣдную деревню. На треновской улицѣ, противъ дома мѣстнаго церковнаго старосты, валялось бревно. Не замѣтивъ, Василій наѣхалъ на него и чуть не сломалъ ось. Немедленно посыпалась отчаянная брань, причемъ не только по адресу старосты, но и Господа Бога. Это было такъ неожиданно, что даже меня, привыкшаго къ городскому вольнодумству, покорило и ужаснуло.

— Василій, опомнись, опалѣлъ ты, что ли! схватилъ я его за плеча.

Немного успокоившись, онъ началъ не то оправдываться, не то нападать.

— Ты думаешь, что, пока у мужика земли столько, что испражниться (онъ употребилъ болѣе рѣзкое выраженіе) негдѣ—онъ можетъ къ Богу прилежать? Нѣтъ. Богъ-то отъ земли только и приходитъ. Безъ земли—на языкѣ бѣсъ, а съ землей—ангелы съ небесъ. Съ голоду—въ животѣ адъ, а съ сытости и свѣчку поставить радъ. Чего Богу съ нашего брата спрашивать, ежели въ нашемъ брюхѣ еще прошлогодній картофель гніетъ? Пусть Онъ сначала крестьянина обиходитъ, тогда ужъ мы сами къ Нему какую ни на есть тропку сыщемъ. Гурьбой придемъ... Вотъ объ этомъ-то и вся наша думушка, а вы тутъ съ агрономіей лѣзете... Вы-то отъ насъ Бога и загораживаете... Охъ, загородите совсѣмъ, тогда держись! Отъ васъ только веревка останется, да и отъ Россіи-то отъ всей—два столба съ перекладиной...

Подъ конецъ нашего недолгаго знакомства для меня стало ясно, что, несмотря на всю свою острую тоску по отрубѣ, Василій его не возьметъ. Онъ ругательски ругалъ своихъ односельчанъ за ихъ якобы „дурость“, выразившуюся съ 1861 года въ упрямомъ отказѣ отъ всякихъ льготныхъ способовъ пріобрѣтенія земли, но самъ былъ до дна души пропитанъ тѣмъ же самымъ настроеніемъ. Мало того, я понялъ, что теперь это упрямство уже имѣетъ свои прочныя обоснованія, и поэтому перестало быть дуростью. Треновкѣ дѣйствительно некуда было податься. А такъ какъ не погибать же ей, въ самомъ дѣлѣ, то какой-то переломъ психологически представлялся неизбѣжнымъ. Если бы еще Треновка была одинока. Но вѣдь вся крестьянская Русь въ большей или меньшей степени жила тѣми же чувствами, и треновцы это великолѣпно сознавали.

Увозилъ меня оттуда тотъ же Василій, бывшій на большемъ взводѣ послѣ моего прощальнаго угощенія.

— Н-но, такъ вашу... черезъ семь гробовъ въ черный глазъ, въ оное ухо! оралъ онъ на лошадей.—Уважьте ученую головушку! Всѣхъ-

то она вшей въ нашихъ карманахъ переписала, только одного, кажись, не спросила: о чемъ мужичье брюхо съ хлѣба да квасу по ночамъ урчить?..

Николай Африканычъ.

Мужики меня направили въ господскій паркъ и садъ, прямо черезъ проломанную ограду. Я долго бродилъ по загложшимъ, заросшимъ травой, бурьяномъ и даже кустарникомъ аллеямъ. Овладѣло ощущеніе кладбища. По деревьямъ похоронно кричали грачи. Изъ развалившейся бесѣдки смутно, какъ будто плача, выглянулъ темный отъ пыли и грязи полуразбитый бюстъ Геры. Вотъ оранжереи, въ которыхъ не осталось ни одного цѣлаго стеклышка. А вотъ и господскій домъ—каменный, трехэтажный, съ обвалившейся бѣлой штукатуркой. Какой онъ большой и лишній теперь въ этомъ мірѣ!

Парадный подъѣздъ оказался запертымъ. Нашелъ черный ходъ въ подвальный этажъ. Темные, сырые коридоры, комнаты. Сообразилъ, что здѣсь были людскія помѣщенія. Но теперь тамъ, повидимому, жили лишь лягушки, которыя, къ моему изумленію, встрѣтили меня довольно дружнымъ кваканіемъ и стали прыгать прямо подъ ноги.

Нашелъ лѣстницу и поднялся въ первый этажъ. Большія, свѣтлыя комнаты. Много портретовъ, картинъ. Недурная старинная мебель. Но все въ пыли, по угламъ висятъ бахрома паутины. Большіе часы остановились на какой-то минутѣ, должно быть, давно-давно. И позолоченная смерть устало опустила косу: она уже сдѣлала свое дѣло.

Въ концѣ концовъ, никого не находя и не слыша живого звука, я началъ кричать.

Нежданно и неслышно откуда-то появился старичокъ въ сюртукѣ, стыдливо завязанный шарфомъ, вмѣсто галстука.

Съ извиняющимся и какимъ-то безконечно милымъ удивленіемъ онъ сказалъ:

— Я—Бабкинъ. Вы ко мнѣ?

— Да, отвѣтилъ я:— земскій статистикъ... По порученію губернской земской управы, долженъ собрать кой-какія свѣдѣнія объ этомъ имѣніи...

— Ахъ, весьма радъ. Все сообщу, что могу. Но я очень мало знаю. Это имѣніе моей племянницы. Ихъ нѣтъ, а я здѣсь только такъ... живу. Какъ жалъ! Если бы зналъ, приготовилъ бы всѣ свѣдѣнія заранее. А теперь—что же мы будемъ дѣлать? Я такъ мало знаю...

Съ точки зрѣнія оцѣнки, имѣніе не представляло никакого интереса, и я пытался успокоить старика, сказавъ, что ограничусь самымъ необходимымъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я самъ интересовался когда-то статистикой, и знаю, какъ это важно. Мнѣ прямо больно не дать всего, что нужно для земства...

Согласились на томъ, что я запишу пока, что можно, и оставлю ему еще одинъ бланкъ, который онъ, заполнивъ, пришлетъ въ управу. Съ дѣтскимъ вниманіемъ онъ слушалъ мои поясненія. Было очевидно, что заполненіе бланка доставитъ ему подлинныя муки творчества, что будетъ приложена масса листковъ, исписанныхъ милліономъ сомнѣній о смыслѣ каждаго вопроса.

— Знаете, сказалъ онъ,—тутъ такъ трудно отвѣтить на многое, что, право, страшно: вдругъ невольно введешь въ заблужденіе...

Потомъ онъ угощалъ меня холоднымъ чаемъ; далъ мнѣ яйцо вкрутую—повидимому, единственное въ домѣ, и кусочекъ хлѣба. Оказалось, что утромъ сторожъ имѣнія ставилъ ему самоваръ и приносилъ фунта два хлѣба. Это былъ весь дневной раціонъ Николая Африканыча. Онъ не видѣлъ мяса, горячихъ блюдъ и даже картошки.

— Не по средствамъ, съ доброй, трогательной улыбкой пояснилъ онъ.—У меня осталось всего сорокъ десятинъ песочку въ сосѣдней волости; сдаю за сто рублей въ годъ, но мужики не платятъ. Что съ ними подѣлаешь!

Разговорились. Выяснилось, что онъ учился въ гимназіи вмѣстѣ съ Писаревымъ, былъ знакомъ со всѣми видными представителями шестидесятыхъ годовъ, хорошо зналъ Шевченку.

Я смотрѣлъ въ его застѣнчивые глаза, и казалось, что милое сумбурное русское прошлое издалека протягиваетъ мнѣ руку съ послѣднимъ прощальнымъ привѣтомъ...

Гдѣ-то стало слышно мычаніе коровы. Николай Африканычъ отрѣзалъ кусокъ хлѣба, извинился и побѣжалъ внизъ.

— Любить меня Бѣлянка, сказалъ онъ, возвратившись:—каждый день за хлѣбомъ ходить...

Во время дальнѣйшаго разговора въ комнату неожиданно ввалилась ватага деревенскихъ ребятъ. Видимо, они чувствовали себя, какъ дома: бродили всюду и хватали, что хотѣли...

— Это что же? спросилъ я:—ваши ученики?

— Нѣтъ, гдѣ ужъ. Развѣ ихъ заставишь учиться... Такъ ходятъ.

— Да вѣдь они тутъ все растащатъ и переломаютъ.

— Ну, если и утащатъ, такъ пустяки. Все же—дѣти...

Ребята окружили столъ и съ назойливой безцеремонностью смотрѣли намъ въ ротъ. Одинъ пытался раскрыть дверцу старинныхъ часовъ и чуть ли не собирался употребить для этой цѣли ножъ.

— Петя, вы бы оставили часы, ломаете, сказалъ Николай Африканычъ.

— Господи Боже! воскликнулъ я:—да вы съ ними даже на „вы“!

— У меня привычка со всѣми такъ...

— Наконецъ, они мѣшаютъ вамъ, надоѣдаютъ...

— Ну, что же... что же подѣлаешь! безпомощно возражалъ странный старичокъ.

— А, вотъ что... Маршъ отсюда! закричалъ я на ребятъ.—Идите въ садъ! Мигомъ, чтобы духу вашего не было!

— Не надо, не надо такъ! чуть не со стономъ ухватилъ меня за плечо Николай Африканычъ.—Они сами уйдутъ.

Ребята, дѣйствительно, въ концѣ концовъ, ушли.

— Вотъ вы понимаете теперь, говорилъ мой собесѣдникъ,—почему я, выросшій съ Писаревымъ, перешелъ на Евангеліе. Это совсѣмъ особая, захватывающая область. Тутъ все забудешь. Я на послѣднія крохи выписалъ все, что дала новѣйшая нѣмецкая критическая школа. Я не только знаю наизусть Новый Завѣтъ по-гречески, но и знаю всѣ изслѣдованія и толкованія отдѣльныхъ текстовъ. Говорю это вамъ не съ цѣлью хвастовства: другой на моемъ мѣстѣ, при полной праздности, и большого бы достигъ. Но это только и спасаетъ... И какъ это все интересно—нѣтъ, не интересно, а глубоко поучительно! Начинаешь совсѣмъ иначе относиться къ людямъ и къ исторіи...

Онъ воодушевился. Морщинки около глазъ, словно лучи, перебѣгали по его щекамъ.

— А все же, милый вы человѣкъ, нельзя вамъ позавидовать! сказалъ я.—Тяжело вамъ?

— Сейчасъ—что! отвѣчалъ онъ.—Лѣтомъ благодать: садъ зеленый, поля зеленые. Нѣтъ, вы подумайте, каково зимой. Домъ нетопленный—топлю лишь одну комнату, и въ той холодно. Все саѣгомъ занесетъ. Вѣтеръ воетъ. Мыши, того и гляди, носъ отѣдятъ. Да еще сычъ въ гости прилетитъ...

— Какой сычъ? съ изумленіемъ спросилъ я.

— Сычъ ли, сова ли, филинъ ли—не знаю. Должно быть, у насъ въ саду живетъ. Когда зажжешь огонь, онъ и прилетитъ къ окну. Уцѣпится за раму и начнетъ когтями въ стекло царапать. Тутъ, я вамъ скажу, такой страхъ на меня нападаетъ, такая тоска, что, право, иногда думаешь, не повѣситься ли. Ясно, математически-ясно сознаешь, что ты бездомный, никому и ни на что не нужный, умирающій старикъ. Ужъ простите за откровенность: погасишь скорѣй огонь, повалишься на постель, головой подъ подушку, и плачешь...

Онъ помолчалъ. Мнѣ такъ хотѣлось его обнять, но было стыдно.

— И потомъ зимой перестаешь вѣрить въ Россію...

— Какъ? Почему? спросилъ я, нѣсколько удивленный неожиданнымъ переходомъ.

— Вы думаете, у насъ все благополучно... Впрочемъ, лѣтомъ и я какъ-то не замѣчаю, забываю объ этомъ. Видишь, что земля опять зазеленѣла, ну, и вѣришь инстинктивно, что и Россія зазеленѣетъ. А вотъ зимой, въ одиночествѣ-то, все черныя мысли идутъ. Ясно видишь, что народъ спивается, бѣднѣетъ, главное, что въ немъ злоба копится. Большая злоба рѣшительно на всѣхъ: на Бога, на царя, на помѣщиковъ, на чиновниковъ, на земство, на священника, на кого угодно. Вотъ вы помоложе меня... Вы этого не замѣчаете?

— Замѣчаю.

— А то мнѣ порой думается, уже не отъ старости ли я все преувеличиваю. Ну, и скажите, разъ злоба копится, то развѣ это не должно обязательно привести къ какому-либо большому худу?

— Да, и мнѣ такъ кажется...

— Вотъ почему я и ребятъ отсюда не гоню и даже озорству ихнему мало мѣшаю. Не то, что самъ боюсь ихъ или ихъ отцовъ, а боюсь еще больше имъ злобы въ душу прибавить. Пусть на моей совѣсти хоть этого грѣха не будетъ.

Онъ снова помолчалъ.

— Знаете, на эту зиму я хочу даже уѣхать отсюда въ Петербургъ или Москву...

— Какъ же вы тамъ жить будете?

— Думаю—переводами или уроками. Вѣдь я хорошее дворянское воспитаніе получилъ, съ гувернерами и заграницами. Языковъ я знаю много и знаю ихъ великолѣпно.

Мнѣ представилась оголѣлая столичная конкуренція, бѣготня изъ-за десятирублевого урока съ Васильевского на Пески, толпы голодныхъ переводчиковъ въ редакціяхъ—и стало безконечно жаль этого семидесятилѣтняго старика, который боялся деревенскихъ ребятъ и въ то же время собирался всунуть свою сѣдую и уже дрожавшую голову въ пасть городского Ваала.

Потомъ онъ водилъ меня по дому. Когда мы сошли въ „людскія“, насъ опять безстрашно окружили квакающія лягушки. Я былъ въ недоумѣніи.

— Это онѣ ко мнѣ, конфузясь, пояснилъ Николай Африканычъ. —Я ихъ хлѣбомъ кормлю, а иногда и молочка у сторожа выпрошу...

— Какъ измѣнилось все на моихъ глазахъ, полусушута, полусерьезно продолжалъ онъ.—Въ дни моей юности здѣсь все кишѣло раздобрѣвшей дворней, а теперь квакаютъ голодные лягушки... Въ пятидесятые годы хозяиномъ этого имѣнія былъ мой двоюродный братъ—широкая натура, добрѣйшій человѣкъ. На балахъ у него, вы не повѣрите, бывало по нѣскольку сотъ гостей! А теперь во всемъ домѣ—одинъ выжившій изъ ума старикъ...

— Который, дополнилъ я, — двумя фунтами хлѣба въ день кормить себя, корову и нѣсколько десятковъ лягушекъ...

— Вамъ можно шутить! глухо проговорилъ Николай Африканычъ. — Вы не знали этого прошлаго. А вѣдь я выросъ въ немъ. Оно стоитъ передъ моими глазами. Въ моей памяти оно шумить и танцуетъ, какъ огромная толпа тѣней на кладбищѣ...

Пришло время разставаться. Николай Африканычъ проводилъ меня до деревни. Я смотрѣлъ на его сгорбленную фигуру и чувствовалъ, что многое въ исторіи русской культуры какъ-то сразу выяснилось для меня. Вѣдь Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Толстой, Тургеневъ — вышли изъ той же среды, что и Николай Африканычъ. Мы называемъ ихъ классиками, опредѣляя этимъ словомъ то органическое своеобразие, которое такъ естественно давалось имъ, и которое совершенно недостижимо для насъ. Въ сущности, дворянская культура и была единственной органической культурой на Руси. Мы, разночинцы, надѣли ее, какъ сюртукъ съ чужого плеча, отнявшій отъ насъ непосредственность переживаній и даже движеній. Мы, по отношенію къ этому нищему старику, такъ безконечно прекрасному своей естественной душевной красотой, не напоминаемъ ли женщинъ съ плоскими лицами, которыя хотятъ замѣнять недостающую красоту заученнымъ ловкимъ кокетствомъ?

Нѣчто въ этомъ родѣ я сказалъ Николаю Африканычу.

Онъ даже не понялъ. — Вы, кажется, смѣтаете надъ мной. Какой ужъ я образецъ! Я самъ-то себѣ въ тягость. Богъ съ вами!

Мы обнялись на прощаніе.

— Повидали нашего юродиваго барина? спросилъ меня хозяинъ вѣзжей избы.

— И чудной же господинъ! продолжалъ онъ, смѣясь. — Словно съ другого свѣта къ намъ прибылъ.

— Почему вы считаете его такимъ чуднымъ?

— Да какъ же! Ребята рассказываютъ, что откусить, это, онъ кусочекъ хлѣба и жуесть-жуесть его до тѣхъ поръ, покада онъ во рту совсѣмъ не разойдется, такъ что и глотать нечего. Это, говорить, американскій способъ, какъ съ небольшою пицци живу быть. И, кромѣ хлѣба, ничего не ѣсть.

— Такъ вѣдь это онъ не отъ придури, замѣтилъ я, — а отъ нужды. Вашъ же братъ, мужики, ему аренду не платятъ...

— Аренду-то ему не платятъ, это вѣрно. Развѣ мужикъ безъ кнута хотя копейку кому заплатить? Ну, однако-же, скажите-ка, на чей счетъ всѣ наши пьяницы опохмеляются?

— Какъ на чей счетъ?

— Да обыкновенно, на счетъ Николай Африканыча. Какъ, значитъ, не на что опохмелиться, сейчасъ къ нему— и бухъ въ ноги. Это ужъ для него вѣрнѣйшее средство. Весь задрожитъ, начнетъ изъ всѣхъ силенокъ поднимать, чуть не плачетъ. Мнѣ, говорить, надо вамъ въ ноги кланяться, а не вамъ мнѣ. Тутъ его и берутъ голыми руками. Если ни копѣйки не случится, послѣднюю рубаху али тарелку отдастъ. Народъ, вѣдь, теперь безсовѣстный, надъ нимъ же потомъ и издѣвается...

— Вы бы хотя пожалѣли его, сказалъ я,—оберегли немножко. Кажется, кромѣ добра, крестьяне отъ него ничего не видали.

— Пожалѣть? неожиданно раздался съ полатей хриплый голосъ дряхлаго дѣда.— Оно и видно, что вы нонѣшнихъ мужиковъ не знаете. Изъ всей деревни, можетъ, только я одинъ его и жалѣю, хотя самъ отъ его руки мѣсяцъ въ холодной высидѣлъ...

— Мѣсяцъ въ холодной? ничего не понимая, воскликнулъ я.— Неужели Николай Африканычъ могъ кого-либо посадить? Да онъ и права такого не имѣетъ.

— Э-э, это было тогда, когда крѣпостное право порѣшали. Наша деревня полного надѣла не хотѣла принимать. Земля тогда была ни-почемъ. Ну, мы, дураки, рѣшили взять только дарственную десятину на душу, чтобъ никакого выкупу не платить. Баринъ ужъ насъ уговаривалъ-уговаривалъ, а мы уперлись—и баста. А Николай Африканычъ въ ту пору посредникомъ былъ. Приѣхалъ, значить, онъ, поговорилъ на сходѣ, примѣтилъ насъ троихъ, горлодеровъ, и заперъ въ холодную. А мужикамъ сказалъ, что всѣхъ пересаждаетъ, если на выкупъ не пойдутъ. Такимъ путемъ, въ концѣ концовъ, и обломалъ. Вотъ теперь я этимъ Иродамъ и говорю: да вы должны день и ночь Богу молиться за Николай Африканыча, потому безъ него мы бы теперь на дарственной-то десятинѣ, какъ волки на цѣпи, сидѣли бы, съ голоду бы передохли. А они только зубы скалятъ да послѣдніе порты съ него тащатъ...

Песъ.

Я сталъ слышать о немъ еще задолго до нашей встрѣчи. Мужики никогда не называли его по фамиліи, окрестивъ „псомъ“; подѣ этимъ прозвищемъ онъ и былъ извѣстенъ далеко въ округѣ. Оно неизмѣнно произносилось съ чувствомъ какой-то особенной злобы. Сосѣди-помѣщики и вообще вся мѣстная интеллигенція тоже недолгоблюдали Петрова. Вообще, онъ всюду, видимо, имѣлъ плохую репутацію, хотя я не могъ досконально вскрыть причины ея.

Петровъ не былъ дворяниномъ, происходилъ, кажется, изъ мѣщанъ и долгое время служилъ управляющимъ у одного изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ уѣзда. Накопивъ сбереженіями, или, какъ говорили всѣ, „безгрѣшными доходами“, достаточное состояніе, онъ лѣтъ около десятка назадъ купилъ за безцѣнокъ разоренное дворянское имѣніе, десятинъ въ 400, и поселился тамъ. Дружбу ни съ кѣмъ не водилъ и жилъ очень уединенно. Въ довершеніе всего, усадьбу и поля свои онъ огорождалъ высокимъ частоколомъ, тянувшимся на нѣсколько верстъ. Возможно, что эта отчужденность и содѣйствовала его дурной славы.

Добравшись, наконецъ, до Болотнаго, ближайшей къ имѣнію Петрова деревеньки, я получилъ нѣсколько больше свѣдѣній о немъ. Но и эти свѣдѣнія служили лишь выраженіемъ мужичьей непріязни къ нему и не могли объяснить причинъ ея.

Онъ держалъ у себя на дворѣ свору злѣйшихъ собакъ, но мало ли владѣльцевъ прибѣгаютъ къ тому же самому средству защиты отъ воровъ, тѣмъ болѣе, что усадьба Петрова стояла совершенно на отлетѣ, верстахъ въ трехъ отъ деревни по прямой линіи. И, однако, въ данномъ случаѣ злой нравъ петровскихъ собакъ цѣликомъ переносился на ихъ хозяина.

Онъ избѣгалъ нанимать русскихъ рабочихъ, особенно изъ окрестныхъ деревень, предпочитая пользоваться татарами. Но опять-таки это было распространеннымъ явленіемъ, ибо обстоятельства вынуждали почти всѣхъ крупныхъ помѣщиковъ прибѣгать къ помощи болѣе дешевыхъ, трудолюбивыхъ и умѣренныхъ рабочихъ-татаръ.

Онъ былъ скупъ, но ни одинъ изъ его сосѣдей не отличался особенной щедростью, да и не могъ отличаться, ибо при тяжелыхъ условіяхъ крупнаго сельскаго хозяйства ни у кого не было средствъ для неблагодарной задачи кредитованія мужиковъ. Наконецъ, онъ огорождалъ свое имѣніе, что, по мѣстнымъ привычкамъ, было довольно необычно. Но чѣмъ, казалось бы, это нарушало чьи бы то ни было интересы?

Словомъ, всѣ эти обвиненія не давали конкретной почвы для оправданія той особой репутаціи, которою пользовался Петровъ. Между тѣмъ, въ Болотномъ озлобленность противъ него выражалась въ самыхъ крайнихъ, неприкрытыхъ формахъ. Для мѣстныхъ мужиковъ онъ какъ будто являлся воплощеніемъ абсолютнаго зла. Общеизвѣстное ругательство: „иди ко псу“—здѣсь звучало какъ-то специфически и по силѣ равнялось самой ѣдкой матерной брани.

Узнавъ, что послѣ нихъ я отправлюсь обследовать имѣніе Петрова, мужики даже обрадовались.

—Поди-ка, поди-ка! говорили они.—Попробуй! Ты намъ-то, должно, не ахти какъ вѣришь. Необразованное, дескать, мужичье. Посмот-

ри самъ своимъ учеными глазками. Спроси, сколько онъ нашей крови-поту выпилъ, да запиши, ради Христа, поаккуратиѣ. У насъ-то ты все записалъ, даже Бобылково болото въ сѣнокосъ произвелъ... Вотъ у него попробуй-ка. Только тетрадочку-то свою поглубже сирячь да оглоблю хорошую возьми, а то дворня-то его псовая безъ остатку тебя укомплектуешь. А ежели все сдѣлаешь да живъ-здоровъ назадъ вернешься, то неужли тебѣ медалю за это не дадутъ? Ды мы сами всѣмъ обществомъ хлопотать будемъ!..

— Онъ тѣ пропишетъ! добавляли другіе.—Онъ тѣ покажетъ, какой урожай у его сукъ бываетъ...

Въ результатъ этихъ разговоровъ, не скажу, чтобы съ легкимъ сердцемъ я отправился къ Петрову. Было ясно, что, за недостаткомъ другихъ объективныхъ основаній, непріязнь къ нему могла объясняться лишь его личными отрицательными чертами. Вѣроятно, онъ былъ просто черезчуръ непривѣтливомъ, грубомъ, злобномъ, некультурномъ человѣкомъ. А эти качества для земскаго статистика являлись прямо зарѣзомъ.

Чтобы съ толкомъ заполнить многочисленныя графы объемистой тетради для описанія частновладѣльческихъ хозяйствъ, нужно было потратить почти цѣлый день, а въ нѣкоторыхъ особо крупныхъ имѣніяхъ приходилось жить и по недѣлѣ. Между тѣмъ, статистикъ являлся совершенно безправнымъ человѣкомъ. Владѣлецъ могъ просто отказаться отъ всякихъ показаній, могъ даже совершенно безнаказанно оскорбить васъ, выгнать и т. д. Подобные случаи бывали. Все базировалось на добровольномъ согласіи владѣльца удѣлить свое время на чрезвычайно скучную операцію инквизиторскаго опроса. А для этого необходимо было имѣть большой запасъ гражданскаго самосознанія, вѣры въ пользу и цѣлесообразность даннаго изслѣдованія и, наконецъ, просто значительную дозу добродушія. Въ эти качества чрезвычайно рѣдко совмѣщались въ одномъ лицѣ. Къ счастью, въ крупныхъ имѣніяхъ были управляющіе и даже конторы. Тамъ владѣльцу стояло только приказать, и все устраивалось къ общему удовольствію. Статистикъ наставлялъ на управляющаго, послѣдній, чтобы отвязаться, предоставлялъ ему всѣ книги, и бланкъ заполнялся, главнымъ образомъ, не на основаніи словесныхъ показаній, а по точнымъ записямъ.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ мелкихъ и среднихъ хозяйствахъ, которыя велись самими владѣльцами, часто безъ письменнаго учета. Здѣсь статистикъ оказывался въ полной зависимости отъ ихъ взглядовъ и настроеній, отъ состоянія ихъ здоровья и дѣлъ, часто отъ прихотей ихъ женъ и другихъ домочадцевъ. При этомъ культурный уровень этой категоріи землевладѣльцевъ былъ, въ общемъ, не слишкомъ высокъ. Въстѣ съ тѣмъ, многіе изъ нихъ относились къ земству довольно-таки непріяз-

ненно, полагая, какъ и крестьяне, что оно создано лишь для проданія земскихъ налоговъ.

Понятно поэтому то состояніе неувѣренности и безпокойства, которое испытывалъ я, отправляясь къ Петрову. Въ воображеніи рисовался грубый пріемъ, хамскія оскорбленія, въ лучшемъ случаѣ—холодный отказъ отъ показаній. А какъ разъ его мнѣніе, руководимое хорошимъ хозяиномъ-практикомъ, мнѣ представлялось особенно интереснымъ для цѣлей оцѣнки, и статистической совѣсти хотѣлось выжать отсюда все, что можно.

Отправился я къ Петрову утромъ въ воскресенье. Староста, видимо, не имѣвшій желанія возиться съ нарядомъ очередной подводы, уговорилъ меня пойти пѣшкомъ прямо задами. Я перелѣзъ черезъ частоколь и очутился среди молчаливыхъ полей созрѣвающей пшеницы, завитыхъ золотомъ солнца. Земля, какъ удовлетворенная своимъ материнствомъ здоровая женщина, поднимала къ небу свои набухающія груди. Въ тишинѣ неугомонно журчали мелкія стеклышки жаворонковъ. Пахло свѣжимъ утромъ, полями, Россіей—всеми запахами, которые заставляютъ вздрагивать сердца бродягъ. А тутъ перспектива непріятныхъ, нудныхъ разговоровъ и возможность встрѣчи со сворой злобныхъ собакъ...

Къ счастью, собаки замѣтили меня уже около построекъ. Двое подослѣвшихъ рабочихъ не безъ труда отбили меня у нихъ и довели до крыльца. Не успѣлъ я еще снять пыльникъ, какъ въ переднюю вышелъ высокій, худой старикъ съ бритымъ подбородкомъ и сѣдыми подстриженными усами. Изъ-подъ сѣдыхъ же нависшихъ бровей глядѣли тяжелые, какіе-то свинцовые глаза, и вся его фигура, вообще, напоминала состарившагося Мефистофеля, страдающаго давнишнимъ катарромъ желудка.

— Что угодно? рѣзко спросилъ онъ.—Я—хозяинъ.

Я объявилъ цѣль своего посѣщенія.

— Какимъ закономъ я обязанъ давать все эти свѣдѣнія?

— Изслѣдованіе производится по постановленію губернскаго земскаго собранія, утвержденному господиномъ губернаторомъ. Имъ же утверждены и программы изслѣдованія.

— А если у меня нѣтъ времени?

— Вы можете отказаться, но въ такомъ случаѣ лишается права протестовать противъ оцѣнки своего имѣнія... Имѣя въ виду, что ваше хозяйство славится на всю округу, какъ образцовое по практичности и экономности, я почтительно просилъ бы васъ, отъ имени земства, не отказать удѣлить на это дѣло нѣсколько часовъ. Тѣмъ болѣе, что сегодня день праздничный...

— У меня нѣтъ праздниковъ, чуть-чуть смягчившимся голосомъ

сказалъ Петровъ.—Во всякомъ случаѣ, сейчасъ я не могу: я—церковный староста, и долженъ ѣхать къ обѣднѣ. Если хотите, подождите моего возвращенія.

У меня мелькнула мысль прибѣгнуть еще къ одному способу завоеванія благосклонности собесѣдника.

— Вотъ и великолѣпно! Мнѣ въ этихъ проклятыхъ безпрерывныхъ разъѣздахъ некогда лба перекрестить. Укажите мнѣ, пожалуйста, дорогу къ церкви, я тоже пойду, помолюсь.

Ударъ, видимо, попалъ въ цѣль: Петровъ предложилъ меня довести.

Черезъ полчаса мы были въ церкви. Чтобы довершить благоприятное впечатлѣніе, я подалъ поминаніе и поставилъ двѣ свѣчки.

Но, вообще, рассказываться мнѣ не пришлось. Богослуженіе въ бѣдной деревенской церковкѣ имѣетъ свою какую-то особую прелесть. Невольный мужицкій акцентъ священника, примитивное, съ привкусомъ старины, пѣніе двухъ-трехъ любителей на клиросѣ, размахистое крестное знаменіе, потупленные лица, пестрые платья женщинъ—все это рѣзко давало чувствовать, что ты находишься у самыхъ истоковъ народной жизни, около той, видимо, единственной ниточки, которая тянется черезъ всю нашу исторію вотъ уже болѣе тысячи лѣтъ. Подлинное православіе хранится, конечно, не въ модернизированномъ богослуженіи большихъ городовъ, а здѣсь—у этого сбитаго съ толку современностью, но не потерявшаго еще окончательно своего Бога народа, у этихъ порой жадныхъ, порой пьяныхъ, почти всегда малокультурныхъ, но не разорвавшихъ еще своего родства съ землей и крестьянствомъ, священниковъ.

Это я высказалъ Петрову на обратной дорогѣ.

— Все это такъ, отвѣтилъ онъ,—только ниточка-то ужъ больно тончаетъ.

— То-есть?

— Я вотъ около десятка лѣтъ состою церковнымъ старостой, и на моихъ глазахъ посѣщаемость церкви падаетъ. Вы замѣтили, что изъ мужиковъ только старые да малые бываютъ; послѣдніе потому лишь, что дѣды да бабушки велятъ. Средній возрастъ, особенно парни—тѣ и знать церкви не хотятъ. Прямо обезбоживается народъ. Хоть второй разъ крещеніе Руси устраивай...

Я съ нарастающимъ удивленіемъ присматривался къ Петрову. Ни въ тонѣ его словъ ни въ нихъ самихъ не было ничего грубаго, вульгарнаго. Наоборотъ, чувствовалось самостоятельное, устойчивое и, до извѣстной степени, оригинальное мышленіе.

— Да и чему же тутъ удивляться? продолжалъ онъ.—Я знаю округу на десятки верстъ кругомъ. Тутъ много помѣщиковъ, врачей,

агрономовъ, страховыхъ агентовъ, чиновниковъ Крестьянскаго Банка... А кто изъ нихъ въ перкви бываетъ? Пяти человекъ не найдется. Разъ загнила голова, то гниётъ и туловище.

Потомъ мы пили чай. Петровъ разспрашивалъ меня о томъ, какія имѣнія я уже обследовалъ.

— Это все *потребители*, сказалъ онъ, махнувъ рукою и подчеркивая послѣднее слово.

— Что вы этимъ разумѣете?

— Они только проживаютъ себя. Большинству изъ нихъ доходовъ не хватаетъ на жизнь, нѣкоторые кое-какъ сводятъ концы съ концами, но никто не накапливаетъ. Если кто и богатѣетъ, напримѣръ, Масленниковъ, то отъ другихъ предпріятій.

— Почему такъ? спросилъ я.—Какъ будто, по моимъ соображеніямъ, зерновое хозяйство здѣсь довольно доходно.

— Если имѣть свой зоркій глазъ и слѣдить за каждымъ зернышкомъ, за каждымъ гвоздикомъ. Иначе—лучше продавай скорѣй имѣніе, и айда въ городъ. А большинство изъ нихъ, мало того, что не удѣляютъ надлежащаго вниманія хозяйству—посмотрите, какъ живутъ! Держать поваровъ, садовниковъ, верховыхъ лошадей, одѣваются по послѣдней модѣ, постоянно ѣздить въ столицы и губернію, имѣютъ погреба съ винами... Нѣтъ, это все безнадежный народъ.

— Вы, небось, не слышали обо мнѣ хорошаго слова, помолчавъ, продолжалъ онъ.—Ну, мужики меня не любятъ, главнымъ образомъ, потому, что я землю у нихъ подъ носомъ дешево купилъ. Бывшій владѣлецъ разъ десять въ Болотномъ сходѣ собиралъ, все просилъ ихъ купить имѣніе, за сущіе пустяки отдавалъ. Нѣтъ, куда тутъ! „И такъ наше будетъ!“—это ихъ любимая думушка. А я подвернись да и купи. Долго они со мной воевали: и поджигали, и поля травили, и воровали. Теперь посократились. Какъ-никакъ, все же ихъ злобу понять можно. Но скажите, за что меня сосѣди-землевладѣльцы не любятъ?

— Вы, вѣроятно, преувеличиваете? примиряюще сказалъ я.

— Нѣтъ, это я знаю. Не любятъ за мою философію!

Онъ улыбнулся.

— Я хоть въ гимназіяхъ и не бывалъ, но у своего прежняго хозяина всю бібліотеку перечиталъ, да и теперь по зимамъ книжкой не брезгую. Вотъ и сочинилъ свою философію, которая моимъ сосѣдямъ поперекъ горла стала.

— Что же это за философія?

— О, не подумайте, что на Гегеля похожа! У меня все очень простое, понятно. Но вѣдь правда всегда проста и всегда многимъ глаза колетъ.

— Объясните же, я жду съ нетерпѣніемъ.

— Да и объяснять нечего. Я убѣдился, что не только человѣческая жизнь, но и жизнь животныхъ и растеній и даже, повидимому, мертвой природы основана на накопленіи. Безъ накопленія ничего бы не могло образоваться, не могло бы сохраниться и тѣмъ болѣе не могло бы развиваться, плодиться и множиться. Растенія и животныя откладываютъ свои сбереженія въ видѣ разныхъ тканей, жировъ или даже въ видѣ запасовъ въ своихъ норахъ. Только благодаря этому, они и могутъ жить и размножаться. То же самое и съ человѣкомъ. Пока страна накапливаетъ, она прогрессируетъ. Какъ только накопленіе прекратилось, государство чахнетъ, а затѣмъ и гибнетъ. А у насъ съ этимъ какъ будто обстоитъ плохо.

— Ну, что вы? Мы копимъ промышленность, желѣзныя дороги, больницы, школы, элеваторы, опытные хозяйства и т. д.

— Главнымъ образомъ—въ городахъ. А сельское хозяйство, и владѣльческое и крестьянское, бѣднѣетъ, повѣрьте мнѣ.

— Но чѣмъ же такъ обижаютъ подобные взгляды вашихъ со-
сѣдей?

— Они фаталисты и, сознавая свое разореніе, утѣшаются неизбежностью его. А я купилъ вотъ разоренное имѣніе одного изъ ихъ представителей и на дѣлѣ доказалъ, что это неправда, что они сами себя топятъ своей лѣностью, дряннымъ, слабымъ характеромъ, неумѣніемъ, невѣжествомъ... Да, да, невѣжествомъ. Они могутъ кончить нѣсколько факультетовъ, писать книги и статьи, либеральничать на земскихъ собраніяхъ—и все же остаются полными невѣждами по отношенію къ той средѣ, въ которой живутъ. Они не понимаютъ ни деревни ни сельскаго хозяйства. Безъ этого всѣ ихъ знанія—ни къ чему. Они только паразиты. А я буквально ненавижу эти качества. Ты бери взятки, грабь, убивай, но накапливай. Такъ велятъ намъ интересы человѣчества. А они кто? Только и дѣлаютъ, что дѣдушекъ и бабушекъ своихъ въ могилахъ сосутъ. Потребляютъ унаслѣдованное.

Петровъ расходился и такъ стучалъ кулакомъ по столу, что звенѣли стаканы.

— Не все въ нихъ дурно, робко замѣтилъ я.—Есть и красота извѣстная. Возьмите, напримѣръ, Николая Африканыча Бабкина...

— Бабкина? Да я бы повѣсилъ этого стараго дурака!

— Ну, что вы! Это же святой человѣкъ!

— Какой толкъ отъ его святости? Его отецъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ уѣзда. А сынъ даже не прожилъ—у него просто все растащили, разворовали безъ всякой пользы. Какая разнища, что не самъ онъ, а другіе проѣли и пропили отцовское добро? Результатъ одинъ и тотъ же: обнищаніе и смерть. Такіе люди хуже

убійць: послѣднихъ въ тюрьму можно посадить, а ихъ, видите ли, въ святые производятъ...

Петровъ сбѣгалъ въ сосѣднюю комнату и вернулся оттуда съ открыткой.

— Вотъ, полюбуйтеcь: кто-то изъ моихъ сосѣдей прислалъ мнѣ это.

„М. г. г-нъ Плюшкинъ!“ прочелъ я: „сегодня по дорогѣ изъ Болотнаго въ Кисловку я видѣлъ валявшійся обломокъ подковы. Зная вашу охоту ко всѣмъ подобнымъ раритетамъ, имѣю честь извѣстить о семъ, дабы вы могли воспользоваться этимъ столь бесплодно пропадающимъ продуктомъ промышленности. Вашъ доброжелатель.“

— Хорошо, я—„песъ,“ я—Плюшкинъ! продолжалъ кричать Петровъ. — Я, конечно, подыму всякую потерянную гайку, гвоздь, даже хлѣбное зерно, ибо все это—святая человѣческій трудъ, который долженъ не затапываться, а приносить дальнѣйшее наращеніе. Но что въ этомъ дурного? Неужели эти лѣнтяи-потребители думаютъ, что мнѣ пріятно всегда держать себя на короткомъ поводѣ, вставать до солнца, неотступно слѣдить за рабочими, ругаться изъ-за каждой копейки и ограничивать себя во всемъ? Вѣдь всякій знакомый съ психологіей скажетъ, что это требуетъ огромнаго, непрерывнаго волевого напряженія. Или они думаютъ, что я не люблю хорошее вино, что мнѣ не хочется путешествовать, что я не имѣю вкуса къ лошадямъ? О, протереть глаза денежкамъ я сумѣлъ бы не хуже ихняго! Но не считаю себя вправѣ нарушать основной законъ жизни. Вѣдь, если и достижимо счастье человѣчества, то не слюняйнымъ же либеральничаніемъ и не безмозглымъ социализмомъ, а лишь самоограниченіемъ и накопленіемъ!

— Но какое, напримѣръ, самоограниченіе возможно для крестьянства? спросилъ я. — А вѣдь въ немъ-то, въ концѣ концовъ, и все дѣло.

— Ну, вы будете, вѣроятно, увѣрять, что мужикъ слишкомъ задавленъ налогами, безправіемъ и т. д. Чепуха! Какъ я на дѣлѣ доказалъ возможность хорошо вести хозяйство средняго размѣра — я могъ бы также доказать и полную возможность безбѣднаго существованія маленькаго крестьянскаго хозяйства. У меня есть по этому вопросу всѣ необходимыя вычисленія. Впрочемъ, это уже доказано и самой жизнью. Бывали ли вы въ старообрядческихъ селеніяхъ? И налоги, и „безправіе“, и „невѣжество“ у нихъ тѣ же, что и у православныхъ, а достатокъ неизмѣримо выше. Почему? Потому, что есть воля къ накопленію.

— Какъ же создать эту волю у мужика, разъ ея нѣтъ?

— Уничтожить общину. Она была хороша для натурального хо-

зійства, а теперь это лишь школа лѣности и хулиганства. Столыпинъ слишкомъ слабо за нее принялся, а съ укрѣпленіемъ надѣловъ многое и напуталъ. Всего хуже, что время не ждетъ. Надо торопиться. Наше крестьянское хозяйство гніетъ вмѣстѣ съ общиной. Мужикъ, того и гляди, не выдержитъ. Миѣ ужъ около семидесяти, а и то я порой за свой вѣкъ не ручаюсь.

— Хотите еще чаю? вдругъ рѣзко оборвалъ онъ, какъ бы отмахиваясь отъ непріятныхъ предчувствій. — Нѣтъ? Ну, тогда давайте приниматься за вашу работу.

Нельзя сказать, что заполненіе бланка съ Петровымъ было пріятнымъ занятіемъ. Правда, онъ легко понималъ сущность каждаго вопроса и давалъ быстрые, точные отвѣты, но вмѣстѣ и оказался ожесточеннымъ критикомъ почти всего ихъ содержанія. Нашъ бланкъ являлся довольно типичнымъ продуктомъ издавна сказывавшихся въ земской статистикѣ тенденцій къ излишнему усложненію программы, нагроможденію второстепенныхъ частныхъ, что дѣлало, въ сущности, невозможнымъ добросовѣстное ея выполненіе. Одновременно естественная жизненная сложность каждаго сельско-хозяйственнаго предпріятія, не укладывавшаяся ни въ какія рубрики и графы, дѣлала трудно достижимой и цѣль изслѣдованія—точный учетъ доходности по угодіямъ. Петровъ быстро подмѣтилъ все это. Если бы я во время не сказалъ, что не являюсь авторомъ бланка и во-многомъ согласенъ съ его замѣчаніями, то не знаю, удалось ли бы кончить работу, вслѣдствіе его возраставшей озлобленной нервности.

— Самая форменная интеллигентщина! кричалъ онъ, потрясая заполненною и уже подписанною имъ тетрадью. — И бездарная, и дорогая, и никчемная, и самодовольная! Ну, развѣ можно вывести вѣрныя оцѣночныя нормы изъ этого вороха ненужныхъ цифръ? Скажите вашей управѣ, что я готовъ выполнить эту работу по нашему уѣзду въ пять разъ дешевле, скорѣе и лучше!

Безъ большого удовольствія я согласился остаться обѣдать. Скептицизмъ Петрова производилъ на меня сильное впечатлѣніе. Въ его нападкахъ на современность, несомѣнно, заключалась значительная доза истины, остававшейся, однако, скрытой отъ глазъ почти всей нашей интеллигенціи. Поэтому разговоръ съ нимъ былъ въ высшей степени интересенъ и поучителенъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его непрерывно-напряженная озлобленность страшно утомляла, особенно послѣ нервной работы надъ бланкомъ. Поэтому я плохо слушалъ, и сейчасъ же послѣ обѣда поспѣшилъ раскланяться.

— Помните одно, говорилъ онъ на прощаніе:—исторія учитъ, что развалу всякаго государства неизбѣжно предшествовала утрата религіознаго чувства и воли къ накопленію. И если то, что мы наблюдаемъ

сейчасъ въ Россіи—не временное явленіе, то она наканунѣ гибели, которая придетъ въ видѣ одной изъ самыхъ ужасныхъ революцій въ мірѣ. Всего хуже, что наша идіотская интеллигенція ждетъ, не дожидется этой революціи... Безмозглая окультуренная шпана и не подозрѣваетъ, что революція прежде всего раздавить ее, что она радуется приближенію своей смерти... Надо кричать объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ!..

Какъ я слышалъ, Петровъ умеръ въ 1916 году. Имѣніе перешло къ наслѣдникамъ. Послѣдніе во-время успѣли перебраться въ городъ. Мужики стерли всякій слѣдъ крѣпкаго петровскаго хозяйства: даже вырыли фундаменты его построекъ и запахали то мѣсто, гдѣ онѣ стояли.

Ясно представляю, съ какой дикой радостью они это дѣлали...

Е. Яшновъ.

К. Леонтьевъ о прогрессѣ.

Статья Л. Зандера.

Барону Юрію Романовичу Дистерло.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ является однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ, глубокомысленныхъ и талантливыхъ русскихъ писателей. Многообразіе его интересовъ, поэтическія красоты его беллетристики, глубина его философскихъ и социальныхъ изслѣдованій, наконецъ, пламенная религіозность его духовныхъ произведеній—все это должно было бы стать причиной сильнаго философскаго вліянія на общество, большой и громкой славы. Однако, въ дѣйствительности мы видимъ, что его имя не только не пользуется тѣмъ вниманіемъ, которое часто оказывается талантамъ, несомнѣнно, слабѣйшимъ, но часто остается вовсе неизвѣстнымъ, или даже смѣшивается съ его однофамильцами: беллетристомъ Иваномъ Леонтьевымъ, писавшимъ подъ псевдонимомъ Ив. Щеглова, и съ извѣстнымъ классикомъ, другомъ Каткова и сотрудникомъ гр. Д. А. Толстого—Павломъ Михайловичемъ Леонтьевымъ.

Такое отношеніе къ твореніямъ Леонтьева, однимъ изъ самыхъ глубокихъ въ исторіи русской философіи, можно объяснить себѣ развѣ только умышленнымъ замалчиваніемъ его мыслей современниками, которыхъ онъ ужасалъ своею непримиримостью, да, можетъ быть, личной судьбой писателя, который постоянно чувствовалъ надъ собой этотъ *fatum*, осуждавшій его вѣчно быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

За послѣднее время, впрочемъ, интересъ къ этому замѣчательному человѣку пробудился. Издано полное собраніе его сочиненій (впрочемъ, незаконченное, въ виду наложенія ареста на всѣ изданія кн-ва „Культура“), напечатаны его письма; одна за другой появились интересныя статьи о немъ В. В. Розанова, Н. Бердяева, кн. С. Н. Трубецкаго, А. А. Александрова, св. К. Агѣева, Б. Грифцова, О. Прохаско. Но эти работы являются далеко не исчерпывающими своего предмета, и Леонтьевъ еще ждетъ своего изслѣдователя.

Этой общей работѣ должно, однако, предшествовать предварительное изученіе отдѣльныхъ сторонъ его жизни и творчества, которое обратило бы вниманіе будущаго историка и критика на частности ученія, расчленило бы путь къ болѣе полному и безпристрастному воспріятію всего многообразія его мыслей, а заодно болѣе широко познакомило бы русскихъ мыслящихъ людей съ его удивительнымъ міровоззрѣніемъ.

Частичному выполненію этой предварительной работы и посвящается настоящій очеркъ.

Условія, въ которыхъ онъ былъ составленъ, лишили автора возможности выполнить даже элементарныя требованія историко-критической этики. Не имѣя подъ руками ни полнаго собранія сочиненій ни исчерпывающей литературы, пришлось удовольствоваться сборникомъ „Востокъ, Россія и славянство“, въ изданіи 1885 года (библіографическая рѣдкость), случайно найденнымъ мною въ одной частной библіотекѣ,*) тремя томами полн. собр. соч. и отдѣльными статьями, которыя мнѣ удалось отыскать въ крайне неполной и недостаточной журнальной литературѣ библіотекъ г. Владивостока. И, если я, тѣмъ не менѣе, рѣшился изложить ученіе Леонтьева о прогрессѣ, то оправданіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что главное, почти исключительное, сочиненіе Леонтьева, въ которомъ это ученіе находится, все же было у меня въ рукахъ, и что, съ другой стороны, каждая строка, посвященная мыслямъ о Леонтьевѣ, какъ бы неудовлетворительна съ научной стороны она ни была, представляется мнѣ въ настоящее время не лишенной своего значенія.

Я предвижу другія возраженія на свою работу, которыя хотѣлъ бы тутъ же оговорить.

Во-первыхъ, мнѣ могутъ возразить, что я подошелъ къ теоріи Леонтьева съ предпосылками исторической гносеологіи телеологическаго нормативизма, изобразивъ его какъ бы талантливымъ ученикомъ Риккерта и Виндельбанда. Но, съ одной стороны, методъ Леонтьева по существу своему ничѣмъ не нарушаетъ требованій этой школы, которая стремится совѣтъ не къ тому, чтобы построить новую исторію и новую науку, но только подвести логическій фундаментъ, научно обосновать существующія.

Съ другой же стороны, стараться подойти къ изученію предмета абсолютно объективно—значить допустить предпосылки въ ихъ худшемъ психологическомъ и неосознанномъ видѣ. Ясно выраженный и послѣдовательно проведенный методъ казался мнѣ въ данномъ случаѣ болѣе плодотворнымъ.

Во-вторыхъ, я могу быть признанъ виновнымъ въ злоупотребленіи цитацией. Но цѣль, которую я преслѣдовалъ въ этомъ очеркѣ—чисто догматическая: изложить ученіе Леонтьева о прогрессѣ, только намѣтивъ его уязвимыя мѣста, отнюдь не вдаваясь въ критику. Излагать же такого стилиста и художника языка, какъ Леонтьевъ, мнѣ казалось болѣе цѣлесообразнымъ его собственными словами, чѣмъ пересказомъ, который, конечно, никогда не сравнялся бы съ силой и выразительностью оригинала. Свою же задачу я видѣлъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы систематизировать разбросанныя повсюду мысли Леонтьева и представить ихъ въ связанномъ изложеніи, которое могло бы въ сжатомъ видѣ познакомить читателя съ его социальнымъ построениемъ и ученіемъ о прогрессѣ.

Авторъ.

10/1-21 г.

31/12-1920 г.—8/1-1921 г.
Г. Владивостокъ.

*) Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить мою признательность владѣльцу этой библіотеки В. Я. Спекторскому за любезное предоставленіе мнѣ этого цѣннаго изданія для работы надъ нимъ.

...„Чтобы вы могли понять меня, вамъ надо забыть все, что вы знали, и слушать меня долго и часто, увлекаясь не желаніемъ переспорить, но жаждой понять...“

(К. Леонтьевъ. „Вост., Рос. и сл.“. Т. II, стр. 6).

I.

Постановка проблемы и методологическія предпосылки.

Понятіе прогресса всегда непроизвольно связывается нами съ представлѣніемъ достиженія чего-то лучшаго, приближенія къ чему-то идеальному. Связь эта обычно бываетъ столь крѣпкой, что слова „прогрессъ“ и „улучшеніе“ употребляются, какъ синонимы, и „прогрессивность“, какъ бы она ни проявлялась и въ чемъ бы ни выражалась—считается чѣмъ-то въ высшей степени похвальнымъ и добродѣтельнымъ. Въ этомъ смыслѣ понятіе прогресса приобретаетъ рѣзко выраженный этический характеръ и совершенно отрывается отъ того первоначальнаго значенія, которое оно имѣло, тамъ, гдѣ оно примѣнимо болѣе всего—именно, въ процессахъ органической жизни.

Перенесеніе телеологической точки зрѣнія въ область естествознанія уже давно заклеимено, какъ величайшая методологическая непослѣдовательность, вызывающая только безконечные и бессодержательные споры и въ корнѣ подрывающая возможность научнаго изслѣдованія природы. Но совершенно то же можно сказать и объ обратномъ процессѣ. Заимствование естественно-научнаго понятія для этической оцѣнки, то-есть, по существу, для построенія философской системы (или ея фрагмента), должно также повести къ величайшимъ двусмысленностямъ и ошибкамъ. И въ дѣйствительности понятіе прогресса, перенесенное въ область социальной науки, дало поводъ къ построенію множества если не философскихъ системъ, то, во всякомъ случаѣ, отдѣльныхъ взглядовъ, вылившихся въ цѣлое историческое міровоззрѣніе. И это міровоззрѣніе, построенное на величайшей непослѣдовательности и спутанности основныхъ понятій, не только легло въ основу теоретическихъ изысканій надъ вопросами социальной жизни, но, благодаря своему совпадению съ эмоціональными моментами человѣческой жизни и дѣятельности, приобрѣло значеніе перваго и главнаго фактора въ ихъ практическомъ разрѣшеніи.

Прогрессъ, какъ совокупность всѣхъ передовыхъ идей эпохи, развѣ навсегда и а priori признанъ чѣмъ-то хорошимъ, и это убѣжденіе до такой степени проникло собою сознаніе современнаго человѣчества, что сомнѣніе въ немъ можетъ показаться страннымъ, нелѣпымъ, даже преступнымъ...

Однако, научное мышленіе не можетъ считаться съ установившимися взглядами и убѣжденіями, какъ бы сильны и глубоки они ни были. Правда, сомнѣнія въ этихъ основахъ міровоззрѣнія эпохи чрезвычайно рѣдки и трудны; для продумыванія подобныхъ вопросовъ требуется необычайная сила логического мышленія и способности къ абстракціи, но тѣмъ выше цѣнность подобныхъ попытокъ непредвзятаго разсмотрѣнія нашей жизни, тѣмъ больше ихъ значеніе въ исторіи мышленія и культуры. Въ лицѣ Леонтьева мы встрѣчаемъ мыслителя, который ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ методологической несоединимости этическихъ оцѣнокъ и данныхъ опыта, претворенныхъ въ конструцію социального закона. Личное убѣжденіе, хотя

бы основанное на глубочайшемъ и искреннѣйшемъ идеализмѣ и стремленіи къ добру, не имѣетъ въ его глазахъ никакой силы, и, рѣзко разграничивая области благихъ пожеланій и научно обоснованныхъ данныхъ, онъ устанавливаетъ твердыя грани для объективнаго изслѣдованія социальной жизни и исторической эволюціи человѣчества. И, съ этой точки зрѣнія, вѣра въ „прогрессъ“, столь сильная въ современномъ человѣчествѣ, оказывается совершенно необоснованной и произвольной.

„Можно, пожалуй, при нѣкоторой ограниченности ума и при слабости общихъ построеній, *вприти сердцемъ* въ спасительность прогресса, охватившаго человѣчество съ конца прошлаго вѣка, и можно *не вприти сердцемъ* въ пользу этого либеральнаго прогресса. Но мы спрашиваемъ, гдѣ научный точный критеріумъ, который давалъ бы намъ вполне надежныя основы для подобной утѣшительной вѣры?“*).

Недостатокъ этого критерія есть первый и главный порокъ оптимистической идеологіи прогресса, ставящій подъ сомнѣніе всѣ дальнѣйшіе выводы этого пониманія исторіи. Однако, недостатокъ этотъ не случаенъ; онъ является результатомъ односторонняго увлеченія человѣчества одной идеей, которая, будучи положена въ основу всей социальной жизни, вылилась въ цѣлое міровоззрѣніе, въ цѣлую культуру, поглотившую всѣ жившія до нея историческія цѣнности.

Это—идея счастья.

Отказавшись отъ истинъ положительной религіи и возставъ противъ абсолютной исторической власти, такъ называемое культурное человѣчество съ конца XVIII вѣка положило въ основу всѣхъ своихъ стремленій и вожделѣній благо личности. Этотъ глубочайшій гуманизмъ и индивидуализмъ, начало которому, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, было положено еще въ XVI в., получилъ свою полную завершенность и обоснованіе только въ принципахъ французской революціи и въ нравственной философіи Канта и Фихте. Съ тѣхъ поръ „европейская мысль поклоняется человѣку, *потому только, что онъ человекъ*“. Поклоняться ему она хочетъ не потому, что онъ герой или пророкъ, царь или гений. Нѣтъ, она поклоняется не такому особому и высокому развитію личности, а просто индивидуальности всякаго человѣка, и *всякую личность* желаетъ сдѣлать счастливой (здѣсь, на землѣ), равноправной, покойной, надменно-честной и свободной въ предѣлахъ *извѣстной морали*. Это-то исканіе всечеловѣческой равноправности и всечеловѣческой правды, исходящей не отъ *положительнаго* вѣроисповѣданія, а отъ того, что философы зовутъ личной, автономической (т. е. самовольной, самоузакопняющейся) нравственностью“**)—и составляетъ подлинный нервъ европейскаго прогресса. Съ этой точки зрѣнія, все, что ведетъ къ счастью людей, къ ихъ миру и благоденствію—благо; все же, что этотъ миръ нарушаетъ и служитъ причиной боли и страданія, есть безусловное зло, ненормальное состояніе, долженствующее со временемъ быть исправленнымъ.

Таковымъ представляется это общее убѣжденіе, исповѣдуемое не только людьми „здраваго смысла“, но, къ сожалѣнію, лежащее и въ основѣ историческихъ и социальныхъ научныхъ построеній. Однако, „какое дѣло

*) „Востокъ, Россія и славянство“. Т. II, стр. 39.

**) Ibid. Т. I, стр. 93.

честной исторической реальной наукѣ до неудобствъ, до потребностей, до деспотизма, до страданій“...

„Что мнѣ за дѣло въ подобномъ вопросѣ до самыхъ стоновъ чело-вѣчества?“

„Какое научное право имѣю я думать о конечныхъ причинахъ, о цѣ-ляхъ, о благоденствіи, напримѣръ, прежде серьезнаго, долгаго, безстрастна-го изслѣдованія?“

„Какое мнѣ дѣло въ болѣе или менѣе отвлеченномъ изслѣдованіи не только до чужихъ, но и до моихъ собственныхъ неудобствъ, до моихъ соб-ственныхъ стоновъ и страданій?“

„Раскройте медицинскія книги, о, друзья реалисты! И вы въ нихъ найдете, до чего музыкальное, субъективное мѣрило боли считается мало-важныѣ суммы всѣхъ другихъ, пластическихъ объективныхъ признаковъ; картина организма, являющаяся передъ очами врача-физиолога—вотъ что важно, а не чувства непонимающаго и подкупленнаго больного! Ужасныя невралгіи, приводящія больныхъ въ отчаяніе, не мѣшаютъ имъ жить долго и совершать дѣла, а тихая, почти безболѣзненная гангрена сводитъ ихъ въ гробъ въ нѣсколько дней.“

Нѣтъ, „боль для социальной науки—это самый послѣдній изъ призна-ковъ, самый неуловимый. А страданія? Страданія сопровождаютъ одинако-во и процессъ роста и развитія и процессъ разложенія*).

Эти методологическія требованія выполняются Леонтьевымъ въ полной мѣрѣ. Человѣческое горе, страданія и несчастія, сама смерть и гибель цѣлыхъ культуръ и наукъ дѣйствительно разсматриваются имъ съ удиви-тельнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, и онъ, не колеблясь, произно-ситъ *jam moritur* даже надъ близкимъ и дорогимъ ему больнымъ. Послѣ-довательность и неуклонность его мысли удивительны, ибо онъ не остано-вливается передъ самыми парадоксальными положеніями, самыми опасными выводами, если таковыя требуютъ діалектической необходимости. Въ этомъ отношеніи писанія Леонтьева представляютъ для насъ чрезвычайный интересъ, не только по содержащемуся въ нихъ ученію, но, главнымъ об-разомъ, по той высокой чистотѣ мысли и безстрастія въ исканіи без-спорной истины, которыя заставляли его еще 18-лѣтнимъ юношей не-рѣдко „проводить зимнія петербургскія ночи безъ сна, положивъ голову и руки на столъ, въ изнеможеніи страдальческаго раздумья“.**)

Эти исканія не дали Леонтьеву счастья, ибо міровоззрѣніе, къ кото-рому они его привели, было столь же печально и безнадежно, сколь без-спорно и неопровержимо. „Я праздновалъ бы великій праздникъ радости,“ говорилъ онъ, „если бы сама жизнь или чьи-нибудь убѣдительные доводы доказали мнѣ, что я заблуждаюсь“...

Однако, мысль Леонтьева такъ ясна, доводы его столь убѣдительны и столь просты, что и сейчасть социальная наука, такъ подвинувшаяся съ тѣхъ поръ впередъ, врядъ ли сможетъ многое возразить ему.

Пессимистическіе выводы часто явствуютъ изъ его разсужденій, „какъ дважды два—четыре,“ и это-то обстоятельство и дѣлаетъ Леонтьева столь отчужденнымъ, неизвѣстнымъ, „одинокимъ мыслителемъ“.***)

*) „Востокъ, Россія и сл.“ Т. I, 145-147.

**) Записки отшельника. „Гражданинъ“. 1887 г. Прилож. 6.

***) Названіе статьи о немъ Ольги Прохаско.

Эта удивительная выдержанность метода есть результатъ не только личной талантливости и природной логичности. Въ молодости Леонтьевъ прошелъ серьезную естественно-научную школу. Воспитанникъ медицинскаго факультета Московскаго университета, ученикъ извѣстныхъ московскихъ хирурговъ Иноземцева и Овера, онъ испыталъ свои медицинскія познанія и на практикѣ. Война 1856 года, въ которой онъ участвовалъ въ качествѣ полковаго врача, дала ему обильную возможность привыкнуть къ спокойному созерцанію той боли, о которой онъ такъ презрительно отзывался впоследствии, „а привычка смотрѣть безпрестанно въ лицо смерти и страданіямъ, собственныя опасныя болѣзни, жизнь съ военными товарищами, лицезрѣніе раненыхъ и искалѣченныхъ людей, привычка своей рукой проливать горячую кровь при операціяхъ—вообще сдѣлали его болѣе искусственнымъ и болѣе отважнымъ.“*)

Мужество воли повлекло за собой и мужество мысли, неопровержимой въ своей истинности, безжалостной въ своей опѣнкѣ, заставившей Леонтьева пять разъ перемѣнить свою карьеру и образъ дѣятельности и, съ успѣхомъ испытать свои силы на поприщѣ дипломатической, литературной и бюрократической дѣятельности, кончить свою жизнь монахомъ въ кельѣ Троицко-Сергіевской Лавры.

Такимъ образомъ, основнымъ требованіемъ, предъявляемымъ Леонтьевымъ къ научному социальному мышленію, является отсутствіе какихъ бы то ни было предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Въ особенности касается это эмоционально-этическихъ предпосылокъ, этой „патологически опредѣляемой воли“, по терминологіи Канта, отъ которыхъ такъ трудно отказаться сознанию, привыкшему къ антропологическимъ масштабамъ и двигающемуся исключительно въ цѣклѣ гуманитарныхъ знаній и интересовъ.

Въ отношеніи послѣднихъ теорія самого Леонтьева является блестящимъ подтвержденіемъ его методологическихъ требованій, ибо онъ дѣйствительно отказался отъ какихъ бы то ни было этическихъ соображеній и разсматривалъ социальную жизнь и исторію совершенно независимо отъ понятій добра и зла, добродѣтели и порока, радости и страданія.

Однако, отсутствіе этическихъ моментовъ въ социальномъ мышленіи еще не означаетъ отсутствія въ немъ всякихъ психическихъ предпосылокъ, ибо для того, чтобы опѣнчивать социальную жизнь съ какой-либо точки зрѣнія, необходимо эту точку зрѣнія имѣть, а такъ какъ никакая гуманитарная наука безъ понятія цѣнности обойтись не можетъ, то въ этомъ смыслѣ безпредпосылочное социальное мышленіе можетъ оказаться фактически абсолютно невозможнымъ.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, принадлежитъ къ труднѣйшимъ проблемамъ, поставленнымъ особенно остро въ современныхъ гносеологическихъ построеніяхъ.

Съ одной стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что грубая телеологія не только можетъ, но и должна быть всячески изгоняема изъ всякаго социологическаго изслѣдованія. Однако, какъ далеко можетъ идти этотъ процессъ, и возможно ли построеніе социальной науки безъ *всякой* телеологіи, т. е. совершенно безъ предпосылокъ—это представляется въ высшей степени сомнительнымъ. Исторія, во всякомъ случаѣ, таковою быть не можетъ. Уже само понятіе исторіи, какъ изученія процесса роста, развитія

*) А. Александровъ. К. Н. Леонтьевъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1892, кн. 4, стр. 264.

и гибели индивидуального, свидѣтельствуешь о непримѣнимости къ ней генерализирующаго и абстрагирующаго метода естественныхъ наукъ.

Что же касается чистой социологін, т. е. науки о закономерности социальной жизни, видъ какихъ бы то ни было антропологическихъ оцѣнокъ, то она можетъ быть и могла бы строиться по образцу социальной физики XVII вѣка, какъ простая динамика социальныхъ явленій, связанныхъ исключительно причинными соотношеніями.

Однако, эта возможность является далеко не обоснованной и не доказанной, поскольку тотъ матеріалъ, который составляетъ предметъ социологической обработки (право и исторія), насквозь проникнутъ телеологическими данными, не только участвующими въ немъ въ качествѣ живыхъ факторовъ, но, болѣе того, констатирующими самую ихъ возможность.

Во всякомъ случаѣ, если бы такая попытка удалась, то полученное социологическое построеніе было бы *абсолютно* лишено всякаго аксіологического момента.

Это было бы чистое описаніе того, что есть, описаніе совершенно правильное, объективное, но не дающее никакого права утверждать *что бы то ни было* относительно изучаемаго. Моментъ оцѣнки долженъ былъ бы быть совершенно выброшенъ изъ системы подобнаго знанія, и мы не имѣли бы права не только предпочитать добро злу, красоту безобразію, но, болѣе того, сама смерть и уничтоженіе были бы для насъ равнооцѣнны жизни.

Нѣтъ нужды входить въ болѣе детальныя обсужденія этого вопроса, чтобы видѣть, что теорія Леонтьева не имѣетъ ничего общаго съ подобной спокойной натуралистической трактовкой вопросовъ социальной жизни и исторіи. Несмотря на свое требованіе „одинаковыхъ безстрастныхъ, безжалостныхъ оцѣнокъ“, онъ весь горитъ этой запрещенной страстью—страстью любви къ своему идеалу и, еще болѣе, ненависти къ той пошлости и безсодержательности, которую онъ увидѣлъ въ прогрессѣ, во всей культурѣ XIX вѣка.

„О, какъ ненавижу я тебя, современная Европа, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое и уничтожаешь у насъ, несчастныхъ, столько драгоценнаго твоимъ заразительнымъ дыханіемъ! Если такого рода ненависть—грѣхъ, то я согласенъ остаться весь вѣкъ при такомъ грѣхѣ, рождаемомъ любовью къ Церкви... Я говорю „къ Церкви“, даже и католической, ибо, если бы я не былъ православнымъ, то желалъ бы, конечно, лучше быть вѣрующимъ католикомъ, чѣмъ эвдемонистомъ и либераль-демократомъ! Это же слишкомъ мерзко!“ *)

Въ этихъ огненныхъ словахъ (которыя являются отвѣтомъ на знаменитое: „О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги“, сказанное отъ лица всей Россіи на пушкинскомъ праздникѣ Достоевскимъ) нѣтъ и слѣда того спокойствія ученаго и безстрастія наблюдателя-физиолога, которыя были выставлены Леонтьевымъ въ качествѣ методологическихъ требованій всякой научной теоріи. И этотъ примѣръ является отнюдь не исключеніемъ, но, наоборотъ, чрезвычайно характеренъ для темперамента нашего мыслителя. Онъ весь горитъ страстью, низвергаетъ, разрушаетъ, проваливаетъ идеалы, которые кажутся ему идолами,—а если, несмотря на это, его построеніе все же оказывается во много разъ лучше обоснованнымъ и логичнымъ, чѣмъ противоположная ему теорія оптимистическаго прогресса, то это является только слѣдствіемъ того, что предпосылки Леонтьева являются неизмѣримо болѣе тонкими, изысканными и углубленными, чѣмъ грубая эвдемонистическія мѣрила пользы, довольства и счастья.

*) „Вост., Россія и слав.“ т. I, стр. 307.

Поэтому, для болѣе полного уразумѣнія социальнаго построения Леонтьева, намъ необходимо ближе подойти къ предпосылкамъ его мышления и познакомиться съ тѣми принципами, которые оказываются основными двигателями пружинами какъ въ его мышлении, такъ и въ жизни,

II.

Понятіе эстетической цѣнности.

На этотъ вопросъ ясный и недвусмысленный отвѣтъ мы находимъ у самого Леонтьева. Сравнивая всѣ возможные критеріи и цѣнности, онъ находитъ только одну, которая по справедливости можетъ претендовать на абсолютность, не только вълѣдствіе своей неизмѣняемой значимости для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, но также и потому, что ей подчиняется все мыслимое, „начиная отъ минерала и до самого всесвятѣйшаго человѣка“.

Это—эстетика.

По сравненію съ эстетической цѣнностью, всѣ остальные представляются не только переходящими и субъективными, но и относительными.

„Я считаю эстетику мѣриломъ наилучшимъ для исторіи и жизни, ибо оно примѣнно ко всѣмъ вѣкамъ и ко всѣмъ мѣстностямъ.

Мѣрило положительной религіи, наприкладъ, приложимо только къ самому себѣ (для спасенія индивидуальной души моей за гробомъ, трансцендентный эгоизмъ) и вообще къ людямъ, исповѣдующимъ ту же религію. Какъ вы будете, наприкладъ, приступать со строго христіанскимъ мѣриломъ къ жизни современныхъ китайцевъ и къ жизни древнихъ римлянъ! Мѣрило чисто моральное тоже не годится, ибо, во-первыхъ, придется предать проклятію большинство полководцевъ, царей, политиковъ и даже художниковъ (большую часть, художники были развратны, а многіе и жестоки); останутся одни „мирные земледѣльцы“ да какіе-нибудь кроткіе и честные ученые. Таже пѣкаторы святые, признанные христіанскою церковью, не вынесутъ чисто этической критики. Наприкладъ, св. Константинъ, св. Ирина, св. Кириллъ Александрійскій и почти всѣ ветхозавѣтные святые (которымъ, однако, вѣрно молиться). Въ эстетическомъ же міровоззрѣніи все совмѣстимо.¹⁾ Съ этой точки зрѣнія, эстетическая оцѣнка является наиболѣе общей, абстрактной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе содержательной. То, что не охватывается понятіемъ добра, входитъ въ объемъ понятія красоты, которая и придастъ ему всю цѣнность идеальнаго и возвышеннаго“.

„Правдивность есть только уголокъ прекраснаго, одна изъ полосъ его. Иначе куда же дѣтъ Алкивіада, алмазь Тигра?“ говоритъ Леонтьевъ устами героя одного изъ своихъ романовъ.²⁾ Въ соответствии съ этимъ, эстетическія оцѣнки являются вѣчными критеріями совершенства, и „все прекрасное, которое есть не что иное, какъ одѣтая плательемъ, драпированная истина,“³⁾ оказывается подлиннымъ предметомъ истиннаго знанія, вѣчнымъ прототипомъ идеальнаго и цѣннаго въ мірѣ. И не только искусство, въ качествѣ общаго, формальнаго стремленія къ достиженію прекраснаго, къ выявленію и увѣковѣченію его въ конкретныхъ формахъ, есть цвѣтъ жизни, самое высшее, идеальное ея выраженіе“⁴⁾; сами конкретныя формы и соединенія вещества также приобретаютъ предикатъ вѣчности и абсолютности, разъ имъ принадлежитъ эстетическое, совершенство. „Бѣлая кость съ золотомъ—это, конечно, одна изъ *вышнихъ истинъ изящнаго вкуса*,⁵⁾ подобно алой розѣ въ зелени, пурпуровой одеждѣ на красивомъ человѣкѣ, пестрому коврау въ жиломъ покоѣ и зеленой соснѣ въ глубокихъ и чистыхъ сѣняхъ“.⁶⁾

¹⁾ Изъ письма къ Розанову. „Русск. Вѣстникъ“, кн. 4, стр. 419.

²⁾ „Въ своемъ краю“. „Отечеств. Зап.“ 1861, кн. 5, стр. 16.

³⁾ „Вост. Рос. и сл.“ т. II, стр. 400.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 314.

⁵⁾ Курсивъ нашъ.

⁶⁾ „Вост. Рос. и сл.“ т. II, стр. 398.

Должно отдать справедливость примѣрамъ, приводимымъ Леонтьевымъ; они дѣйствительно являются несравнимыми образцами прекрасныхъ сочетаній и, если и не доказываютъ абсолютности эстетическихъ оцѣнокъ, то, во всякомъ случаѣ, громко свидѣтельствуютъ объ удивительномъ эстетическомъ чутьѣ и изысканномъ вкусѣ самого Леонтьева. Впрочемъ, чувство красоты и гармоніи выражалось съ поразительной силой и напряженностью не только въ его писаніяхъ; ибо, если искать основного начала и объясненія во всей его бурной и разнообразной жизни, то единственнымъ принципомъ, объединяющимъ и объясняющимъ все, является именно эстетизмъ, который, по словамъ К. Агѣева, „былъ, въ собственномъ смыслѣ, религіей Леонтьева“. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный анализъ эстетическаго міровоззрѣнія Леонтьева (прекрасную трактовку его біографіи и ученія съ этой точки зрѣнія можно найти въ диссертациі св. К. Агѣева: „К. Н. Леонтьевъ, какъ религіозный мыслитель“, въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“, 1909 г. № 4, 5, 6, 7, 8). Отметимъ только нѣкоторые психологическія черты, объясняющія намъ его методологію въ оцѣнкѣ прогресса и культуры.

Натура Леонтьева принадлежитъ къ числу необыкновенно цѣльныхъ. Последовательность его ума есть только частный случай той грандіозной односторонности, которую мы встрѣчаемъ у него въ политикѣ, какъ въ религіи, въ философіи, какъ въ жизни. Эстетизмъ, какъ основное начало его жизни и воззрѣній, естественно, не могъ оставить въ его сознаніи мѣста какой-либо другой цѣнности, съ точки зрѣнія которой онъ воспринималъ бы жизнь. Поэтому, наряду съ удивительно чуткимъ и развитымъ чувствомъ красоты, мы встрѣчаемъ у Леонтьева почти полную атрофію моральнаго чувства. Даже всѣ его *этические* построенія (чрезвычайно ригористическія) носятъ отраженный характеръ и, если не являются непосредственнымъ примѣненіемъ къ жизни эстетическихъ требованій, то вытекаютъ, какъ необходимыя слѣдствія, изъ посылокъ религіи, государственности, быта, которыя, въ свою очередь, являются возможными и обоснованными, только благодаря эстетикѣ.

Этотъ природный аморализмъ былъ подмѣненъ самимъ Леонтьевымъ, который и засвидѣтельствовалъ его слѣдующими словами: „я уже съ ранней молодости привыкъ требовать отъ людей больше личной характеристики, изящества, выразительности и силы, чѣмъ нравственной безупречности или какой-нибудь невозможной на землѣ неизмѣнности добрыхъ качествъ.“¹⁾

„Сознаюсь, у меня часто поэзія брала верхъ надъ моралью, но не по недостатку естественной доброты и честности (онъ былъ силенъ отъ природы во мнѣ), а вслѣдствіе исключительнаго эстетическаго міровоззрѣнія.“²⁾

„Тогда (въ 1862 г.) революція мнѣ правила; но, припоминая теперь свои тогдашнія чувства, я вижу, что мнѣ въ то время правила только эстетическая сторона этихъ революцій: опасность, вооруженная борьба, сраженія и „баррикады“ и проч. О *средѣ* или *пользѣ* революцій и о послѣдствіяхъ ихъ я думалъ въ тѣ молодые годы гораздо меньше...“

Я, самъ того не сознавая, любилъ въ гражданскихъ смутахъ ихъ боевую сторону, и мятежи народные нравились моему сильному воображенію не по цѣли, а развѣ по драматичности, и я въ исторіи и въ романахъ всегда бывалъ радъ усмиренію мятежей. Пусть они будутъ, но чтобъ ихъ умирляли!“³⁾

¹⁾ Цитировано по Грифодову: „Судьба Леонтьева“. „Русская Мысль“, 1913, кн. 2.

²⁾ Изъ письма А. А. Александрову, отъ 24/VIII 1888 г. „Богословскій Вѣстн.“, 1914, т. I, стр. 456.

³⁾ Изъ письма А. А. Александрову, „Русск. Вѣстн.“, 1892, стр. 142.

Однако, не слѣдуетъ думать, что эстетическій критерій игралъ у Леонтьева доминирующую роль только въ политикѣ и социальныхъ построенияхъ, въ которыхъ нашъ мыслитель всегда двигался съ наибольшей свободой и независимостью отъ общепринятыхъ и предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Гораздо болѣе того: мы осмѣлились бы утверждать, что эстетическое отношеніе къ жизни являлось рѣшающимъ началомъ всѣхъ мыслей и всей дѣятельности Леонтьева, и что въ его теоріи и положенія, въ концѣ концовъ, такъ или иначе зависятъ отъ оцѣнокъ ихъ объектовъ съ точки зрѣнія эстетизма. Даже религія, ради которой Леонтьевъ разбилъ свою полную разнобразія и интереса жизнь—и та представляется ему подъ знакомъ красоты. „Истинное христіанство тѣмъ и божественно, что въ немъ все есть: и высшая этика (которая, однако, совершенно разнѣмывается авторомъ въ предыдущемъ изложеніи; прим. Л. З.), и залоги глубочайшей государственной дисциплины, и всякая поэзія: и поэзія нищаго въ лохмотьяхъ, поющаго Лазаря, и поэзія владыки, сіяющаго золотомъ и „честнымъ каменіемъ“¹⁾

Эстетична религія Леонтьева; эстетично его монашеское уединеніе на Афонѣ и полная своеобразной поэзіи жизнь въ Оптиной Пустыни. И, если въ старости онъ и признавалъ всю свою прежнюю, полную эстетическихъ наслажденій, а бы сказалъ, насыщенную эстетизмомъ, жизнь безнравственной и порочной, то причины этому надо искать не только въ мотивахъ вѣры и спасенія,²⁾ но скорѣе въ томъ большемъ эстетизмѣ, который открылся ему въ положительной религіи и ея культѣ. „Изъ человѣка съ широко и разносторонне развитымъ воображеніемъ только поэзія религіи можетъ вытравить поэзію изыщной безнравственности“³⁾

Эстетизмъ, вѣрнѣе эстетство, было въ Леонтьевѣ такъ сильно, что вся его жизнь, до мелочей включительно, проходила у него въ зависимости отъ красоты ея формъ и гармоній частей. Такъ, идя къ Тургеневу, кумиру своихъ юношескихъ увлеченій, Леонтьевъ ужасно боится „встрѣтить человѣка негоднаго въ герои, некрасиваго, скромнаго, небогатаго, однимъ словомъ, жалкаго труженника, которыхъ видъ и тогда уже прибавлялъ яду въ мои внутреннія язвы. Терпѣть не могъ я смолоду безцвѣтности, скуки и буржуазнаго плебейства, хотя и считалъ себя крайнимъ демократомъ“⁴⁾.

Страхи Леонтьева на этотъ разъ, однако, не оправдались, и онъ „былъ пріятно пораженъ и тѣмъ, что росту Тургеневъ былъ почти огромнаго, и тѣмъ, что у него... улыбка обворожительная, профиль немного грубъ и рѣзокъ, но рѣзокъ барски и прекрасно, и тѣмъ, что.... руки у него, какъ слѣдуетъ, красивыя, des mains soignées, большія мужскія руки“⁵⁾

Всѣ эти данныя сразу бросаются въ глаза двадцатилѣтнему начинающему романисту, пришедшему за совѣтомъ и помощью къ большому художественному авторитету, надъ произведеніями котораго, онъ, по собствен-

¹⁾ „Вост. Рос. и сл.“. т. II. стр. 278.

²⁾ Моментъ личнаго спасенія и страха загробныхъ мукъ, „трансцендентный эгоизмъ“, какъ его называлъ Леонтьевъ, какъ мотивъ религіозной жизни, является въ высшей степени интереснымъ объектомъ для анализа и критики религіозной психологіи вообще и міровоззрѣнія Леонтьева, въ частности.

³⁾ Изъ письма къ А. А. Александрову, отъ 24/VIII 1887 г. „Богословскій Вѣстникъ“, 1914, т. I, стр. 456.

⁴⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ“. „Русск. Вѣстн.“ 1888, книга II, стр. 98.

⁵⁾ ib. стр. 116.

ному признанію, „буквально плакалъ“. Этическое-эмоціональная сторона была, видимо, совершенно чужда Леонтьеву, „объективность никогда не покидала его“ (ів.), и гармонія красоты всегда производила на него болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе. „Если бы Тургеневъ принялъ меня дурно,“ говорилъ онъ, „то я за его вышность полюбилъ бы его; ибо мнѣ было пріятно быть обязаннымъ человѣку, который мнѣ такъ нравился. Я радовался даже и тому, что онъ богатъ. Все некрасивое, жалко бѣдное, болѣзненное съ виду ужасно подавляло меня тогда.“ Если мы сравнимъ съ этими юношескими воспоминаніями его послѣдніе годы, когда онъ, живя въ Оптиной Пустыни (онъ жилъ тамъ въ отдѣльномъ домѣ съ своей психически больной женой, тремя слугами—полупомѣшницей, полумонашеской жизнью) и простаивая цѣлыя ночи въ церкви, соблюдая строжайшимъ образомъ посты и вообще стремясь къ полному усвоенію монастырскаго устава, тѣмъ не менѣе, продолжалъ „любить работать слегка, порхая по цвѣточкамъ чужого ума,“ всячески избѣгая „быть честнымъ труженникомъ, что совѣмъ не въ моемъ вѣку“ и даже отчасти не въ правилахъ моихъ,¹⁾ и до такой степени не выносилъ ничего нѣстетичнаго, что „училъ хорошимъ манерамъ не только слугъ своихъ, но даже нищихъ, обращавшихся къ нему за подаваніемъ и обыкновенно не встрѣчавшихъ отказа“²⁾—то мы поймемъ, сколь сильна и глубока была въ его душѣ эта любовь къ изящному и красивому. И съ этой точки зрѣнія становятся понятными странныя на первый взглядъ слова Леонтьева о томъ, что „мы и многоженца микадо очень уважали до тѣхъ поръ, пока онъ не надѣлъ цилиндръ... Какой же это прогрессъ, когда скоро уже нельзя будетъ на картинѣ представить.“³⁾

Послѣдняя фраза чрезвычайно характерна для мышленія Леонтьева: *картинность*, вышняя красивость, гармонія и разнообразіе частей—вотъ что цѣнилъ онъ въ жизни, и въ искусствѣ, и въ природѣ. И съ этой точки зрѣнія, вышность всегда играетъ у него огромную роль.

„Мужская европейская одежда, не только статская, но и военная, какъ извѣстно всякому, рѣшительно непригодна ни для живописи ни для ваянія. Лорда Бруммера, который (если память не измѣняетъ мнѣ) изобрѣлъ такъ называемыя „панталоны“, конечно, нельзя назвать благодѣтелемъ рода человѣческаго“⁴⁾, ибо онъ упростилъ, обезцвѣтилъ и опошлилъ форму одежды до такой степени, что теперь „даже мысль о высокомъ геройствѣ не можетъ заставить забыть насъ о бочкѣ на двухъ бревнахъ“, въ которую цивилизація обратила повсюду „образъ и подобіе Божіе“, такъ что мы не знаемъ, какъ представить военныхъ людей, не прибѣгая къ аллегоріи или фантастическимъ какимъ-нибудь мантиямъ“⁵⁾.

Съ послѣдними замѣчаніями Леонтьева нельзя, впрочемъ, не согласиться, особенно, если вспомнить пышныя одежды XVIII вѣка, полныя строгой простоты костюмы XVII вѣка и еще болѣе изысканные и элегантныя покроя эпохи Ренессанса.

Эстетизмъ Леонтьева, зацѣпившій все его сознаніе и ставшій единственнымъ критеріемъ и мѣриломъ жизни, нерѣдко приводилъ его къ страннымъ и уродливымъ мыслямъ, за которыя онъ справедливо укорялъ себя въ послѣдствіи. Такъ, описывая „слишкомъ тонкую эстетику свою“ въ мо-

¹⁾ Изъ письма къ А. А. Александрову, отъ 12/V 1888, „Богослов. Вѣстн“. 1914, стр. 276.

²⁾ Ів. т. I, примѣч. А. А. Александрова на стр. 463.

³⁾ Вост., Рос. и сл.“. т. II, стр. 460.

⁴⁾ Ів. т. II, стр. 314.

⁵⁾ Ів. стр. 115.

лодости, онъ признаетъ, что она доходила до того, что онъ считалъ, „что поэтъ, художникъ и т. п. не долженъ имѣть никакихъ этихъ братьевъ, сестеръ и т. д. Можно имѣть мать, ну, пожалуй, почтеннаго отца... Но братья, сестры... Особенно братья... Да еще старшіе... Это несносно... Нужно мнѣ было дойти до 40 лѣтъ и пережить крутой переломъ, возвратившій меня къ *положительной* религіи, чтобы я былъ въ силахъ вспомнить, что привязанность къ роднымъ имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣе христіанское, чѣмъ дружба съ чужими по своевольному избранію сердца и ума“¹⁾).

Однако, мы уже знаемъ, что и религія Леонтьева тоже не была чужда эстетизма, что въ положительной религіи для него главнымъ были красоты положительнаго конкретнаго культа (красота формъ!), и что поэтому его позднѣйшее раскаяніе есть не критика эстетизма, какъ принципа, но только замѣна однихъ его формъ другими.

III.

Содержаніе эстетическаго критерія.

При такомъ значеніи, эстетическое начало, естественно, не можетъ ограничиться тѣми рамками индивидуальнаго вкуса и склонности, которыя мы привыкли ассоціировать съ понятіемъ „эстетическаго воззрѣнія“. Въ качествѣ мѣрила абсолютнаго, эстетика, естественно, должна имѣть свое опредѣленное содержаніе, свой канонъ, не имѣющій ничего общаго съ тѣми художественными вкусами, о которыхъ, какъ извѣстно, „non est disputandum“.

Такимъ образомъ, для Леонтьева возникаетъ необходимость найти и формулировать содержаніе понятія эстетическаго, и притомъ такъ, чтобы оно удовлетворяло требованіямъ общезначимости и строгой необходимости.

Эта задача рационализаціи эстетики блестяще выполнена Леонтьевымъ въ его формулированіи принципа эстетики, какъ гармоніи въ сопряженіи противоположностей. Однородное и однообразное является, съ этой точки зрѣнія, полнымъ отрицаніемъ идеи красоты. Только гармонія можетъ быть прекрасной; но для того, чтобы существовала гармонія, необходимы *различія*, ибо въ ихъ соотношеніяхъ, борьбѣ и примиреніи она только и можетъ состоять. „Идеаломъ должно ставить не сліяніе, а тяготѣніе на заранѣе разсчитанныхъ разстояніяхъ“²⁾

Только совмѣщеніе противоположностей, взаимоотношеніе контрастовъ и разнообразіе оттѣнковъ способны создать эстетическій эффектъ. Поэтому онъ необходимо предполагаетъ множество враждебныхъ другъ другу моментовъ, пребывающихъ въ непрерывномъ несогласіи, ибо „гармонія не есть мирный униссонъ, а плодотворная, чреватая творчествомъ, по временамъ и жестокая борьба“³⁾ Однако, простая борьба частей, *bellum omnium contra omnes*—хаосъ, состояніе абсолютной анархіи, безыдейности и безобразія, и это состояніе враждебно идеѣ красоты, которая всегда ясна, законченна, совершенна. Поэтому, для того, чтобы борьба пріобрѣла эстетическій характеръ, необходимо, чтобы она подчинилась нѣкоторому прини-

1) „Тургеневъ въ Москвѣ“. „Русскій Вѣстникъ“, 1888, кд. II, стр. 126.

2) „Вост., Рос. и сл.“. т. I, стр. 132.

3) Тамъ же, т. I, стр. 162.

типу единства, который заключается въ томъ, что ни одна изъ враждующихъ частей не поглощаетъ другихъ, но пребываетъ въ вѣчномъ несогласіи съ равнодѣльными и равносильными ей моментами, образующими въ единствѣ и постоянствѣ своей противорѣчивости нѣкоторое стройное цѣлое.

Поэтому-то „государство держится не *одной свободой и не одними стѣсненіями* и строгостью, а неуловимой пока для социальной науки *гармоніей* между дисциплиной вѣры, власти, законовъ, преданій и обычаевъ, съ одной стороны, а съ другой—реальной свободой личностей.“¹⁾ „Смѣсь страха и любви—вотъ чѣмъ должны жить человѣческія общества, если они жить хотять.“²⁾

Или, какъ это прекрасно выразилъ В. В. Розановъ въ своей статьѣ о Леонтьевѣ: „Жить—значить стремиться, значить колебаться и искать, т. е. еще не знать; развиваться, переходить отъ несовершеннаго къ лучшему—значить все еще быть далекимъ отъ него, значить чувствовать страданіе, видѣть несправедливость, и, отвращаясь отъ нея, жаждавать противоположнаго, чего, однако, не видишь и только предчувствуешь, что неясно и непостижимо, хотя и влечетъ къ себѣ. Да, жизнь есть великая гармонія борющагося, и она продолжается и возрастаетъ, пока не наступитъ побѣда; какъ только эта цѣль достигнута, въ живое привходитъ смерть, какъ естественное завершеніе жизни.“³⁾

Этотъ принципъ гармоніи частей является строго всеобщимъ, „отъ минерала до самого всесвятѣйшаго человѣка“—поэтому понятно, что имъ можно руководствоваться какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни. И, если художественные контрасты не возбуждаютъ въ насъ особеннаго удивленія ни въ живописи ни въ музыкѣ, то своеобразіе и цѣнность Леонтьева заключается въ томъ, что, перенеся эти принципы въ область не только социологии, но даже личной жизни, онъ старался „исполнять долгъ жизненной полноты, въ то время, какъ другіе исполняли долгъ честности.“⁴⁾

Въ этомъ отношеніи его жизнь на ближнемъ Востокѣ, брызжущемъ яркими красками патріархальныхъ нравовъ и эпического искусства, южнаго неба и пестрыхъ пятенъ разноплеменныхъ одеждъ—давала ему чрезвычайно благопріятный матеріалъ какъ для наблюденія, такъ и для приложенія своихъ эстетическихъ теорій.

„Только разнообразная жизнь Константинополя, гдѣ есть и отшельники на о. Халки, въ лесу, и гостинная Игнатіевыхъ, и политическая жизнь, и *поздняя обѣда*, и безконечный матеріалъ для литературы—только эта сложная жизнь могла удовлетворить мнѣ *нестерпимо* сложнымъ потребностямъ.“⁵⁾

И дѣйствительно, мы знаемъ, что это счастливое время его жизни было сплошь пронизано лучами красоты. „Занятія его были ему по вкусу—неспѣшныя, обдуманныя, по смыслу не пустыя, съ легкимъ и пріятнымъ жаломъ честолюбія... со шпитомъ патріотическаго долга“...⁶⁾ А о богатствѣ и изысканности личныхъ, интимныхъ переживаній нечего и говорить. Для этого достаточно заглянуть въ его великолѣпные романы.

Но гармонія требуетъ, первымъ долгомъ, мѣры, ибо побѣда одной изъ

¹⁾ „Вост., Рос. и сл.“. т. II, стр. 134.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 39.

³⁾ В. В. Розановъ. „Эстетическое пониманіе исторіи“. „Русск. Вѣстн.“. 1892, кн. I.

⁴⁾ Письма къ Губастову. „Русское Обозрѣніе“, 1894, кн. 9, стр. 367.

⁵⁾ „Египетскій голубь“. „Русск. Вѣстникъ“, 1881, кн. 5, стр. 226.

противоположностей означаетъ раствореніе въ ней всѣхъ другихъ, сліяніе, обезличиваніе, униссонъ и, тѣмъ самымъ, прекращеніе борьбы, а, слѣдовательно, и самой гармоніи и красоты.

И, можетъ быть, не случайно Леонтьевъ послѣ 8-лѣтней беззаботной, легкой и красивой, чисто эстетической жизни на Востоке оторвался отъ нея „безъ пресыщенія, безъ горечи, безъ всякой примѣси того яда, который таится почти всегда на днѣ благоухающаго сосуда восторженной любви“¹⁾.

Такимъ образомъ, содержаніе эстетическаго критерія строго установлено и выражено въ точной рациональной формулѣ. Аксиологическій моментъ введенъ въ социальную науку, и, анализируя человѣческую исторію и жизнь, мы уже не стоимъ передъ ней въ качествѣ постороннихъ и безстрастныхъ наблюдателей, но ищемъ въ ней эстетическаго совершенства, красоты и гармоніи, выражающихся въ единомъ принципѣ *примиренія противоположностей въ высшемъ синтезѣ гармоническаго единства*.

IV.

Теорія тріединого процесса.

Съ гносеологической стороны, методъ, которымъ пользуется Леонтьевъ при построеніи своей социологической доктрины, можетъ быть названъ чисто конструктивнымъ. Въ основѣ его построенія лежитъ опредѣленная схема, сконструированная имъ отчасти на основаніи данныхъ біологическаго и историческаго опыта, но, главнымъ образомъ, состоящая изъ чисто логическихъ посылокъ: эта конструкція является для него своего рода трансцендентальной схемой социальнаго знанія и примѣняется ко всѣмъ областямъ жизни, ибо, по собственнымъ словамъ Леонтьева:

„Она свойственна и небеснымъ тѣламъ, и исторіи развитія минеральной коры, и характерамъ человѣческимъ: ясна въ ходѣ развитія искусствъ, школъ живописи, музыкальных и архитектурныхъ стилей, въ философскихъ системахъ, въ исторіи религій и, наконецъ, въ жизни племенъ, государственныхъ организаций и цѣлыхъ культурныхъ міровъ“²⁾.

Въ этой мощной систематичности мы опять встрѣчаемся съ той грандіозной односторонностью и неумолимой послѣдовательностью Леонтьева, которая заставила его признать только эстетику мѣриломъ, годнымъ для всего, тогда какъ „эстетика можетъ служить критеріемъ только для единовѣрцевъ, этика и политика—только для человѣка, біологія—только для органическаго міра“.

Схема, служащая Леонтьеву для анализа и оцѣнки всего сущаго, естественно, не можетъ быть разсматриваема, какъ данная ему въ опытѣ.

Правда, въ его социологическихъ размышленіяхъ мы все время встрѣчаемся съ приемами врача, съ любовью и знаніемъ прибѣгающаго къ примѣрамъ, взятымъ изъ медицинской сферы, и даже самую социологію характеризующаго, какъ „патологическую науку“. И, тѣмъ не менѣе, въ Леонтьевѣ-соціологѣ мы меньше всего можемъ видѣть естествовика, ибо са-

¹⁾ „Египетскій голубь“. „Русскій Вѣстникъ“, 1882, кв. 10, стр. 667.

²⁾ „Вост. Рос. и сл.“, т. I, стр. 140.

мый характеръ его чисто аксіологическаго мышленія, самый методъ его логическаго анализа понятій и ихъ взаимоотношеній носитъ чисто диалектическій конструктивный характеръ. Сообразно съ общимъ требованіемъ этой конструктивной методологии, научная задача Леонтьева рѣзко разбивается на двѣ части: 1) теоретическую—построеніе трансцендентальной схемы, и 2) практическую—примѣненіе этой схемы къ реально данному матеріалу. Первая задача выполнена имъ въ ученіи о тріединомъ процессѣ развитія и разложенія (ученіи, которымъ онъ особенно гордился, считая его научнымъ коррелятомъ къ теоріи культурныхъ типовъ Данилевскаго); вторая—въ его удивительной философіи исторіи и культуры, разсматривающей и оцѣнивающей идеологию и культуру XIV вѣка съ точки зрѣнія этой схемы. Этимъ обстоятельствомъ предудказывается путь къ дальнѣйшему изученію соціологическаго построенія Леонтьева, поскольку всѣ его части, разбросанныя въ его публицистическихъ и иныхъ статьяхъ, составляютъ недѣлимое научное цѣлое.

Первой задачей Леонтьева является построеніе такой схемы, которая обладала бы одинаковой значимостью для всѣхъ областей жизни и, вслѣдствіе этого, была бы совершенно независима отъ какого бы то ни было частнаго и конкретнаго явленія.

Но... „всякое знаніе начинается съ опыта“, и Леонтьевъ, для выявленія контуровъ своей соціологической конструкціи, принужденъ прибѣгнуть къ біологическимъ и медицинскимъ даннымъ. Однако, картины органическихъ процессовъ и болѣзней, которыя онъ намъ рисуетъ съ поразительной выпуклостью и пластичностью, имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ простые аналогіи и уподобленія. Они служатъ только матеріаломъ, средствомъ для изображенія и изученія основныхъ схемъ, которыя „не происходятъ изъ опыта“, ибо предшествуютъ ему и лежатъ въ самомъ основаніи всей системы. „Спѣшу сознаться“, пишетъ Леонтьевъ по поводу своего блестящаго анализа процесса, сопровождающаго болѣзнъ воспаленія легкихъ, „что я имѣю здѣсь претензію на нѣчто гораздо *большее, чѣмъ уподобленіе*: я имѣю претензію предложить нѣчто вродѣ гипотезы для соціальной или для исторической науки. Правъ ли я, или нѣтъ, хорошо ли я выразилъ мою мысль, или худо—это другой вопросъ. Я хочу только предупредить, что дѣло здѣсь не въ уподобленіяхъ, а въ желаніи указать на то, что законы развитія и паденія государствъ, повидимому, въ общихъ чертахъ однородны не только съ законами органическаго міра, но и вообще съ законами возникновенія, существованія и гибели (Entstehen, Dasein und Vergehen) всего того сущаго, что намъ доступно“.¹⁾

Такимъ образомъ, не схема слѣдуетъ изъ опыта, но, наоборотъ, данный опытъ существуетъ, исключительно благодаря воплощенію въ безформенной матеріи опредѣленной схемы, которая имѣетъ надъ опытомъ гносеологическій пріоритетъ. Въ научномъ же мышленіи опытъ является только поводомъ для конструирования схемы и, если и играетъ какую-либо роль, то исключительно въ психологическомъ отношеніи. Ибо для того, чтобы „отъ этихъ краткихъ, сухихъ отмѣтокъ медика у постели умирающаго перебросить мостъ къ всемірно-историческимъ цивилизаціямъ и понять одно въ нихъ, какъ въ процессахъ природы—для этого требовалось въ своемъ родѣ такое же движеніе мысли, какъ то, которое заставило, по преданію,

¹⁾ „Вост., Рос. и сл“. т. I, стр. 138.

Ньютона поднять взоръ отъ падающаго яблока къ небеснымъ свѣтиламъ и сказать: „они тоже падаютъ“. ¹⁾

Вліяніе естественно-научныхъ методовъ оказывается, такимъ образомъ, въ ходѣ мышленія Леонтьева очень незначительнымъ. Главную роль у него играетъ діалектика, та логичность, которую онъ справедливо противопоставлялъ магическому дѣйствію на насъ нѣкоторыхъ понятій, каковы прогрессъ или свобода.

Что же касается опыта и фактовъ, то Леонтьевъ могъ бы свободно обойтись даже безъ этой видимости индуктивнаго изслѣдованія, если бы въ этому его не побуждали нѣкоторые особенности его духовной жизни.

„Я по складу ума болѣе живописецъ, чѣмъ діалектикъ“, говоритъ онъ, „болѣе художникъ, чѣмъ философъ; я не довѣряю вообще слѣшкомъ большой послѣдовательности мысли, ибо думаю, что послѣдовательность ума никогда за ея скрытою нитью вездѣ не поспѣетъ.“ ²⁾

Велѣдствіе этого, для выявленія своихъ схемъ Леонтьевъ нуждается во внѣшнихъ образахъ, въ художественномъ матеріалѣ, каковой и находитъ въ хорошо знакомой ему медицинской сферѣ. Но ни о какомъ индуктивномъ изслѣдованіи и естественно-научномъ построеніи социологіи здѣсь рѣчи быть не можетъ. Методологія Леонтьева складается изъ двухъ моментовъ: 1) изъ трансцендентальной схемы, въ которую укладываются всѣ изучаемые имъ объекты, и 2) изъ трансцендентальной цѣнности, съ точки зрѣнія которой они оцѣниваются. Вторая намъ уже извѣстна: это эстетизмъ. Посмотримъ же, что представляетъ изъ себя первая, въ какихъ формахъ рисуется Леонтьеву „возникновеніе, существованіе и гибель всего сущаго“.

Приступая къ анализу понятія прогресса, Леонтьевъ, первымъ деломъ, устанавливаетъ многозначность этого термина въ обыденномъ словоупотребленіи и выдѣляетъ одно изъ его значеній, содержаніе котораго и вкладается имъ въ основаніе его социологической конструиціи.

„Что значить слово „развитіе“ вообще? Его недаромъ употребляютъ безпрестанно въ наше время. Человѣческій умъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, на хорошей дорогѣ, онъ прилагаетъ, можетъ быть, очень вѣрно, идею, выработанную реальными, естественными науками, къ жизни психической, къ исторической жизни отдѣльныхъ людей и обществъ.“

„Все это хорошо.“

„Однако, есть при этомъ и ошибки: именно, при внимательномъ разборѣ, мы видимъ, что слово „развитіе“ иногда употребляется для обозначенія вовсе разнородныхъ процессовъ или состояній. Такъ, напримѣръ, *развитый* человѣкъ часто употребляется въ смыслѣ *ученый*, начитанный или *образованный* человѣкъ. Но это совсѣмъ не одно и то же. Образованный, сформированный, выработанный разнообразно человѣкъ и человѣкъ ученый — понятія разныя. Фаустъ — вотъ развитый человѣкъ, а Вагнеръ Гете — *ученый*, но вовсе не развитый.“

„Еще примѣръ. Развитіе грамотности въ народѣ, мнѣ кажется, вовсе не подходящее выраженіе. *Распространеніе*, развитіе грамотности — дѣло другое. *Распространеніе* грамотности, *распространеніе* пьянства, *распространеніе* холеры, *распространеніе* благонравія, трезвости, бережливости, *распространеніе* желѣзныхъ путей и т. д. Всѣ эти явленія представляютъ намъ развитіе чего-то однороднаго, общаго, простаго.“ ³⁾

Такимъ образомъ, изъ содержанія понятія развитія исключаются всѣ процессы, являющіеся результатами количественныхъ измѣненій. Во всѣхъ

¹⁾ В. В. Розановъ. „Теорія историческаго прогресса и упадка“. „Русск. Вѣст“, 1892, кн. 3, стр. 290.

²⁾ Изъ письма къ о. І. Н. Фуделю. „Русское Обозрѣніе“, 1895.

³⁾ Вост., Рос. и сл., т. I, стр. 136.

приведенныхъ примѣрахъ, этотъ количественный моментъ является общимъ и совершенно одинаковымъ, несмотря на всю кажущуюся ихъ разнородность и несоизмѣримость. Вагнеръ—ученъ, потому что онъ знаетъ *много*; хороши ли его познанія, глубоки ли они, связаны ли въ единую систему—этого понятіе „ученый“ не указываетъ; въ его содержаніе входитъ только количественное множество, которое, взятое въ себѣ, часто бываетъ причиной того, что очень ученые люди сплошь и рядомъ оказываются удивительно глупыми.

Грамотность считается распространенной тогда, когда *много* людей умѣетъ читать и писать. Насколько они грамотны, ограничиваются ли ихъ познанія знаніемъ буквъ и умѣемъ составлять изъ нихъ слова, или же они захватываютъ нѣчто большее—это понятіемъ „распространенной грамотности“ также не указывается.

Количественный характеръ этого понятія столь ясенъ, что позволяетъ непосредственное численное выраженіе въ процентномъ исчисленіи грамотности. Совершенно то же относится и къ распространенію пьянства, трезвости, благонравія, бережливости.

Что касается холеры, то подъ ея распространеніемъ Леонтьевъ имѣетъ въ виду процентъ заболѣваемости въ данной однородной социальной средѣ, т. е. ея количественное распространеніе среди населенія, въ отличіе отъ подлиннаго ея „развитія“ въ индивидуальномъ человеческомъ тѣлѣ, гдѣ она претерпѣваетъ качественныя измѣненія, принимая съ каждымъ моментомъ все новыя и новыя формы.

Такимъ образомъ, процессъ развитія (прогресса) долженъ быть совершенно элиминированъ отъ какихъ бы то ни было количественныхъ измѣненій.

Обращаясь къ противоположнымъ категоріямъ качества и отношенія, Леонтьевъ опредѣляетъ процессъ развитія, какъ, „постепенное восхожденіе отъ простѣйшаго въ сложнѣйшему, постепенную индивидуализацію, обособленіе, съ одной стороны, отъ окружающаго міра, а съ другой стороны—отъ сходныхъ и родственныхъ организмовъ, отъ всѣхъ сходныхъ и родственныхъ явленій; какъ постепенный ходъ отъ безпѣвности, отъ простоты—къ оригинальности и сложности; постепенное осложненіе элементовъ составныхъ, увеличеніе богатства внутренняго и въ то же время постепенное укрѣпленіе единства“.¹⁾

Опредѣленіе это очень сложно и трудно.

Простая ссылка на понятіе качественного измѣненія ни объяснить ни исчерпать его не можетъ; ибо, наряду съ качествами индивидуальности, сложности своеобразія, мы видимъ въ немъ упоминаніе въ высшей степени сложныхъ процессовъ, какъ-то: увеличенія внутренняго богатства, осложненія составныхъ элементовъ, укрѣпленія единства цѣлаго.

Можетъ быть, примѣры, приводимые Леонтьевымъ для иллюстраціи и объясненія своей схемы, помогутъ намъ разобраться въ ея сложной структурѣ, или, по крайней мѣрѣ, укажутъ на тѣ понятія, которыя являются ея необходимыми предпосылками и, вслѣдствіе этого—ключомъ къ ея пониманію.

Процессъ развитія ясныѣ всего можно наблюдать, на примѣръ, въ органической жизни. Всякая жизнь, начиная съ простѣйшихъ растений и кончая высокоорганизованными существами, по мѣрѣ своего развитія, претерпѣваетъ тотъ

¹⁾ „Вост., Росс. и сл.“. Т. I, стр. 137.

же процессъ индивидуализаціи **какъ** своихъ отдѣльныхъ частей, такъ и цѣлаго. Первое подтверждается гистологическими изслѣдованіями тканей, второе можно наблюдать непосредственно, сравнивая тѣ же организмы другъ съ другомъ и сами съ собой въ разные моменты ихъ жизни.

„Яички всѣхъ самокъ и внутренне мало сложны, и ближе къ организму матери, чѣмъ будутъ близки зародыши, и сходятъ со всякими другими животными и растительными первоначальными ячейками. Разные животные зародыши *отдѣльные* яичекъ, имѣютъ *больше* ихъ микроскопическихъ *отличій* другъ отъ друга, они уже менѣе сходны. Утробные зрѣлые плоды еще *разнороднѣе* и еще болѣе *отдѣльны*. Это оттого, что они и сложнѣе и единѣе, т. е. развитѣе. Младенцы, дѣти — еще сложнѣе и разнороднѣе: юноши, взрослые люди, до впаденія въ дряхлость, еще и еще развитѣе. Въ нихъ все больше и больше (по мѣрѣ и степеніи развитія) сложности и внутренняго единства, и потому больше отличительныхъ признаковъ, больше независимости отъ окружающаго, больше своеобразія, самобытности.“¹⁾

До сихъ поръ Леонтьевъ оперируетъ съ фактами; однако, онъ не ограничиваетъ дѣйствія этого закона сферой *отдѣльныхъ* организмовъ и переноситъ его на болѣе сложные единства, постулируя, такимъ образомъ, новыя чисто ноэтическія соединенія:

„Этотъ законъ относится не только къ организмамъ, но и къ частямъ ихъ, къ системамъ (нервной, кровеносной и т. д.); относится къ процессамъ нормальнымъ и патологическимъ; даже и къ тѣмъ идеальнымъ, научнымъ собирательнымъ единицамъ, которыя зовутся: видъ, родъ, классъ и т. д. Чѣмъ выше, чѣмъ развитѣе видъ, родъ, классъ, тѣмъ разнообразнѣе *отдѣлы* (части, ихъ составляющія), а собирательное цѣлое все-таки весьма едино и естественно“.

Итакъ, научная методологія требуетъ, по мнѣнію Леонтьева, интегральнаго отношенія къ произвольно выдѣленнымъ „идеальнымъ, научнымъ и собирательнымъ единицамъ.“ Каждая изъ нихъ, несмотря на всю свою сложность и, можетъ быть, искусственность, разсматривается, какъ цѣлое, какъ единство. Она не разлагается на составныя части, не распадается на элементы, но принимается, какъ самодовлѣющее соединеніе, которое, въ качествѣ таковаго, является носителемъ присущихъ ему качествъ, измѣннѣй и особенностей.

Такія единства правильнѣе всего называть индивидуумами.

Правда, подобное словоупотребленіе не совпадаетъ съ обычнымъ пониманіемъ этого термина, какъ чего-то способнаго двигаться, безъ потери и измѣненія составляющихъ его частей; однако, логически эта терминологія является совершенно оправданной и послѣдовательной. Индивидуумъ есть то, что не можетъ быть раздѣлено на составляющія его части. Но въ физическомъ отношеніи, кромѣ атомовъ, нѣтъ ничего недѣлимаго, и, если брать это конституирующее понятіе индивидуума, дѣленіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, то индивидуумовъ вообще нѣтъ и не можетъ быть. Поэтому ясно, что, если это понятіе должно быть введено въ научную терминологию, то признакъ *дѣлимости* долженъ быть *понимаемъ* не въ физическомъ или математическомъ смыслѣ, но въ смыслѣ логическомъ и условномъ; онъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ *prorogium* даннаго единства, которое, вслѣдствіе этого, теряетъ свое наименованіе, какъ только мы, вопреки его логической недѣлимости, разлагаемъ его на элементы, или выдѣляемъ какую-либо отдѣльную часть его. Такъ, коллегія теряетъ свое значеніе коллегіи, если въ ней отсутствуетъ необходимый *кворумъ*,

¹⁾ „Вост. Росс. и сл“. Т. I, стр. 139-140.

группа офицеровъ или солдатъ, взятыхъ въ отдѣльности, никогда не сможетъ составить цѣльной боевой единицы, поскольку послѣдняя всегда предполагается изъ распоряжающихся и исполняющихъ, а не тѣхъ или другихъ, отдѣльно взятыхъ.

Вслѣдствіе этого, изучая тѣ или иные явленія или ихъ группы, какъ нѣчто единое, цѣлое, *измѣняющееся* (ибо измѣняться можетъ только *нѣчто*), чѣмъ бы онѣ ни были: отдѣльными организаціями, патологическими процессами, социальными соединеніями, наконецъ, отдѣльными культурами и цѣлыми мірами—мы всегда разсматриваемъ ихъ въ качествѣ индивидуумовъ, недѣлимыхъ и неразложимыхъ въ своемъ діалектическомъ единствѣ. Такимъ образомъ, проблема единства и множества въ социальной жизни преодолѣна, и намъ остается изслѣдовать тотъ принципъ, который заставляетъ насъ связывать въ единое индивидуальное цѣлое отдѣльные моменты, которые, при иномъ разсматриваніи, могутъ быть восприняты, какъ совершенно несвязанные и независимые другъ отъ друга.

На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ ученіи Леонтьева о матеріи и формѣ.

Подъ матеріей мы должны въ данномъ случаѣ понимать не то, что вкладывается въ содержаніе этого понятія въ физикѣ или естествознаніи, но чисто логическую категорію субстрата—того, что служить для образованія того или иного объекта. Съ этой точки зрѣнія, матерія должна быть мыслима, какъ нѣчто безвидное, безформенное и не имѣющее никакихъ качествъ, кромѣ способности воплощать ту идею, которая будетъ ей придана соответствующей формой. „Форма же есть выраженіе идеи, заключенной въ матерію (содержаніе). Она есть отрицательный моментъ явленія, матерія—положительный. Въ какомъ это смыслѣ? Матерія, наприимѣръ, данная намъ, есть стекло, форма явленія—стаканъ, цилиндрическій сосудъ, полный внутри; тамъ, гдѣ кончается стекло, тамъ, гдѣ его уже нѣтъ, начинается воздухъ вокругъ, или жидкость внутри сосуда; дальше матерія *стекла* на можетъ идти, не смѣетъ, если хочеть, остаться вѣрной основной идеѣ своей полаго цилиндра, если не хочеть перестать быть стаканомъ.“ Такимъ образомъ, „форма есть *деспотизмъ внутренней идеи, не дающій матеріи разбѣгаться*. Разрывая узы этого естественнаго деспотизма, явленіе гибнетъ. Шарообразная или эллиптическая форма, которую принимаетъ жидкость при нѣкоторыхъ условіяхъ, есть форма, есть деспотизмъ внутренней идеи. Кристаллизація есть деспотизмъ внутренней идеи. Одно вещество должно, при извѣстныхъ условіяхъ, оставаться само собой, кристаллизоваться призмами, другое октаэдрами и т. д.

Иначе они не смѣютъ, иначе они гибнутъ, разлагаются.

Растительная и животная морфологія есть не что иное, какъ наука о томъ, какъ оливка *не смѣетъ* стать дубомъ, какъ дубъ *не смѣетъ* стать пальмой и т. д.; имъ съ зерна представлено имѣть такіе, а не другіе листья, такіе, а не другіе цвѣты и плоды.

Человѣкъ, выскывая изъ камня или выливая изъ бронзы (изъ матеріи) статую человѣка, вытачивая изъ слоновой кости шаръ, склеивая и сшивая изъ доскутковъ искусственный цвѣтокъ, влагаетъ извнѣ въ матерію свою идею, подкарауленную имъ у природы¹⁾.

Въ качествѣ наиболѣе абстрактнаго понятія, форма является необходи-

¹⁾ „Вост., Рос. и сл“. Т. I. стр. 144.

мымъ составнымъ моментомъ всего сущаго; она есть подлинная категорія всякаго мышленія, и поэтому изучить что-либо, понять какое-либо явленіе въ его подлинности—значитъ найти и установить его форму. Поэтому все мышленіе Леонтьева можетъ быть охарактеризовано, какъ *морфологическое*; единственнымъ важнымъ для него принципомъ во всехъ объектахъ его вниманія является форма.

Теперь становится понятнымъ и процессъ образованія сложныхъ индивидуумовъ изъ первоначальныхъ дискретныхъ частей. Последнія, взятая въ себя, служатъ только матеріей, а, воплощая опредѣленную форму, теряютъ свою индивидуальность, образуя въ своей совокупности новое диалектически недѣлимое цѣлое. Съ этой точки зрѣнія, изучая индивидуумъ какого-либо высшаго порядка (напр., государство, культуру), мы должны совершенно позабыть о возможности самостоятельнаго существованія низшихъ индивидуумовъ (отдѣльныхъ людей, напр.) и разсматривать ихъ только въ качествѣ частей цѣлаго, то-есть, исключительно съ точки зрѣнія того значенія, которое они могутъ имѣть для этого высшаго диалектическаго индивидуума.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ болѣе точно опредѣлить *процессъ развитія*, описанный въ приведенной цитатѣ. Онъ есть не что иное, какъ все болѣе и болѣе полное, сильное и глубокое проявленіе и реализація формы въ данной матеріи. Такое пониманіе идеи развитія дѣйствительно содержитъ въ себѣ всѣ описанные выше моменты. Съ одной стороны, по мѣрѣ своей реализаціи, данная форма выступаетъ во все болѣе и болѣе рѣзкихъ контурахъ, отчетливо отграничиваясь отъ всего внѣшняго міра и постепенно принимая тѣ единственныя въ своемъ родѣ черты, которыя отличаютъ ее отъ родственныхъ и близкихъ ей формъ. Съ другой стороны, развивающаяся форма требуетъ для своего воплощенія все болѣе и болѣе усложненнаго матеріала—и отсюда происходитъ требованіе внутренняго богатства сложности частей и тому подобнаго. Эти два процесса въ полной мѣрѣ совмѣщаются другъ съ другомъ, благодаря тому, что измѣненіе частей является только средствомъ для развитія цѣлаго.

Вслѣдствіе этого, развившіяся части не распадаются, но, наоборотъ, служатъ къ еще болѣе тѣсному единству воплощаемой формы, которая въ высшей точкѣ своего развитія достигаетъ, такимъ образомъ, „высшей степени сложности, объединенной нѣкимъ внутреннимъ деспотическимъ средствомъ.“

Этотъ моментъ развитія разсматривается Леонтьевымъ, какъ время цвѣтенія и полнаго раскрытія силъ и способностей данной идеи. Онъ можетъ считаться апогеемъ всякой жизни, достиженіемъ ея высшей цѣли, поскольку она, наконецъ, воплотила въ себѣ ту идею, которая лежитъ какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ ея существованія.

Однако, значеніе этого момента должно быть оцѣнено еще и съ другой стороны. Ибо, если онъ опредѣляется по своей метафизической сущности, какъ maximum единства при maximum'ѣ сложности, то эта формула въ точности соответствуетъ требованію эстетическаго критерія—разнообразія въ единствѣ.

Такимъ образомъ, моментъ наиболѣе полнаго развитія жизни и адекватнаго воплощенія формы является не только центральнымъ съ біологической точки зрѣнія, но и наиболѣе прекраснымъ въ эстетическомъ отно-

шеніи. *Жизнь, развитіе, цвѣтеніе—прекрасны.* Моментъ наиболѣе полнаго напряженія силъ даннаго индивидуума, время его интенсивнѣйшей жизни, когда каждая его клѣтка дышитъ полною грудью и поетъ полнымъ голосомъ, и всѣ эти звуки сливаются въѣсть съ тѣмъ въ единую гармонію съ однимъ дыханіемъ жизни—является одновременно лучшимъ временемъ его жизни; лучшимъ во всѣхъ отношеніяхъ, ибо оно прекрасно эстетически, а художественное совершенство включаетъ въ себя всѣ остальные.

Этотъ моментъ недолговѣченъ. Усложненіе составныхъ частей индивидуума переходить тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ оно является стимуломъ къ вѣдшему ихъ взаимовыполненію въ охватывающемъ ихъ единствѣ. Развиваясь чрезмѣрно, эти неразрывные прежде элементы перестаютъ нуждаться другъ въ другѣ, становятся понемногу болѣе независимыми какъ одинъ отъ другого, такъ и отъ всей своей совокупности, и начинаютъ оказывать сопротивленіе той силѣ ихъ единенія, которая являлась носителемъ идеи формы индивидуума.

Этотъ новый процессъ совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ въ развитіи частей, когда онѣ, достигнувъ величайшаго разнообразія (сплавляющаго ихъ своимъ контрастными односторонностями), снова начинаютъ становиться похожими другъ на друга, но уже не той первоначальной простотой, которая таила въ себѣ неограниченныя возможности развитія и разнообразія, а старческимъ безспіемъ, равняющимъ всѣхъ своимъ безжизненнымъ и бесплннымъ воспоминаніемъ о прошедшемъ; ихъ дѣятельность ослабѣваетъ, индивидуальность стирается, границы расплываются—идея формы уже не находитъ въ нихъ матеріала, годнаго для своего воплощенія.

Это процессъ разложенія.

Разлагаются части, поскольку онѣ теряютъ свою индивидуальность и своеобразие и претворяются въ однообразныя клѣтки мертваго вещества; разлагается и весь индивидуумъ, не находя носителя для своей формы, превращаясь въ аморфную массу, лишенную единства и идеи.

Это—смерть, возвращеніе всего сущаго въ прахъ земли, изъ котораго оно было создано. Процессъ этотъ описанъ Леонтьевымъ въ слѣдующихъ словахъ, поражающихъ своимъ мрачнымъ реализмомъ и пластичностью:

„Если дѣло идетъ къ смерти, начинается упрощеніе организма. Предсмертныя, послѣдніе часы у всѣхъ умирающихъ сходны, проще, чѣмъ середина болязни. Потомъ слѣдуетъ смерть, которая, какъ сказано давно, всѣхъ равняетъ. Картина трупъ мало-сложныя картины живого организма: въ трупѣ все мало-по-малу сплывается, просачивается, жидкости застываютъ, плотныя ткани рыхлѣютъ, всѣ цвѣта тѣла сплываются въ одинъ зеленовато-бурый.

Скоро уже трупъ будетъ очень трудно отличить отъ другого трупа. Потомъ упрощеніе и смѣшеніе составныхъ частей, продолжаясь, переходятъ все болѣе и болѣе въ процессъ разложенія, распадѣнія, разлігя въ окружающемъ. Мягкія части трупа, распаваясь, разлагаясь на свои химическія составныя части, доходятъ до крайней неорганической простоты углерода, азота, водорода и кислорода, разливаются въ окружающемъ мірѣ, распространяются. Кости, благодаря болшей силѣ внутренняго дѣленія извести, составляющей ихъ основу, переживаютъ все остальное, но и онѣ, при благоприятныхъ условіяхъ, скоро распадутся, сперва на части, а потомъ и на вовсе неорганическій безликий прахъ.“¹⁾

Такимъ образомъ, всякая органическая жизнь, всякое возникновеніе, существованіе и гибель подчиняются одной и той же схемѣ тріединаго процесса. „Все вначалѣ просто, потомъ сложно, потомъ вторично упрощается,

¹⁾ „Вост., Росс. и сл.“. Т. I, стр. 139.

сперва уравниваясь и смѣшиваясь внутренне, а потомъ еще болѣе упрощаясь отпаденіемъ частей и общимъ разложениемъ, до перехода въ неорганическую „Нирвану“. И этотъ тріединный процессъ свойственъ не только тому міру, который зовется собственно органическимъ, но, можетъ быть, и всему существующему въ пространствѣ и времени.“¹⁾

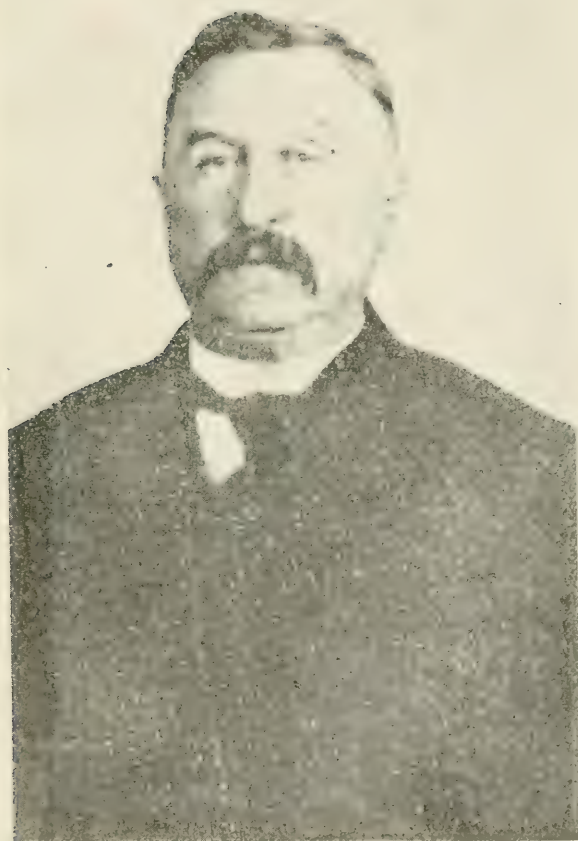
Принципъ многообразія въ единствѣ непосредственно связываетъ его съ универсальными эстетическими оцѣнками, и, такимъ образомъ, его бытіе подчиняется единой трансцендентальной аксіологической схемѣ, согласно которой, всякій процессъ, прекрасный въ своемъ развитіи, достигаетъ предѣльнаго совершенства въ моментъ своего апогея, для того, чтобы затѣмъ въ послѣдовательномъ разложеніи пройти всѣ степени безобразія и, наконецъ, исчезнуть въ ничто окружающаго его безличія.

Теоретическая часть доктрины—построеніе трансцендентальной социологической схемы—выполнена, и въ дальнѣйшемъ намъ предстоитъ простое примѣненіе ея къ историческимъ и социальнымъ даннымъ и ихъ оцѣнка, въ зависимости отъ того положенія, которое они занимаютъ въ этомъ тріединомъ процессѣ развитія и разложенія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Зандеръ.

¹⁾ „Вост., Рос. и сл.“ Т. I, стр. 140.

К. ФЕРЕНБАХЪ.
Бывшій государственный канцлеръ
Германской республики.

Новая германская конституція.

Статья проф. В. В. Энгельфельда.

І. Введение.

Общій характеръ конституціи. Форма государственнаго устройства. Кругъ вѣдомства федераціи и ея отношеніе къ своимъ членамъ.

Грандіозная по размѣрамъ захваченной территоріи, числу участниковъ и продолжительности, Европейская война 1914—1918 г. г. вызвала не менѣе значительныя потрясенія въ политическомъ и социальномъ строѣ народовъ Европы. Революціонныя движенія и перевороты въ странахъ побѣжденныхъ, вспышки и броженія пролетарскихъ массъ въ странѣ побѣдителей—таковы непосредственные результаты этой міровой войны. Ей обязана своею гибелью россійская императорская государственность и паденіе монархическаго устройства въ Германіи, Австріи и Венгріи.

Но уклонъ революціи въ послѣднихъ странахъ (за исключеніемъ развѣ Венгріи) не принялъ того рѣзко социальнаго характера, который мы наблюдаемъ въ политическихъ судьбахъ Россіи. Событія въ Германіи и Австріи въ концѣ 1918 года ударили, главнымъ образомъ, по тому государственному и политическому укладу, при существованіи котораго эти страны были вовлечены въ погубившую ихъ національное могущество войну.

И вотъ на смѣну конституціи 1871 года, этого дѣтища „железнаго“ канцлера, этого „Положенія о полевомъ управленіи“ милитаристической имперіи, народный голосъ Германіи пожелалъ создать что-то такое, что заставило бы и его самого и союзниковъ забыть о прусскомъ юнкерствѣ и милитаризмѣ, возбудить въ цивилизованномъ мірѣ вѣру въ *моральное и духовное перерожденіе* великой націи.*)

Выраженіемъ этихъ чаяній и стремленій Германіи и является та новая германская конституція, которую мы избрали предметомъ нашего изслѣдованія.

Для государства она представляетъ громадный научный интересъ, какъ попытка примирить разнообразныя теченія теоретической мысли и въ этомъ примирительномъ тонѣ разрѣшить труднѣйшія проблемы консти-

*) „Германскій народъ“, гласитъ введеніе, „единый въ племенахъ, его составляющихъ, одушевленъ желаніемъ возродить и укрѣпить свое государство на началахъ свободы и справедливости, содѣйствовать внутреннему и вѣшнему миру, способствовать общественному прогрессу, установить для себя настоящую конституцію“. „Общепризнанныя нормы международнаго права дѣйствуютъ въ качествѣ обязательныхъ составныхъ частей германскаго федеральнаго права“, возбѣщаетъ ст. 4.

тупіоннаго права, стоящія нынѣ передъ законодательемъ современнаго государства. Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, громадныя умственные ресурсы Германіи дали ей возможность во многомъ достигнуть поставленныхъ цѣлей.

Дѣйствующая конституція была принята и одобрена Германскимъ Національнымъ Собраніемъ 11 августа 1919 года. По вѣльшиности она состоитъ изъ 181 статьи и распадается на двѣ основныхъ части: первую, трактующую объ устройствѣ и задачахъ федераціи (ст. ст. 1—108), и вторую, излагающую основныя права и обязанности германскихъ гражданъ (ст. ст. 109—165); въ концѣ помѣщены заключительныя постановленія, а въ началѣ—небольшое введеніе. Первая часть дѣлится на 7, а вторая—на 4 отдѣла, съ особой номенклатурой.

По своимъ тенденціямъ, конституція 11 августа характеризуется безусловной прогрессивностью и демократизмомъ, ставящими Германію впереди другихъ европейскыхъ странъ. Нельзя не отмѣтить также несомнѣннаго желанія составителей пойти навстрѣчу социальнымъ требованіямъ времени и опредѣлить отправныя точки будущей социальной реформы.

Первыя положенія конституціоннаго закона посвящены опредѣленію формы государственнаго устройства Германіи. Ими устанавливается отнынѣ республиканское устройство страны, но съ сохраненіемъ федерализма, хотя и на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Какъ мы увидимъ ниже, федерализмъ молодой республики значительно отступаетъ отъ федерализма типа Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ. Это почти унитаризмъ.

Слѣдую примѣру французскихъ конституцій эпохи Великой Революціи, она особеннымъ образомъ подчеркиваетъ, что государственная власть въ Германіи исходитъ отъ народа. Отсюда уходятъ въ прошлое доктрины „собственнаго“ права главъ германскихъ государствъ. Ихъ замѣняютъ вездѣ правители волей народной. *Государственная власть въ федеральныхъ дѣлахъ осуществляется органами федераціи, на основаніяхъ, указанныхъ въ конституціи; въ дѣлахъ, касающихся отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ ея составъ—черезъ органы послѣднихъ на основаніи ихъ конституцій.*

Территорія Германской федераціи, согласно акту 11 августа 1919 года, составляется изъ территорій германскихъ государствъ. Другія территоріи могутъ быть приняты въ составъ федераціи постановленіемъ федеральнаго закона, если этого пожелаетъ ихъ населеніе, въ силу права самоопредѣленія народностей.

Ближайшему выясненію предметовъ федеральнаго законодательства и управленія и протекающихъ отсюда взаимоотношеній федеральныхъ и партикулярныхъ органовъ посвящены ст. 6 и слѣд. конституціи. Въ сравненіи съ соотвѣтствующей статьей четвертой конституціи 1871 года, опредѣлявшей предметы вѣдѣнія имперской власти, статья новой конституціи отличается большимъ многословіемъ, растяжимостью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сложностью установленной ими схемы указанныхъ взаимоотношеній. Но, какъ мы убѣдимся впоследствии, онѣ имѣютъ и свой плюсъ.

Къ исключительному вѣдѣнію федераціи конституція относитъ:

1) отношенія къ иностраннымъ государствамъ, 2) колоніальное дѣло, 3) регулирование государственнаго подданства, свободы передвиженія, иммиграціи, эмиграціи, высылки, 4) устройство вооруженныхъ силъ, 5) монетное дѣло, 6) таможенное дѣло, а равно объединеніе членомъ федераціи въ таможенномъ и торговомъ отношеніяхъ и свобода товарообѣта, 7) почтовое и телеграфное дѣло, включая и телефонное сообщеніе. Регулированіе путемъ федеральнаго законодательства подлежатъ также: 1) гражданское право, 2) уголовное право, 3) уголовный процессъ (въ томъ числѣ и исполненіе приговоровъ, а также содѣйствіе властей въ этомъ другъ другу), 4) паспортное дѣло и полиція иностранцевъ, 5) призрѣніе бѣдныхъ и попеченіе о странствующихъ, 6) печать, союзы и собранія, 7) политика народонаселенія, попеченіе о матеряхъ, подкидышахъ, дѣтяхъ и юношествахъ, 8) народное здравіе, ветеринарное дѣло и борьба съ болѣзнями и вредителями растений, 9) рабочее законодательство, страхование и защита рабочихъ и служащихъ и посредничество въ присканіи мѣстъ, 10) организація профессиональнаго представительства (Einrichtung beruflicher Vertretungen), 11) попеченіе объ участникахъ войны и ихъ семействахъ, 12) принудительное отчужденіе, 13) обществленіе естественныхъ богатствъ и хозяйственныхъ предпріятій, а также добыча, производство, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ и установленіе на нихъ цѣнъ въ видахъ общественной пользы, 14) торговля, мѣры и вѣсы, выпускъ бумажныхъ денегъ, банковское дѣло и биржи, 15) обмѣнъ продуктовъ питания и потребленія, а также предметовъ первой необходимости, 16) промышленность и горное дѣло, 17) страховое дѣло, 18) мореплаваніе, рыболовство въ открытомъ морѣ и по берегамъ, 19) желѣзнодорожное дѣло, каботажъ, сообщеніе на автоматическихъ экипажахъ по сухопутью, водѣ и воздуху, а также устройство трактовыхъ дорогъ, поскольку рѣчь идетъ объ общественномъ обмѣнѣ и защитѣ страны, 20) театральное и кинематографическое дѣло.

Но этимъ еще не исчерпывается кругъ вѣдомства федераціи. Она вправѣ издавать также законы о налогахъ и иныхъ поступленіяхъ, поскольку они всецѣло или отчасти предназначаются для ея нуждъ, но, если федерація обращаетъ въ свою пользу налогъ и иные поступленія, которые до сего времени поступали въ кассу отдѣльныхъ государствъ, то оно должно принять въ соображеніе при этомъ сохраненіе жизнеспособности (Lebensfähigkeit) послѣднихъ. Поскольку встрѣчается необходимость въ изданіи общихъ (einheitlichen) правилъ, федерація можетъ законодательствовать, кромѣ того, по вопросамъ попеченія о благосостояніи (Wohlfahrtspflege) и защиты общественнаго порядка и безопасности, а равно и устанавливать законодательнымъ путемъ общія основанія:

1) Для опредѣленія правъ и обязанностей религіозныхъ корпорацій, 2) школьнаго дѣла, со включеніемъ высшихъ школъ, 3) правъ должностныхъ лицъ публичныхъ корпорацій, 4) земельного права (Bodenrecht) землеустройства, переселенія, домлинированія¹⁾, отягощенія обязательствами землевладѣнія, ²⁾ жилищнаго дѣла и 5) погребенія умершихъ. Наконецъ, посредствомъ федеральнаго законодательства, если это необходимо, могутъ быть установлены положенія о предѣльной допустимости (Zulässigkeit) и способѣ взиманія налоговъ въ пользу отдѣльныхъ государствъ, дабы предотвратить: 1) ущербъ доходамъ и торговымъ отношеніямъ федераціи, 2) двойное обложеніе, 3) чрезмѣрное и препятствующее правильному сообщенію отягощеніе сборами общественныхъ путей сообщенія и учреждений, 4) неблагоприятное налоговое положеніе ввозимыхъ товаровъ, по отношенію къ собственнымъ произведеніямъ, въ товарообмѣнѣ между отдѣльными государствами и частями государствъ и 5) вывозныя преміи, а также охранить важные общественные интересы. Въ томъ случаѣ, если федерація (ст. 12) не дѣлаетъ употребленія изъ своихъ законодательныхъ правъ, отдѣльные государства вправѣ регулировать подлежащіе вопросы путемъ партикулярнаго законодательства, кромѣ предметовъ, составляющихъ область исключительнаго вѣдѣнія федеральнаго законодательства. Съ другой стороны, въ отношеніи партикулярныхъ законовъ, которые касаются предметовъ, указанныхъ въ ст. 7 п. 3, правительству предоставляется право возраженія, поскольку они затрагиваютъ общее благополучіе федераціи.

¹⁾ Полученіе осѣдлости.

²⁾ Здѣсь, надѣ подагать, идетъ рѣчь о публичныхъ сервитутахъ.

Анализируя цитированныя статьи конституціи, нельзя не отмѣтить значительнаго расширенія круга вѣдѣній германской федераціи. Безусловно новыми являются постановленія, изложенныя въ п. 7 ст. 6 (о телефонномъ дѣлѣ), а также въ пунктахъ 7, 8 (въ части), 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19 (отчасти) и 20 ст. 7 и въ ст. ст. 9, 10, причемъ особенно рѣзко проглядываетъ тенденція законодателя установить руководство и контроль федераціи въ вопросахъ народно-хозяйственной и соціальной политики. Въмѣсто краткихъ, но выразительныхъ и, такъ сказать, дѣловитыхъ постановленій акта 1871 г. о компетенціи Германской имперіи, мы имѣемъ здѣсь нарисованную широкими мазками картину будущей работы германскаго народа по возстановленію его былого экономическаго величія и устроенію на новыхъ началахъ соціальной жизни страны. Въ этомъ возстановленіи нужно было установленіе единства дѣйствій всѣхъ государственныхъ силъ; отсюда рѣзко проведенное финансовое и налоговое верховенство федераціи, право ея вторгаться въ дѣятельность партикулярныхъ правительствъ и уничтоженіе *jura reservata* отдѣльныхъ государствъ (ст. 4. п. 1, 8, 10, ст. ст. 8, 34, 35, 46, 52 и др. конст. 1871 г.). Такой характеръ и объемъ федеральной компетенціи Германской республики новъ не только въ политической исторіи этой страны. Онъ значительно отступаетъ и отъ объема компетенціи другихъ союзныхъ государствъ, напр., Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ не только гораздо опредѣленнѣе разграничиваются обѣ сферы законодательства, но также сплѣнѣ охранены и защищены права отдѣльныхъ членовъ союза.

Сила федеральнаго законодательства опредѣляется статьей 13, по которой *Reichsrecht bricht Landrecht* ¹⁾. При наличіи сомнѣній или разногласій о томъ, имѣется ли столкновеніе предписаній партикулярнаго законодательства съ федеральнымъ правомъ, компетентныя федеральныя власти могутъ обратиться за разрѣшеніемъ вопроса къ высшему федеральному суду, въ порядкѣ, имѣющемъ быть опредѣленнымъ ближайшимъ образомъ путемъ федеральнаго закона (13). Что касается исполненія федеральныхъ законовъ, то таковое возлагается на власти отдѣльныхъ государствъ, если федеральнымъ закономъ не установлено иного. При этомъ, съ одной стороны, федеральное правительство осуществляетъ надзоръ въ вопросахъ, въ которыхъ федераціи принадлежитъ право законодательства, а съ другой—оно можетъ, поскольку федеральные законы выполняются мѣстными властями, 1) издавать для нихъ общія предписанія и 2) посылать особыхъ уполномоченныхъ для наблюденія за таковымъ выполненіемъ къ партикулярнымъ центральнымъ властямъ, а съ ихъ согласія—и къ подчиненнымъ правительственнымъ органамъ. Правительства отдѣльныхъ государствъ обязаны по требованію федеральной власти устранять недостатки, которые происходятъ при осуществленіи въ жизни федеральныхъ законовъ. Разногласія разрѣшаются высшимъ судомъ даннаго государства (*Staatsgerichtshof*), если федеральный законъ не устанавливаетъ другого суда (15).

Непосредственно назначенные федеральнымъ правительствомъ для выполненія его порученій въ отдѣльныхъ государствахъ чиновники, по праву, должны быть подданными этого государства. Съ другой стороны, чиновники, служащіе и рабочіе федеральнаго управленія должны быть исполъ-

¹⁾ Федеральное право побѣждаетъ право отдѣльныхъ государствъ.

зованы, по желанію послѣднихъ, на родинѣ, поскольку это представляется возможнымъ по соображеніямъ ихъ подготовки и требованій службы.

Эти постановленія невольно напрашиваются на сравненіе съ противоположнымъ порядкомъ назначенія, практиковавшимся какъ въ имперской Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, результатомъ котораго являлось нерѣдко малое знакомство федеральныхъ чиновниковъ съ той страной, гдѣ имъ приходилось служить. Нельзя не отмѣтить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и того обстоятельства, что при фактическомъ преобладаніи въ имперскомъ механизмѣ Пруссіи значительная часть имперскаго чиновничества оказывалась пруссаками, часто проникнутыми совершенно иными традиціями и даже прямо враждебными мѣстному населенію. Парализовать это явленіе, очевидно, и стремились составители новой конституціи, введя цитированное постановленіе.

Дальнѣйшія, крайне любопытныя постановленія конституціоннаго закона 11 августа 1919 года посвящены отношеніямъ федераціи въ внутренней жизни ея членовъ и взаимнымъ ихъ отношеніямъ между собой ¹⁾.

Каждое государство, гласитъ ст. 19, должно имѣть конституцію свободной страны. Народное представительство должно быть избираемо путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія *всѣми германско-подданными и жєнщинами, и притомъ на основаніи принциповъ пропорціональной системы*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *правительство каждой страны должно пользоваться довѣріемъ народнаго представительства*.

Принципы для выборовъ въ парламентъ распространяются также и на выборы коммунальные, съ тѣмъ, однако, отступленіемъ, что пользованіе избирательнымъ правомъ можетъ быть поставлено партикулярнымъ закономъ въ зависимость отъ проживанія въ общинѣ въ теченіе до одного года (ст. 17). Регулируя основы государственнаго устройства членовъ федераціи, германская конституція пошла много дальше конституціи Соединенныхъ Штатовъ, которая, какъ мы знаемъ, гарантируетъ Штатамъ лишь республиканскую форму и безопасность отъ внутреннихъ насилій.

Стремленіе германскаго народа реорганизовать свою государственную жизнь затрагиваетъ, такимъ образомъ, все управленіе какъ самой Германіи, такъ и отдѣльныхъ нѣмецкихъ странъ. Именно послѣднія, начиная съ Пруссіи, особенно страдали архаичнымъ консерватизмомъ и плутократичностью своей государственной организаціи. При значительномъ вліяніи юнкерства и плутократіи, которое мы наблюдаемъ тамъ, цитированныя постановленія германской конституціи найдутъ себѣ надлежащее объясненіе и оправданіе и обезпечатъ надлежащее господство демократическихъ принциповъ. Невмѣстательство федераціи идетъ и далѣе. Образованіе въ предѣлахъ федераціи, говоритъ ст. 18, должно служить наилучшему удовлетворенію хозяйственныхъ и культурныхъ интересовъ народа, съ принятіемъ, по возможности, въ соображеніе желаній и воли заинтересованнаго

¹⁾ Ст. 6 нов. констит. Кантоны обязаны испрашивать у конфедераціи гарантію для своихъ конституцій. Эта гарантія дается при условіи: а) что эти конституціи не содержатъ въ себѣ ничего противнаго постановленіямъ федеральной конституціи, б) что онѣ обезпечиваютъ пользованіе политическими правами согласно республиканскимъ формамъ, представительнымъ и демократическимъ, и в) что онѣ были приняты народомъ, и что онѣ могутъ быть пересмотрѣны, когда абсолютное большинство гражданъ потребуетъ этого.

населенія. Въ видахъ достиженія этого измѣненія территорій членовъ федераціи, и новое образованіе государствъ въ ея составѣ производится посредствомъ федеральнаго закона, порядкомъ, установленнымъ для измѣненій федеральной конституціи. Впрочемъ, если заинтересованныя государства находятся по данному вопросу въ согласіи, достаточно и обыкновеннаго федеральнаго закона. Этотъ послѣдній порядокъ примѣняется и при отсутствіи этого согласія, т. е., когда одно изъ государствъ не изъявитъ согласія на измѣненіе своей территоріи, но когда этого требуетъ воля заинтересованнаго населенія, и вынуждаетъ преобладающій интересъ федераціи.

Устанавливая въ этомъ вопросѣ любопытное отношеніе федераціи непосредственно съ населеніемъ, минуя территориальную власть, германская конституція, конечно, переходитъ за предѣлы нормальной компетенціи союзныхъ государствъ. Излишній партикуляризмъ долженъ былъ и тутъ смириться передъ жизненными интересами германской націи и ея частей.

Для опредѣленія воли населенія при измѣненіи границъ *примѣняется плебисцитъ* ¹⁾ (ст. 18 отд. 3). Федеральное правительство распоряжается о производствѣ такового, какъ только этого потребуетъ одна треть жителей отдѣляемаго округа, пользующихся правомъ участія въ выборахъ въ рейхстагъ.

Для дѣйствительности постановленія объ измѣненіи территоріи или образованіи новаго государства требуется большинство ($\frac{3}{5}$) голосующихъ и, во всякомъ случаѣ, абсолютное большинство голосовъ всѣхъ избирателей.

Воля всего подлежащаго округа опредѣляется равнымъ образомъ и тогда, когда идетъ рѣчь объ отдѣленіи части прусскаго правительственнаго округа, баварскаго крейса, а въ другихъ государствахъ—соотвѣтственнаго административнаго округа. Если же пространственной связи между отдѣляемой территоріей и всѣмъ округомъ не наблюдается, то, въ качествѣ достаточнаго, можетъ быть признано, на основаніи особаго федеральнаго закона, и волеизволеніе населенія лишь одной уступаемой территоріи.

По установленіи согласія населенія, федеральное правительство вноситъ на разсмотрѣніе рейхстага соотвѣтственный законопроектъ.

Если при присоединеніи или отдѣленіи возникаетъ споръ по вопросу объ имущественномъ раздѣленіи округовъ, то рѣшеніе по этому предмету выноситъ по просьбѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ высшая судебная инстанція (судъ) германской федераціи.

Наконецъ, независимо отъ воздѣйствія *федераціи* на устройство, управленіе и границы территоріи своихъ членовъ, она *управомачивается* конституціей и на *разрѣшеніе конституціонныхъ споровъ*, возникающихъ внутри этихъ послѣднихъ, а также споровъ между отдѣльными государствами или между ними и федераціей. ²⁾

Споры эти рѣшаются по ходатайству одной изъ заинтересованныхъ сторонъ высшимъ федеральнымъ судомъ Германской республики, поскольку на рѣшеніе ихъ не уполномочено какое-либо другое судебное мѣсто.

Приговоры федеральнаго суда по такого рода дѣламъ приводятся въ исполненіе президентомъ федераціи.

¹⁾ Въ силу ст. 167, это постановленія и слѣдующія (абз. 3—6) вступаютъ въ силу черезъ 2 года послѣ обнародованія конституціи.

²⁾ Ср. ст. 76 прежней конституціи.

II.

Органы федерации. Рейхстагъ.

Отъ вопроса о взаимоотношеніяхъ федераціи и ея членовъ перейдемъ къ органамъ федеральнаго управленія.

Въ качествѣ таковыхъ конституція называетъ: 1) *рейхстагъ*, 2) *президента федераціи* и *федеральное правительство* и 3) *рейхсратъ*.

Остановимся прежде всего на рейхстагѣ, этомъ единственномъ органѣ, сохранившемъ отъ бывшей Германской имперіи свое наименованіе, хотя и принявшемъ нынѣ иной государственный обликъ.

Какъ и прежній рейхстагъ, онъ состоитъ изъ представителей всего германскаго народа, которые, по силѣ ст. 21, въ качествѣ таковыхъ, повинуются исключительно голосу своей совѣсти и считаются свободными отъ мандатовъ со стороны избирателей.

Отвергая повелительный мандатъ, конституція не учла послѣднихъ вѣяній въ наукѣ конституціоннаго права, въ частности, стремленія на почвѣ неудовлетворительнаго функціонированія парламентскаго аппарата поставить парламентаріевъ подъ контроль избирателей, вплоть до предоставленія послѣднимъ права отзыва своихъ депутатовъ.

Между тѣмъ, какъ будто эта идея завоевываетъ все новыхъ и новыхъ сторонниковъ, особенно среди демократіи.

Выборы производятся *всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ* по пропорціональной системѣ. *Активное право* при выборахъ въ рейхстагъ предоставляется *всѣмъ мужчинамъ и женщинамъ, достигшимъ 20-лѣтняго возраста*. День выборовъ начинается въ воскресенье или другой праздникъ. Прочія подробности избирательной процедуры опредѣляются федеральнымъ избирательнымъ закономъ. Срокъ полномочій депутатовъ—4 года. Не позднѣе 60 дней по истеченіи этого срока должны быть произведены новые выборы, а черезъ 30 дней послѣ выборовъ—и самый созывъ рейхстага. Интересной новостью въ цитируемыхъ важныхъ постановленіяхъ является: 1) пониженіе, и довольно рѣзкое, возрастнаго избирательнаго ценза,¹⁾ 2) *распространеніе избирательныхъ правъ на женщинъ*, 3) указаніе дня выборовъ и 4) сокращеніе продолжительности легислатуры.²⁾

Въ отношеніи перваго момента, нельзя не отмѣтить, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ 20-лѣтній возрастъ избирателя допускается только въ Швейцаріи. Нельзя не счесть его слишкомъ низкимъ. Но въ этомъ вопросѣ, какъ и въ дѣлѣ привлеченія женщинъ къ избирательнымъ урнамъ³⁾, составители конституціи, несомнѣнно, желали пойти навстрѣчу пожеланіямъ демократическихъ и социалистическихъ партій.

Ограниченіе, введенное для федеральнаго правительства въ дѣлѣ значенія выборовъ, является отвѣтомъ на практику прежняго правительства,

¹⁾ Прежній законъ устанавливалъ 25-лѣтній цензъ.

²⁾ Рейхстагъ имперіи созывался по закону 1888 г. на 5 лѣтъ, а до того—на 3 года.

³⁾ Борьба за какъ-вое право въ Германіи, кстати сказать, вовсе не носила та-го ожесточеннаго характера, какъ въ Соединенномъ Королествѣ.

которое систематически назначало выборы въ будни, и притомъ въ такіе часы, когда рабочимъ было затруднительно подавать свои голоса.¹⁾

Рядъ статей конституціи, 24—40, посвящены организаціи и порядку дѣйствій рейхстага. Позволимъ себѣ привести наиболѣе интересные.

На основаніи ст. 24, рейхстагъ, какъ и нѣкоторые другіе парламенты Европы,²⁾ собирается каждый годъ, силой самаго закона, въ опредѣленный день: именно, въ первую среду ноября, въ мѣстѣ пребыванія федеральнаго правительства; но президентъ рейхстага можетъ созывать рейхстагъ и раньше, если этого потребуетъ президентъ федераціи или, по меньшей мѣрѣ, одна треть членовъ рейхстага. Послѣ этого рейхстагъ опредѣляетъ самъ окончаніе сессіи и время ея возобновленія. Отсюда, въ періодъ времени до ноября мѣсяца, предполагается наличность парламентскихъ вакантовъ. Съ другой стороны, президентъ пользуется правомъ распускать рейхстагъ, причѣмъ это право обставлено лишь тѣми ограниченіями, 1) что онъ можетъ это дѣлать лишь разъ по одному и тому же поводу, и 2) что новые выборы должны окончиться, самое позднее, на 60-тый день послѣ роспуска рейхстага. Такимъ образомъ, полномочія президента въ отношеніи парламента напоминаютъ права монарха.

Вмѣсто обычной системы провѣрки правильности избирательнаго производства³⁾, при рейхстагѣ организуется особый судъ, который и рѣшаетъ вопросъ, долженъ ли депутатъ быть лишенъ своего званія. Онъ состоитъ изъ членовъ рейхстага, избираемыхъ послѣднимъ на срокъ легислатуры, и членовъ федеральнаго административнаго суда,⁴⁾ назначаемыхъ къ сему федеральнымъ президентомъ по предложенію президіума суда. Этимъ Германія удачно разрѣшаетъ эту дилемму и достигаетъ, съ одной стороны, *надлежащей компетентности* органа повѣрки полномочій, а съ другой —необходимаго въ этомъ важномъ дѣлѣ *безпристрастія*. Свои приговоры судъ выноситъ послѣ публичнаго устнаго производства въ составѣ 3 членовъ рейхстага и 2 членовъ судейскаго званія. Кромѣ производства (*Verhandlungen*), передъ судомъ въ процессѣ участвуетъ также особый уполномоченный, назначенный президентомъ федераціи. Въ остальномъ процессъ подробности опредѣляются этимъ же самымъ учрежденіемъ.

Ст. 33 устанавливаетъ право рейхстага и его комиссій потребовать присутствія въ засѣданіи федеральнаго канцлера и любого изъ министровъ. Съ своей стороны, канцлеръ, министры и уполномоченные имѣютъ свободный доступъ въ засѣданія рейхстага и его комиссій. Отдѣльныя германскія государства также вправе командировать на засѣданіе своихъ представителей, для отстаиванія точки зрѣнія своихъ правительствъ на предметъ, подлежащій обсужденію рейхстага. По ихъ требованію, правительственные представители должны быть выслушаны во время дебатовъ, а представители федеральнаго правительства—даже внѣ порядка дня. Въ то время всѣ они подлежатъ дисциплинарной власти предсѣдательствующаго въ засѣданіи.⁵⁾

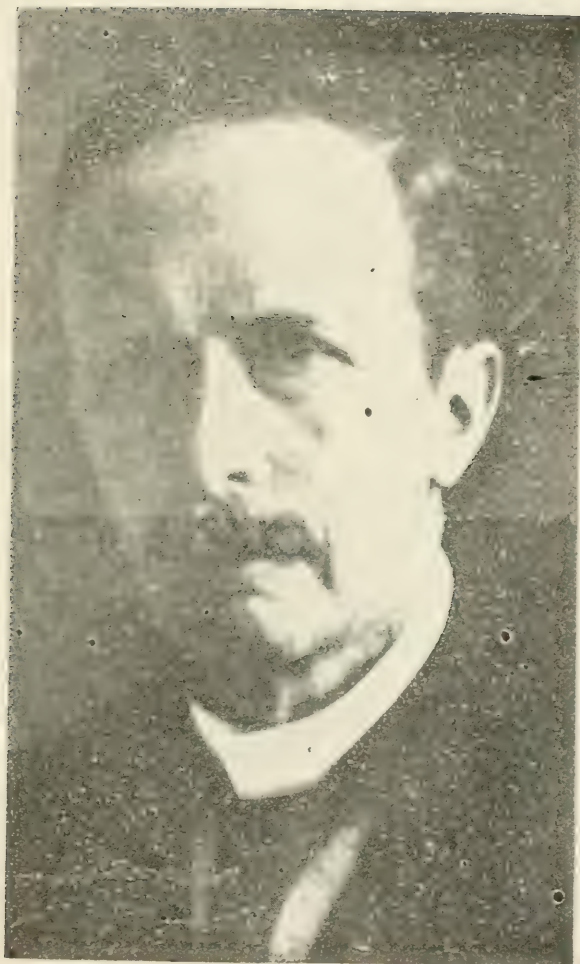
¹⁾ См. Мейеръ. Избирательное право. Т. I.

²⁾ Ср. ст. 1 фр. констит. закона о взаимоотношеніяхъ властей, 16 іюля 1875 г.

³⁾ Т. е. комиссіоннымъ порядкомъ.

⁴⁾ До его образованія (ст. 166) Reichsgericht'a.

⁵⁾ Вспомнимъ недоразумѣнія съ выступленіемъ министровъ къ нашей Думѣ.

Бывшій министръ иностранныхъ
дѣлъ Герм. респ. Др. СИМОНСЪ.

Рейхстагу принадлежитъ право образованія анкетныхъ комиссій, которыя пользуются обычными для таковыхъ комиссій полномочіями, причемъ въ отношеніи дѣлопроизводства комиссій и назначенныхъ ими агентовъ имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе правилъ уголовного процесса, съ тѣмъ, однако, отступленіемъ, что тайна почто-телеграфной и телеграфной корреспонденціи остается неприкосновенной отъ ихъ посягательствъ.

Изъ постоянныхъ комиссій, образуемыхъ рейхстагомъ, слѣдуетъ отмѣтить комиссію по иностраннымъ дѣламъ, которая, помимо времени сессіи, дѣйствуетъ также по окончаніи таковой и даже послѣ роспуска рейхстага, вплоть до созыва новаго. Засѣданія этой комиссіи не публичны, но сама комиссія можетъ большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ открыть свои двери для публики. Равнымъ образомъ, рейхстагъ избираетъ постоянную, на срокъ между сессіями, комиссію для защиты правъ народнаго представительства. Обѣ эти комиссіи пользуются правами анкетныхъ.

Ст. ст. 36 и 37 гарантируютъ членамъ рейхстага (а также ландтаговъ ¹⁾) свободу мнѣній и неприкосновенность, причемъ обычное согласіе палаты на задержаніе депутата требуется и тогда, когда депутатъ арестуется въ самый день совершенія преступнаго дѣянія или на слѣдующій день послѣ него ²⁾. Необходимо оно и для другихъ ограниченій депутатской свободы, если они препятствуютъ депутату отправлять обязанности, сопряженные съ его званіемъ. Всякій судебный процессъ, арестъ или иные ограниченія свободы депутата должны быть отложены по требованію палаты, къ которой онъ принадлежитъ, на срокъ до окончанія сессіи. Любопытно оговоренное ст. 33 право депутатовъ отказать въ дачѣ показаній о тѣхъ лицахъ, которыя имъ довѣрили извѣстные факты въ силу ихъ депутатскаго званія, или которыя сами депутаты сообщали подобные факты.

Въ отношеніи ареста документовъ они приравниваются къ лицамъ, которые имѣютъ законное право отказа въ дачѣ показаній Zeugnisverweigerungsrecht). Обыскъ или выемка вещей (Beschlagnahme) въ зданіи рейхстага или ландтага могутъ имѣть мѣсто лишь съ разрѣшенія его президента. Должностныя лица, а также лица, принадлежащія къ составу арміи, не нуждаются для отправленія своихъ обязанностей, какъ членовъ рейхстага или ландтага, ни въ какомъ отпускѣ. Буде же они домогаются избранія въ эти учрежденія, имъ долженъ быть обезпеченъ отпускъ, потребный для веденія избирательной кампаніи. Члены рейхстага пользуются правомъ дарового проѣзда по всемъ германскимъ желѣзнымъ дорогамъ, а также правомъ на возмѣщеніе путевыхъ издержекъ, согласно правилъ федеральнаго закона. Такъ охраняетъ конституція привилегіи парламента и его членовъ.

Остановимся теперь на постановленіяхъ, посвященныхъ президенту федераціи и федеральному правительству.

¹⁾ Новое подтвержденіе нашего мнѣнія объ исключительно широкомъ вторженіи федеральной конституціи въ государственную организацію членовъ Германской федераціи.

²⁾ Во многихъ государствахъ, въ случаѣ задержанія въ день преступленія или на слѣдующій, согласія палаты не обуславливается.

III.

**Президентъ; порядокъ его избранія, полномочія и отвѣтственность.
Федеральное правительство.**

Президентъ, говоритъ ст. 41 конституціи, *избирается всѣмъ германскимъ народомъ*. Таковымъ можетъ быть избранъ *всякій нѣмецъ, достигшій 35-лѣтняго возраста*. Однако, по ст. 44, должность президента *несовмѣстима* со званіемъ депутата рейхстага.

Хотя ближайшія подробности выборовъ и имѣютъ быть опредѣлены особымъ закономъ, все же можно заключить, что Германія приняла *американскую систему всенароднаго избранія главы государства*; является весьма характернымъ, что въ этомъ вопросѣ она отбросила не безосновательныя опасенія французовъ въ отношеніи такихъ выборовъ, заставившія Францію перейти послѣ событій 1852 г. къ избранію президента палатами. Сроку президентскихъ полномочій, какъ и во Франціи, семилѣтній, съ возможностью переизбранія. Такимъ образомъ, и по способу избранія и по продолжительности послѣдняго видно стремленіе сдѣлать изъ президента авторитетнаго носителя власти, а не игрушку въ рукахъ палатъ.

Но, по силѣ конституціи, президентъ можетъ быть смѣщенъ и до истеченія срока полномочій—по предложенію рейхстага, путемъ народнаго голосованія. Для соотвѣтственнаго рѣшенія рейхстага необходимо большинство двухъ третей голосовъ.

Слѣдствіемъ принятія рейхстагомъ подобнаго рѣшенія является устраненіе президента отъ дальнѣйшаго отправленія должности. Отклоненіе народомъ предложенія рейхстага о смѣщеніи президента разсматривается, какъ назначеніе новыхъ выборовъ, и имѣетъ послѣдствіемъ роспускъ рейхстага.

Безъ разрѣшенія рейхстага президентъ не можетъ преслѣдоваться уголовнымъ порядкомъ.¹⁾

Передъ вступленіемъ въ исполненіе своихъ обязанностей, президентъ приноситъ передъ рейхстагомъ слѣдующую присягу: „Я клянусь, что буду посвящать всѣ свои силы благу германскаго народа, соблюдать его пользу, отвращать отъ него вредъ, исполнять свои обязанности добросовѣстно и быть справедливымъ въ отношеніи каждаго“.²⁾

Государственно-правовое положеніе президента Германіи напоминаетъ намъ положеніе президента Соединенныхъ Штатовъ и отчасти французскаго.

Онъ представляетъ федерацію въ международныхъ отношеніяхъ, заключаетъ ея именемъ союзы (Bündnisse) и другіе трактаты съ иностран-

¹⁾ Ср. ст. 12 французскаго закона о взаимныхъ отношеніяхъ публичныхъ властей 16 іюля 1875 г. и отд. 4 ст. II конституціи Соед. Шт.; они трактуютъ, впрочемъ, лишь объ отвѣтственности президента въ случаѣ совершенія имъ уголовныхъ преступленій. Здѣсь мы имѣемъ любопытное примѣненіе Abberufungsrecht'a, которое конституція отрицаетъ по отношенію къ депутатамъ—иногда непослѣдовательность.

²⁾ Ср. ст. II отд. 1 и 8 констит. Соед. Шт. съ текстомъ присяги президента. „Я торжественно клянусь (или уверяю), что буду исполнять свои обязанности президента С. Ш. по совѣсти и по мѣрѣ силъ моихъ буду поддерживать, охранять и защищать конст. Соед. Штат.“.

ными державами, ¹⁾ уполномочиваетъ и принимаетъ пословъ, назначаетъ и увольняетъ федеральныхъ должностныхъ лицъ и офицеровъ, поскольку закономъ не установлено иного порядка; это послѣднее право можетъ осуществлять черезъ подчиненныхъ властей. Ему принадлежитъ верховное командование всей вооруженной силой федераціи, а также право осуществленія союзной экзекуціи надъ членомъ федераціи, который не выполняетъ лежащихъ на немъ, въ силу федеральной конституціи, обязанностей.

Президентъ можетъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ федераціи въ серьезной степени нарушены и подвергнуты угрозѣ общественная безопасность и порядокъ, принять необходимыя для возстановленія таковой безопасности и порядка мѣры, примѣняя, въ случаѣ нужды, вооруженную силу. ²⁾

Для этой цѣли онъ имѣетъ право временно (цѣликомъ или частью) приостанавливать дѣйствіе возвышенныхъ въ ст. ст. 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 154 конституціонныхъ гарантій (ст. 48).

Относительно всѣхъ принимаемыхъ въ порядкѣ отд. 1 или отд. 2 этой статьи мѣръ, президентъ незамедлительно сообщаетъ рейхстагу, по требованію котораго онъ подлежитъ отмѣнѣ. ³⁾

Въ случаѣ возникновенія опасности, партикулярное правительство можетъ принимать мѣропріятія указаннаго въ отд. 2 ст. 48 характера и по собственной инициативѣ, но лишь въ отношеніи своей территоріи.

По требованію президента федераціи или рейхстага, таковыя мѣропріятія прекращаютъ свое дѣйствіе.

Президентъ федераціи осуществляетъ далѣе право помилованія; амнистія въ федераціи даруется законодательнымъ порядкомъ.

Всѣ указы (Anordnungen) и распоряженія (Verfügungen) президента, не исключая и относящихся къ области управленія военной силой (военнаго командованія), нуждаются для своей дѣятельности въ сѣрѣхъ союзнаго канцлера или компетентнаго федеральнаго министра, который этимъ принимаетъ на себя отвѣтственность за данный актъ.

Въ случаѣ невозможности отправленія должности, президентъ замѣщается федеральнымъ канцлеромъ. Если же это препятствіе должно продолжаться долгое время, то замѣщеніе регулируется особымъ закономъ. То же самое примѣняется и въ случаѣ досрочнаго освобожденія поста президента, до производства новыхъ выборовъ.

Функціи кабинета министровъ выполняетъ въ Германіи федеральное правительство, состоящее (ст. 32) изъ федеральнаго канцлера и федеральныхъ министровъ. Канцлеръ назначается президентомъ федераціи; министры назначаются и увольняются президентомъ по его представленію; при этомъ статья 54 конституціи требуетъ, чтобы и канцлеръ и министры

¹⁾ Однако, объявленіе войны и заключеніе мира совершается законодательнымъ путемъ. Кромѣ того, тѣ союзные договоры и соглашенія (Verträge) съ иностранными державами, которые затрагиваютъ предметы федеральнаго законодательства, нуждаются въ одобреніи рейхстага. Ст. эта въ отношеніи представительства федераціи и заключенія договоровъ аналогична постановленіямъ прежней II; измѣняется порядокъ объявленія войны и заключенія мира, каковое совершалось императоромъ съ согласія союзнаго совѣта; не даромъ воинственному духу германскаго императора Европа обязана началомъ войны 1914-1918 г. г.

²⁾ Почти аналогично полномочіямъ б. императора въ этомъ вопросѣ.

³⁾ Сходно съ французскимъ закономъ о порядкѣ объявленія осаднаго положенія.

пользовались при отправленіи ими своей должности довѣріемъ рейхстага.¹⁾ Въ случаѣ утраты этого довѣрія, выраженной рейхстагомъ въ опредѣленной формѣ (ausdrücklichen Beschluss), каждый изъ нихъ долженъ оставить свою должность.

Такимъ образомъ, юридизируется въ форму конституціоннаго закона покаяніе въ большинствѣ европейскихъ государствъ на конвенціональныхъ правилахъ парламентарная отвѣтственность министровъ.²⁾

Обязанности канцлера на этотъ разъ аналогичны положенію министра-предсѣдателя: онъ представляетъ въ правительствѣ, руководитъ его дѣлами согласно дѣловому распорядку, выработанному правительствомъ и утвержденному президентомъ, опредѣляетъ основныя линіи правительственной политики и несетъ за нее отвѣтственность передъ рейхстагомъ.

Въ ограниченныхъ этими замѣчаніями предѣлахъ каждый федеральный министръ вѣдаетъ порученной ему отраслью федеральнаго управленія самостоятельно и подъ личной за то отвѣтственностью передъ рейхстагомъ.

Однако, всѣ законопроекты, а также дѣла, для которыхъ этого требуетъ конституція или законъ, равно какъ и разногласія по тѣмъ дѣламъ, которыя затрагиваютъ компетенцію нѣсколькихъ министровъ, подлежатъ обсужденію и разрѣшенію правительства въ цѣломъ. Дѣла въ правительствѣ рѣшаются по большинству голосовъ, причемъ, въ случаѣ разногласія, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Отвѣтственность президента и членовъ правительства осуществляется, согласно конституціи, слѣдующимъ образомъ.

Рейхстагъ вправе возбудить передъ высшимъ федеральнымъ судомъ преслѣдованіе противъ президента, федеральнаго канцлера и министровъ, если они допустили умышленное нарушеніе федеральной конституціи или закона.

Предложеніе о возбужденіи обвиненія должно исходить не менѣе чѣмъ отъ ста членовъ рейхстага и нуждается для принятія въ томъ большинствѣ голосовъ, которое установлено для измѣненія конституціи. Дальнѣйшее опредѣляется закономъ о высшемъ судѣ.³⁾

Такимъ образомъ, Германія вступила въ ряды парламентарныхъ государствъ и отрѣшилась отъ прежней дуалистической конструкціи взаимоотношеній правительства и законодательныхъ учреждений.

IV.

Рейхсратъ; его составъ; порядокъ созыва и дѣлопроизводство.

Слѣдующія послѣ опредѣленія положенія рейхстага, президента и правительства статьи конституціи 1919 года относятся къ *рейхсрату*,

¹⁾ Иное положеніе, какъ мы знаемъ, наблюдалось въ Германской имперіи, гдѣ имперскій канцлеръ являлся юридически единственнымъ министромъ федераліи, имѣвшимъ помощниковъ (Reichsstaatssekretäre) по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, но, тѣмъ не менѣе, несшимъ всю полноту отвѣтственности за ходъ управленія передъ императоромъ германскимъ.

²⁾ См. айсл. Основы государственнаго права Англіи.

³⁾ Ст. 17 прежней конституціи предусматриваетъ отвѣтственность имперскаго канцлера, но, за отсутствіемъ закона о порядкѣ осуществленія таковой отвѣтственности, она осталась „висѣть въ воздухѣ“.

задачею котораго, какъ и прежняго Бундесрата (союзнаго совѣта), служить представительство германскихъ государствъ въ федеральномъ законодательствѣ и управленіи. Количество голосовъ въ немъ распределяется такъ, что каждая страна имѣетъ минимумъ одинъ голосъ. Въ большихъ государствахъ на каждый миллионъ жителей полагается еще одинъ голосъ, причемъ, въ случаѣ подученія остатка, превышающаго численность населенія самой маленькой страны, этотъ остатокъ приравнивается къ полному миллиону. Въ то же самое время ни одно государство не можетъ быть представлено болѣе чѣмъ двумя пятыми всѣхъ голосовъ.

Число голосовъ устанавливается рейхсратомъ вновь послѣ каждой всеобщей переписи.

Ограниченія въ представительствѣ отдѣльныхъ странъ распространяются также и на комиссіи рейхсрата: въ комиссіи эти ни одно государство не должно посылать болѣе одного члена.

Представителями государствъ въ рейхсратѣ являются члены правительствъ послѣднихъ, за исключеніемъ Пруссіи, половина голосовъ которой предоставляется провинціальнымъ управленіямъ, избирающимъ представителей въ порядкѣ особаго партикулярнаго закона.¹⁾

Такимъ образомъ, рейхсратъ нѣсколько напоминаетъ намъ въ этомъ отношеніи прежній германскій союзный совѣтъ, гдѣ, въ противоположность Соед. Штатамъ и Швейцаріи, число членовъ, приходившихся на отдѣльное государство, было неодинаково.

Измѣненія, внесенныя актомъ 1919 года, заключаются въ отсутствіи прежде всего фиксаціи разъ навсегда числа мѣстъ въ рейхсратѣ для каждой изъ частей Германской федераціи. Съ другой стороны, мы видимъ цѣлый рядъ постановленій, имѣющихъ цѣлью устранить перевѣсъ какой-либо одной страны.

Не замѣчаемъ также и особыхъ правъ на участіе въ комиссіяхъ, вето и т. д., такъ часто встрѣчающихся въ прежней конституціи для обезпеченія преобладающаго положенія въ союзѣ большихъ государствъ (Пруссія, Баварія, Саксонія, Вюртембергъ). Видоизмѣненіе въ порядкѣ осуществленія прусскаго представительства приближаетъ Германію въ этой части къ Швейцаріи и Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ избраніе представителей отъ кантоновъ (штатовъ) въ верхнюю палату принадлежитъ не правительству, а законодательнымъ собраніямъ или непосредственно народу. Впрочемъ, это маленькое добавленіе демократическаго характера въ отношеніи юнкерской Пруссіи не измѣняетъ общаго облика рейхсрата, какъ коллегіи представителей нѣмецкихъ правительствъ.

Созывъ рейхсрата долженъ быть произведенъ федеральнымъ правительствомъ тотчасъ, когда этого требуетъ одна треть общаго числа его членовъ. Предсѣдательствованіе въ рейхсратѣ и его комиссіяхъ возлага-

¹⁾ Нѣмецкая Австрія получаетъ послѣ своего присоединенія къ Германской федераціи участіе въ рейхсратѣ съ соотвѣтственнымъ числомъ голосовъ. До этого времени представители Австріи имѣютъ въ рейхсратѣ совѣтательный голосъ. До изданія этого закона, но на срокъ не свыше 1 года, всѣ голоса Пруссіи въ рейхсратѣ могутъ быть представлены правительствомъ.

ется на одного изъ членовъ федеральнаго правительства.¹⁾ Члены послѣдняго имѣютъ право и въ то же время, при наличіи соотвѣтственнаго требованія, обязаны принимать участіе въ преніяхъ (Verhandlungen) рейхсрата и его комиссій и должны быть выслушиваемы во время преній въ любое время.

Правомъ внесенія предложеній въ рейхсратъ пользуется какъ федеральное правительство, такъ и члены рейхсрата. Рейхсратъ долженъ держаться правительствомъ въ курсѣ государственныхъ дѣлъ. При этомъ къ обсужденію важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни правительство обязано привлекать и подлежащія комиссіи рейхсрата.²⁾

Рейхсратъ самъ устанавливаетъ свой распорядокъ посредствомъ наказа.

Пленарныя засѣданія рейхсрата нынѣ публичны, но по наказу двери его могутъ быть закрыты при обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ. Рѣшенія принимаются простымъ большинствомъ голосовъ. Этимъ и заканчиваются постановленія конституціи о рейхсратѣ.

V.

Федеральное законодательство.

Слѣдующій, пятый отдѣлъ посвященъ порядку законодательства въ Германской федераціи; онъ даетъ возможность намъ выяснить истинное соотношеніе федеральныхъ властей въ государственной организаціи страны.

Согласно ст. 68 конституціи, законопроекты вносятся въ рейхстагъ или по инициативѣ *правительства или по инициативѣ самого рейхстага*. Но внесеніе законодательныхъ предположеній правительствомъ нуждается въ предварительномъ одобреніи рейхсрата. Если между рейхсратомъ и правительствомъ по этому предмету соглашеніе не достигнуто, то правительство можетъ внести законопроектъ, и не взирая на разногласіе, но обязательно въ этомъ случаѣ представить и противное мнѣніе рейхсрата.

Равнымъ образомъ, если рейхсратъ вырабатываетъ законопроектъ, съ которымъ правительство не согласно, этотъ проектъ вносится въ рейхстагъ съ приложеніемъ мнѣнія федеральнаго правительства.

Такимъ образомъ, по существу, законодательная инициатива въ Германской федераціи осуществляется и министерствомъ и обѣими па-

¹⁾ Лишеніе первой палаты права избирать своего предсѣдателя извѣстно и прежней конституціи, гдѣ былъ точно опредѣленъ этотъ предсѣдатель—федеральный канцлеръ. При связанности этой должности съ должностью прусскаго министра-президента получалось въ высшей степени сильное преобладаніе прусскаго элемента. Послѣдняго, а равно и вообще слиянія предсѣдательства съ должностью партикулярнаго министра, новая конституція избѣгаетъ.

²⁾ Участіе парламентскихъ комиссій въ дѣлахъ управленія наблюдалось вездѣ, но возведеніе этого въ конституціонную догму есть нѣкоторое новшество для Европы (но не для С. Штатовъ).

татами, хотя и со значительными особенностями и ограниченіями.¹⁾ Предоставляется она, какъ мы видимъ дальше, и самому народу.

Принятіе законопроекта является прерогативой рейхстага. На обязанность президента возлагается изготовленіе конституціоннымъ порядкомъ прошедшихъ законовъ и опубликованіе ихъ въ мѣсячный срокъ во всеобщее свѣдѣніе въ Reichsgesetzblatt. Если не постановлено иного, черезъ 14 дней по выходѣ въ свѣтъ этого изданія въ главномъ городѣ (столицѣ) федераціи, законъ вступаетъ въ силу. Но обнародованіе федеральныхъ законовъ можетъ быть отложено на срокъ 2 мѣсяцевъ, если этого потребуетъ одна треть членовъ рейхстага, что, однако, не примѣняется къ тѣмъ законамъ, которыя признаны рейхстагомъ и рейхсратомъ спѣшными.²⁾

Лишая президента права вето даже въ той ограниченной формѣ, которой пользуется президентъ Соединенныхъ Штатовъ, германская конституція предоставляетъ ему возможность въ теченіе того же мѣсячнаго срока подвергнуть принятый рейхстагомъ законъ народному референдуму. Референдуму подвергается также законъ, задержанный опубликованіемъ по требованію одной трети членовъ рейхстага, если этого пожелаетъ одна двадцатая всѣхъ голосующихъ на выборахъ. Примѣняется онъ, наконецъ, и въ томъ случаѣ, когда одна десятая избирателей ставитъ вопросъ о необходимости внесенія того или иного законопроекта. Этому народному пожеланію долженъ соответствовать выработанный проектъ закона, который и передается правительствомъ съ приложеніемъ его точки зрѣнія (Darlegungstellungsnahme) рейхстагу. Если указанный законопроектъ будетъ принятъ рейхстагомъ безъ измѣненія, то народнаго референдума не производится. Въ отношеніи государственнаго бюджета, законовъ о налогахъ (Abgabengesetzen) и штатовъ (Besoldungsordnungen) право подвергать законы референдуму принадлежитъ только президенту.

Порядокъ осуществленія народнаго референдума и народной инициативы регулируется федеральнымъ закономъ. Самая конституція (ст. 75) постановляетъ лишь, что постановленіе рейхстага можетъ быть лишено силы въ томъ только случаѣ, если въ голосованіи приметь участіе большинство имѣющихъ право голоса.

Правомъ пріостановки принятыхъ рейхстагомъ законопроектовъ пользуется, кромѣ президента и избирателей, также рейхсратъ, который, по смыслу ст. 74, можетъ дѣлать свои возраженія. Возраженіе рейхсрата должно быть представлено правительству въ теченіе двухъ недѣль послѣ заключительнаго обсужденія въ рейхсратѣ и не позднѣе двухъ слѣдующихъ недѣль снабжено мотивировкой.

Въ этомъ случаѣ законъ подлежитъ вторичному разсмотрѣнію рейхстага.

Если между рейхстагомъ и рейхсратомъ соглашенія не состоится, то президентъ можетъ въ трехмѣсячный срокъ распорядиться о производ-

¹⁾ По конституціи 1871 года (ст. ст. 16 и 23) она принадлежала рейхстагу и союзному совѣту.

²⁾ Это постановленіе является оригинальнымъ и безусловно новымъ въ практикѣ современнаго конституціоннаго права. Пріостановка опубликованія закона имѣетъ, какъ мы увидимъ, значеніе задержки вступленія его въ законную силу на время референдума.

ствѣ народнаго референдума. Если онъ этого не сдѣлаетъ, законъ считается не состоявшимся, что не имѣетъ, однако, мѣста тогда, когда противъ возраженія рейхсрата высказались двѣ трети членовъ рейхстага. Въ этомъ случаѣ президентъ долженъ или обнародовать законъ въ 2-мѣсячный срокъ въ принятой рейхстагомъ редакціи, или произвести народный референдумъ.

Измѣненія конституціи производятся обычнымъ законодательнымъ порядкомъ, но съ нижеслѣдующими отступленіями. Измѣненіе допускается тогда, когда присутствуютъ $\frac{2}{3}$ законнаго состава рейхстага, и когда за него выскажутся двѣ трети присутствующихъ членовъ. Большинство двухъ третей поданныхъ голосовъ необходимо и для постановленій рейхсрата по тому же предмету.

При голосованіи измѣненія конституціи, предложеннаго посредствомъ народной инициативы, требуется согласіе большинства пользующихся правомъ голоса.

Необходимыя для разъясненія федеральныхъ законовъ общія административныя предписанія издаетъ федеральное правительство, поскольку законъ не указываетъ другого порядка.

Предписанія эти нуждаются въ одобреніи рейхсрата въ томъ случаѣ, если выполненіе федеральныхъ законовъ возлагается на партікулярныя правительства. Этимъ и кончаются постановленія конституціи о законодательствѣ. Попытаемся ихъ резюмировать.

Изъ изложенныхъ нами постановленій выясняется, прежде всего, крайне любопытное и довольно оригинальное конструированіе германской конституціей участія народа въ отправленіи законодательной функціи. Народъ выступаетъ въ Германіи: 1) въ роли инициатора законовъ, 2) въ роли законодательнаго корпуса, принимающаго или отвергающаго законъ, 3) въ роли посредника или, вѣрнѣе, судьи между рейхстагомъ, рейхсратомъ и президентомъ, въ случаѣ ихъ разногласія по вопросу объ изданіи законовъ. Нельзя не замѣтить, что конституція, учитывая трудности, сопряженныя съ производствомъ референдума, старается избѣгнуть такового, если къ тому имѣется возможность, а съ другой стороны, стремится поставить народную инициативу на строго дѣловую почву (ст. 73).

Рейхсратъ не является теперь тѣмъ властнымъ политическимъ факторомъ, какимъ онъ былъ во времена имперіи.¹⁾ Онъ даже не равноправенъ нижней палатѣ (ст. 75), какъ американскій или французскій сенатъ. Однако, онъ не обезличенъ вовсе. За нимъ есть право аппелляціи къ рейхстагу, къ президенту и, наконецъ, народу.

Президентъ Германіи, въ вопросахъ законодательства, выше, авторитетнѣе и французскаго и американскаго президентовъ. Въ то время, какъ во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, въ случаѣ разногласій

¹⁾ Швейцарская конституція (ст. 9), переноситъ на федерацію право заключенія договоровъ, сохраняетъ, въ видѣ исключенія, за кантонами право заключать съ иностранными государствами договоры по предметамъ народнаго хозяйства, по вопросамъ сосѣдскихъ отношеній и полицейскимъ; но такіе договоры не должны содержать ничего противнаго конфедераціи или правамъ другихъ кантоновъ; кромѣ того (ст. 10), официальные сношенія между кантонами и иностранными правительствами и ихъ представителями (кромѣ низшихъ властей) должны вестись черезъ посредство союзнаго совѣта.

между президентомъ и палатами по вопросу объ изданіи закона практикуется, какъ мы знаемъ, вторичное принятіе закона парламентомъ, хотя и квалифицированнымъ большинствомъ голосовъ, передъ которыми президентъ и Франція и Соед. Штатовъ долженъ склониться--германскому президенту принадлежитъ право обращенія путемъ референдума къ избравшему его народу, какъ обладателю *summo imperio*.

VI.

Федеральное управление и судъ.

Остановимся теперь на федеральномъ управленіи.

Исключительному вѣдѣнію федераціи принадлежитъ прежде всего завѣдываніе сношеніями съ иностранными державами, защита федераціи и колониальное дѣло.

Въ тѣхъ вопросахъ, регулированіе которыхъ производится путемъ партикулярнаго законодательства, договоры съ иностранными государствами могутъ быть заключаемы и членами федераціи, но съ согласія федераціи. Соглашенія съ иностранными державами объ измѣненіи федеральныхъ границъ заключаются федераціей съ заинтересованной страной.

Они могутъ послѣдовать лишь законодательнымъ путемъ, кромѣ того случая, когда идетъ рѣчь престо о выпрямленіи границъ незаселенной части территоріи.

Для обезпеченія представительства интересовъ, которые вытекаютъ для отдѣльныхъ членовъ федераціи изъ ихъ особенныхъ экономическихъ отношеній или сосѣдства съ иностранными государствами, федерація принимаетъ въ контактъ съ заинтересованной страной необходимыя мѣры и организуетъ потребныя учрежденія.

Организація вооруженныхъ силъ германскаго народа опредѣляется единообразнымъ для всей федераціи федеральнымъ закономъ, съ принятіемъ въ соображеніе особыхъ свойствъ отдѣльныхъ контингентовъ (ст. 79). Въ то же время, всѣ германскія торговыя суда рассматриваются, какъ единый національный торговый флотъ.

Въ таможенномъ и торговомъ отношеніяхъ вся Германія образуетъ одну территорію съ общей таможенной границей, которая по сухопутью совпадаетъ съ государственной границей, а на морѣ образуется изъ континента и принадлежащихъ къ федеральной территоріи острововъ.

Къ германской таможенной территоріи въ правѣ присоединяться путемъ заключенія соотвѣтственнаго договора и иноземныя государственныя территоріи или части государства.¹⁾

Съ другой стороны, по особымъ соображеніямъ, изъ таможенной территоріи Германіи могутъ быть выдѣлены отдѣльныя части. Для свободныхъ портовъ (порто-франко) исключеніе изъ таможенной территоріи отмѣняется только въ порядкѣ, установленномъ для конституальныхъ измѣненій.

¹⁾ Очевидно, рассчитано на Австрію.

Состоящіе въ таможенномъ союзѣ (Zollanschlussen) могутъ быть посредствомъ договора или соглашенія присоединяемы къ иноземной таможенной территоріи.

Таможенные налоги и налоги на потребление (Verbrauchssteuern) находятся въ завѣдываніи федеральныхъ властей.¹⁾ При завѣдываніи со стороны послѣднихъ поступленіями налоговъ въ пользу федераціи, должны быть предусмотрѣны такія учрежденія, которыя сдѣлали бы возможной отдѣльнымъ членамъ федераціи охрану ихъ особыхъ интересовъ въ области сельскаго хозяйства, торговли и промышленности. Съ другой стороны, федерація издаетъ законодательнымъ порядкомъ правила: 1) объ устройствѣ налогового управленія въ отдѣльныхъ государствахъ, поскольку этого требуетъ равномѣрное и единообразное проведеніе федеральныхъ налоговыхъ законовъ, 2) объ устройствѣ и полномочіяхъ властей, на которыя возложено наблюденіе за проведеніемъ федеральныхъ налоговыхъ законовъ, 3) о расчетахъ съ членами федераціи и 4) о начетѣ при взиманіи федеральныхъ налоговъ на издержки управленія.

Одну изъ своихъ статей (85) конституція посвящаетъ непосредственно федеральному бюджету. Всѣ расходы и доходы федераціи устанавливаются на одинъ счетный годъ и включаются въ государственную роспись доходовъ и расходовъ, которая утверждается передъ началомъ счетнаго года.

По общему правилу, кредиты вотируются на одинъ годъ, но въ особыхъ случаяхъ они могутъ быть опредѣлены и на болѣе долгій срокъ. Не допускается включеніе въ роспись такихъ постановленій, которыя распространяютъ свое дѣйствіе за предѣлы счетнаго года, или не касаются доходовъ или расходовъ федераціи, либо ихъ управленія.²⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ, рейхстагъ не въ правѣ безъ согласія рейхсрата возвышать или вновь вводить въ проектъ росписи новые налоги. Согласіе рейхсрата на утвержденіе бюджета можетъ быть замѣнено указаннымъ въ ст. 74 порядкомъ, т. е. путемъ народнаго референдума.

Объ исполненіи государственной росписи федеральный министръ финансовъ представляетъ въ соотвѣтствующемъ счетномъ году отчетъ рейхстагу и рейхсрату. Порядокъ повѣрки этого отчета нормируется федеральнымъ закономъ. Въ отношеніи пользованія государственнымъ кредитомъ, конституція постановляетъ, что этимъ путемъ могутъ быть добываемы средства лишь въ случаяхъ чрезвычайной необходимости (ausserordentlicher Bedarf) и притомъ, по правилу, только для покрытія расходовъ на преходящія потребности (Verbendenzwecken). Обращеніе къ кредиту, т. е. заключеніе займовъ, равно какъ и принятіе за счетъ федераціи гарантій, совершается путемъ особаго федеральнаго закона.

¹⁾ Время вступленія этого постановленія въ силу опредѣляется федеральнымъ правительствомъ; на извѣстное переходное время взиманіе и управленіе таможенными пошлинами и налогами на потребление предоставляется, по ихъ желанію, отдѣльнымъ государствамъ.

²⁾ Весьма полезное ограниченіе т. н. бюджетнаго законодательства, практикующагося въ нѣкоторыхъ парламентарныхъ странахъ и вносящаго значительный беспорядокъ въ правотворящій аппаратъ.

Завѣдываніе почтой, телеграфомъ и телефоннымъ дѣломъ принадлежитъ также исключительно федераціи,¹⁾ причемъ законы почтовой оплаты, въ силу конституціи, должны быть едины для всей Германіи. Она одна заключаетъ соглашенія относительно почтового сообщенія съ другими государствами.

Съ согласія рейхсрата федеральное правительство издаетъ указы, которые устанавливаютъ основанія организаціи, а также сборы за пользованіе услугами *почтовыхъ учреждений*. Это право можетъ быть передано имъ, съ утвержденія рейхсрата, и федеральному министру почтъ и телеграфовъ. Для содѣйствія путемъ дачи совѣтовъ въ вопросахъ почтового, телеграфнаго и телефоннаго сообщенія, равно какъ и при установленіи тарифовъ, федеральное правительство организуетъ, съ согласія рейхсрата, специальный совѣтъ.

Особое вниманіе германская конституція посвящаетъ *железнодорожному дѣлу*, а также воднымъ путямъ сообщенія.

Всѣ желѣзныя дороги Германіи дѣлятся на эксплуатируемыя федераціей и на состоящія подъ ея надзоромъ. Въ качествѣ административной цѣли (задачи), статья 89 конституціи указываетъ принятіе въ собственность федераціи всѣхъ служащихъ общему сообщенію (*allgemeinem Verkehre*) желѣзныхъ дорогъ и управленіе ими, какъ единымъ предпріятіемъ.²⁾ Права, приобрѣтенныя желѣзнодорожными предпріятіями отдѣльных странъ и частныхъ компаній, должны быть переданы федераціи по ея требованію. Къ федераціи переходитъ также право экспропріаціи, а равно верховныя государственныя права, поскольку они относятся къ желѣзнодорожному дѣлу. Относительно объема этихъ правъ, въ случаѣ споровъ, выносить рѣшеніе *Staatsgerichtshof*.

Федеральное правительство, съ своей стороны, издаетъ, съ согласія рейхсрата, правила для регулированія постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, а также желѣзнодорожнаго сообщенія, каковое право оно можетъ передать, съ одобренія рейхсрата, подлежащему федеральному министру. Для содѣйствія функцій въ вопросахъ желѣзнодорожнаго хозяйства и тарифнаго дѣла федеральное правительство организуетъ особое совѣтъ по дѣламъ федеральныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ отношеніи желѣзнодорожнаго хозяйства ст. 92 постановляетъ, что федеральныя желѣзныя дороги, бюджеты и отчеты которыхъ включаются въ государственный бюджетъ и отчетъ, тѣмъ не менѣе, управляются, какъ самостоятельныя хозяйственныя предпріятія, причемъ расходы ихъ, включая уплату процентовъ и погашеніе желѣзнодорожнаго долга, покрываются ими самими; ими же образуется особый желѣзнодорожный фондъ. Высота амортизаціи и отчисленій на образованіе этого фонда опредѣляется специальнымъ закономъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда федерація принимаетъ въ свое управленіе служащія общему пользованію желѣзныя дороги извѣстнаго района, новыя желѣзныя дороги подобнаго характера могутъ быть сооружаемы въ этомъ районѣ лишь федераціей или съ ея согласія. Если же постройка новыхъ или измѣненіе существующихъ желѣзнодорожныхъ сооружений затрагиваетъ компетенцію лишь администраціи отдѣльныхъ государствъ, мнѣніе федеральной желѣзнодорожной администраціи, тѣмъ не менѣе, должно быть выслушано партікулярными властями передъ вынесеніемъ ими своего рѣшенія. Но тамъ, гдѣ желѣзныя дороги еще не приняты федераціей въ свое вѣдѣніе, она пользуется все же значительными въ отношеніи ихъ полномочіями. Въ частности, желѣзныя дороги, признанныя особо важными для интересовъ общаго транспорта (*allgemeinem Verkehre*) или государственной обороны, могутъ, въ силу особаго федеральнаго закона, хотя бы и противъ согласія тѣхъ государствъ, на территоріи коихъ они про-

¹⁾ Такимъ образомъ, прекращаютъ свое существованіе резерватныя права Баваріи и Вюртемберга въ области почтового и телеграфнаго дѣла, гарантированныя ст. 52 констит. 1871 года. Срокъ перехода установленъ ст. 170 къ 1 апрѣля 1921 года, причемъ до этого времени всѣ права и обязанности этихъ странъ въ указанномъ дѣлѣ остаются неприкосновенными.

²⁾ Желѣзныя дороги, водные пути сообщенія и морскіе судоходные каналы переходятъ къ федераціи съ 1 апрѣля 1921 года, поскольку до 1 октября 1920 г. не будетъ выработано условій передачи. Споры разрѣшаетъ *Staatsgerichtshof*.

ходить, но безъ нарушенія ихъ территоріальныхъ верховныхъ правъ—быть переданы для сооруженія другому государству съ предоставленіемъ послѣднему, въ необходимомъ случаѣ, права эксплуатаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое желѣзнодорожное управленіе должно допускать отнесеніе на его содержаніе другихъ желѣзныхъ дорогъ.

Устанавливая въ принципѣ монополію федераціи въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, конституція допускаетъ вторженіе ея въ желѣзнодорожное хозяйство не принадлежащихъ федераціи предпріятій. Согласно ст. 95, желѣзныя дороги общаго пользованія (allgemeines Verkehr), не состоящія въ управленіи федераціи, находятся, однако, подъ ея надзоромъ. Онѣ подчиняются однообразно устанавливаемымъ федераціей правиламъ, должны содержаться въ состояніи безопасномъ для эксплуатаціи и быть сооружаемы въ соотвѣтствіи съ требованіями транспорта; перевозка пассажировъ и грузовъ должна быть оборудована сообразно необходимости.

Въ отношеніи тарифовъ надзоръ федераціи направляется въ сторону установленія ихъ равномѣрности (gleichmässig) и возможнаго пониженія.

Наконецъ, и тѣ желѣзнодорожныя предпріятія, которыя не предназначаются для общаго пользованія, должны подчиняться распоряженіямъ федераціи въ отношеніи использованія ихъ для цѣлей государственной обороны (ст. 96).

Аналогична задача федераціи въ отношеніи принятія въ ея вѣдѣніе и эксплуатацію водныхъ путей сообщенія, служащихъ общему пользованію.

И здѣсь, послѣ перехода путей къ федераціи, устройство или сооруженіе новыхъ водныхъ путей сообщенія подобнаго типа можетъ производиться лишь федераціей или съ ея согласія. При управленіи, сооруженіи или перестройкѣ водныхъ путей сообщенія должны быть приняты въ соображеніе культурныя потребности даннаго, въ согласіи съ отдѣльными государствами, государства, а также вообще воднаго хозяйства, равно какъ и учтена необходимость развитія послѣдняго.

Каждое управленіе водными путями сообщенія должно соглашаться на отнесеніе другихъ внутреннихъ водныхъ путей сообщенія на издержки предпринимателя. То же обязательство имѣетъ мѣсто въ отношеніи устройства соединенія между внутренними водными путями сообщенія и желѣзными дорогами.

Съ переходомъ водныхъ путей сообщенія въ вѣдѣніе федераціи, она получаетъ право эксплуатаціи, регулированія тарифовъ, а также рѣчной и судоходной полиціи. Къ федераціи же переходятъ и задачи рѣчныхъ союзовъ (Strombauverbände) въ отношеніи оборудованія естественныхъ водныхъ путей сообщенія въ бассейнахъ Рейна, Везера и Эльбы. На общественныхъ путяхъ сообщенія могутъ быть взимаемы сборы лишь на содержаніе такихъ построекъ, сооружений и иныхъ предпріятій, которыя предназначаются для облегченія сообщенія. Они не должны превышать издержекъ государственныхъ и коммунальныхъ предпріятій. Издержки на устройство и содержаніе учреждений, которыя предназначены и для преслѣдованія др. цѣлей, кромѣ облегченія судоходства, могутъ быть покрываемы посредствомъ сборовъ съ судоходства лишь въ соразмѣрномъ долѣ.

Въ качествѣ издержекъ по сооруженію трактуются проценты и взносы по амортизаціи затраченныхъ средствъ. Изложенныя правила примѣняются также къ сборамъ, которые взимаются за пользованіе искусственными путями сообщенія, сооружениями на таковыхъ и въ таваняхъ.

Для исчисленія сборовъ могутъ быть принимаемы въ основаніе общіе расходы по данному водному пути, бассейну (Stromgebiet) или сѣти водныхъ путей сообщенія. Тѣ же правила распространяются на снавъ по судоходнымъ рѣкамъ. Право устанавливать для иностранныхъ судовъ и ихъ грузовъ болѣе высокіе, чѣмъ съ германскихъ судовъ, сборы принадлежитъ исключительно федераціи. Независимо отъ сазнаннаго, федерація можетъ, въ цѣляхъ полученія необходимыхъ для устройства и содержанія водныхъ путей сообщенія средствъ, привлекать участниковъ судоходства къ взносамъ,

издавъ для этого соотвѣтственный законъ. Къ несенію издержекъ по содержанию и устройству внутреннихъ путей сообщенія могутъ быть привлечены, въ силу федеральнаго закона, всѣ, кто извлекаетъ изъ нихъ другія выгоды, кромѣ выгоды судоходства (сообщенія по рѣкѣ), какъ скоро, въ этомъ участвуютъ нѣсколько государствъ, или издержки по сооруженію несетъ федерація.

Наконецъ, къ числу задачъ федераціи относится и принятіе въ собственность и управленіе всѣхъ судоходныхъ знаковъ, въ особенности маяковъ, плавающихъ огней, бочекъ и бакеновъ, постѣ чего эти послѣдніе могутъ ставиться лишь федеральными властями либо съ ихъ разрѣшенія.

Въ области *судебнаго* дѣла конституція содержитъ нѣсколько любопытныхъ декларативныхъ, но очень важныхъ постановленій.

Они возвыщаютъ, прежде всего, принципъ независимости и подчиненности судей лишь одному закону.

Обыкновенная юстиція осуществляется федеративнымъ судомъ (Reichsgericht) и судами отдѣльныхъ государствъ. Судьи этой обыкновенной юстиціи назначаются пожизненно. Они могутъ быть, противъ желанія, лишены своей должности на срокъ или навсегда, переведены на другое мѣсто или уволены въ отставку только при наличіи судебного приговора и притомъ по основаніямъ и въ порядкѣ, предусмотрѣнныхъ закономъ.

Но законъ можетъ опредѣлить тотъ предѣльный возрастъ, при достиженіи котораго судья уходитъ въ отставку. Правила эти не касаются временнаго приостановленія въ управленіи должности, поступающаго въ силу закона. При измѣненіяхъ въ устройствѣ судовъ и пространствъ ихъ округа, министерство юстиціи можетъ сдѣлать распоряженіе о переводѣ судьи въ другой судъ или увольненіи отъ должности и противъ его желанія, но лишь съ сохраненіемъ полного оклада содержанія. Постановленія эти не распространяются на членовъ торговыхъ судовъ, шеффеновъ и присяжныхъ.

Исключительные суды статьею 105 объявляются недопустимыми; никто, говоритъ она, не можетъ быть лишенъ своего законнаго судьи. Это не касается, однако, военныхъ (Standesgerichte), за исключеніемъ воинскихъ судовъ чести, которые конституціе упразднены. Съ другой стороны, военная подсудность примѣняется лишь въ военное время и на борту военнаго корабля; дальнѣйшее опредѣляетъ федеральный законъ.

Наконецъ, какъ въ федераціи, такъ и въ отдѣльныхъ государствахъ должны быть организованы, въ соотвѣтствіи съ закономъ, административные суды въ цѣляхъ защиты индивидуума отъ распоряженій административныхъ властей (Anordnungen und Verfügungen). На основаніи статьи 106 федеральнаго закона имѣетъ быть учрежденъ высшій федеральный судъ Германской республики (Staatsgerichtshof für das Deutsche Reich).

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Энгельфельдъ.

Психологія большевизма.

J. Spargo (перев. съ англ.)

Я пробую выяснитъ психологію того великаго движенія страстной не-удовлетворенности и насильственной ломки, которое, благодаря его быстрому развитію въ Россіи и распространенію въ этой несчастной странѣ, получило названіе „большевизмъ“.

Революціонный коммунизмъ—угроза цивилизаціи. Глубокая иронія въ томъ фактѣ, дающемъ пищу глубокому и серьезному размышленію, что окончаніе великой міровой войны принесло человѣчеству не миръ, но еще болѣе серьезный и трудный конфликтъ. Мирный договоръ, подписанный въ Версалѣ, замѣчательнъ, какъ документальное данное полного провала **самыхъ гордыхъ и вѣршихъ милитаристскихъ схемъ въ исторіи**, но онъ въ дѣйствительности отмѣчаетъ не возвращеніе мира въ измученныя войной страны, а новый путь человѣчества къ войнѣ еще болѣе ужасной. Каждой организованной націи, съ ея культурой, законами, искусствами и институтами, съ ея цивилизаціей, однимъ словомъ—угрожаетъ новая форма деспотизма и терроризма.

Если мы будемъ перебирать одну страну за другой, мы найдемъ всюду большія массы людей, готовыхъ возмутиться противъ существующаго социальнаго порядка, чтобы учредить безжалостный и безирравственный деспотизмъ грубой силы, худшій, чѣмъ былъ при Габсбургахъ и Гогенцоллернахъ. Какъ вышесказанные, такъ и всѣ ихъ предшественники, творцы новой тирании, даютъ прекрасныя обѣщанія всеобщей свободы, благополучія и счастья. Но, дѣлая свои эксперименты надъ живымъ тѣломъ **человѣчества**, они готовы разрушить всѣ институты и обычаи, которые одни только дѣлаютъ возможнымъ правильное развитіе **человѣчества** къ поставленному идеалу.

Если намъ удастся побѣдить это новое бѣдствіе, если цивилизація будетъ сохранена, мы должны понимать не только программу, но и духъ и умственные процессы, которые сопровождали и осуществляли программу. Каковы были причины, которыя привели такъ много людей къ тому, чтобы видѣть единственную надежду въ такомъ ужасномъ экспериментѣ? Гдѣ источники ихъ мрачнаго разочарованія и ихъ ирраціональных надеждъ? И что заставляетъ образованныхъ мужчинъ и женщинъ, которые, казалось бы, должны быть въ состояніи предвидѣть и оцѣнить великую опасность всему, что есть лучшаго въ цивилизаціи, принимать большевистскую программу, какъ панацею отъ всѣхъ болѣзней **человѣчества**, вопреки урокамъ **человѣческаго опыта**?

На эти и другіе вопросы я пробую дать отвѣтъ съ полнымъ **чисто-сердечіемъ** и простымъ и яснымъ языкомъ. У меня нѣтъ излюбленныхъ

теорій, которыя я хочу распространять, и никакого другого интереса, какъ только помочь сдѣлать большевизмъ понятнымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ интеллектуально побѣжденъ. Меня нельзя обвинить въ томъ, что я удовлетворяю существующимъ социальнымъ строемъ, или что я добиваюсь радикальных и даже революціонныхъ перемѣнъ въ обществѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ я работалъ, чтобы убѣдить моихъ соотечественниковъ въ необходимости полной реорганизаціи нашей экономической жизни.

Мое изученіе социальной проблемы давно убѣдило меня, что социализація экономической жизни должна исключительно зависѣть отъ социализаціи человеческой мысли и характера. Антисоциальное поведение, какъ со стороны индивидуумовъ, такъ и массъ, никогда не приблизитъ грядущій социализмъ. Только тѣ мужчины и женщины, жизнь которыхъ управляется социальнымъ сознаніемъ, могутъ построить и поддерживать истинно социалистическое общество. Большевикамъ ложень, потому что онъ антисоциаленъ, потому что его идеалы и методы такъ же эгоистичны и тираничны, какъ и неограниченнаго капитализма и даже самаго царизма. Онъ соперничаетъ съ худшими притѣсненіями прежняго режима и угрожаетъ будущей свободѣ.

Изучая различные типы мужчинъ и женщинъ, зараженныхъ духомъ большевизма, я имѣлъ возможность обширнаго знакомства съ очень большимъ числомъ мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ социальнымъ группамъ, являющимся опредѣленными большевиками или близкими къ большевикамъ. Мнѣ было бы очень легко слѣдовать методу, описывающему отдѣльные случаи, и давать детальное описаніе большого количества индивидуумовъ, чтобы иллюстрировать каждую группу или категорію. Однако, этотъ методъ, хотя и превосходный во многихъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ, для специалистовъ, имѣлъ бы большой недостатокъ, такъ какъ ограничивалъ бы спросъ на книгу сравнительно небольшимъ кругомъ читателей. Употребляя иную форму, я рассчитываю, что большее количество читателей лучше пойметъ угрозу большевизма.

I.

Большія массовыя движенія, религіозныя или политическія, бываютъ сначала трудно понимаемы. Непзмѣнно они переоцѣниваютъ существующую мораль и интеллектуальныя цѣнности, и переоцѣнка ихъ для нормальнаго ума—трудная и болѣзненная обязанность. Крімъ того, опредѣленіе ихъ цѣлей и дѣйствій въ правильныя и понятныя программы, большею частью, медленно осуществляется. При ихъ возникновеніи и во время первыхъ стадій ихъ развитія неизбѣжны соблазнительныя обѣщанія и риторическія преувеличенія. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ правило, что ни въ какой степени своего развитія большое массовое движеніе не можетъ быть вполне понятно и ясно объяснено только формальными лозунгами и подлинными заявленіями. Они должны быть дополнены внимательнымъ изученіемъ психологіи мужчинъ и женщинъ, идеалы и стремленія которыхъ эти лозунги представляютъ. Недостаточно знать и понимать вѣру: существенно понимать духовныя факторы, неудовольствіе, надежды, страхи, мечты отдѣльныхъ персонажей движенія. Это важнѣе въ начальныхъ стадіяхъ, чѣмъ въ послѣдующихъ, когда соотношеніе духа движенія выяснилось.

Понять основныя черты большевистской вѣры не представляет ни малѣйшихъ затрудненій, потому что онѣ были формулированы на многихъ языкахъ лидерами движеній въ разныхъ странахъ. Общія черты этой вѣры ясны и опредѣленны, но здѣсь, конечно, много пробѣловъ и незрѣлости. Многія проблемы были удалены, нѣкоторыя совершенно непризнаны, другія только соблазнительно и со страхомъ приближены. Во всякомъ случаѣ, главныя черты вполне ясны. Онѣ вполне понятны, потому что мало что въ нихъ не является общимъ мѣстомъ. Ни въ принципахъ ни въ политикѣ большевизмъ не представляетъ ничего оригинальнаго, и все въ немъ заключающееся можетъ быть найдено и объяснено въ многотомной литературѣ социализма и анархизма—истинныхъ первоисточниковъ возникшаго въ Россіи большевизма съ его мрачной измѣной цивилизаціи. Ленинъ, главный теоретикъ большевиковъ, единственный, привлекающій серьезное интеллектуальное вниманіе, безусловно является великимъ и оригинальнымъ мыслителемъ. Съ другой стороны, было бы очень трудно назвать писателя съ такимъ интеллектуальнымъ уровнемъ и вліяніемъ, писанія котораго были бы такъ абсолютно неоригинальны. Свои теоретическія идеи, вмѣстѣ съ ихъ положеніями, онъ беретъ у Маркса. Марксовскія обобщенія, марксовская фразеологія составляетъ основу его философскаго багажа. Даже въ государственной политической практикѣ онъ совершенно лишенъ оригинальности и изобрѣтательности, и его практическая программа и тактическіе приемы имъ рабски скопированы.

Если эта критика отчасти разсѣиваетъ фиміамъ, окружающій эту странную фигуру, честь, которую ему оказываютъ даже его горячайшіе критики—она не убавляетъ значенія его, какъ символа великой революціонной силы. Именно потому, что онъ не провозгласилъ новыхъ идей и идеаловъ, но воспользовался привычными принципами, произнесенными самымъ правовѣрнымъ социалистическимъ языкомъ, онъ такъ легко завоевывалъ значительное число послѣдователей. Новыя, радикально необычныя идеи прививаются очень медленно; человѣческій умъ по существу консервативенъ и медленно оставляетъ старыя идеи и идеалы ради новыхъ. Это особенно вѣрно, если старыя идеи составляютъ вѣру какой-нибудь секты, школы, культа или партіи. Чѣмъ страстнѣе приверженность къ нимъ, чѣмъ сплѣнѣе эмоциональные факторы, тѣмъ рѣшительнѣе сопротивление новымъ идеямъ, и тѣмъ фанатичнѣе чувство правоты. Первые раннія стадіи всякой религіи—самыя догматическія и нетерпимыя. Это причина, почему нетерпимость радикаловъ и радикальныхъ движеній вошла въ пословицу; имъ свойственны текстуальная послѣдовательность, склонность къ ереси и медленное воспріятіе перемѣны.

Если бы Ленинъ отказался отъ старыхъ марксовскихъ теорій и лозунговъ и попробовалъ бы создать новыя и незнакомые, онъ долго не нашелъ бы послѣдователей въ большомъ количествѣ. Они собиравшись бы медленно по одному, и, чтобы привлечь интересъ и остановить на немъ вниманіе человѣчества, потребовался бы геній, которымъ Ленинъ не обладаетъ. Его сила, и потому опасность, вѣщало покоится на полномъ отсутствіи оригинальности—на его ортодоксальности.

Его призывъ не вызвалъ острой интеллектуальной и духовной борьбы въ тѣхъ, къ кому онъ былъ обращенъ. Безумно разочарованнымъ людямъ, которые были въ состояніи духовнаго крушенія, онъ проповѣдывалъ активное разрушеніе. Онъ не звалъ ихъ оставить какую-нибудь

любимую часть вѣры, открыть закрытую комнату ихъ душъ, принять новыя доктрины. Онъ не сказалъ имъ: „То, чему училъ Марксъ и его ближайшіе послѣдователи, было давно, и больше не годится; мы должны это оставить и оживить нашу вѣру, сообразуясь съ новыми условіями, новыми знаніями и новыми нуждами“. Если бы онъ сдѣлалъ это, даже блестяще, ему пришлось бы выдержать гигантское сопротивленіе со стороны всѣхъ „измовъ“ и, главное, социализма. Выбирая линію наименьшаго сопротивленія, онъ основалъ свой призывъ къ разрушенію на ортодоксальной вѣрѣ своихъ товарищей-соціалистовъ, говоря имъ въ такомъ смыслѣ: „Марксъ давно указалъ намъ путь, по которому идти. Ничто не можетъ измѣнить истины. Всѣ, которые направляютъ къ другому—ложные пророки. Только приверженность къ старой вѣрѣ можетъ принести побѣду“.

Если мы не усвоимъ факта, что его интеллектуальный призывъ основывается на традиціяхъ социалистическаго движенія и на интеллектуальномъ авторитетѣ Маркса, мы никогда не будемъ въ состояніи понять быстроту распространенія и мировую извѣстность большевизма. И все-таки, какъ это ни парадоксально, большевизмъ и марксовскій социализмъ имѣютъ мало общаго, и между ученіями Маркса и Ленина мало сходства. То, что Ленинъ выставляетъ подъ именемъ Маркса, на самомъ дѣлѣ является каррикатурой настоящей марксовской мысли. Имя и слова Маркса часто у него на губахъ, но основной духъ Маркса отсутствуетъ.

Здѣсь мы опять имѣемъ феноменъ, часто встрѣчающійся въ популярныя ученія. Практически осуществленіе рѣдко совпадаетъ съ образомъ. Формулы, старательно выведенныя великими руководителями, дѣлаются номинальной теологіей секты или церкви, но дѣйствительная активная теологія почти всегда совершенно иная. Она рассчитана на низшій умственный уровень. Высшіе умы перерабатываются меньшими, и въ этомъ процессѣ многое мѣняется. Фразы и формулы удерживаются и утомительно повторяются, но ихъ первоначальная цѣнность измѣнена и утрачена. Такимъ образомъ, практическая теологія превращается въ каррикатуру настоящей. Такимъ образомъ, Ленинъ и его послѣдователи сдѣлали каррикатуру марковского ученія, которому они слѣдуютъ.

Это иллюстрируется главной чертой большевистской политики: попыткой учредить форму классоваго управленія, называемую ими „диктатурой пролетаріата“. Семьдесятъ два года тому назадъ, въ ноябрѣ 1847 г., формулируя „теоретическую и практическую программу“ для социалистическаго движенія того времени, Марксъ предсказалъ, что, по теченію эволюціи къ высшимъ ступенямъ человѣческаго общества, существующая борьба между капиталистическимъ классомъ и рабочимъ классомъ, который онъ называлъ пролетаріатомъ, сдѣлаетъ этотъ послѣдній правящимъ. Побѣдивъ, онъ учредить, говорилъ онъ, диктатуру—диктатуру пролетаріата. На основаніи этого предсказанія Маркса, Ленинъ и его послѣдователи говорятъ, что они—настоящіе послѣдователи марковского ученія, въ томъ видѣ, какъ они устанавливаютъ его теперь, что они называютъ диктатурой пролетаріата. Ленинъ не претендуетъ на оригинальность.

II.

Такъ какъ мы не намѣрены здѣсь разбирать Маркса, то намъ нѣтъ надобности обсуждать, поскольку пути, по которымъ шло историческое развитіе, совпали съ предсказаніемъ. Какъ многіе другіе предсказатели девятнадцатаго столѣтія, Марксъ достаточно плохо представилъ себѣ двадцатое. Мы же имѣемъ дѣло не съ предсказаніями девятнадцатаго, а съ реальностью двадцатаго. И только потому, что Ленинъ и его приспѣшники, поддерживаемые многими социалистами, считаютъ, сбитые фразами, что негодный бюрократическій режимъ является тѣмъ, что подражывалъ Марксъ—уже одно это доказываетъ, какъ далеки они отъ истины.

Марксъ находился подъ большимъ вліяніемъ мыслителей французской революціи и употреблялъ терминъ „пролетаріатъ“ въ ихъ смыслѣ. Такъ понимаемый, онъ значитъ больше, чѣмъ бѣдность, именно, презрѣннѣйшее положеніе въ обществѣ, немного лучшее, чѣмъ рабство, заключающее отсутствіе правъ гражданства. Въ римскомъ обществѣ этотъ терминъ относился къ большому классу, бывшему въ презрѣніи, включая крестьянъ, поденщиковъ и всѣхъ безъ капитала, собственности или опредѣленныхъ средствъ къ существованію, считаемыхъ „работающими руками“ на благо отечества и неспособныхъ въ политической жизни. Пролетаріатомъ считался не только бѣдный классъ, но бѣдный классъ плюсъ политическая несправедливость. Большая часть нашего рабочаго класса, за исключеніемъ ненатурализованныхъ иностранныхъ рабочихъ, не является пролетаріатомъ въ этомъ опредѣленномъ марксовскомъ смыслѣ.

Когда Марксъ писалъ свой знаменитый коммунистическій манифестъ, растущій рабочій классъ былъ почти вездѣ пролетаріатскимъ въ этомъ смыслѣ. Ни въ Англіи ни въ одной изъ странъ континентальной Европы не знали прямого парламентскаго представительства, и только много лѣтъ позже рабочій классъ приобрѣлъ право борьбы, и ихъ ораторы появились въ парламентахъ. Въ 1847 году эта эмансипація не превышала уровня существующей политики. Въ это время и долгій промежутокъ послѣ него, Марксъ не могъ знать о великихъ улучшеніяхъ въ условіяхъ жизни рабочаго класса, который прошелъ черезъ выборную реформу, общественное законодательство, успѣшно развивающійся тредъ-юніонизмъ и другіе факторы. Онъ считалъ, что развитіе, какъ разъ противоположное совершившемуся, неизбежно. Его теорія насильственной диктатуры пролетариата основывалась и была неотдѣлима отъ его увѣренности, что масса человечества обречена на пролетаризацію: что неумолимые законы капиталистическаго развитія обрекали преобладающее количество цивилизованнаго человечества на все увеличивающуюся бѣдность и, въ концѣ концовъ, приводили къ пролетарскому состоянію.

Это была мрачная трагедія, которую онъ нарисовалъ: все уменьшающійся классъ эксплуататоровъ, дѣлающійся богаче и богаче; увеличивающійся классъ эксплуатируемыхъ, все время бѣднѣющій; отсутствіе чувства гуманности со стороны властвующихъ, чтобы ослабить жестокость процесса; никакой правительственной силы, способной остановить его.

Наконецъ, когда преобладающее количество людей достигнетъ границы терпѣнія въ страданіи, только тогда случится неизбежный катаклизмъ, неизбежное возмущеніе большинства противъ меньшинства. Въ этотъ великій часъ возмездія, считаетъ Марксъ, побѣдившій пролетаріатъ, большая часть человечества, учредитъ „диктатуру пролетаріата“, управляющего, вмѣсто того, чтобы быть управляемымъ. Такимъ образомъ, считаетъ Марксъ, и считаетъ теперь Ленинъ, это классовое притѣсненіе прекратится, и вмѣсто раздѣленія, осуществится братское сотрудничество. Однако, раньше всего должна совершиться революція, затѣмъ диктатура пролетаріата, которая продлится до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ „смоетъ себя, какъ пролетаріатъ“—употребляя фразу Энгельса,—что значитъ уничтожить притѣсненія, унижительныя условія, дѣлающія изъ рабочихъ пролетаріевъ, для того, чтобы реконструировать социальный порядокъ.

Слѣдовательно, есть только номинальное сходство между теоріей управленія громаднаго большинства и подлымъ деспотизмомъ маленькаго количества, который Ленинъ и его коллеги учредили надъ сотнями милліоновъ русскихъ, или подобной же тираніей немногихъ надъ многими, которую спартаковцы пробовали устроить въ Германіи. Что бы мы ни думали о марксовской теоріи, которую, кстати сказать, онъ самъ оставилъ—не можетъ быть рациональнаго процесса, чтобы прикрыть эту возмутительнѣйшую утопію деспотизма. Она скорѣе относится къ до-марковскимъ ученіямъ, развитымъ вопиствующимъ меньшинствомъ отъ Робеспьера до Бланки. Большую часть своей жизни онъ былъ въ постоянномъ конфликтѣ съ проповѣдниками этихъ ученій.

III.

Философія русскаго коммунистическаго лидера, вліяніе котораго, особенно въ Россіи, такъ много зависитъ отъ его марковскихъ лозунговъ—вполнѣ до-марковская и анти-марковская. Мало удивительнаго, что многіе послѣдователи Маркса не замѣтили этого и неправильно оцѣнили Ленина. Труды Маркса—трудное чтеніе. Какъ Библію, на нихъ чаще ссылаются и цитируютъ, чѣмъ читаютъ. Только безконечно маленькое число тѣхъ, которые называютъ себя марковскими социалистами, изучили подлиннаго Маркса. Мало кто обладаетъ умственной дисциплиной, необходимой для такого изученія. Большинство знаетъ нѣсколько отдѣльныхъ текстовъ. Они знаютъ Маркса только по популярнымъ писаніямъ и устнымъ изложеніямъ, многія изъ которыхъ очень посредственны и очень далеки отъ точнаго изображенія мысли Маркса. Другими словами, активная дѣйствующая теологія марксистовъ радикально отличается отъ ея номинальной теологіи, будучи рассчитана на низшій умственный уровень. Показательно, что, за однимъ исключеніемъ, насколько мнѣ пришлось наблюдать, каждый истинный ученикъ Маркса въ социалистическихъ движеніяхъ всѣхъ странъ, включая и Россію, отвергъ и осудилъ большевизмъ. Это исключеніе—Николай Ленинъ.

Мы отмѣчаемъ здѣсь психологическій фактъ очень большой важности, именно: что нѣкоторыя неясности въ марксистскихъ ученіяхъ, къ несчастью, необъяснимы до тѣхъ поръ, пока не образуется достаточная масса его истинныхъ послѣдователей. Недостатокъ воспитанія и умственной дис-

циплины препятствуетъ полному пониманію системы Маркса. Въ публикѣ всегда готовы допустить и при удобномъ случаѣ попытаться осуществить конспиративную форму агитаціи и борьбы, противъ которой марксовская система, именно, направлена. Это было уже и при жизни Маркса въ интернаціональномъ социалистическомъ движеніи. Опять и опять онъ попадалъ въ горькій конфликтъ съ людьми и фактами въ движеніяхъ, проповѣдующихъ дѣйствія, подобныя позднему большевизму. Эти конфликты принесли большое облегченіе революціи, которая, по Марксу, вполне зависѣла отъ додогого эволюціоннаго пути. Такъ, на примѣръ, въ 1850 году, въ коммунистической лигѣ, для которой былъ написанъ знаменитый манифестъ, въ центральномъ комитетѣ образовалась партія, желавшая „революціонныхъ дѣйствій“ и немедленной попытки захватить власть смѣлымъ „coup d'état“ и установить диктатуру пролетаріата. Марксъ настойчиво тогда заявилъ, что рабочіе очень далеки отъ возможности учредить социальный порядокъ, и имъ понадобится много времени, быть можетъ, 50 лѣтъ, не для того, чтобы измѣнить общество, согласно своему идеалу, но только, чтобы самими сдѣлаться способными стать политической силой. Съ безконечнымъ презрѣніемъ онъ осудилъ „революціонныхъ фразеровъ“ и ихъ глупую лѣсть пролетаріату.

Было замѣчено, что каждое выступленіе большевистскихъ лидеров вызывало даже большую горечь по адресу социалистовъ не-большевиковъ, чѣмъ по отношенію къ капиталистамъ, политическимъ сторонникамъ стараго режима. Это вполне логично и правильно. Ни одна политическая философія, ни теорія общества, ни система индустріальной организаціи, принятой сторонниками капиталистическаго общества, такъ диаметрально не противоположна большевизму, какъ современный социализмъ, если онъ правильно понятъ. Чѣмъ больше развито социалистическое движеніе, тѣмъ оно въ большемъ контактѣ съ реальной жизнью, и поэтому для него ясно сознаніе ответственности, и тѣмъ острѣе его конфликтъ съ большевизмомъ. Здѣсь, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ социализмъ—еще незначительная политическая сила, и гдѣ, какъ говоритъ руководящій органъ партіи, есть области, гдѣ словъ больше, чѣмъ социалистовъ—этотъ конфликтъ только риторическій и академическій. Но въ Россіи и Германіи онъ неизбежно долженъ былъ вызвать гражданскую войну.

Реконструкція общества, согласно социалистическимъ основаніямъ—очень грандіозная программа. Ея реализація должна занять, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, много лѣтъ. И, конечно, много лѣтъ должно пройти, чтобы сдѣлать цѣнные перемены въ структурѣ социальной организаціи общества. Общество не можетъ социализироваться быстрее и больше, чѣмъ социализированы отдѣльныя единицы, изъ которыхъ оно состоитъ. Социальныя формы и институты мѣняются очень медленно въ отвѣтъ на пропаганду и идеалистическія силы. Только подъ давленіемъ большихъ экономическихъ вліяній они измѣняются съ замѣтной быстротой. И даже замѣтная быстрота такихъ измѣненій болѣзненно медленна относительно человѣческой жизни. Нѣсколько словъ убѣдительнаго оратора, эпиграмма или умно написанная листовка могутъ совершенно измѣнить характеръ и направленіе человѣческаго мышленія и вызвать въ исполненіи его программы непониманіе большой удаленности и невозможности полной реализаціи ея раньше 50 или 100 лѣтъ. Нѣтъ ничего страннаго, а, наоборотъ, вполне естественно, что многіе мужчины и женщины находятъ слишкомъ тягостнымъ такое долгое терпѣніе и стан-

вятся жертвами разочарованія, или идутъ за тѣми, которые считаютъ, что нашли болѣе короткіе пути къ своей цѣли. Эти скороспѣлые способы имѣютъ успѣхъ изъ-за слабости человѣчества, нетерпѣнія, желанія полдня въ одиннадцатъ часовъ.

Конечно, гдѣ социалистическая пропаганда вылилась въ сильную организацию, дѣятельность которой выявляется въ замѣнахъ и реформахъ, вѣра легче поддерживается, и здѣсь меньше разочаровывающихъ сомнѣній, меньше соблазна слушать проповѣдниковъ соціальной лжи, нежели тамъ, гдѣ агитація не приноситъ такихъ замѣтныхъ завоеваній. Политическое бездѣйствіе американскаго социалистическаго движенія, его полная невозможность сдѣлаться реальной силой для проведенія демократическѣй социалистической программы и несчастная политика американской федераціи труда, которой болѣе, чѣмъ чему-нибудь другому, обязаны отсутствіемъ того, что называется трудовой партіей страны—должны считаться одними изъ досаднѣйшихъ обстоятельствъ нашей современной политической жизни. Они отвѣтственны за то большое количество политическихъ разочарованныхъ и отчаявшихся, которые составляютъ рабочую силу анархизма, синдикализма, большевизма и ихъ вариантовъ.

Очевидное преобладаніе въ нашей политикѣ и управленіи капиталистическихъ интересовъ неизбѣжно вызываетъ подобные результаты. Законодательство о защитѣ рабочихъ отстало отъ сознательной совѣсти человѣчества; законъ гораздо чувствительнѣе по отношенію нуждъ капитала; исполнительныя силы государства дѣйствуютъ подобнымъ же образомъ. Нѣчто очень близкое къ плутократической диктатурѣ давно существуетъ, и сдѣлано многое, чтобы воспитать желаніе диктатуры пролетаріата.

IV.

Какъ-то было цинично замѣчено, что большинство людей не почерпаютъ изъ исторіи ничего, за исключеніемъ того, что они ничего не узнаютъ изъ исторіи. Ленины, Троцкіе и Бѣла-Куны едва ли могутъ сказать, что они вынесли изъ исторіи даже это. Ничто во всемъ ходѣ большевистской психологіи не является такимъ замѣчательнымъ, какъ полное забвеніе большевистскими лидерами простыхъ уроковъ исторіи. Возьмите, напримѣръ, настойчивость Ленина и Троцкаго, поддержанную и ихъ американскими послѣдователями, въ томъ, что современный пролетаріатъ долженъ осуществлять свою тактику по примѣру несчастной парижской коммуны 1871 года; можетъ ли быть болѣе блестящая иллюстрація умышленной неспособности использовать одинъ изъ самыхъ трагическихъ уроковъ исторіи?

Коммуна, конечно, не имѣла ничего общаго съ социалистическими теоріями коммунизма. Это было чисто политическое движеніе. Разнообразныя группы, руководствуясь экономическими и социалистическими теоріями, которыя являлись антагонистическими и разрушительными, соединились противъ существующаго правительства прусскаго мира, въ пользу политическаго федерализма. Единственной основой соглашенія была теорія, что государство должно состоять изъ совершенно автономныхъ самоуправленій коммунъ, свободно соединенныхъ, однако,

не подчиненныхъ никакому центральному авторитету. Это было вполне регрессивное и реакціонное предложеніе, которое, если бы оно имѣло успѣхъ, безмѣрно ослабило бы Францію и сдѣлало бы ее легкой добычей новой имперіи, которую создавалъ Бисмаркъ.

Видя французскихъ членовъ коммуны такими активными, въ вихрѣ неумиравшей надежды, что крайности стараго режима вызываютъ кризисъ и подходящий шансъ для новаго, Марксъ самъ взглянулъ на нее черезъ розовые очки. На короткое время онъ вернулся къ вѣрѣ Бланки, что энергичное, смѣлое и умно руководимое меньшинство можетъ имѣть силу организованнаго общества и пустить въ ходъ новый социальный порядокъ. Но Марксъ очень скоро разочаровался, какъ повѣствуетъ намъ Энгельсъ. Иначе и не могло быть: теорія экономической мотивировки исторіи была слишкомъ хорошо обоснована, слишкомъ владѣла его умомъ, чтобы такъ легко быть разрушенной. Это было необоснованное и плохо продуманное предпріятіе, обреченное на гибель.

Даже для ограниченной программы политическаго федерализма методы коммуны были ребячески непригодны. Дѣти, играющіе огнемъ; мудрецы этихъ отчаянныхъ людей, которые хотѣли такимъ образомъ захватить политическую машину большого современнаго государства и немедленно направить ее по новому пути. Марксъ и Энгельсъ убѣдились въ этомъ еще до трагическаго ея конца. Но, почти полстолѣтія спустя, мы видимъ такихъ людей, какъ Ленинъ и Троцкій, невѣжественно повторяющихъ трагическія ошибки 1871 года, но только въ большихъ размѣрахъ, пробуя примѣнить методы коммуны, чтобы реализовать широкую программу коммунизма въ странѣ, историческое и экономическое развитіе которой дѣлаютъ осуществленіе ея пока невозможнымъ. Это было бы смѣшно, если бы причины къ тому не были бы такъ трагичны; не можетъ быть смѣха и насмѣшекъ, а одна только безконечная грусть, если мы вспомнимъ ужасные эксперименты и вивисекцію на окровавленномъ, корчащемся тѣлѣ Россіи.

Какъ же понять готовность многихъ мужчинъ и женщинъ, которые долго и серьезно размышляли надъ политическими вопросами, которые называютъ себя либералами и демократами, апплодировать политикѣ, такъ существенно и демонстративно нелиберальной и недемократической, такъ сильно дискредитированной? Легко понять, что неграмотные, неученые, суевѣрные, измученные бѣдностью слѣдуютъ этимъ безумнымъ совѣтамъ, но какъ усвоить это относительно образованныхъ мужчинъ и женщинъ, ученыхъ, которые защищаютъ ихъ, вмѣсто того, чтобы оцѣнить ихъ, какъ слѣдуетъ?

V.

Не одна формула даетъ полный отвѣтъ на эти вопросы. Не къ одной категоріи принадлежатъ эти заблудшіе. Есть разные опредѣленные пути, приводящіе къ этому печальному результату. Мы можемъ, во всякомъ случаѣ, опредѣлить нѣкоторые изъ этихъ категорій съ достаточной ясностью. Нѣкоторые, доведенные до отчаянія угнетеніями капиталистической системы и ея многочисленными несправедливостями, не въ состояніи понять раціональных и моральныхъ различій во всѣхъ

способахъ борьбы противъ этой системы. Часто это—высокообразованные люди, высокой порядочности въ личной жизни, вдохновленные самыми частыми побужденіями, но приведенные ненормальными притисненіями этой системы къ неспособности дѣлать тѣ интеллектуальныя и моральныя различія, которыя необходимы въ здоровомъ и трудоспособномъ гражданствѣ. Для этого типа характерно самое страстное и искреннее осужденіе малѣйшей несправедливости, если она исходитъ отъ правящаго класса и, съ другой стороны—полное равнодушіе, снисхожденіе и даже защита крупныхъ несправедливостей ихъ класса, даже въ томъ случаѣ, когда жертвами являются не члены правящаго класса, а ихъ собственные товарищи. Что касается опредѣленной моральной несостоятельности и неискренности, то это, въ сущности, является факторомъ патологическаго состоянія, вполне опредѣленной формы психоневроза.

Вторая большая группа состоитъ изъ типичныхъ жертвъ и является тоже вполне опредѣленной формой истерической гиперестезіи. Ихъ мыслительный процессъ спазматиченъ и въ высшей степени эмоционаленъ. Имъ владѣтъ неподвижная идея, которая основывается не на разумѣ, а на чувствѣ. Этотъ типъ былъ особенно много наблюдаемъ и изучаемъ въ связи съ религіозными формами истеріи. Никто изъ тѣхъ, кто присутствовалъ на большихъ большевистскихъ митингахъ или знакомъ со многими лицами, на которыхъ большевизмъ произвелъ сильное впечатлѣніе, не станетъ спорить, что большая часть послѣдователей большевизма представляетъ большое сходство съ крайними религіозными изуверами, не только въ томъ, какъ они выражаютъ свой энтузіазмъ, но также въ ихъ методахъ изученія и спора. Совершенно какъ при религіозной истеріи, одинъ текстъ становится всею върою съ полнымъ исключеніемъ всякаго другого, и, неспытанный обычными критеріями разума, дѣлается единственнымъ мѣриломъ правильности всего остального; большевикъ этого типа, услышавъ одну какую-нибудь фразу въ спазмъ возбужденія, не подвергнувъ ее размысленію, дѣлаетъ ее самой эссенціей истины, стандартомъ, показывающимъ, гдѣ правда и неправда. Большинство проповѣдниковъ большевизма принадлежитъ къ этому типу.

Люди съ такимъ складомъ ума, большей частью, способны и склонны къ точнѣйшей логической дедукціи и анализу. Иногда, благодаря этой способности, они пріобрѣтаютъ репутацію блестящихъ мыслителей. Однако, ихъ основныя идеи, на которыхъ все базируется—эмоциональнаго происхожденія, а не результатъ взвѣшиванія дѣйствующихъ данныхъ. Исходный моментъ—чувство, эмоциональный импульсъ. Убѣжденіе, созданное такимъ образомъ, настолько сильно и такъ могущественно царитъ, что не можетъ быть сокрушено никакимъ чисто умственнымъ рациональнымъ факторомъ. Такъ долго, какъ это длится, т. е. до тѣхъ поръ, пока спазмъ не пройдетъ, или какое-нибудь другое болѣе сильное эмоциональное впечатлѣніе не оттолкнетъ его, оно держитъ умъ въ своемъ полномъ подчиненіи. Люди этого типа, о которыхъ говорятъ, что „они думаютъ своими чувствами“, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Они легко дѣлаются жертвами религіозной истеріи и разныхъ формъ агитаціи и пропаганды, имѣющей истерическія черты.

Все это характерно для этого типа и великолѣпно иллюстрируется большевистской литературой. Люди этого типа принимаютъ рѣшенія и доходятъ до позитивныхъ осужденій по самымъ труднымъ вопросамъ съ ужасающей легкостью. Они приходятъ къ этимъ изобличеніямъ въ вихрѣ эмоціи безъ медленнаго и мучительнаго труда по пути мысли, гдѣ каждый шагъ зарабатывается сознательнымъ взвѣшиваніемъ дѣйствительности. Благодаря этой странной особенноти, они видятъ каждую задачу очень упрощенной. Для нихъ усложненія и уклоненія, которыя беспокоятъ нормальный умъ, не существуютъ. Все или бѣлое, или черное; затрудняющихъ промежуточныхъ сѣрыхъ цвѣтовъ нѣтъ. Что правда—то правда; они не видятъ сомнительныхъ сумерекъ. Идеи, нуждающіяся въ самомъ сложномъ изученіи, самыхъ тонкихъ поясненіяхъ, просто берутся, или проповѣдуются съ полной увѣренностью. Положенія принимаются за факты, безразлично отъ источника, если только они поддерживаютъ данное изобличеніе, принимаются безъ разсмотрѣнія, употребляются, какъ заключительное доказательство, хотя самое короткое размышленіе доказало бы его несостоятельность.

Есть еще одна опредѣленная черта, характерная для этого аномальнаго типа, которая сильно сказывается въ умственномъ состояніи средняго большевика. Это острая нетерпимость. Конечно, нетерпимость сама по себѣ не есть истерія. Иногда, наоборотъ, нетерпимость есть слѣдствіе чистой раціональности. Но, когда аудиторія радикаловъ, протестующихъ противъ ограниченій свободы слова и печати, съ воємъ и свистомъ заставляетъ молчать всякаго, кто пробуетъ высказать мнѣніе, съ которымъ они не согласны, ихъ поведеніе истерично; оно вполне эмоціонально и не раціонально, логически они несостоятельны въ идеалѣ свободы. Требуя свободы, они отрицаютъ свободу уже существующую. Не разъ я видѣлъ большевистскія и социалистическія собранія, шумяція гнѣвомъ по поводу притѣсненій полиціей свободы слова и затѣмъ кричація, чтобы заглушить, терроризовать и привести въ молчаніе оратора, со взглядами котораго они не согласны, препятствуя, такимъ образомъ, въ самомъ зачаткѣ выраженію мнѣнія, которое имъ не по сердцу. Они дѣлаютъ именно то, за что осуждаютъ другихъ. Конечно, истинно мыслящіе люди не были бы такъ несостоятельны. Конечно, эмоціональное впечатлѣніе и мнѣніе толпы здѣсь играютъ роль. Психологія толпы отличается отъ индивидуальной психологіи. Но все-таки фактъ остается; индивидуумы, составляющіе толпу, особенно сверхъ-эмоціональны.

Группа мужчинъ и женщинъ въ этой странѣ, симпатіи которыхъ къ большевикамъ хорошо извѣстны, была замѣчательно подготовлена къ протесту противъ такихъ деспотическихъ и недемократическихъ актовъ, какъ ограниченіе свободы слова и собраній, жестокое обращеніе съ политическими заключенными, чрезвычайные судебные приговоры и т. д. Съ какимъ жаромъ они осуждали ограниченія, вызванныя войной, примѣнительно къ популярнымъ свободамъ! Какъ ревностно они возражали противъ вербовки и домогались правъ для такъ называемыхъ „сознательныхъ протестантовъ“! Въ наше время рвеніе къ народной свободѣ—благородное качество, и оно не должно быть оцѣниваемо легкомысленно, не должно быть высмѣиваемо. Только этимъ рвеніемъ сохраняется изъ года въ годъ наслѣдство съ трудомъ добытой свободы.

Если мы обратимся къ оцѣнкѣ поведенія защитниковъ большевиковъ, мы увидимъ, что они не находятся въ умственномъ равновѣсіи. Попробуйте кого-нибудь изъ нихъ заставить осудить ужасныя притѣсненія популярныхъ свободъ большевистскимъ правительствомъ въ Россіи, невыразимо жестокое обращеніе съ мужчинами и женщинами, единственная вина которыхъ—выраженіе антидемократическихъ мнѣній, безмысленное убійство невинныхъ людей: ни одного слова осужденія вы не услышите. Они будутъ защищать притѣсненія конституціонныхъ собраній, публичныхъ митинговъ и прессы; они будутъ прощать и защищать введеніе большевиками смертной казни безъ суда, вербовку и всѣ прочіе приемы милитаризма, ссылаясь на то только, что все это необходимо, чтобы дать возможность большевикамъ спасти плоды революціи. Причина этому въ томъ, что не разсужденіе руководитъ ими—оно является только второстепенной силой, по сравненію съ главнымъ руководителемъ—эмоціею.

Такъ же характерна для этой формы психо-невроза манера, съ какою дѣйствія этого рода опредѣляются особыми словечками, сокращеніями и формулами. Этотъ словесный гипнозъ идеализируетъ для нихъ обычныя вещи и даетъ возможность старымъ изношеннымъ идеямъ вызывать энтузіазмъ и энергію вмѣстѣ съ возбужденіемъ интеллектуальнаго открытія. Зачастую идеи и программы, которыя не производятъ впечатлѣнія подъ старыми обычными именами, создаютъ гигантскій энтузіазмъ, когда онѣ опредѣляются новыми необычными именами. Этому можно привести много примѣровъ, но и двухъ-трехъ будетъ достаточно. Въ продолженіе всего періода современнаго индустріализма не было времени, когда недовольные рабочіе не попытались бы отомстить за свои настоящія и вымышленныя притѣсненія, портя матеріалы и инструменты, задерживая работу и т. д. Ничто въ этихъ дѣяніяхъ не вдохновляло людей конструировать теоріи, строить политику, пока группа французскихъ ученыхъ, воспользовавшись однимъ шотландскимъ терминомъ и переведя его, не отчеканила новое слово „саботажъ“, которое сдѣлалось, въ свою очередь, привлекательнымъ для нѣкоторой группы въ этой странѣ. Самые обыкновенныя рабочія дѣйствія и идеи, такимъ образомъ, легко восторжествовали простой замѣной англійскаго термина французскимъ. Слѣдуетъ сказать, что гипнотическое вліяніе такихъ необычныхъ терминовъ, какъ „большевизмъ“ и „совѣтское правительство“, имѣло большій эффектъ, дѣлая приемлемыми заключающіяся въ нихъ основныя черты принциповъ и дѣйствій, нежели принципы и дѣйствія сами по себѣ. Если бы было предложено, чтобы мы, вмѣсто существующихъ формъ управленія, учредили управленіе нашими трудовыми и промышленными союзами—мало кто изъ нашихъ мыслителей нашелъ бы что-нибудь привлекательное въ этомъ, хотя это, по существу, то же, что значить „совѣтское правительство“. Такъ, въ 1869 году, на конгрессѣ стараго интернаціонала, замѣна политики управленія федеративными совѣтами трудовыхъ союзовъ была опубликована и стала пропагандироваться. Эта старая идея была оживлена I.W.W.*) въ 1905 году, но прошла незамѣченной современными мыслителями, пока появленіе французскаго слова „синдикализмъ“ не сдѣлало ее модной на

*) Industrial Workers of the World (союзъ промышленныхъ рабочихъ міра).

короткое время. Ленинъ сознается, что онъ и его коллеги просто приняли сполна программу I.W.W., но, такъ какъ она дана подъ русскимъ именемъ, то считается за что-то новое подъ солнцемъ.

Истерическій субъектъ, нами разсматриваемый, легко приходитъ въ экстазъ и видитъ въ незначительныхъ и относительно ограниченныхъ мѣрахъ безбрежныя возможности. Въ прежнее время чартисты въ Англіи настаивали на реформахъ, которыя были современны и прекрасны. За исключеніемъ небольшихъ и незначительныхъ деталей, ихъ программа прошла. Въ высшей степени занимательно и поучительно въ наше время читать экстатические предсказанія нѣкоторыхъ истерическихъ лидеровъ этой большой борьбы объ ожидаемыхъ результатахъ, долженствующихъ послѣдовать отъ осуществленія ихъ требованій. Точно то же можно сказать о широкой агитаціи и пропагандѣ, слѣдующихъ затѣмъ—кооперации, равноправія женщинъ, обязательнаго образованія. Каждое такое движеніе казалось вѣрнымъ и безопаснымъ сокращеніемъ пути къ Утопіи. И все-таки обѣтованная земля очень, очень далека.

Если мы возьмемъ группу американскихъ интеллигентовъ, которые въ настоящій моментъ являются горячими поклонниками большевизма, мы найдемъ, что, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, они увлекались почти каждымъ „измомъ“, который появлялся, видя въ каждомъ изъ нихъ магическое лекарство отъ болѣзней человечества. Такъ смотрѣли они на биметаллизмъ въ прошломъ столѣтіи. Они не видѣли тогда, чего еще можно было требовать, чтобы превратить пустыню въ цвѣтущій садъ, возвести земной рай. Слѣдующіе, въ свою очередь, взялись за анархизмъ, коммунизмъ, марксовскій социализмъ, индустріальный юніонизмъ, синдикализмъ, феминизмъ и многія другія движенія и пропаганду, изъ которыхъ каждое возбуждало экстатические видѣнія новыхъ небесъ и новой земли. Такія лица восторженно восхваляли все странное, эксцентричное въ искусствѣ. Въ банальныхъ и смѣшныхъ попыткахъ кубистовъ и футуристовъ они видѣли трансцендентальный гений. Они вѣчно ищутъ новыхъ боговъ и погрѣбаютъ старыхъ.

Типичный большевистскій интеллигентъ этого типа, вполне отличающійся отъ пролетарскаго типа (экономическое положеніе и условія такъ отличны и въ періодъ войны такъ естественно направляли къ состоянію большевизма), характеризуется слѣдующими истерическими особенностями: преувеличенный эгоизмъ, крайняя нетерпимость, умышленная мелочность, преувеличенный критичизмъ, снисходительность къ себѣ самому, страшная жажда умственныхъ и эмоциональныхъ возбужденій, рѣзкій догматизмъ, напыщенный языкъ, импульсивное сужденіе, непостоянство настроеній, интенсивное поклоненіе героямъ, склонность къ интригамъ, конспираціи, быстрыя колебанія отъ противоположностей экзальтаціи и разочарованія, рѣзкія противорѣчія въ упорно защищаемыхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, періодическія быстрыя и неспонтаническія перемѣны умственнаго состоянія. Не каждый индивидуумъ, конечно, неизменно представляетъ все эти характерныя черты, и не только эти черты вообще симптоматичны для истеріи, свойственной этому типу.

Было бы преувеличеніемъ сказать, что эти лица все истеричны въ патологическомъ смыслѣ, но вполне опредѣленно можно сказать, что этотъ классъ имѣетъ истерическія черты, близко сходныя съ большимъ

классомъ сверхъ-эмоціональныхъ религіозныхъ энтузіастовъ, въ ряду которыхъ много настоящихъ истеричныхъ. Возможно, что окружающія обстоятельства были причиной того, что ихъ эмоціонализмъ принялъ не религіозныя, а соціологическія формы. Если бы соціологическіе нововысказыванія отсутствовали, многие изъ нихъ были бы приведены къ религіозному состоянию, не менее аномальному.

Въ качествѣ иллюстрирующей большевизму и привлекательной его появленію въ Соединенныхъ Штатахъ, мы также находимъ обычное количество авантюристовъ, всегда встрѣчающихся въ революціонныхъ движеніяхъ и начинаніяхъ. Многие изъ нихъ—просто игроки. Они устремляются въ каждую агитацію, всегда надѣясь, что „что-нибудь подвернется“. Туземныя движенія въ Индіи и Америкѣ, ирландскіе мятежи и синфайнеры, борьба въ Мексикѣ, возстанія въ Чикаго и Будапештѣ или забастовки въ Лондонѣ и Санъ-Франциско—все одинаково заманиваетъ. Всякое замѣшательство, безразлично, отъ какихъ причинъ, желательно, потому что можетъ представить возможность чѣмъ-нибудь воспользоваться.

VI.

Очень отличная отъ предыдущихъ группа состоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ, болѣе или менѣе щедро удѣляющихъ свое богатство для субсидированія большевистской пропаганды. Свидѣтельствуя передъ комитетомъ сената въ Соединенныхъ Штатахъ, одинъ изъ хорошо извѣстныхъ большевистскихъ дѣятелей, какъ говорятъ, сказалъ, что большевики всегда въ состояніи добыть средства для ихъ пропаганды отъ богатыхъ праздныхъ женщинъ, которымъ нечѣмъ заниматься. Холодный цинизмъ этого замѣчанія долженъ быть помѣщенъ рядомъ съ заявленіемъ Ленина на третьей совѣтской конференціи: „между сотней такъ называемыхъ большевиковъ есть одинъ настоящий большевикъ, 39 преступниковъ и 60 безумцевъ“.

Сотрудничество богатыхъ людей въ такой пропагандѣ интересно, какъ фактъ, но не является чѣмъ-то исключительнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было замѣчено, что нѣкоторые богатые свѣтскія женщины посвящали настолько большое вниманіе I.W.W., что это сдѣлалось даже моднымъ. Лидеры I.W.W. чувствовали себя, какъ дома, въ гостинныхъ Пятой авеню и были обычными членами въ домашнемъ обществѣ фешенебельнаго свѣта.

Богатые женщины гораздо чаще заинтересованы въ пропагандѣ такого рода, чѣмъ мужчины ихъ семьи и общества, быть можетъ, не столько благодаря особенностямъ ихъ пола, сколько благодаря факту, что мужчины ближе и непосредственнѣе соприкасаются или причастны къ большимъ индустріальнымъ и финансовымъ организаціямъ, являющимся центрами атакъ. Однако, общеизвѣстно, что женщины гораздо болѣе склонны къ истеріи, чѣмъ мужчины.

Въ этой количественно небольшой группѣ можно различить нѣсколько типовъ. За исключеніемъ одного, гиперестезія свойственна всѣмъ изъ нихъ. Исключеніе составляютъ безстрастныя натуры, существа чистаго интеллекта, мысль которыхъ работаетъ съ механической точностью и пра-

вильностью. Циничное презрѣніе къ менѣ совершеннымъ умамъ или личностямъ, поддающимся вліянію чувства, свойственно этимъ сверхъ-людямъ. Большею частью, они—грубые матеріалисты. Такъ же часто ихъ сексуальная жизнь или отсутствуетъ, или ненормальна. Они были разочарованы въ любви, остались не замужемъ, ихъ нормальныя стремленія истощены, или бракъ ихъ былъ фиктивнымъ. Такіе люди увлекаются „безстрастными изслѣдованіями безстрастной науки“, въ высшемъ смыслѣ. Типъ этотъ сухой, блестящій, способный къ большой притупленности чувствъ и жестокости. Умы этого холоднаго, механически-точного типа часто безпошадно аналитичны и находятъ себѣ постоянное упражненіе въ разсматриваніи соціальныхъ институтовъ, законовъ и обычаевъ, выставяя множество ихъ несовершенствъ и указывая новые усовершенствованные способы. Они—истинные творцы Утопін. Съ отсутствіемъ чувства, съ безразличіемъ къ традиціямъ, равнодушіемъ къ чувствамъ другихъ—они учитываютъ только одинъ фактъ: жизнь, какъ сказалъ Эмерсонъ о Робертѣ Овенѣ и его помощникахъ.

Такимъ умамъ демократія, даже лучшая, должна казаться недостаточной, неудовлетворительной, неспособной къ успѣшному функционированію. Совѣтское управленіе можно діаграммизировать и сдѣлать на бумагѣ гораздо болѣе подходящимъ для усовершенствованнаго индустріальнаго общества. Для этого типа ума привлекательны искусственныя и произвольныя схемы и системы разныхъ родовъ, какъ системы, двигающія человѣческій прогрессъ, новыя формы семейной жизни, методы питанія, лечебныя методы и т. д. Отъ людей, обладающихъ умами этого типа и достаточными средствами, происходитъ большинство любопытныхъ книгъ, предлагающихъ новыя и старательно разработанныя схемы для переустройства общества. Въ поведеніи и дѣйствіяхъ этихъ хладнокровныхъ людей есть нѣчто божественное; кажется, что они говорятъ: „дайте намъ передѣлать человѣчество, согласно нашимъ образцамъ“.

Есть еще одна группа: простые романтики, всегда живущіе въ ихъ собственномъ мірѣ фантазіи, игнорирующіе реальность и движимые въ своихъ поступкахъ только идеями и идеалами: война дурна—поэтому дайте намъ возможность показать воюющимъ то, что они неправы, позвольте намъ избавить ихъ отъ траншей и распустить по домамъ.

Другіе—по существу мятежныя души, инстинктивные анархисты, которые не признаютъ никакихъ авторитетовъ, закона или связывающаго обычая. Наконецъ, сюда относятся неврастеники, нервы которыхъ испытываютъ постоянное влеченіе къ новому, также какъ нѣкоторые—потребность алкоголя, или люди, побуждаемые стремленіемъ къ извѣстности. Эти послѣдніе находятъ точки соприкосновенія и пути съ революціонной агитаціей въ передовыхъ статьяхъ ежедневной прессы.

VII.

Если бы большевизмъ считался вѣрой или модой богатыхъ мужчинъ и женщинъ, маленькимъ обществамъ интеллигентной буржуазіи онъ не былъ бы очень важенъ. Присоединеніе такихъ лицъ и группировокъ къ этой революціонной пропагандѣ заслуживаетъ вниманія, только какъ вспомогательная сила, содѣйствующая настоящей ужасной силѣ, которая про-

исходитъ и зиждется на низшемъ социальномъ уровнѣ. Кроме того, это интересно психологу, какъ слабыя формы аномальной психологіи. Большевиизмъ важенъ, какъ манифестація стремленія и энергіи части пролетаріата, какъ надежда и усиліе сравнительно большой и все увеличивающейся группы самаго многочисленнаго класса общества, класса, потенциально достаточно сильнаго, въ этой и всякой другой націи, съ хорошо развитой индустріей, чтобы—хорошо ли, дурно ли—повелѣвать и управлять.

Какъ мы уже замѣтили, терминъ „пролетаріатъ“, которымъ воспользовался Марксъ, и который вошелъ въ наше повседневное употребленіе черезъ марксистскую социалистическую литературу, едва ли примѣняемъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ употреблялъ его Марксъ, къ массѣ рабочаго класса.

Чтобы учесть распространеніе большевистскихъ идей и идеаловъ среди членовъ этого класса до размѣровъ, которые являются однимъ изъ величайшихъ политическихъ факторовъ нашего времени, знаніе историческаго основанія настоятельно необходимо. Невозможно понять большевизмъ до тѣхъ поръ, пока мы не поймемъ классовой психологіи, которая является источникомъ его, а это требуетъ сознательнаго пониманія великой борьбы враждующихъ классовъ, которая характеризуетъ современное политическое общество. Большевизмъ—продуктъ этой борьбы и неотдѣлимъ отъ нея. Классовая борьба—не только марксовская гипотеза; это глубокий фактъ фундаментальной важности, главный факторъ между двигателями социальной эволюціи. Принимаемъ ли мы, или отвергаемъ теорію классовой борьбы Маркса, или мы относимъ это къ философіи исторіи, частью которой она является—мы должны принять за фактъ классовый конфликтъ; въ противномъ случаѣ, мы не сможемъ правильно понять большевизмъ.

Марксъ указалъ на тотъ фактъ, что всегда великія перемѣны въ историческомъ развитіи человечества бывали кульминаціонными точками борьбы классовъ съ противоположными интересами и идеалами.

Правящій классъ будетъ сверженъ классомъ, до сихъ поръ подчиненнымъ, но который на будущее время будетъ руководящимъ. И не только экономическими интересами, но и въ происхожденіи своемъ, эти классы раздѣляются. Они такъ же различны, какъ и ихъ политическіе и социальные идеалы. Точно такъ же современный рабочій классъ и капиталистическій классъ, власть котораго онъ желаетъ пріобрѣсти, имѣетъ различные антагонистическіе экономическіе интересы и различные антагонистическіе политическіе и социальные идеалы. Марксъ призываетъ пролетаріатъ соединиться противъ общаго врага, забыть разницу происхожденія, вѣры и силы до окончанія достиженія общаго выигрыша. Нота разочарованія звучитъ въ его трогательномъ призывѣ: онъ обращается не только къ рабочимъ, но къ пролетаріямъ вообще, людямъ, которые, на самомъ дѣлѣ, были рабами труда, считались только предметомъ эксплуатаціи, безъ собственности и безъ перспективы опредѣленныхъ возможностей добиться гражданства. Къ этому-то классу, который не имѣлъ ни участія ни доли въ государствѣ, онъ обратилъ свой призывъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Вамъ нечего терять, кромѣ вашихъ цѣпей; вы можете завоевать міръ“. Этотъ самый призывъ сдѣланъ въ наше время рабочему классу, которому, конечно, много чего придется потерять, только потому, что съ тѣхъ поръ онъ сдѣлалъ огромныя пріобрѣтенія. Большевики, спартаки, анархисты, синдикалисты, коммунисты и социалисты возобновляютъ старый

включъ, несмотря на завоеванія, сдѣланныя рабочими союзами и тредъ-юнионами, гигантскія завоеванія кооперативовъ, большую организацію попечительной и медицинской помощи и почти повсемѣстное распространеніе политической правомочности рабочаго класса. Могушество этого стараго лозунга въ наши дни доказывается, что и при новыхъ условіяхъ остается много несправедливаго. Редакція призываетъ можетъ быть осуждена за его гиперболическое преувеличеніе, но милліоны откликаются на него, потому что они являются жертвами невыносимыхъ лишеній, и потому, что въ немъ заключается „новый міръ“, который достигается только протестомъ, жертвами и борьбой.

Если мы склонны думать, что классъ, который получилъ такъ много, долженъ быть благодарнымъ, надо вспомнить сѣдующіе два факта: первый—что всѣ эти завоеванія сдѣланы самими рабочими, благодаря ихъ героическимъ усиліямъ и ряду жертвъ. Они борьбой добыли всѣ эти льготы отъ правящаго класса; они создали союзы и подняли голосъ на право жизни; ихъ агитація и организація заставили провести въ жизнь медицинскую фабричную инспекцію. Второй фактъ тотъ, что социальныя идеалы класса возвышаются съ улучшеніемъ его условій. При эволюціи явились новыя потребности, выяснились новые недочеты, выросли новыя мечты, пришли въ голову лучшіе и высшіе лозунги. Голосовать, избирать правителей—болѣе ихъ не удовлетворяетъ; это достаточно хорошо въ срединѣ 19-го столѣтія, сегодня желательно участіе въ этомъ активномъ управленіи; „хорошее вознагражденіе за хорошій рабочій день“ было надеждой въ то время, теперь мечтаютъ о системѣ индустриальной демократіи, не основывающейся на заработной платѣ, но на коллективномъ демократически организованномъ трудѣ для всеобщаго блага. Принимая въ расчетъ всѣ эти данныя, думаютъ: зачѣмъ оставлять такую удачную борьбу, и почему должны рабочіе оставаться безмолвными, несмотря на то, что они узнали много новаго?

Марксовская фраза, старая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣчно новая, составляющая одно изъ положеній конституціи I. W. W., говоритъ: „рабочій классъ и капиталистическій классъ не имѣютъ ничего общаго“. Это совершенно неправильно. Вѣроятно, никто въ дѣйствительности и не вѣритъ, чтобы это была правда, но постепенно поддается незамѣтному гипнозу. Каждый отдѣльный членъ общаго собранія I. W. W., вѣроятно, могъ бы видѣть и допускать, что вышеизложенная сентенція неправильна, и, тѣмъ не менѣе, почти навѣрное было бы невозможно принудить такое собраніе отказаться отъ этого положенія въ пользу другого, признаваемого каждымъ отдѣльнымъ делегатомъ болѣе правильнымъ и истиннымъ.

Очевидно, что рабочіе и капиталисты, живущіе въ одномъ и томъ же городѣ или странѣ, связаны многими постоянно увеличивающимися общими интересами. Ихъ общими интересами будутъ: хорошія санитарныя и противопожарныя условія, безкорыстіе судей, ненарушимость голосованія, надежная охрана женщинъ и дѣтей отъ насильственныхъ посягательствъ, своевременная доставка продовольствія и многое другое въ томъ же родѣ. Даже на промышленномъ поприщѣ, гдѣ особенно рѣзко сталкиваются интересы капиталистовъ и людей, живущихъ на заработокъ, часто важныя интересы являются тождественными. Для тѣхъ и другихъ дѣлаясь безработица одинаково нежелательна. Работодатели и рабочіе единодушно стануть въ оппозицію законодательству, которое пыталось бы нанести ущербъ, или предназначалось бы къ разрушенію данной отрасли промышленности.

Въ приведенномъ афоризмѣ есть все же, хотя и преувеличенный, доль правды. Столкновеніе экономическихъ интересовъ свойственно взаимоотношеніямъ двухъ разсматриваемыхъ классовъ. Оставляя въ сторонѣ узкую и близорукую политику отдѣльныхъ личностей и разсматривая взаимоотношенія обоихъ классовъ съ точки зрѣнія разума и прогрессивнаго сотрудничества, можно установить слѣдующее правило: несомнѣнный экономическій интересъ капиталистовъ заключается въ томъ, чтобы поддерживать наибольшую разницу между суммой цѣнностей, создаваемыхъ трудомъ, и суммой заработной платы, не нанося въ то же время ущерба производительности и довольству рабочихъ. Съ другой стороны, несомнѣнный экономическій интересъ рабочихъ заключается въ томъ, чтобы получить, въ видѣ заработка, наибольшую часть изъ суммы созданныхъ цѣнностей, не нанося въ то же время ущерба существованію и развитію соответствующаго предпріятія.

Изъ этого основного различія въ экономическихъ интересахъ неизбѣжно вытекаетъ такое же различіе въ классовомъ самосознаніи и чувствѣ. Какъ иначе могли мы объяснить то единообразіе, съ которымъ трудовой классъ выдвинулъ свои рабочіе сокозы, а также то единообразіе, съ которымъ два класса населенія становились на противоположныя точки зрѣнія почти во всякомъ движеніи, имѣвшемъ нѣкую привлечь государство къ регулированію промышленной жизни? На зарѣ развитія капитализма, его представители держались принципа „laissez faire“, считая его идеальнымъ фундаментомъ для промышленности и руководящимъ началомъ для государства, при соприкосновеніи послѣдняго съ промышленностью страны. Съ другой стороны, рабочіе выказывали явное отвращеніе къ тому же принципу, притомъ не случайное, такъ какъ повсемѣстно и единодушно требовали отъ государства ограничительнаго и стѣснительнаго промышленнаго законодательства, которое регулировало бы число рабочихъ часовъ, ограждало малолѣтнихъ и устанавливало прочія условія труда. Въ наше время капиталисты вообще признаютъ принципъ активного вмѣшательства государства, однако, желаютъ, чтобы это вмѣшательство не заходило за извѣстные предѣлы. Они желаютъ, чтобы частная предпринимательность могла развиваться на всѣхъ поприщахъ, причемъ государство время отъ времени гдаетъ свои правила лишь гостелу, поскольку это необходимо для поддержания физическаго благосостоянія рабочихъ и для предотвращенія революціонныхъ выступленій. Съ другой стороны, рабочий классъ, во мѣрѣ пріобрѣтенія большаго вліянія въ дѣлахъ государственнаго строительства, стремится еще болѣе усилить правительственный контроль надъ промышленностью и даже въ нѣкоторыхъ важныхъ отрасляхъ изгнать частную инициативу, поставивъ государство на ея мѣсто.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ осажденной Ургѣ.

(Впечатлѣнія очевидца).

Кажется, за все время существованія древней столицы Монголіи впервые въ ея окрестностяхъ и по ней раздалось выстрѣлы изъ современной намъ пушки... Казалось, что эти гулкіе звуки выстрѣловъ и слѣдовавшіе за ними разрывы снарядовъ возвѣщаютъ всѣмъ, что безвозвратно миновала пора тихой, мирно-унылой и однообразной жизни безбрежныхъ пространствъ Монголіи. Даже здѣсь, въ этой какъ будто нарочито созданной тишинѣ и безмятежности, отнынѣ былъ положенъ конецъ спокойному существованію усталаго и истомленнаго русскаго эмигранта. Революція вторглась и въ безпредѣльные монгольскія поля и холмы и своимъ ревомъ нарушила торжественный покой монгольскихъ кочевій, необозримыхъ степныхъ пространствъ и цѣпей холмовъ...

Такъ съ ноющей въ сердцѣ тоской думалось подъ аккомпанементъ пушечной пальбы, продолжавшейся почти цѣлый томительный день перваго боя подъ Ургой.

Какъ это произошло?

Въ № 1-2 „Русскаго Обозрѣнія“, въ статьѣ „Къ событіямъ въ Монголіи“, изложены причины, въ силу которыхъ монгольское возстаніе, рожденное въ національной враждѣ монголь по отношенію къ китайцамъ, должно было неминуемо разразиться подъ вліяніемъ вызывающей политики маленькаго Сюя.

Но возстаніе монголь, какъ и вся исторія ихъ самоопредѣленія, тѣсно переплелась съ русскимъ вопросомъ.

Въ періодъ революціи, симпатіи монголь, раньше принадлежавшія русскимъ вообще, перешли всецѣло на „бѣлыхъ“.

Монголы считали „красныхъ“ своими врагами, потому что красные „кончили“ того „бѣлаго царя“, подъ покровительствомъ котораго находилась молодая, неопытная монгольская независимость. Въ Монголіи сразу оказали поддержку Семенову, съ первыхъ дней его выступленія, и до сихъ поръ остаются преданными друзьями забайкальскаго атамана и его сподвижниковъ.

Китайцы, наоборотъ, радовались побѣдамъ красныхъ. Онѣ развязывали имъ руки въ Монголіи, открыли имъ вновь свободу дѣйствій въ этой странѣ, и они боялись и ненавидѣли тѣхъ, съ кѣмъ приходили призраки прежней русской силы.

! Отсюда пронестекало различіе отношеніе къ бѣжавшимъ въ Монголію многочисленнымъ „бѣлымъ“: монголы относились къ нимъ радушно и привѣтливо, китайскія же власти—съ плохо скрытой враждебностью. Первые видѣли въ нихъ своихъ естественныхъ будущихъ

союзниковъ и помощниковъ, вторые склонны были разсматривать бѣглецовъ, какъ замаскированныхъ, на время притихшихъ враговъ. Китайскія власти повсюду въ Монголіи разоружали перешедшихъ на монгольскую почву бѣлыхъ и зачастую арестовывали нѣкоторыхъ изъ нихъ; бывали случаи выдачи нѣкоторыхъ изъ бѣженцевъ краснымъ.

Китайская администрація въ Монголіи съ лихорадочной поспѣшностью вводила всюду свою администрацію, свои суды и таможенную, усиливая свои гарнизоны, и малѣйшее проявленіе недовольства по поводу видѣвшихся новыхъ порядковъ подавляло самыми суровыми репрессіями. Многие изъ непокорныхъ монгольскихъ князей были посажены въ тюрьму, гдѣ подвергались жестокимъ пыткамъ; та же участь постигла и ламъ (духовенство). Въ сентябрѣ м. года состоявшіе при Богдо-Геченѣ, въ качествѣ совѣтниковъ, быв. министры монгольского національнаго правительства Ман-дай-ванъ и Хотонъ-Батыръ-ванъ¹⁾ были заключены въ тюрьму. Самъ Богдо-Геченъ содержался подъ строгимъ наблюденіемъ, хотя и былъ окруженъ вѣншимъ почетомъ.

Во время многихъ путешествій по необозримымъ пространствамъ Монголіи, пишущему эти строки изъ многочисленныхъ бесѣдъ съ простыми монголами, князьями и ламами, играющими очень крупную роль въ общественной жизни монаховъ, приходилось неоднократно слышать пламенные рѣчи о томъ, что зимой, когда будетъ холодно, въ чему китайскіе солдаты не привыкли, начнется „большая война“.

Въ теченіе лѣта монголы усиленно скупали оружіе. Тогда говорили, что въ серединѣ лѣта состоялся тайный съѣздъ нѣкоторыхъ монгольскихъ князей, ламъ и націоналистовъ, на которомъ вопросъ о возстаніи противъ китайцевъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и оно было назначено на зиму.

Въ безпредѣльныхъ степяхъ Монголіи, во время лѣтнихъ путешествій, царствуетъ такой покой и умиротворяющая тишина, что, слушая горланную возбужденную рѣчь о томъ, какъ монголы зимой будутъ воевать съ китайцами—трудно было повѣрить, что эта величественная тишина и покой могутъ быть нарушены пулеметной и орудійной стрѣльбой.

Но время шло, а слухи и разговоры (въ Монголіи нѣтъ иныхъ способовъ общенія между людьми) становились все упорнѣе, а къ осени послѣдовали и первые признаки, предвѣстники будущей бури. Кажется, въ концѣ іюля или въ началѣ августа китайскими властями въ Ургѣ были получены тревожныя извѣстія о томъ, что съ сѣвера движется какой-то русскій отрядъ. Въ Ургѣ тотчасъ же было введено осадное положеніе, а въ Маймаченъ-Кяхтинскомъ—военное. Жителямъ послѣдняго стадо извѣстно, что на Ургу движется отрядъ Семенова. Въ дѣйствительности оказалось, что всего ѣхало 120 человекъ забайкальскихъ казаковъ безъ оружія, уволенныхъ въ Читѣ со службы. Однако, все казаки были задержаны, лошади и имѣвшееся у нихъ имущество и деньги отобракы, а сами они арестованы. Ихъ продержали до середины октября и подъ конвоемъ отправили въ Кяхту для передачи краснымъ; за время же заключенія казаковъ гоняли на принудительныя работы. Китайскія власти склонны были разсматривать этихъ людей, какъ передовой отрядъ Унгерна или Семенова.

¹⁾ Послѣдній нынѣ вошелъ въ составъ монгольского правительства.

И, въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ же получились точныя данныя, что Унгериѣ вторгся въ предѣлы Монголіи и имѣетъ намѣреніе занять Ургу.

1.

Въ серединѣ октября м. г. опредѣленно было выяснено китайцами, что неизвѣстный отрядъ русскихъ, монголь и бурятъ двигается по направлению къ Ургѣ. 23 октября въ Ургѣ китайскими властями было получено первое сообщеніе, что отрядъ Унгерна—впервые опредѣленно было указано имя—находится въ 120 вер. и движется на Ургу. Столица Монголіи была объявлена на осадномъ положеніи, и движеніе по улицамъ разрѣшалось только до 7 час. вечера. Затѣмъ послѣдовала амнистія заключеннымъ въ тюрьмѣ китайцамъ, которые всѣ были мобилизованы. На слѣдующій день развѣдка донесла, что непріятель приблизился на 60 ли (китайская мѣра длины).

Послѣ мобилизаціи амнистированныхъ, китайскія власти, для усиленія гарнизона, обратились къ китайскому купечеству съ просьбой выдѣлить изъ своего служилого персонала, т. е. приказчиковъ и рабочихъ, надежный и способный элементъ для усиленія гарнизона.

По рекомендаціи и поручительству торгующихъ китайцевъ посылались служащіе, которые проходили ускоренный курсъ обученія военному дѣлу.

Послѣ этого китайская администрація приступила къ конфискаціи лошадей у русскихъ. Первоначально лошадей брали не всѣхъ, а только тѣхъ, которыя признавались годными, и даже была сдѣлана слабая попытка выдавать квитанціи въ принятіи коней. Но это было только моментъ, а затѣмъ все пошло самымъ „нормальнымъ“ порядкомъ. Сначала отбирались всѣ, безъ исключенія, лошади, потомъ и экипажи полукше; сначала дѣлалось это властями, а потомъ уже любымъ китайскимъ солдатомъ, которому почему-либо приходило въ голову отобрать для себя коня или экипажъ.

Отобраны были лошади, между прочимъ, у мѣстнаго отдѣленія „Центросоюза“, гдѣ было свыше 50 коней.

Всѣмъ за реквизиціей лошадей, точно тѣмъ же порядкомъ, т. е. безъ выдачи какихъ-либо документовъ и подсчета количества взятаго, произведено было отобраніе у мѣстныхъ русскихъ жителей заготовленнаго ими сѣна. Грузить и возить сѣно заставляли самихъ русскихъ, безъ различія общественнаго положенія, подъ конвоемъ китайскихъ солдатъ. Вѣншій видъ Урги въ эти дни напоминалъ военный лагерь. Бѣшено скакали по улицамъ конные солдаты, и носились взадъ-впередъ автомобили съ высокопоставленными офицерами.

На развѣтѣ 26-го октября мирно спавшіе жители Урги проснулись отъ глухихъ, но близкихъ раскатовъ артиллерійской стрѣльбы, позвѣстившихъ, что дѣйствительно дикородочная суегія китайцевъ въ предшествующіе дни и разговоры о наступленіи на Богдо-Хурэ оказались не лишними основанія. До этого никто почти не вѣрилъ въ возможность осады Урги, тѣмъ болѣе, что о „врагѣ“ отъ китайцевъ толкомъ ничего нельзя было узнать.

За нѣсколько недѣль въ Ургѣ появился какой-то таинственный автомобиль, прибывшій изъ Хайлара, якобы за инженерами, желавшими оборудовать въ Монголіи противочумную станцію. Машина была выкрашена въ защитнаго цвѣта краску. У китайцевъ прїѣхавшіе возбудили подозрѣніе, но, когда ихъ хотѣли заарестовать, то оказалось, что автомобиль вмѣстѣ съ пассажирами куда-то скрылся; говорили впослѣдствіи, что это были развѣдчики Унгерна, и что они уѣхали тайно въ его сторону.

Итакъ, 26-го октября раздались первые пушечные выстрѣлы. Съ наступленіемъ сумерекъ, когда ярко горѣлъ закатъ, все стихло, и наступила тишина, еще больше, чѣмъ гулъ выстрѣловъ, навѣвавшая тревожное и мрачное настроеніе.

Мирные жители, послѣ тревогъ за минувшій день, съ приходомъ темноты почувствовали себя еще болѣе беззащитными и одинокими.

Позднѣ говорили, что бой въ этотъ первый день шелъ въ районѣ Маймачена-Ургинскаго, причемъ наступленіе велось съ юго-востока, и атакующіе первоначально будто бы достигли окрестностей городка. Наступленіе велъ передовой отрядъ Унгерна, по опредѣленію китайцевъ, человекъ въ 200-250. Атака, по увѣренію китайскаго командованія, была отбита, что, впрочемъ, имѣло подтвержденіе въ томъ, что, достигнувъ кульминаціоннаго развитія къ 10-11 час. дня, артиллерійскій и ружейный огонь потомъ сталъ менѣе энергичнымъ и постепенно удаляющимся.

Ночь прошла совершенно тихо; не было ни пушечной ни ружейной стрѣлбы. Послѣдующіе два дня также ничего особеннаго не принесли. Почти всюду царило полное спокойствіе, если не считать слабой ружейной стрѣлбы. Это обстоятельство нѣсколько облегчающе повліяло на состояніе духа русскихъ резидентовъ.

На улицахъ не было движенія, лишь носились верховые китайцы; подъ горой тянулись обозы съ разнаго рода кладью для войскъ. На сопкахъ, окружающихъ Ургу съ сѣвера, въ районѣ русской колоніи, видны были растянутыя цѣпи китайскихъ солдатъ. На склонѣ, противоположномъ атакующимъ, установлены были двѣ пушки, а недалеко отъ нихъ, въ сторонѣ, въ складкѣ между двухъ сопкокъ, былъ раскинутъ майранъ (монгольская палатка), гдѣ обогрѣвались китайскіе солдаты.

По поведенію солдатъ въ цѣпяхъ безошибочно можно было судить, что на сопкахъ все спокойно и пока благополучно для защитниковъ Урги.

Но китайскія войска весьма оригинально использовали періодъ этого затишья.

Съ ранняго утра 29-го октября, подъ предлогомъ реквизиціи сѣна, огромная масса конныхъ солдатъ, группами, человекъ по три-четыре, скакала по Ургѣ, главнымъ образомъ, по русской колоніи, вторгалась въ квартиры, гдѣ, подъ предлогомъ обыска съ цѣлью обнаруженія оружія, они забирали одежду, постельныя принадлежности, до простынь включительно, костюмы, полотенца, драгоценности; мародеры, при входѣ въ квартиру, подвергали обыску людей, у которыхъ, въ случаѣ обнаруженія, забирались деньги, золотыя и серебряныя вещи, снимались съ рукъ часы, кольца и браслеты. Малѣйшее сопротивленіе вы-

зывало угрозу применить силу оружія. Такъ, напримѣръ, при отобра-
ніи у одного русскаго, г. Ю., золотого фамильнаго браслета, солдатъ
отстегнулъ отъ винтовки штыкъ, чтобы вмѣстѣ съ браслетомъ отсѣчь
руку. Плачь, крикъ родныхъ прекратился, когда браслетъ удалось, къ
счастью, снять и тѣмъ спасти руку. Все забранное, какъ, напримѣръ,
одѣяла, простыни, укладывалось на сѣдло, а поверхъ садился солдатъ-
грабитель и такъ ѣхалъ открыто по улицамъ.

Не успѣвали уѣхать одни мародеры, какъ ужъ въѣзжала въ ог-
раду дома компанія другихъ: одни изъ дверей, другіе въ двери. Перво-
начально еще дѣлали видъ, что ищутъ оружіе, но потомъ грабежъ при-
нялъ уже совершенно открытый характеръ, безъ всякой попытки хоть
какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь прикрыть его. Имѣли мѣсто факты, когда
шедшаго перепуганнаго русскаго, пытавшагося укрыться отъ грабежа
внѣ дома, у знакомыхъ, останавливали прямо на улицѣ, извлекали содер-
жимое изъ его кармановъ, снимали верхнюю одежду либо шапку. Стран-
ную и дикую картину можно было наблюдать на улицахъ русской ко-
лоніи: масса вооруженныхъ конныхъ солдатъ группами разѣзжали отъ
одного дома къ другому, таща на сѣдлѣ либо въ рукахъ кучу забран-
ныхъ вещей. Тутъ было все: отъ полотенецъ до пальто и шубъ.

Стояло необыкновенное оживленіе. Вокругъ же Урги за этотъ день
не раздалось ни одного выстрѣла, хотя бы ружейнаго; это значительно
упростило „работу“ мародеровъ.

Толпой разнузданныхъ солдатъ была разгромлена контора „Центро-
союза“. Съ внѣшней стороны квартира конторы имѣла видъ помѣ-
щенія послѣ основательнаго погрома. Столы всѣ были взломаны, шкафы
тоже, и все находившееся въ нихъ въ безпорядкѣ раскидано по помѣ-
щенію. Касса взломана, несгораемый ящикъ исковерканъ, вся серебря-
ная монета и доллары забраны, а на полу валялась огромная масса
пятирублевыхъ романовокъ.

Квартира управляющаго конторой г. Лаврова, въ присутствіи семьи
его, подверглась такому же разгрому. Надо сказать, что самъ г. Лавровъ
еще до этого дня за три, послѣ нелѣпнѣйшаго обыска, былъ почему-то
арестованъ и содержался въ я-мынѣ. При обыскѣ г. Лавровъ самъ вы-
далъ все имѣвшееся у него охотничье оружіе, на которое имѣлъ разрѣ-
шеніе отъ ургинскихъ китайскихъ властей. По словамъ присутствовавшихъ
при обыскѣ китайскихъ властей, обыскъ и арестъ управляющаго конторой
былъ вызванъ тѣмъ, что наканунѣ въ помѣщеніи „Центросоюза“ проис-
ходило какое-то сборище. Въ дѣйствительности же, въ этотъ день контора,
опасаясь за сохранность своихъ цѣнностей и желая обезпечить служа-
щихъ на время осложненій, производила выдачу имъ жалованья впередъ.

Вечеромъ разыгрался крупный грабежъ богатой квартиры барона
Фитингофа, быв. управляющаго дѣлами золотопромышленнаго общества
„Монголоръ“. Грабежъ этотъ былъ прекращенъ энергичнымъ вмѣшатель-
ствомъ двухъ американскихъ гражданъ, жившихъ противъ дома „Мон-
голоръ“. Американцамъ удалось одного изъ мародеровъ задержать, и,
благодаря этому, часть похищеннаго была спасена. Задержанный
солдатъ былъ переданъ китайскимъ военнымъ властямъ, которыя впо-
слѣдствіи сообщили американцамъ, что солдатъ этотъ казненъ по приго-
вору военно-полевого суда.

Такому же полному грабежу подверглась квартира служащаго фирмы Гершевичъ, Огурцова. Кто-то изъ этой квартиры вышелъ на улицу въ тотъ моментъ, когда недалеко проѣзжало нѣсколько китайцевъ. Вышедшій, испугавшись ѣдущихъ, быстро скрылся обратно въ помѣщеніе. Этого было вполне достаточно, чтобы солдаты открыли по квартирѣ Огурцова ружейную пальбу; помѣщеніе было прострѣлено въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Всѣ находившіеся въ немъ, къ счастью, отдѣлались лишь испугомъ, такъ какъ сразу же сообразили, что необходимо укрыться въ подпольѣ.

Уже сидя въ подпольѣ съ дѣтьми и женщинами, они могли въ щель наблюдать, какъ въ домъ вошли нѣсколько солдатъ и стали ружьями ломать сундуки, выбрасывая на полъ все содержимое и забирая то, что было поцѣниѣ. Былъ устроенъ настоящій разгромъ. Обитатели, однако, были счастливы, что хоть остались живы.

Въ самомъ Хурэ за этотъ день были аналогичныя картины. Здѣсь точно такъ же грабежу подвергались исключительно русскіе.

Какъ на наиболѣе крупное ограбленіе, укажемъ на „посѣщеніе“ квартиры мѣстнаго жителя, монголофила-бурята Бадмансанова и торгующаго Носкова, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности пострадалъ на десятки тысячъ китайскихъ долларовъ. Результатомъ пережитаго за этотъ день явилось то, что русскіе признали свое положеніе трагическимъ и прямо безвыходнымъ. Всѣми овладѣли самыя мрачныя предчувствія и ожиданія неизмѣримо болѣе худшаго. Думалось уже не о спасеніи вещей, цѣнностей, а о томъ, какъ бы сохранить жизнь.

Спустившаяся на землю ночь прекратила грабежъ, но усилила чувство страха и тревоги. Ночь проведена была неспокойно, никто почти не спалъ и не раздѣвался, всѣ ждали чего-то ужаснаго. Однако, все обошлось благополучно. Ночь прошла въ полной тишинѣ и спокойствіи: не слышно было ни выстрѣловъ, ни появленія гдѣ-нибудь мародеровъ.

Съ наступленіемъ утра всѣ немного пріободрились, и сразу же были предприняты кое-какіе шаги для самозащиты.

Группой русскихъ, по преимуществу изъ состава служащихъ „Центросоюза“, съ соблюденіемъ строжайшей тайны, удалось подать упомянутымъ уже американскимъ гражданамъ письменныя заявленія о происшедшемъ всеобщемъ погромѣ русскихъ, съ приложеніемъ списка похищеннаго и съ просьбой не отказать принять какія-либо мѣры къ огражденію безопасности проживающихъ въ Ургѣ мирныхъ русскихъ.

Съ своей стороны, находившіеся въ Ургѣ „упраздненные“ русскіе консулы въ Монголіи сдѣлали аналогичныя шаги. Кстати, замѣтимъ, что со стороны китайскихъ солдатъ были попытки ограбить и консульскихъ чиновъ, но здѣсь они встрѣтили самый рѣшительный отпоръ, и ограбленіе не состоялось, правда, лишь на этотъ разъ.

Американцы приняли самое живѣйшее участіе въ судьбѣ русскихъ; особенно энергично принялся за это дѣло м-ръ Мильсенъ, неизмѣнно заступавшійся за русскихъ передъ китайскими властями за все это ужасное время осады. Они съѣздили въ я-мынь, гдѣ имѣли объясненія съ военными властями по поводу происшедшаго.

Въ я-мынь рѣчь сказали откровенно, что власти беспильны что-либо сдѣлать, такъ какъ солдаты будто бы совершенно вышли изъ повиновенія своему начальству. Все же американцамъ было обѣщано, что власти при-

мутъ всѣ возможные мѣры къ тому, чтобы въ будущемъ происшедшее не повторялось.

И дѣйствительно, въслѣдствіи за все время событій такого сплошного всеобщаго и равнаго для всѣхъ русскихъ грабежа уже не было. Но отдѣльные случаи по-прежнему имѣли мѣсто, вродѣ, напримѣръ, того, что солдатъ у повстрѣчавшагося ему русскаго снималъ безъ всякаго разговора шапку либо шубу и утѣжалъ себѣ дальше.

Все пережитое за день 29-го октября научило кое-чему русскихъ, пріобрѣвшихъ у себя на родинѣ за время революціи хорошій навыкъ приспособляться ко всякимъ обстоятельствамъ.

Было установлено, что менѣе всего отъ грабежа пострадали тѣ квартиры, гдѣ находилось больше жильцовъ; совершенно не были разгромлены почему-либо пустующія помѣщенія. Отсюда было сдѣлано заключеніе, что на время событій слѣдуетъ русскимъ группироваться. Такъ и поступили. Отдѣльныя попытки робко являвшихся солдатъ, подъ предлогомъ отобранія оставшейся влячи-лошади или розыска спряганнаго оружія—а такіе случаи все же бывали—парализовались именно этимъ неожиданнымъ для китайца появленіемъ изъ всѣхъ щелей многочисленныхъ обитателей квартиры.

Многія зданія въ русской колоніи опустѣли. Конечно, нечего и говорить о томъ, что все предпринятое русскими въ огражденіе своей безопасности, если и имѣло какое-либо значеніе, то развѣ лишь психологическое, въ чемъ пришлось вскорѣ же убѣдиться.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерный случай произошелъ въ магазинѣ нѣкоего г. Волкова, спустя уже нѣсколько дней послѣ всеобщаго погрома. Въ моментъ появленія въ лавкѣ громилъ-солдатъ, у г. Волкова сидѣлъ его хорошій знакомый офицеръ-китаецъ, къ которому, естественно, хозяинъ и обратился съ просьбой оградить его отъ ограбленія. Офицеръ, однако, хранилъ полное безучастіе въ то время, когда солдаты тащили изъ магазина, что имъ хотѣлось; онъ не принялъ ровно никакихъ мѣръ ни къ предупрежденію грабежа ни къ поимкѣ грабителей, хотя, до входа ихъ въ помѣщеніе, замѣтивши появленіе мародеровъ, предупредилъ Волкова и помогалъ ему кое-что прятать.

При этомъ офицеръ открыто говорилъ, что эти солдаты всѣхъ грабятъ, такъ какъ „шибко хунхузы“. По уходѣ „хунхузовъ“, офицеръ объяснилъ свое поведеніе боязнью расправы со стороны солдатъ, если бы онъ попытался препятствовать грабежу.

Вслѣдствіи, уже послѣ прекращенія боевъ вокругъ Урги, имѣлъ мѣсто еще одинъ крупный грабежъ. На этотъ разъ изъ кладовой „Центросоюза“ былъ вывезенъ весь чай и овесъ, якобы для нуждъ войскъ.

Происходило это въ присутствіи гражданскихъ и военныхъ чиновъ, и конторѣ „Центросоюза“ даже предложено было командировать для присутствія при реквизиціи кого-либо изъ служащихъ. Но толку изъ этого никакого не вышло, чины побывли немного и уѣхали, а оставшіеся солдаты закончили начатую „реквизицію“ самымъ обыкновеннымъ грабежомъ.

Случаи, подобные разсказанному, повторялись все время.

Одновременно всѣхъ безъ исключенія русскихъ жителей стали выгонять на принудительныя работы. Обычно дѣлалось это такимъ образомъ. Всѣ дома, гдѣ обитали русскіе, обходили солдаты съ оружіемъ и выгоняли всѣхъ на работы по подвозу на позиціи пищи, по погрузкѣ на возы сѣна и доставкѣ его на мѣсто.

Работы производились подъ конвоемъ солдатъ. Со двора „Центросоюза“ ежедневно выгоняли служащихъ и рабочихъ на подобнаго рода работы. При выдвореніи на работы двухъ русскихъ офицеровъ, жившихъ въ помѣщеніи русско-монгольской типографіи, китайскій солдатъ произвелъ выстрѣлъ въ потолокъ.

Какая это тяжелая и обидная для національнаго достоинства картина, когда нѣсколько десятковъ русскихъ людей, въ большинствѣ интеллигентовъ, изъ силъ выбивались, нагружая сѣно, подъ карауломъ китайскихъ солдатъ! Врядъ ли что-либо подобное когда-либо имѣло мѣсто за все время исторіи нашихъ сношеній съ Китаемъ..

Послѣдовали и аресты русскихъ, по преимуществу изъ бѣженцевъ-офицеровъ. Кромѣ упомянутаго Лаврова, просидѣвшаго всего три дня, арестовали рядъ офицеровъ, пріѣхавшихъ только что изъ западной Монголіи.

Къ самому началу осады изъ Улясутая къ Ургѣ подошелъ караванъ, на которомъ ѣхало до двадцати подобныхъ бѣженцевъ съ женами и дѣтьми. Освѣдомившись о томъ, что въ Ургѣ неблагополучно, названные лица пытались вернуться обратно и въ юртахъ переждать событія, но ихъ всѣхъ доставили подъ стражей въ я-мынь, гдѣ они подверглись неслыханному издѣвательству со стороны солдатъ, обыску, а потомъ были заключены въ тюрьму, которая не отапливается зимой совершенно.

Всѣ эти люди содержались въ тюрьмахъ въ ужасныхъ условіяхъ до самаго занятія Урги барономъ Унгерномъ, причѣмъ всѣ хлопоты объ облегченіи ихъ участи или освобожденіи ни къ чему не привели.

Но трагична была судьба группы другихъ бѣженцевъ, пріѣхавшихъ въ Ургу дня за два до событій. Ихъ заключили подъ стражу въ быв. казармахъ, гдѣ стояли русскія войска въ бывшее время; казармы эти находились въ долині рѣки Тоолы.

Среди этихъ лицъ находились лица, причастныя къ „Центросоюзу“ и имѣвшія при себѣ большія суммы денегъ. Это обстоятельство и рѣшило, видимо, судьбу несчастныхъ.

Вотъ имена этихъ жертвъ, съ которыми китайцы изъ караула покончили ночью, предварительно надругавшись надъ женщинами.

И. В. Бабушкинъ—бывшій земскій дѣятель въ Перми, глава Урянхайской экспедиціи „Центросоюза“, политическій эмигрантъ, прожившій во Франціи четыре года и вернувшійся только послѣ революціи, 30-ти лѣтъ отъ роду; *С. Ф. Чувашевъ*—предсѣдатель Ирбитской земской управы, финансистъ, бывшій казначей въ Урянхайской экспедиціи, 48 лѣтъ; *А. В. Златинъ*—главный представитель „Центросоюза“ въ экспедиціи Бабушкина, бывшій учитель нѣмецкаго языка въ Пермскомъ училищѣ, 35 лѣтъ; *В. В. Солдатскій*—изъ Минусинска, судовладелецъ, 50 лѣтъ; *И. С. Ишкинъ*—переводчикъ, 45 лѣтъ; *М. К. Трубиновъ*—коммерсантъ, 47 лѣтъ; *К. Э. Сурковъ*—студентъ Пермскаго университета, служившій химикомъ въ Урянхайской экспедиціи; *Е. С. Букашкина*—дѣвушка 20-ти лѣтъ, служившая секретаремъ экспедиціи; подполковникъ *А. И. Журавскій*, бывшій секретаремъ Керенскаго и служившій добровольцемъ во французской арміи; жена полковника Журавскаго—*Пелагея Михайловна*; *М. И. Никифоровъ* и жена его *Нина Дмитриевна*; *д-ръ Рахмановъ* изъ Москвы; *д-ръ Дѣброхотовъ* изъ Казани.

Свѣдѣнія эти были получены, благодаря тому, что двоимъ русскимъ удалось бѣжать. Однако, одинъ изъ нихъ, *Д. И. Семеновъ*, слу-

жившій счетоводомъ въ экспедиціи, былъ вынужденъ возвратиться въ Ургу, такъ какъ заблудился и боялся умереть съ голоду. Онъ былъ немедленно заключенъ въ тюрьму, гдѣ находился, вѣроятно, до паденія Урги; Семеновъ страдаетъ туберкулезомъ и былъ закованъ въ кандалы.

Первый слухъ о гибели этихъ лицъ распространился среди резидентовъ на слѣдующій же день послѣ ужасной ночи, когда люди эти были замучены. Исходилъ онъ отъ китайцевъ-солдатъ.

Объ этомъ русскіе постарались сразу же сообщить американцамъ, но, въ виду происходившихъ боевъ, предпринять что-либо имъ не удалось.

Третьяго ноября группа китайскихъ солдатъ ворвалась въ избушку, принадлежавшую русскому консульству, гдѣ помѣщалось десять русскихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ изъ Улясутая за нѣсколько дней до осложненій въ Монголіи.

Поводомъ къ вторженію послужило то обстоятельство, что въ сосѣднее съ избушкой (находится на окраинѣ) зданіе, занимавшееся китайскими солдатами, попало нѣсколько артиллерійскихъ снарядовъ, что повлекло жертвы. Это дало основаніе китайцамъ заключить, что живущіе въ избушкѣ русскіе сигнализируютъ. Всѣхъ заарестовали, предварительное жестоко избивъ прикладами, и со связанными назадъ руками отвели въ тюрьму.

За офицеровъ попробовалъ заступиться быв. русскій консулъ въ Улясутаѣ г. Хіонинъ, знавшій ихъ лично, но онъ былъ грубо удаленъ и получилъ нѣсколько ударовъ прикладами.

Нѣсколько дней спустя, у китайцевъ испортился автомобиль, который они вынуждены были бросить въ сопкахъ на позиціи. Чтобы исправить машину, ими былъ взятъ русскій шофферъ „Центросоюза“, который по дорогѣ замѣтилъ шесть труповъ русскихъ, въ числѣ коихъ, по описаніямъ, находился трупъ ветеринарнаго врача Христофорова, его ямника и прислуги-женщины.

Уже послѣ боевъ „Центросоюзъ“ просилъ черезъ американцевъ съѣздить осмотрѣть тѣла, но китайскія власти заявили, что они это сдѣлаютъ сами. Всѣ трупы такъ и остались въ степи, и ихъ доѣли монгольскія собаки.

Такимъ образомъ, положеніе русскихъ становилось все печальнѣе и печальнѣе.

II.

1-го ноября русскіе резиденты пережили ужасную панику, вызванную тѣмъ, что одинъ бой-китаецъ, со словъ якобы военныхъ, заявилъ, что въ эту ночь всѣхъ русскихъ будутъ убивать, какъ явныхъ сообщниковъ наступающихъ. Женщины плакали, мужчины ходили унылые.

Объ этихъ словахъ китаецъ было сообщено американцамъ, отъ которыхъ къ вечеру получили успокоительныя увѣренія, къ счастью, оправдавшіяся.

2-го ноября изъ Кяхты прибылъ отрядъ китайцевъ, человекъ въ 500, съ пулеметной командой. Отрядъ двигался стороною отъ главной дороги, тропами, полный паники и страха, но нападенія на него въ пути не было.

Съ прибытіемъ отряда выяснилось, что всюду по Монголіи, въ районѣ, тяготеющемъ къ Кяхтѣ и Ургѣ, поселенія русскихъ резидентовъ-земледѣльцевъ китайскими солдатами разграблены, хозяйства разорены, много людей пострадало, а всѣхъ мужчинъ съ лошадьми заставили перевозить солдатъ и различную кладь. Подобная же участь постигла и бурятъ.

Въ Ургѣ сосредоточилось множество такихъ несчастныхъ русскихъ. Участь ихъ всѣхъ была ужасна, они не имѣли, на что жить, не имѣли отдыха и, какъ самые настоящіе батраки, работали подъ конвоемъ китайскихъ солдатъ. На произволъ судьбы были брошены семьи, дома и разоренныя хозяйства.

Многія большія поселенія русскихъ, что успѣли образоваться за періодъ времени монгольской самостоятельности, погибли совершенно безвозвратно.

Въ Ургѣ эти несчастные ходили по русскимъ домамъ и просили милостыню, такъ какъ жить было нечѣмъ.

Практиковался китайцами и такой способъ. Всѣ лошади и экипажи отбирались, а самихъ возчиковъ-хозяевъ заковывали и отправляли въ тюрьму.

Нѣкоторое время спустя, уже послѣ окончанія боевъ, въ Ургу прибыло еще нѣсколько отрядовъ изъ Кяхты. Всѣ эти войсковыя части расквартировывались въ домахъ русскаго консульства или же въ домахъ русскихъ частныхъ лицъ.

Вскорѣ вся русская колонія была „ликвидирована“ путемъ обращенія ея въ воинскій постой. При этомъ слѣдуетъ сказать, что обитатели занимавшихся зданій выдворялись безъ всякихъ излишнихъ разговоровъ, и общей участи въ этомъ отношеніи не избѣгли сѣхавшіеся въ Ургу изъ разныхъ пунктовъ Монголіи быв. русскіе консулы, ихъ семьи и чины упраздненнаго ургинскаго генеральнаго консульства. При выдвореніи ихъ изъ занимавшихся ими помѣщеній, они такъ же были ограблены, какъ и простые русскіе резиденты. При занятіи зданія русскаго генеральнаго консульства, китайскими солдатами была разгромлена домовая церковь, иконы сброшены на полъ, разбиты, поломаны весь иконостасъ и престолъ.

Всѣ выдворенныя лица переселились въ домъ общества „Монголоръ“, которое пустовало и не могло быть „реквизировано“, такъ какъ находилось подъ защитой американскаго флага. Туда же перешли и быв. русскіе консулы. Люди, охваченные какимъ-то непостижимымъ страхомъ, бѣжали въ этотъ домъ „экстерриториальности“, таща на себѣ всякаго рода домашній скарбъ, либо перевозя его на оставленной еле-еле переставляющей свои ноги заморенной лошади.

Между тѣмъ, прекратившіеся было бои возобновились съ новой силой 31-го октября, когда атакующими была сдѣлана вторая попытка къ овладѣнію Ургой. Наступленіе на этотъ разъ было поведено съ сѣверной стороны. Атака послала сильный и упорный характеръ, причемъ осаждающій сразу же достигъ большихъ успѣховъ, приблизившись на очень короткое разстояніе къ Ургѣ. Защитники послѣдней утерали всѣ позиціи, въ ихъ распоряженіи находилась лишь послѣдняя цѣпь сопокъ, преграждающихъ свободный путь въ русскую колонію.

Гуль орудійной стрѣльбы, сильнѣйшій оружейный и пулеметный огонь достигли наивысшаго напряженія часамъ къ девяти утра, причемъ нуды наступающихъ уже попадали на улицы колоній.

Китайскіе солдаты кучками и въ одиночку оставляли свои позиціи и сбѣгали съ холмовъ къ майрану, гдѣ толпой группировались.

Передавали, что въ этотъ моментъ въ Маймаченѣ все было приготовлено къ отступленію.

Въ этотъ критическій часъ положеніе было спасено подвигомъ какого-то китайца-офицера. Послѣдній, въ моментъ общаго смятенія, на автомобилѣ подъѣхалъ къ толпѣ солдатъ около майрана, быстро всѣхъ ихъ построилъ и съ обнаженной саблей увлекъ обратно на позиціи.

Пишущій эти строки со двора, гдѣ находился, лично могъ наблюдать всю описанную картину.

Когда двигавшаяся цѣпь перевалила гребень сопокъ, началась отчаянная и безпорядочная ружейная стрѣльба, продолжавшаяся нѣскольکو минутъ. Затѣмъ ясно опредѣлилось, что перестрѣлка, нося, въ общемъ, такой же упорный характеръ, значительно удалилась. Къ вечеру же все смолкло.

Впослѣдствіи оказалось, что означенный офицеръ въ самомъ началѣ контръ-атаки былъ убитъ, и весь успѣхъ этого дѣла приписалъ себѣ генералъ Као, который, какъ говорили тогда въ Ургѣ видные китайцы, въ описанный моментъ уже сидѣлъ въ экипажѣ, готовый вполнѣ къ бѣгству.

Послѣ этого боя наступающіе уже не могли, повидимому, вернуть утраченнаго, и большихъ успѣховъ въ послѣдующихъ столкновеніяхъ они уже не смогли достигнуть.

3-го ноября бои возобновились на томъ же направленіи и продолжались цѣлый день, причемъ достигнутые первоначально успѣхи атакующихъ къ вечеру были вполнѣ ликвидированы. Это была послѣдняя слабая попытка атаковать Ургу.

Съ ранняго утра 4-го ноября началась сильная орудійная стрѣльба, продолжавшаяся съ небольшими перерывами до поздняго вечера. До этого дня артиллерійская канонада никогда не носила такой силы. Вся обширная площадь, гдѣ раскинулись Богдо-Хурэкуская колонія и Маймаченѣ, съ прилегающими поселеніями и дорогами, находилась въ сферѣ дѣйствительнаго бѣглаго огня артиллеріи. Наивысшаго развитія огонь достигъ къ полудню, когда буквально опасно было появленіе на улицѣ. Всѣ жители съ замираніемъ сердца прислушивались къ канонадѣ, попрятавшись въ укромныхъ мѣстахъ. Появившійся на нижней дорогѣ караванъ верблюдовъ сразу же былъ обстрѣлянъ и потерялъ двухъ убитыхъ животныхъ, всадникъ, ѣхавшій по дорогѣ, лишился лошади; снаряды попадали въ казармы и дома, занятые постоемъ китайскихъ солдатъ. Всѣ часовые и китайская охрана куда-то исчезли.

Обращало вниманіе отсутствіе въ этотъ день ружейнаго огня, что указывало жителямъ, что пѣхота не принимаетъ участія въ операціяхъ. По этой же причинѣ наступленіе ночи было встрѣчено съ тайной тревогой: всѣ ожидали, что ночью будетъ поведена рѣшительная атака. Однако, ночь прошла въ совершенной тишинѣ, и наступившій день также.

Полное затишье продолжалось. За эти дни русскими резидентами было пережито немало тревогъ и опасеній за свою судьбу. Создавались всевозможныя предположенія о дѣйствительныхъ причинахъ вдругъ прекратившихся боевъ.

Жители стали выльзать изъ своихъ укромныхъ мѣстъ во дворы и заглядывать на окружающія сопки. мѣста боевыхъ столкновеній, гдѣ было замѣчено, что цѣпи солдатъ сняты, майраны убраны.

Наконецъ, ссылаясь на китайскіе источники, заговорили, что наступленіе всюду отбито, и отходящій непріятель преслѣдуется.

10-го ноября во всей Ургѣ было расклеено объявленіе на трехъ языкахъ отъ управленія генераль-губернатора Вѣтшней Монголіи.

Изъ этого объявленія жители впервые узнали о ходѣ военныхъ операцій и о томъ, что атакующіе отбиты съ большими потерями (до 400 чел. убитыхъ, 3 пушки взято и пр.) и къ 4-му числу были отброшены на пять ургѣ (до 150 вер.).

Кто являлся „врагомъ“, какъ говорилось въ объявленіи, къ сожалѣнію, не было указано. Въ объявленіи говорилось затѣмъ о суровыхъ мѣрахъ, принятыхъ китайскими властями противъ грабежей, а также излагался порядокъ заявленія претензій о возмѣщеніи убытковъ отъ мародерства. При этомъ жители предупреждались, что за представленіе ложныхъ свѣдѣній объ убыткахъ виновные будутъ подлежать суровой отвѣтственности. Насколько извѣстно, заявленій о претензіяхъ не послѣдовало, кромѣ, кажется, одного, со стороны „Центросоюза“.

Вскорѣ по прекращеніи боевъ, въ Ургѣ стали циркулировать слухи о пріѣздѣ новаго генераль-губернатора г. Ченъ-И, якобы руссофила, что связывалось съ надеждами на улучшеніе положенія русскихъ, въ смыслѣ предоставленія возможности желающимъ выѣхать.

Въ будущемъ надежды эти до нѣкоторой степени оправдались, и многіе успѣли выѣхать до новыхъ осложненій подъ Ургой.

III.

Послѣ осады Урга съ вѣтшней стороны стала неузнаваемой. Какъ религіозный и политическій центръ Монголіи, столица Богдо-гечена постоянно имѣла видъ чрезвычайно оживленнаго поселенія. Монголы массами пріѣзжали ежедневно въ нее верхами по религіознымъ своимъ надобностямъ либо по торговымъ дѣламъ.

По безчисленнымъ китайскимъ лавкамъ, на базарѣ, всюду въ мѣстахъ торговыхъ сдѣлокъ шла бойкая купля-продажа. По улицамъ номады гнали стада овецъ и рогатаго скота.

Не то было теперь. Урга больше напоминала военный лагерь: всюду солдаты, бѣшено скачущіе на лошадяхъ, снуютъ военные автомобили, тянутся безчисленные обозы съ провіантомъ и другими припасами для арміи, важно и размѣренно шествуютъ караваны верблюдовъ, тоже съ грузомъ военного назначенія.

Всеми этими грузами занимаются новыя помѣщенія, расквартированы вновь пришедшія войсковыя части изъ Калгана. Огромные гурты барановъ и стада быковъ ежедневно прибываютъ изъ монгольскихъ степей, подъ охраной китайскихъ солдатъ, для продовольствія китайскаго гарнизона.

Мирные же жители рѣдко показывались на улицѣ, и съ большой опаской. Монголовъ, кромѣ живущихъ въ мѣстныхъ монастыряхъ, совсѣмъ не видно. Всѣ монгольскія кочевья, послѣ начала событій, съ момента ареста Богдо-Гечена откочевали со своими солдатами отъ Урги на 100-150 верстъ, изолировавъ, такимъ образомъ, свою столицу.

По улицамъ и дорогамъ всюду валяются трупы дохлыхъ, замученныхъ лошадей, иногда въ одномъ мѣстѣ по нѣскольку сразу. Около нихъ стада противныхъ и отвратительныхъ монгольскихъ собакъ, никогда, вѣроятно, до сихъ поръ не имѣвшихъ столь обильной пищи.

По прекращеніи боевъ всплыло кое-что любопытное изъ дней осады. Такъ, напримѣръ, говорили, что китайскія власти одно время склонны были начать переговоры съ противникомъ. Они пытались нащупать почву у русскихъ, возможно ли въ этомъ случаѣ ихъ содѣйствіе. Предполагалось, что въ мирной делегаціи будутъ участвовать нѣкоторые русскіе и монголы, разумѣется, по указанію китайцевъ. Называли даже составъ делегаціи.

Отъ хутухты китайцами якобы было даже получено письмо-обращеніе къ монгольскимъ повстанцамъ съ призывомъ отказаться отъ борьбы, на которую Богдо-Геченъ не даетъ благословенія. „Живой Будда“—хутухта наканунѣ событій былъ лишенъ свободы и заключенъ подъ стражу при я-мынѣ, автомобили его были реквизированы, склады и священный для каждаго монгола его дворецъ, съ богатѣйшей хранильницей единственныхъ въ своемъ родѣ предметовъ монгольского религіознаго культа, разграбленъ китайцами-солдатами.

Подобнаго рода дѣйствія китайскихъ властей, не вызывавшіяся, къ тому же, необходимостью, ожесточили монголъ, и борьба ихъ съ китайскимъ владычествомъ стала превращаться въ священную войну.

Въ Ургѣ по многочисленнымъ монгольскимъ монастырямъ начались торжественныя моленія о спасеніи Монголіи.

Китайцы запретили эти моленія, и положеніе приняло еще болѣе запутанный и обостренный характеръ. Въ будущемъ подобныя мѣры обѣщали мало хорошаго для китайскаго господства въ странѣ Богдо-Гечена. Такимъ путемъ пропасть, оказавшаяся между китайцами и монголами, лишь увеличивалась безъ надежды исчезнуть. Это отлично впослѣдствіи понялъ г. Ченъ-И, настоявшій, послѣ длительной борьбы съ военными властями, на освобожденіи хутухты изъ-подъ ареста.

Тѣмъ же безразсудствомъ и безумной жестокостью отличались административныя дѣйствія китайцевъ въ отношеніи русскихъ бѣженцевъ-офицеровъ, монголъ и ихъ ламъ и князей.

До 150 человекъ русскихъ было заключено въ тюрьму, представляющую собой скверное, темное, неотапливаемое зимой помѣщеніе; всѣ эти люди посажены были безъ малѣйшаго основанія, имъ не предъявлялось ровно никакой вины, кромѣ того, что они—русскіе и бѣженцы. Въ сутки имъ давали дважды муку и холодную воду для приготовленія пищи. Нѣкоторые были закованы въ кандалы на голое тѣло. Свиданій не допускалось, все предназначавшееся для передачи узникамъ попадало, по большей части, въ распоряженіе стражи.

Среди заключенныхъ вскорѣ же развилась эпидемія тифа, противъ которой ровно ничего не предпринималось. Но все же, надо отдать справедливость, надъ русскими не было пытокъ.

Зато монголовъ и бурятъ часто подвергали пыткамъ, въ результатъ которыхъ наступала смерть. Чтобы понять это, достаточно будетъ небольшого перечня практиковавшихся пытокъ.

Вотъ эти пытки: 1) конскій волосъ вводится въ мочевою каналъ изглазуемаго; 2) вырываются ногти на рукахъ и ногахъ; 3) дѣлается до 300 ударовъ черезъ каждыя десять минутъ; и 4) въ жестяную банку, съ отверстіемъ съ одной стороны, садятъ крысу; опрокидываютъ эту банку на голый животъ жертвы, а сверху накалываютъ. Крыса, ища спасенія, впадаетъ на животъ и рветъ его зубами и лапами.

Понятными поэтому будутъ слова упоминавшагося г. Лаврова, что спѣлъ бы онъ подъ арестомъ „советы ничего,“ если бы не душу раздирающіе крики пытаемыхъ въ сосѣдней комнатѣ монголовъ.

Подобная система управленія страной могла лишь сѣять въ населеніи сѣмена ненависти и озлобленія противъ тѣхъ, кто ее практиковалъ.

Въ виду этого, не было ровно ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые русскіе, пробравшіеся изъ степей Монголіи въ Ургу послѣ боевъ, рассказывали, что тамъ идетъ сильное броженіе, монголы лихорадочно готовятся для новаго нападенія, всячески помогаютъ отошедшему отряду Унгерна, безвозмездно доставляя продовольствіе, фуражъ и лошадей.

Внутри страны монголы отвѣтили на китайскія жестокости сплошнымъ уничтоженіемъ земледѣльцевъ, колонистовъ-китайцевъ, ихъ хозяйствъ и имущества.

Въ срединѣ ноября въ Ургу изъ Кяхты пріѣхало нѣсколько русскихъ, занимавшихъ тамъ нѣкоторое общественное положеніе. Прибыли они въ Ургу потому, что Кяхта была занята красными.

Изъ рассказовъ этихъ лицъ выяснилось, что Кяхта была занята красными внезапно, безъ единого выстрѣла, такъ какъ китайскій гарнизонъ сталъ очень малочисленнымъ.

Случилось это 13 ноября угрозъ, когда многіе жители Кяхты еще находились въ постеляхъ. Отсюда многимъ и пришлось попасть прямо въ тюрьму въ Тропецкосавскъ.

Повидимому, у красныхъ все уже было намѣчено заранее, и планъ дѣйствій точно опредѣленъ. Всѣ важные пункты были быстро заняты заставами, которыя заградили всѣ входы въ ворота китайскаго городка Маймачена, въ видахъ пресѣченія возможности скрыться черезъ нихъ бѣглецамъ изъ Кяхты. Пулеметная же команда красныхъ прошла черезъ Маймаченъ на базаръ и оттуда вернулась другой улицей.

Нѣкоторые изъ русскихъ эмигрантовъ были задержаны красными на улицахъ Маймачена. Въ Кяхтѣ, мѣстѣ скопленія эмигрантовъ, красными учиненъ былъ настоящій разгромъ.

Надо замѣтить, что слобода Кяхта почти не видала большевиковъ за все время революціи. Въ слободѣ населеніе было замкнутое, и красные въ Тропецкосавскѣ давно имѣли сильное желаніе „наказать“ „черносотенную“ Кяхту.

И дѣйствительно, „поработали“ они здѣсь во-всю, не стѣняясь грабежомъ. Арестованы же были почти всѣ кяхтинскіе коренные жители, не говоря уже о многочисленныхъ эмигрантахъ.

Достоинно вниманія, что даже женщины не избѣжали ареста, хотя за ними, даже по „распространительному“ большевистскому толкованію, никакой вины не числится, кромѣ единственной, что данное лицо проживало въ Кяхтѣ.

„Взятіемъ“ Кяхты руководилъ Барсукъ, извѣстный по перевороту въ Иркутскѣ, гдѣ онъ заявилъ себя необычной свирѣпостью, а также тѣмъ, что лично „раздѣвалъ“ адмирала А. В. Колчака.

По соглашенію съ маймаченскими китайскими властями, разѣзды красныхъ вмѣстѣ съ китайцами проникли въ Монголію до р. Иро (90 вер. отъ границы), гдѣ побывали на заимкахъ русскихъ колонистовъ, разграбили совместно ихъ и заарестовали нѣсколько человѣкъ казаковъ, бывавшихъ изъ Забайкалья.

Въ Ургѣ, въ связи съ этимъ, большевистскими агентами распространялись слухи о состоявшемся соглашеніи между красными и китайцами, въ результатъ коего въ Богдо-Хурѣ якобы пріѣзжаетъ большевистскій консулъ Магистенекъ и 300 человѣкъ красныхъ его козлова.

Изъ арестованныхъ въ Кяхтѣ офицеровъ-эмигрантовъ 14 человѣкъ было разстрѣляно немедленно, другіе же отправлены черезъ Верхнеудинскъ, кто въ Иркутскъ, кто въ Читу.

Такимъ образомъ, пограничныя китайскія власти руками красныхъ избавили себя отъ опаснаго, по ихъ мнѣнію, элемента русскихъ бѣженцевъ, значительный процентъ которыхъ составилъ изъ „дезертировавшихъ“ солдатъ и офицеровъ „буферной“ арміи.

Окрыленные столь неожиданнымъ успѣхомъ и сообразивъ затруднительное положеніе въ Монголіи китайцевъ, красные сдѣлали оффиціальное предложеніе послѣднимъ о совместныхъ дѣйствіяхъ противъ возставшихъ монголовъ. Въ то время такое предложеніе китайскія власти, повидимому, сочли для себя неподходящимъ, такъ какъ оно не дало результатовъ. Но, независимо отъ этого, самъ по себѣ фактъ предложенія красныхъ не можетъ терять своего пикантнаго значенія.

Красные, патентованные защитники и освободители поработенныхъ маленькихъ народностей—рвутся въ бой, чтобы оказать китайцамъ поддержку въ дѣлѣ подавленія возстанія монголовъ за самостоятельность и независимость, за ихъ національное будущее!

Однако, значеніе предложенія красныхъ о помощи не исчерпывается указаннымъ обстоятельствомъ; оно носитъ болѣе глубокий и широкій характеръ по своимъ конечнымъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ, въ случаѣ, если бы намѣренія красныхъ были реализованы.

Не нужно забывать, что монгольское движеніе есть результатъ столкновенія двухъ враждебныхъ силъ: воинствующаго китайскаго націонализма и здороваго національнаго самосознанія монголовъ—необходимости отстоять свою самобытность.

„Пробужденіе націонализма (у китайцевъ) обѣщаетъ монголамъ“, говорится въ одномъ трудѣ, „усиленіе безпопашной колонизаціи ея китайцами. Этотъ націонализмъ сотретъ Монголію съ лица земли и превратитъ ее въ страну сельскихъ хозяевъ и овцеводовъ-китайцевъ, дѣйствующихъ при помощи монгольскихъ рабочихъ. Но этотъ же націонализмъ обращенъ и противъ бѣлыхъ, принявъ рѣзко выраженную форму антиевропейскаго движенія, которое грозитъ и русскимъ въ Монголіи“. *Боголюбовъ и Соболевъ*. „Очерки русско-монгольской торговли“ (Стр. 483, изд. 1911 г.).

Такъ вотъ въ какомъ дѣлѣ хотѣли оказать помощь красные, что не удалось не по отсутствію или недостаточному ихъ желанію, а по инымъ причинамъ и даже вопреки ихъ настойчивымъ предложеніямъ. И только въ

послѣднее время большевики сознали свою роль и, по приказу изъ Москвы, круто повернули курсъ своей политики въ монгольскомъ вопросѣ.

Нынѣ судьбы Монголіи—въ рукахъ самихъ монголѣ, но самостоятельными силами монголы не смогутъ отстаять свою независимость, имъ не по силамъ будетъ сложная и трудная задача по развитію и устроенію государственной жизни обширной и первобытной страны.

Въ упомянутомъ трудѣ, профессора Боголѣповъ и Соболевъ, задумываясь надъ будущіею монгольской страны и надъ тѣмъ, какими гарантіями возможно обезпечить ея непривъосновенность, выдвинули идею устройства изъ Монголіи буфера между Китаемъ и Россіей, подъ покровительствомъ посаждней.

Случайный.

Семья и бракъ въ совѣтской Россіи.

Статья Г. К. Гинса.

Для характеристики эпохи, ея болѣзненныхъ или здоровыхъ началъ, семейныя отношенія представляютъ благодарный матеріалъ.

Семья недаромъ называется основною ячейкою гражданского общества. Она подготовляетъ гражданъ для государства, она же опредѣляетъ его экономическую жизнь.

Собственность, хотя бы и самая индивидуалистическая, все же служить семьѣ. Средній человѣкъ-собственникъ накапливаетъ не для себя только, но и для своихъ близкихъ; онъ—альтруистъ. Наслѣдованіе, дополняющее собственность, подчеркиваетъ значеніе семейныхъ началъ въ правовыхъ и экономическихъ отношеніяхъ современности.

Нѣсколько штриховъ изъ исторіи римскаго права, относящихся къ эпохѣ, когда началась вакханалія разводовъ, издавались законы, поощрявшіе дѣтороженіе и устанавливавшіе штрафы за неосновательное расторгненіе брака, сразу дѣлаютъ яснымъ моральное разложеніе общества.

Даже о томъ, насколько глубоко проникло это разложеніе, можно судить не только по фактическимъ даннымъ, но и по первности законодателя.

Насъ интересуетъ сейчасъ совѣтская Россія. Сохранилась ли тамъ здоровая семейная жизнь, можно ли рассчитывать на подрастающее поколѣніе, какова этическая атмосфера семьи?

Помимо декретовъ, эти вопросы освѣщаетъ одна изъ немногихъ книгъ, написанныхъ въ Россіи въ періодъ господства большевизма.

Книга эта принадлежитъ бывшему буржуазному юристу, припадѣ-доценту Петроградскаго Университета, а теперь видному дѣятелю совѣтской власти и ученому коммунисту А. Г. Гойхбаргу. Называется она „Брачное, семейное и опекуное право совѣтской республики“ (М. 1920 г.).

Трудъ этотъ интересенъ какъ по тому новому матеріалу, который онъ даетъ для ознакомленія съ совѣтскимъ законодательствомъ, такъ и по тѣмъ характернымъ критическимъ замѣчаніямъ автора, по которымъ можно судить о степени моральнаго паденія совѣтскихъ ученыхъ.

I.

Семья буржуазнаго міра.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ семейнаго права совѣтской Россіи, будетъ полезно остановиться на краткой характеристикѣ тѣхъ типовъ семьи, которые знакомы исторіи человѣческой культуры.

Юридическіе профили семьи не всегда одинаковы. Они опредѣляются общимъ уровнемъ культуры и особенностями эпохи или нравовъ народа.

Въ древнѣйшія эпохи половое сожителство не создавало семьи. Оно не связывало сожителей, не возлагало на отца никакихъ обязательствъ въ отношеніи дѣтей, а на сожительствующихъ мужчину и женщину—никакихъ обязательствъ другъ къ другу.

Родство опредѣлялось не по отцу, а по матери (матріархатъ). Женщина оставалась подъ покровительствомъ рода, и свободное сожителство съ нею каждаго изъ мужчинъ того же рода считалось столь же естественнымъ, какъ свободное пользованіе пастбищемъ, землею или стадами.

Въ этой стадіи культуры, при сожителствѣ мужчины съ женщиною, между ними существуетъ половая связь—и только. Это еще не бракъ.

Съ переходомъ къ пастушеству и земледѣлію и развитіемъ собственности, создается потребность въ болѣе постоянной связи между мужчиною и женщиною. Разсѣянность жилищъ препятствуетъ постоянной мѣнѣ женъ, а условія хозяйства требуютъ наличія помощниковъ въ работѣ, раздѣленія труда, кормильцевъ въ старости.¹⁾

Отецъ дорожитъ дѣтми и женою. Половой союзъ становится длительнымъ и порождающимъ взаимныя обязательства супруговъ и обязательства къ дѣтямъ. Возникаетъ семья.

Если въ этой семьѣ женщина выполняетъ второстепенныя работы и не только не приноситъ въ семью своего хозяйственнаго вклада, но, наоборотъ, даже покупается (калымъ, вѣно), то она разсматривается, какъ подчиненный членъ семьи. Ея назначеніе—рожденіе дѣтей, продолженіе рода. Бесплодная жена не отвѣчаетъ своему назначенію. По смерти мужа, она переходитъ къ его брату или другому родственнику.²⁾

Это одинъ типъ семьи. Онъ до сихъ поръ живъ у восточныхъ народовъ. Въ его основѣ—преобладающее значеніе половой связи и продолженія рода.

Другой типъ характеризуется возрастающимъ значеніемъ экономического, въ широкомъ смыслѣ, начала.

Въ этомъ случаѣ семья можетъ быть *трудовымъ союзомъ*, который тѣсно связываетъ всѣхъ объединяющихся подъ властью главы семьи, хотя бы не кровныхъ родственниковъ (агнаты въ Римѣ, пріймаки у насъ, въ крестьянской средѣ).

Въ болѣе зажиточныхъ слояхъ буржуазно-капиталистическаго міра для семейнаго союза немаловажную роль играютъ чисто *имущественныя, экономическія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, соображенія*.

Въ мотивахъ и протоколахъ³⁾ составителей германскаго гражданского уложенія неоднократно, особенно въ связи съ вопросами о необходимости согласія родителей на бракъ и объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, *указывается на необходимость серьезнаго экономическаго базиса семьи*.

Въ отдѣльныхъ сужденіяхъ ясно выражается точка зрѣнія буржуазнаго міра на бракъ, какъ на способъ соединенія двухъ соответствующихъ капиталовъ или обладательницы капитала съ лицомъ высокаго социальнаго положенія для взаимной выгоды вступленія въ бракъ.

1) Ковалевскій—„Родовой бытъ“, стр. 213—214.

2) Авторъ наблюдалъ это среди киргизъ.

3) Motiven und Protokollen zum B. G. B. За отсутствіемъ источниковъ, налагаются по памяти. Авторъ.

Объявленія въ нѣмецкихъ газетахъ о помолвкѣ сына владѣльца такой-то фирмы съ дочерью владѣльца другой фирмы иллюстрируютъ эту мысль.

При такомъ характерѣ брака меньшее значеніе пріобрѣтаетъ вѣрность. Бракъ по расчету рѣдко бываетъ лично удаченъ (счастливъ); съ другой стороны, при такомъ характерѣ брака, стороны являются равноправными. Власть мужа надъ женою, какъ это обычно бываетъ при половомъ господствѣ мужчины (типично при полигаміи) или трудовой семьѣ (*pater familias*), ослабѣваетъ въ семьѣ буржуазнаго типа, при экономической независимости жены.

Однако, тотъ или другой типъ семьи не вытѣсняють всецѣло другъ друга. Они уживаются, находя себѣ, каждый въ отдѣльности, наиболѣе подходящую обстановку. Въ крестьянской средѣ трудовой союзъ, въ мѣщанской—половое сожительство, въ буржуазной—экономическая комбинація.

Этого мало: при описанномъ характерѣ брака, семейныя отношенія лишились бы экономической красоты и привлекательности. Есть два начала, которыя вносятъ оздоравливающее и облагораживающее начало въ бракъ. Одно—религіозное освященіе брака, украшеніе человѣческихъ началъ брака божественными (*humani et divini juris communitatio*). Другое—развивающееся самосознаніе личности, протестующей противъ навязанныхъ ей узъ, ищущей въ бракѣ любви.

Эти два послѣднія начала, облекаясь въ юридическія формы, съ трудомъ примиряются: одно освящаетъ бракъ, какъ союзъ всей жизни (*consortium omnis vitae*—„еже Богъ сочеталь, человекъ да не разлучаетъ“); другое открываетъ выходы изъ накрѣпко замкнутаго терема.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что бракъ и семья—явленіе большой сложности.

Они тѣсно связаны съ экономическими отношеніями, общественною и индивидуальною культурою, религіозными представленіями и самосознаніемъ личности. Передъ посягательствомъ на семейныя начала растерянно останавливались многіе смѣлые мечтатели о переустройствѣ соціальной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть будетъ упразднена собственность, это не устранить нужды въ трудовой семьѣ—развѣ что коммунизмъ распространится на все общество съ верху до низу. Но въ это трудно увѣрывать.

Пусть воспитаніе дѣтей перейдетъ къ государству, но не такъ легко вытравить изъ человѣческой психологіи привычку къ домашнему очагу, ревнивую любовь, ищущую своего обособленнаго гнѣзда, материнскія чувства, привязывающія женщинъ къ колыбели малютки.

Очевидно, при осуществленіи дерзкихъ замысловъ пересозданія общества, семейный бытъ долженъ оказать имъ наиболѣе упорное сопротивленіе. Реформаторы должны либо предоставить семьѣ измѣняться, въ порядкѣ постепеннаго приспособленія къ новымъ условіямъ жизни, или придумать какія-либо переходныя мѣры.

II.

Семья въ планахъ социалистическаго общества.

Отправной моментъ социалистическихъ ученій о будущности брака—это идея о равноправіи половъ. Женщина, какъ и мужчина, должна быть совершенно свободной въ выборѣ любви и расторженіи брака.

„Полная эмансипація женщины и ея равенство съ мужчиной являются одною изъ цѣлей нашего культурнаго развитія“, говоритъ Бебель въ своей книгѣ „Женщина и социализмъ“ (глава „Женщина въ будущемъ“).

Бебель принадлежитъ къ той группѣ теоретиковъ социализма, которые на мѣстѣ брака представляли себѣ въ будущемъ *свободную любовь*. Законъ не долженъ вовсе вмѣшиваться въ отношенія брачнаго характера, предоставляя самимъ заинтересованнымъ опредѣлять продолжительность и послѣдствія своихъ отношеній.

Сторонники свободной любви не возражаютъ и противъ группового брака, когда нѣсколько мужчинъ и женщинъ въ болѣе или менѣе широкомъ кругу сожительствуютъ другъ съ другомъ, мѣняя привязанности.

Антонъ Менгеръ въ своемъ „Новомъ ученіи о государствѣ“ (гл. XII) излагаетъ ученія еще двухъ группъ социалистовъ.

Одна, родоначальникомъ которой является Платонъ, представляетъ себѣ государственную регулировку брачныхъ отношеній.

По мнѣнію Платона, которое онъ, съ своими аристократическими симпатіями, приравнивалъ исключительно для воиновъ, „государственная власть, чтобы содѣйствовать рожденію сильныхъ и дѣльныхъ мужей, должна по своему усмотрѣнію указывать отдѣльнымъ гражданамъ ихъ женъ и даже наблюдать за сожительствомъ и руководить имъ. Ребенокъ не долженъ знать своего отца, а отецъ—ребенка, и государственная власть должна брать новорожденнаго для чисто государственнаго воспитанія.

Третью группу А. Менгеръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: она „думаетъ устранить недостатки нашей организаціи половой жизни при посредствѣ *многобрачія* (многомужства, многоженства). Многобрачіе отличается отъ свободной любви и общаго брака тѣмъ, что оно является формой половыхъ отношеній между однимъ исключительно мужчиной и многими женщинами или одной женщиной и многими мужчинами, а отъ государственнаго брака отличіе его состоитъ въ томъ, что при многобрачіи заключеніе и форма отношеній зависятъ только отъ воли заинтересованныхъ лицъ.“

Изъ представителей этой группы наиболѣе подробно, но зато и наиболѣе парадоксально, изобразилъ будущую систему половыхъ отношеній Фурье.

Онъ предложилъ, чтобы „каждая женщина могла бы имѣть одновременно мужа-оплодотворителя (*géniteur*), пользующагося благосклонностью (*favori*) и, наконецъ, неопредѣленное количество „обладателей“ (*possesseurs*); отъ перваго она имѣетъ двухъ дѣтей, отъ втораго—одного ребенка“.

Самъ А. Менгеръ, замѣчательный своимъ благоразуміемъ, высказывается противъ всякихъ искусственныхъ преобразованій семьи. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія предпочтительности постепеннаго приспособленія къ новымъ формамъ жизни. Отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что для осуществленія социальныхъ реформъ понадобятся столѣтія, А. Менгеръ находитъ, что вмѣшательство въ организацію половой жизни, которое еще болѣе усложнило бы работу социальныхъ реформаторовъ, только повредило бы дѣлу.

„Если“, говоритъ онъ, „даже всѣ необходимыя условія реформы будутъ налицо, то, несомнѣнно, народныя массы отвергнутъ свободную любовь и общій бракъ и удержатъ современную форму брака, который только не долженъ быть расторгимымъ, какъ у католиковъ, а—въ духѣ протестантскаго брачнаго права—можетъ быть расторгаемъ при наличности важныхъ основаній. Общій бракъ уже потому неосуществимъ, что въ народномъ трудовомъ государствѣ отсутствуютъ религіозныя и племенные группы, съ которыми можно было бы связать это учрежденіе. Свободная же любовь страдаетъ такими недостатками, что широкія народныя массы принуждены были бы отвергнуть ее даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ стоящія за современнымъ единобрачіемъ политическія и церковныя силы ходомъ событій были присуждены къ молчанію“.

„Свободную любовь сѣдуетъ сравнить со свободной конкуренціей, свободой договора и другими подобными экономическими учрежденіями, которыя, подъ видомъ свободы, поддерживаютъ господство богатыхъ и могущественныхъ. Власть, заработокъ, образованіе, краснорѣчіе, физическая красота и сила доставили бы одареннымъ этими качествами такой перевѣсъ въ состязательной борьбѣ свободной любви, что оттѣсненные на задній планъ, въ большей или меньшей степени, были бы лишены половыхъ наслажденій, правда, не въ силу права, но фактически. Такимъ образомъ, если наиболѣе радикальные социалисты и анархисты проповѣдуютъ свободную любовь, то они безсознательно стремятся для половой жизни къ тому именно состоянію, съ которымъ они такъ энергично борются въ области экономической жизни.“

III.

Совѣтское законодательство.

Обращаясь къ разсмотрѣнію совѣтскаго законодательства о бракѣ и семьѣ, мы должны отмѣтить, прежде всего, определенное стремленіе вывести изъ употребленія религіозный бракъ.

Гойхбаргъ подавленъ тѣмъ, что буржуазный обиходъ и пережившія его привычки придаютъ церковной религіозной формѣ видъ „торжественной, трогательной и таинственно-поэтической, привлекательной церемоніи (къ чиновнику невѣста приходитъ затрапезкой, а бѣлое платье и флеръ д'оранжъ обязательны при церковной церемоніи)“.

Буржуазныя законодательства, какъ видимъ, то подчиняются религіи, то мирятся съ ней, то признають ее, но порвать съ нею окончательно не могутъ.

„Бракъ“, говоритъ Гойхбаргъ, „освобожденъ пролетаріатомъ отъ всякихъ внѣшнихъ и—что еще важнѣе—внутреннихъ вліяній церкви и религіи.“

Борьба съ церковнымъ бракомъ очень ясно проявляется въ постановленіи всероссійской чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контрреволюціей 20 октября 1918 года:

„Въ паспортахъ иногда все еще помѣчается церковное вѣнчаніе, а гражданки, повѣнчавшись, *присваиваютъ* фамилію того, съ кѣмъ повѣнчались. Болѣе того: милиція иногда отмѣчаетъ таковыхъ лицъ, какъ „женатыхъ“ и „замужнихъ“, а вѣнчавшейся выдается паспортъ на фамилію того *гражданина*, съ кѣмъ она повѣнчалась.

„Такимъ образомъ, явно саботируется декретъ о гражданскомъ бракѣ, *присваивается чужая фамилія и гражданское состояніе женатого или замужней*. Контрреволюціонные священнослужители, чья уменьшеніе своихъ доходовъ отъ совершенія такъ называемаго таинства бракосочетанія, сознательно и систематически противодѣйствуютъ декрету о гражданскомъ бракѣ и игнорируютъ постановленія совѣтской власти. Вѣнчающіеся, не зарегистрированные въ отдѣлѣ записей браковъ, *присвоивъ званіе мужа и жены*, участвуютъ въ этомъ контрреволюціонномъ срывѣ декретовъ рабоче-крестьянскаго правительства. Служащіе милиціи, сверхъ того, *совершаютъ преступленія по должности*.

„Чрезвычайная комиссія, стоя на стражѣ декретовъ и постановленій рабоче-крестьянскаго правительства, обязана въ названныхъ случаяхъ строго преслѣдовать участниковъ означенныхъ контрреволюціонныхъ дѣяній, *направленныхъ противъ раскрѣпощенія человеческой личности*.“

Борьба съ церковнымъ бракомъ принимаетъ иногда юмористическія формы, но нашъ серьезный совѣтскій ученый не понимаетъ карикатурности своихъ разсужденій.

Речь идетъ о фамиліи супруговъ. Церковный бракъ не признается совѣтскою республикою, и надо какъ-нибудь отличить его, чтобы всѣ знали о томъ, что данная пара живетъ безнравственнымъ, позорнымъ, съ точки зрѣнія совѣтской нравственности, церковнымъ бракомъ.

Совѣтское законодательство предоставляетъ супругамъ свободу выбора фамилій: не только жена можетъ принять фамилію мужа, но и мужъ можетъ принять фамилію жены. Дыбенко, женатый на Коллонтай, можетъ стать „товарищемъ Коллонтай.“ Можно носить и соединенную фамилію. Но только одного нельзя имъ позволить—сохранить каждому свою фамилію. Вѣдь тогда будетъ то же, что и при заключеніи постыднаго (1) церковнаго брака.

„Лица, весьма еще считающіеся съ общественнымъ мнѣніемъ“, говоритъ Гойхбаргъ, „не отказывались бы отъ церковнаго брака“

„Нашъ кодексъ“, поясняетъ Гойхбаргъ, „заявляетъ: я не признаю церковныхъ и религіозныхъ формъ брака. Я поэтому устанавливаю такую внѣшнюю отличительную черту супружества, какой нельзя получить инымъ путемъ, кромѣ регистраціи ихъ брака по совѣтской формѣ.“

Принадлежать къ какой-либо религіи въ совѣтской Россіи не воспрещается, но Гойхбаргъ откровенно говоритъ, что совѣтское законодательство „поощряетъ внѣвѣроисповѣдное состояніе, свободу отъ религіозныхъ предразсудковъ“; для этого, говоритъ онъ, нашъ кодексъ осложняетъ формы соглашенія относительно религіи дѣтей, требуя письменной формы этихъ соглашеній и предполагая, когда только возможно, что дѣти не принадлежать ни къ какой религіи.

„Избѣгая вообще всякихъ формальныхъ затрудненій, кодексъ въ этомъ случаѣ отступаетъ отъ своего основнаго правила, въ дѣлахъ по-

ощренія внѣвѣроисповѣднаго состоянія: соглашеніе родителей о принадлежности малолѣтнихъ дѣтей къ той или иной религіи должно быть заключено въ письменной формѣ. При отсутствіи такого письменнаго соглашенія, отдѣлъ записей актовъ гражданскаго состоянія не можетъ дать никакой отмѣтки о религіи ребенка“ (стр. 125).

Изгоняя религію изъ бытового обихода, совѣтская власть не намѣрена была на этомъ остановиться. Ея задачею было разрушить и семью, какъ прочный интимный союзъ.

Сохраненіе названій „бракъ“, „семья“ нужно было, повидимому, только изъ страха „общественнаго мнѣнія“, привыкшаго къ старому укладу. Но истинною цѣлью и идеаломъ совѣтскаго законодательства является разрушеніе семьи и упраздненіе брака.

Бракъ заключается съ невѣроятной легкостью: присутствіе акихъ-либо лицъ, кромѣ самихъ вступающихъ въ бракъ, не обязательно. Приходятъ и записываются.

Личность вступающихъ въ бракъ можетъ быть удостовѣрена не только документами, но и свидѣтельскими показаніями.

Дѣйствительны браки, заключенные черезъ часъ послѣ развода.

Разводъ же совершается какъ по обоюдному соглашенію супруговъ, такъ и по желанію одного изъ нихъ.

Въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, другой супругъ получаетъ право *немедленно* вступить въ бракъ съ другимъ лицомъ. „Едва ли“, говоритъ Гойхбаргъ, „умѣстно *вынуждать* кого-либо оказывать почтеніе умершему“ (стр. 98).

Очень характерны также объясненія Гойхбарга, почему совѣтское законодательство не устанавливаетъ предѣльнаго возраста для брака: „Совѣтскому законодательству чужды увѣщеванія о томъ, что на старости слѣдуетъ думать о небесномъ, а не о земномъ“ (стр. 32).

Близость родства, какъ препятствія къ браку, признается только въ прямой восходящей и нисходящей линіи и между братьями и сестрами. Отчимъ и падчерица, мачеха и пасынки, свойственники могутъ вступать между собою въ бракъ безпрепятственно (стр. 137).

Сохраненія супружеской вѣрности не требуется. „Въ отличіе отъ буржуазнаго закона, заявленіе о внѣбрачномъ ребенкѣ можетъ быть подано женщиною, состоящею въ бракѣ, если зачатый ею ребенокъ происходитъ не отъ зарегистрированнаго ея мужа.“

„Когда ко времени зачатія ребенка мать сожителествовала съ нѣсколькими лицами, то всѣ „подозрѣваемые“, что они—отцы ребенка, привлекаются къ несенію расходовъ на ребенка, наравнѣ съ официальнымъ мужемъ“ (стр. 117—118).

Бракъ буржуазнаго права, съ момента его заключенія и до расторженія, считается *прочнымъ* союзомъ двухъ лицъ разнаго пола, основаннымъ не только на физической, но и на моральной связи. Траурные сроки, запрещеніе вступать въ бракъ близкимъ родственникамъ и старикамъ, затрудненія развода—все это должно было подчеркнуть духовную сторону брака, устранить похотливость, укрѣпить прочность брачнаго союза, внушивъ вступающимъ въ бракъ съ самаго начала мысль

о серьезности совершаемаго шага и предупредить легкомысленныя супружества.

Жизнь знала отклоненія, дѣлала нѣкоторыя постановленія законодательства ненормальными, но оно было рассчитано на лучшее.

Совѣтское законодательство, наоборотъ, рассчитано на худшее. Оно стремится привить мысль, что бракъ—одна изъ самыхъ обыкновенныхъ сдѣлокъ, зарегистрированное сожителство, въ которомъ самое существенное—физическая связь. Если половое влеченіе остыло, то и разошлись.

Спрашивается, зачѣмъ же вообще существуетъ бракъ, зачѣмъ регистрировать сожителство, официально объ немъ объявлять? Гойхбаргъ не останавливается на этихъ вопросахъ. Его дѣло объяснять и хвалить: вотъ, молъ, какъ у насъ, совсѣмъ не какъ у буржуевъ! Но онъ, должно быть, самъ хорошо понимаетъ, что трудно было рѣшиться сдѣлать то, что хотѣлось—уничтожить бракъ совершенно, предоставивъ полную свободу любви.

Формально признаніе брака въ совѣтской Россіи можетъ быть оправдано только однимъ имущественнымъ послѣдствіемъ: „взаимнымъ правомъ нетрудоспособнаго супруга на получение содержанія отъ другого или, вѣрнѣе, изъ имущества другого состоятельнаго супруга.“ Но, такъ какъ простые смертные такого имущества въ социалистической совѣтской республикѣ не имѣютъ, то, слѣдовательно, взаимное право супруговъ сводится къ раздѣленію голоднаго пайка.

Положеніе же дѣтей, родились ли они отъ зарегистрированнаго брака, или нѣтъ, и продолжаютъ ли ихъ родители сожителствовать, или значиться въ бракѣ, или же давно разошлись и прошли черезъ десятки другихъ браковъ—остается съ юридической точки зрѣнія одинаковымъ: „отношенія семейныя (т. е. родство) не зависятъ отъ отношений брачныхъ“. Каждого изъ родителей регистрируютъ, и, если онъ не сумѣетъ уклониться, воспользовавшись легкостью перемѣны фамиліи (вступить, напримѣръ, въ новый бракъ и приметъ фамилію жены), то его заставляютъ вносить на содержаніе ребенка не менѣе половины прожиточнаго минимума.

Если стремленіе разрушить бракъ въ совѣтскомъ законодательствѣ нѣсколько завуалировано, то желаніе искалчить дѣтей на коммунистическій ладъ, для того, чтобы „съ сѣменемъ“ вырвать буржуазныя плевеы, проявляется въ книгѣ Гойхбарга совершенно открыто.

„Даже отказавшіеся отъ монархіи въ области политической жизни“, говоритъ онъ, „стоятъ за монархію въ семейной жизни.“

Подотдѣлу опеки предоставляется право устанавливать опеку и надъ тѣми несовершеннолѣтними, которые находятся на попеченіи своихъ родителей, а именно, если послѣдніе воспитываютъ дѣтей въ духѣ, явно противорѣчащемъ основнымъ началамъ коммунизма, внушая дѣтямъ вражду къ коммунизму и развивая въ нихъ контръ-революціонныя стремленія (стр. 148).“

„Организація опеки должна играть воспитательную, показательную, образцовую роль. Она должна показать родителямъ, что общественный уходъ за дѣтьми даетъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ частный,

индивидуальный, ненаучный и нерациональный уходъ „отдѣльных“, „любящихъ“, но невѣжественныхъ родителей, создающихъ изъ дѣтей такихъ же себялюбивыхъ, какъ они сами, индивидуалистовъ, ставящихъ на первый планъ свои личные маленькіе интересы, въ ущербъ интересамъ всего общества.“

Стремленіе совѣтской власти заключается, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы вырвать дѣтей изъ семьи въ тѣхъ случаяхъ, когда семья еще не поддавалась разрушенію.

Гойхбаргъ очень возмущается „омерзительными“ дѣлами о разводахъ по причинѣ прелюбодѣлій; ему слѣдовало бы также возмутиться „омерзительностью“ процессовъ, которые, на основаніи совѣтскаго законодательства, могутъ возникать при спорахъ о происхожденіи ребенка.

„Никакихъ“, говоритъ Гойхбаргъ, „привилегій официально или официально записанному отцу не предоставляется. Вопреки записи, съ фактами въ рукахъ, могутъ доказывать происхожденіе ребенка не отъ официального отца не только онъ самъ (хотя бы онъ и принималъ участіе въ совершеніи той записи, въ которой обозначено, что данный ребенокъ отъ него происходитъ), но и мать ребенка, и самъ ребенокъ, и дѣйствительный отецъ его и, вообще, всякое лицо, заинтересованное въ установленіи дѣйствительнаго происхожденія. Споръ этотъ, споръ о происхожденіи, не ограниченъ никакимъ срокомъ и можетъ быть начатъ во всякое время, въ томъ числѣ и при жизни официального отца (стр. 115).“

Чтобы сдѣлать жизнь дѣтей въ семьѣ невозможной, ихъ намѣренно вооружаютъ противъ родительской „монархіи“, стараются поселить вражду и рознь въ самую семью, въ которой строится все на „товарищескихъ“ началахъ *), все коллегіально обсуждается, и, если единомыслія не достигается, то споръ предоставляется „справедливому усмотрѣнію безпристрастнаго суда“.

Идеальной судьбой дѣтей въ совѣтской Россіи считается поселеніе ихъ, въ числѣ не менѣе 10 человѣкъ, въ специально приспособленномъ помѣщеніи, подъ наблюденіемъ коллективной опеки изъ нѣсколькихъ товарищей-опекуновъ, которые должны періодически, не рѣже, чѣмъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, „собираться для выработки общаго плана воспитанія.“

Въ заключеніе, въ качествѣ еще одной особенности совѣтскаго законодательства, остается указать на запрещеніе имѣ усыновленія.

По этому поводу, г. Гойхбаргъ даетъ интересныя объясненія. „Нашему кодексу нечего пользоваться искусственнымъ пріемомъ усыновленія для сообщенія вѣнчаемымъ дѣтямъ *частицы* правъ дѣтей „законныхъ“; всѣ дѣти и безъ того пользуются равными правами. Но нашъ кодексъ, въ своемъ стремленіи бороться съ разными фикціями, искусственными выдумками, пошелъ гораздо дальше: онъ вообще воспретилъ на будущее время всякое усыновленіе. Онъ не посчитался даже съ очень распространеннымъ въ крестьянскомъ быту институтомъ „пріимчества“, пріемныхъ дѣтей, пріемомъ работниковъ въ свой домъ, въ свое хозяйство, а, слѣдовательно, и въ свою семью. Въ виду запрещенія наемнаго труда на крестьянской трудовой на-

*) Стр. 120.

емной землѣ, можно было ожидать широкаго распространѣнія пріимачества въ обходъ этого закона. Хотя, съ другой стороны, расширеніе *рабочей* семьи нанесло бы ударъ индивидуалистической кровной семьѣ. Но правовыя соображенія, въ связи съ стремленіемъ избѣжать искусственныхъ соединеній, взяли верхъ.“

Задачи законодательства разрушить семью очень недвусмысленно выражены въ словахъ: „хотя бы нанесло ударъ *кровной* семьѣ“; въ нихъ ясно внесено сожалѣніе, что отъ этой основной цѣли пришлось, въ данномъ случаѣ, отступитъ.

IV.

Юридическая конструція.

Книга Гойхбарга разсчитана на широкій кругъ читателей. У него много ссылокъ на иностранное законодательство, но только для того, чтобы показать превосходство передъ „буржуазнымъ“ закономъ совѣтскаго кодекса. Толкованіе законовъ носитъ характеръ разжевыванія для профановъ. Это комментарий съ претензіей на популярность. Такіе комментарии, но съ болѣе солидною юридическою разработкою, г. Гойхбаргъ въ свое время посвятилъ буржуазнымъ законамъ о торговой комиссіи, застройкѣ, расширеніи наслѣдственныхъ правъ женщинъ. Всѣ они обнаруживали склонность пхъ автора къ вазупетикѣ и холодность къ теоретическимъ изслѣдованіямъ.

Это сказалось и на его послѣдней работѣ.

Желаніе не отстать отъ вѣка сквозитъ на каждомъ шагѣ. Международное право г. Гойхбаргъ называетъ „лицемѣрно-буржуазнымъ“ и „фиговымъ листкомъ“ (стр. 47).

Разбирая нѣкоторыя положенія „прогрессивнаго буржуазнаго законодательства“, онъ намѣренно дѣлаетъ ненаучныя обобщенія, чтобы опорочить это законодательство.

Вотъ примѣры:

„Нѣкоторыя наиболѣе прогрессивныя законодательства,“ говоритъ Гойхбаргъ, „требуя, чтобы жена всегда слѣдовала за мужемъ, признаютъ за женою возможность не подчиниться этому требованію мужа, если оно представляется съ его стороны *злоупотребленіемъ* своимъ правомъ, т. е., пными словами, если мужъ *шантажируетъ* свою жену такимъ требованіемъ, если онъ заставляетъ ее подчиниться его пустому или злостному желанію причинить ей большія непріятности и невыгоды, не приносящія ему, къ тому же, никакой пользы. Хорошъ вѣчный и священный брачный союзъ, при наличности котораго женѣ приходится давать *такія гарантіи* противъ ея супруга!“

Зачѣмъ отклоненіе отъ нормальнаго состоянія, характеризующее, съ чѣмъ борется разсчитанный на средній типъ законъ, возводитъ въ общее правило?

Въ другомъ мѣстѣ, критикуя наслѣдственное право буржуазнаго міра, Гойхбаргъ восклицаетъ: „А царскіе законы, съ ихъ полной свободой завѣщанія, вовсе не считались съ желаніемъ обезпечить дѣтей.“

Во-первыхъ, свобода завѣщанія была неполной (родовыя имущества), а, во-вторыхъ, обходъ въ завѣщаніи дѣтей составляетъ исключеніе, а на-

слѣдованіе по закону, призывающее дѣтей въ первую очередь, только отображаетъ дѣйствительную практику завѣщательныхъ распоряженій.

Вообще, наследственное право Гойхбаргъ изображаетъ въ каррикатурномъ видѣ.

Вотъ одно изъ характерныхъ мѣстъ:

„По германскимъ законамъ, жена обязана давать содержаніе мужу при своей жизни только въ томъ случаѣ, если онъ нуждается. Но стоитъ только умереть родителю или супругу—и вся картина мѣняется. Смерть весьма улучшаетъ положеніе оставшихся, права остающихся дѣтей или другого супруга возрастаютъ до чрезвычайности: еще вчера они не имѣли никакого права на имущество живого, а сегодня у нихъ появляются огромныя права на имущество умершаго, они приобрѣтаютъ неотъемлемое право на извѣстную долю имущества умершаго, хотя бы при жизни его они вообще, или, какъ люди состоятельные, никакого содержанія изъ его имущества получать права не имѣли. Отсюда нерѣдко порождаются стимулы къ искусственному ускоренію смерти родителей или супруговъ, отсюда тайныя убійства, отравленія и т. д., въ особенности легко и безнаказанно осуществимыя, благодаря совмѣстной жизни этихъ лицъ. Разумѣется, никакихъ такихъ преступныхъ побужденій не можетъ появиться, если и при жизни и послѣ смерти близкіе пользуются одинаковымъ правомъ на полученіе содержанія.

„Несмотря на все это, буржуазные ученые готовы отстаивать этотъ порядокъ наследованія, готовы считать его безусловно необходимымъ для самаго существованія „общества“, хотя рѣдко гдѣ вы найдете у нихъ хотя бы малѣйшія попытки доказать справедливость или цѣлесообразность этого порядка.“

Ни одного слова профессоръ Гойхбаргъ не посвящаетъ указанію на универсальность наследственнаго преемства, на переходъ, вмѣстѣ съ правами, и обязанностей.

Цѣлесообразность права, неразрывно связаннаго съ институтами собственности и семьи, многократно и съ разныхъ точекъ зрѣнія освѣщалась юристами и социологами. Естественное право отчужденія при жизни и на случай смерти (Пуффендорфъ, Томазій, Фихте), раздѣлъ семейнаго имущества (Гегель, Савиньи), замѣщеніе собственника (Бруне), преемство личности (Пухта, Зомъ, Лассаль)—все это различныя попытки объяснить происхожденіе и существованіе наследованія, которыя, съ гражданско-политической точки зрѣнія, покрываются необходимостью преемства для стимулированія хозяйственности и обезпеченія непрерывности экономическаго оборота.

Конечно, для коммунистическаго міра наследованіе не нужно, но ученый—не агитаторъ, и въ офикъ такихъ серьезныхъ институтовъ, какъ наследованіе, ему не подобаетъ говорить о немъ, исходя изъ частныхъ случаевъ и забывая о народно-хозяйственномъ значеніи.

Таковы теоретическія погрѣшности нашего автора.

Не касаясь вопроса о томъ, насколько подходятъ для книги профессора замѣчанія о „поповскихъ увѣщаніяхъ“ относительно небснаго и земнаго (по вопросу о предѣльномъ возрастѣ) или признанія за нормальное „немедленное вступленіе въ бракъ послѣ смерти супруга“ (отмѣна „траурныхъ сроковъ“)—мы остановимся на чисто юридической сторонѣ книги.

При всей своей популярности, она представляет все же юридическое изслѣдованіе, и авторъ подписался, какъ профессоръ.

Намъ интересна его точка зрѣнія на то, что же представляет собой совѣтскій бракъ въ юридическомъ смыслѣ.

„Установивъ, въ цѣляхъ борьбы съ религіею, свѣтское оформление, свѣтскую запись брака, совѣтское законодательство почти совершенно лишило его связующей, скрывающей силы, вытравило изъ него всѣ религіозныя и церковныя пережитки, совершенно уравнило въ правахъ мужа и жену на время, пока продолжается бракъ, дало имъ волю прекратить бракъ, когда онъ кому-либо изъ нихъ покажется долѣе нетерпимымъ или невыносимымъ, превратило брачный союзъ въ подлинно *товарищеское* добровольное *соединеніе* двухъ людей разнаго пола.“

Такимъ образомъ, г. Гойхбаргъ считаетъ бракъ „товарищескимъ“ соединеніемъ.

Авторъ слишкомъ хорошо юридически образованъ, чтобы употребить этотъ терминъ въ юридическомъ смыслѣ. Что бракъ по совѣтскому законодательству не является договоромъ товарищества, это ясно уже изъ того, что самъ по себѣ бракъ по совѣтскому праву не оказываетъ никакого вліянія на имущественныя отношенія супруговъ.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 60) Гойхбаргъ говоритъ о томъ, что супруги „могутъ“ организовать свое хозяйство на товарищескихъ или артельныхъ(!) началахъ. Комментируя ст. 105 кодекса („Бракъ не создаетъ общности имущества супруговъ“), онъ говоритъ:

„Мужъ и жена вольны заключать между собою полное товарищество, сдѣлать часть своего имущества или даже все свое имущество общимъ, но не иначе, не на иныхъ началахъ, какъ равноправные члены товарищества вообще. Всякое иное *соглашеніе* между ними, какъ добрачное, такъ и заключенное послѣ брака, направленное на умаленіе правъ жены и мужа, не обязательно для постороннихъ лицъ, необязательно, какъ совершенно не дѣйствительное, и для самихъ супруговъ, которые въ любой моментъ могутъ отъ этого соглашенія отказаться.“

Такимъ образомъ, товарищество, въ юридическомъ смыслѣ, только возможно, но не вытекаетъ изъ самой сущности брака.

Остается считать, что юристъ Гойхбаргъ назвалъ бракъ „товарищескимъ“ союзомъ въ обывательскомъ смыслѣ. Вѣроятно, товарищескія отношенія между мужчиною и женщиною въ совѣтской Россіи даютъ поводъ употреблять слово „товарищеское“ для опредѣленія брака.

Если такъ, то юридическая сущность брака остается загадкой.

Гойхбаргъ даетъ намъ, впрочемъ, еще одно указаніе. Онъ отмѣчаетъ необходимость взаимнаго соглашенія вступающихъ въ бракъ и поэтому рассматриваетъ бракъ, какъ договоръ, примѣняя къ нему общее ученіе о сдѣлкахъ.

„Въ случаѣ регистраціи его, несмотря на наличность исключающаго добровольное согласіе обстоятельства, бракъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ. Такими обстоятельствами, исключаящими возможность взаимнаго соглашенія, являются, въ частности, безсознательное состояніе одного изъ вступающихъ въ бракъ или вообще такое его состояніе, находясь въ которомъ, онъ не можетъ отвѣчать за свои дѣйствія, свободно опредѣлять свои поступки (напр., будучи загипнотизированъ); далѣе, прямое, непосредственное принужденіе или даже принужденіе косвенное, психическое, вы-

званное угрозою причинить значительный вред самому принуждаемому или лицамъ, къ которымъ онъ пригласенъ, которые ему дороги; наконецъ, обманъ или существенная ошибка, представляющимъ образомъ подѣйствовашіе на выраженіе согласія со стороны одного изъ вступающихъ въ бракъ". Въ случаяхъ обмана или *существенной ошибки*, наличие которыхъ опредѣляющимъ образомъ подѣйствовала на вѣнчаніе выраженіе согласія, слѣдуетъ считать, что согласія вовсе не было дано."

Прочитавъ это, невольно задумываешься, въ чемъ же заключаются юридическія послѣдствія недѣйствительнаго брака, вслѣдствіе принужденія, ошибки, обмана. Въ „царскихъ“ законахъ была статья 666 т. X ч. 1, которая обязывала виновнаго въ совершеніи брака по принужденію или обману „доставить насильно или по обману обвинянной съ нимъ средства приличнаго ея состоянію существованія до вступленія ея въ другое супружество."

Это „буржуазное“ правило не можетъ существовать въ совѣтской Россіи, какъ потому, что вслѣдствіе равноправія нужно было бы доставлять пропитаніе не только обманутой, но и обманутому, такъ и потому, что понятіе „приличнаго состоянію“ чуждо социалистическому міропониманію, и, наконецъ, потому, что паразитическаго существованія на чужой счетъ не допускается.

Если бы, напримѣръ, кто-либо выдалъ себя за „комиссара“ и вовлеченъ былъ въ бракъ, то послѣдствіемъ раскрывшагося обмана могло бы быть только то, что было бы, если бы мужъ не поправился молодой супругъ въ первую брачную ночь, а именно: она пошла бы къ соответствующему чиновнику и на другой же день одностороннимъ заявленіемъ расторгла бы бракъ.

По толкованію Гейхбарга, бракъ по обману недѣйствителенъ, но не ничтоженъ. Слѣдовательно, чтобы лишить его силы, нужно заинтересованной стороной заявить о недѣйствительности.

Никакого юридическаго различія.

Такъ какъ по совѣтскому праву всѣ дѣти, какъ рожденные въ бракъ, такъ и внѣбрачныя, находятся въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ „фактическимъ“ родителямъ, то и въ отношеніи дѣтей дѣйствительность или недѣйствительность не имѣетъ значенія.

Мы считаемъ, такимъ образомъ, конструкцію брака по совѣтскому законодательству, какъ юридическаго акта (сдѣлки), неправильною.

Два лица, совмѣстно являющіяся къ фотографу, состоятъ въ такихъ же юридическихъ другъ къ другу отношеніяхъ, какъ два лица, совмѣстно являющіяся для регистраціи брака.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ договорныя отношенія касаются только нѣкоторыхъ расходовъ, связанныхъ съ производствомъ дѣйствій, которые они предпринимаютъ. Но это не затрагиваетъ самаго брака, какъ полового союза. Онъ, какъ таковой, не порождаетъ между сторонами никакихъ договорныхъ правоотношеній. Поскольку онъ зарегистрированъ, онъ только *юридическій фактъ*, изъ котораго вытекаютъ нѣкоторыя послѣдствія (фамилія, дѣлежъ пайка).

Мы считаемъ, что, по духу совѣтскаго законодательства, *бракъ является зарегистрированнымъ фактомъ половыхъ отношеній между мужчиною и женщиною*. Регистрація состоитъ въ засвидѣтельствованіи двухъ отдѣльныхъ заявленій относительно установленія полового сожителства.

Никакого этического и юридическаго содержанія въ понятіе брака не вкладывается.

„Буржуазные законы не признають преступленіемъ изнасилованіе собственной жены, такъ какъ въ подобномъ случаѣ насилія мужъ только пользуется своимъ правомъ“.

„Нашъ кодексъ“, говоритъ Гойхбаргъ, „не устанавливаетъ для супруговъ обязанности *сожителства и вѣрности*. Супруги сожительствуютъ только по доброй своей волѣ. Насиліе въ этомъ отношеніи по адресу одного изъ нихъ со стороны другого столь же *преступно и наказуемо*, какъ и всякое другое изнасилованіе со стороны не-супруга (К. Н.).“

Очень похвальная тенденція защиты личности, проявляемая въ этой постановкѣ вопроса, съ юридической точки зрѣнія только подчеркиваетъ, что бракъ, какъ таковой, не порождаетъ никакихъ взаимныхъ обязательствъ, даже половыхъ, хотя онъ по природѣ своей—половой союзъ.

Юридическая конструкція, которая не даетъ никакихъ практически полезныхъ выводовъ, не можетъ считаться правильною. Можно было бы возразить, что практическое значеніе конструкціи не всегда можетъ быть заранее опредѣлено, но тогда къ ней слѣдуетъ подойти съ точки зрѣнія соотвѣтствія ея существу отношенія.

Признаніе совѣтскаго брака договоромъ затемняетъ существо отношенія. Совѣтское законодательство направлено къ тому, чтобы лишить бракъ содержанія и смысла, чтобы лишить его всякой священной силы. Ни въ личныхъ, ни въ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, ни въ отношеніяхъ къ дѣтямъ совѣтскій бракъ не создаетъ ничего, отличающаго зарегистрированное сожителство отъ незарегистрированнаго.

Зачѣмъ же тогда бракъ и все законодательство о немъ?

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Оцѣнка.

Къ совѣтскому законодательству о бракѣ нельзя подходить съ оцѣнкой, исходящей изъ разсмотрѣнія его, какъ *реформы* дѣйствующаго права.

Между самымъ передовымъ изъ европейскихъ законодательствъ, швейцарскимъ гражданскимъ уложеніемъ, и совѣтскимъ кодексомъ лежитъ пропасть, несмотря на то, что составитель совѣтскаго кодекса о семьѣ и бракѣ находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ швейцарскаго кодекса и многое оттуда заимствовалъ.

Швейцарское уложеніе очень упростило процедуру совершенія брака. Внѣшне оно сходно съ совѣтскимъ—регистрація передъ соотвѣтствующимъ чиновникомъ, но швейцарское право устанавливаетъ обязательное оповѣщеніе о предстоящемъ бракѣ и право представленія возраженій со стороны всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.

Швейцарское уложеніе запрещаетъ совершеніе религіознаго обряда бракосочетанія до совершенія гражданскаго брака (ст. 118), но оно не проявляетъ ни малѣйшей тенденціи бороться съ религіозными настроеніями. Заключеніе гражданскаго брака предшествуетъ религіозному бракосоч-

четанію, въ виду необходимости предварительной провѣрки законности брака.

Швейцарское уложеніе не знаетъ препятствій къ браку въ предѣльномъ возрастѣ, въ чемъ совѣтское законодательство вполне съ нимъ совпадаетъ.

Равнымъ образомъ, и въ швейцарскомъ правѣ проявилась тенденція устранить изъ числа препятствій къ браку свойство (art. 100). По сравненію съ другими современными намъ законодательствами, швейцарское смѣло пошло по пути суженія круга свойственниковъ, между которыми бракъ запрещается, ограничивъ запретъ брака между свойственниками въ прямой линіи, т. е. между beau-père и belle-fille, belle-mère и зятемъ, но не между beau-frère и belle-soeur. Впрочемъ, послѣ долгой борьбы между нижнею и верхнею палатою, послѣднее ограниченіе было отмѣнено и въ Англіи. Совѣтское же законодательство, какъ уже было указано, вовсе не считаетъ свойство препятствіемъ къ браку.

Въ отношеніи развода, швейцарское право сдѣлало крупный шагъ впередъ, установивъ право супруговъ требовать развода, когда супружеская рознь стала невыносима (art. 142). Комментаторъ кодекса Curti-Forgger считаетъ эту статью закона скорѣе описательною, чѣмъ юридическою.

Однако, до той свободы развода, которую установило совѣтское законодательство, швейцарское далеко не дошло. Къ тому же, судебная практика, которую приводятъ Курти, для поясненія смысла закона, пользуясь рѣшеніями федеральнаго трибунала по примѣненію сходнаго закона 1874 г. — очень осторожна. Такъ, напримѣръ, судъ не считалъ основаніемъ для развода болѣзнь жены, препятствующую ей вести хозяйство и быть супругою, не призналъ достаточнымъ для развода фактъ увлеченія жены флиртомъ и склонность мужа къ пьянству, поскольку подозрѣнія въ легкомысленности поведенія жены и, въ частности, увлеченія ея лесбосской любовью, не были доказаны.

Въ обоихъ случаяхъ судъ считаетъ недоказаннымъ полный моральный разрывъ между супругами.

Такимъ образомъ, точки соприкосновенія передового закона стараго міра и декрета коммунистической власти очень ограничены.

Бракъ рассматривается швейцарскимъ гражданскимъ уложеніемъ, какъ актъ, влекущій настолько важныя личныя и имущественныя послѣдствія для сторонъ, что законъ требуетъ провѣрки условій заключенія брака, съ точки зрѣнія соответствія ихъ закону, и согласія родителей на бракъ несовершеннолѣтнихъ, устанавливаетъ, хотя и легкія сравнительно, условія развода, но все же не полный произволъ усмотрѣнія супруговъ или даже одного изъ нихъ, знаетъ перерывъ между браками (старымъ и новымъ) обычно продолжительностью до трехсотъ дней, при разводѣ же — по опредѣленію судьи¹⁾.

Швейцарское уложеніе ставитъ мужа во главѣ семьи (le chef de l'union conjugale) и возлагаетъ на него обязанность содержанія жены и дѣтей.

¹⁾ Art. 103 сокращаетъ продолжительность перерыва въ случаѣ разрывшенія отъ бремена, такъ что самый перерывъ связывается опасеніемъ такъ назыв. turbatio sanguinis (смѣшенія крови), но этотъ мотивъ, опредѣляющій длительность перерыва, несомнѣнно, покрываетъ собою и чисто моральный, въ отношеніи, напримѣръ, вдовца или вдовы.

Швейцарское уложеніе представляет собою передовую реформу, отвѣчающую стремленіямъ вѣка къ эмансипаціи личности. Власть мужа и отца ослабляется въ такой мѣрѣ, чтобы не разрушалась семья. Заключение брака и расторженіе его облегчаются настолько, чтобы самый бракъ не потерялъ своего значенія, какъ одной изъ важнѣйшихъ основъ гражданского права.

Совѣсмъ инымъ является совѣтское законодательство. Его результатомъ является не только эмансипація жены и дѣтей, не только полное равенство супруговъ и устраненіе искусственныхъ правовыхъ путъ на свободной волѣ, но и разрушеніе самаго брака. Онъ теряетъ всякій смыслъ, потому что обращается въ простую регистрацію полового сожителства. Сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ. Семьи тоже нѣтъ: совѣтскій законодатель не скрываетъ, что онъ стремится оторвать дѣтей отъ неразумныхъ родителей, дѣлаетъ ихъ авторитетъ ничтожнымъ.

Нельзя считать, что совѣтское законодательство логически вытекаетъ изъ преобразованія хозяйственнаго строя. Можно ли, напримѣръ, сказать, что, если бы изъ швейцарскаго уложенія изъять все, что связано съ буржуазною системою экономическихъ отношеній, то получилось бы тогда то же, что представляет собою совѣтскій кодексъ о семьѣ и бракѣ?

На этотъ вопросъ надо отвѣтити категорическимъ отрицаніемъ.

Въ швейцарскомъ правѣ сохранился бы все же бракъ, какъ договоръ, и семья, какъ прочный союзъ. Когда швейцарское уложеніе говоритъ объ ошибкахъ, принужденіи, обманѣ при бракѣ (art. 124 и сл.), это логически тѣсно связано съ природою брака, какъ юридическаго акта (сдѣлки); когда объ этомъ говоритъ профессоръ Гойхбаргъ, комментаторъ совѣтскаго декрета, это напоминаетъ павлиньи перья на воронѣ.

Цѣль совѣтскаго законодательства—разрушить семью, которая является одною изъ основъ стараго быта. Декретами о бракѣ завуалирована поощряемая въ дѣйствительности система *свободной любви*.

Мы не знаемъ бытовой практики совѣтской Россіи, но можемъ предполагать, что тамъ сбываются предсказанія А. Менгера, создается привилегированная часть населенія, которая, пользуясь властью и состоятельностью, извлекаетъ изъ свободной любви такія же выгоды, какія извлекалъ капиталъ изъ свободной экономической конкуренціи.

Но почему же совѣтскій законодатель не пошелъ прямо по пути декларированія „свободной любви“, зачѣмъ ему понадобилась вуаль брака?

Косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ той же книжкѣ профессора Гойхбарга.

Совѣтскій законодатель не можетъ преодолѣть силу бытовой психологіи. Гойхбаргъ говоритъ о „лицахъ, весьма еще считающихся съ общественнымъ мнѣніемъ“¹⁾.

Онъ рассказываетъ¹⁾ о перепискѣ, возникшей въ народномъ комиссариатѣ юстиціи, по поводу гражданского брака сына одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ толстовцевъ, брака, заключеннаго имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи передъ англійскою свѣтскою властью. Учрежденія, выдававшія данному лицу и его женѣ удостовѣренія личности, затруднялись именовать ихъ мужемъ и женою. Отдѣлъ

¹⁾ Стр. 48—49, примѣчаніе.

записей актовъ гражданскаго состоянія, разумѣется, отказался зарегистрировать этотъ бракъ вновь и въдобавокъ заднимъ числомъ. Разъясненіе было дано въ томъ смыслѣ, что всѣ совѣтскія учрежденія должны признавать этотъ бракъ вполне законнымъ съ момента совершенія его въ Англіи.

Даже передовой толстовецъ считалъ важнымъ признаніе его брака закономъ.

Совѣтское законодательство проникнуто разрушительными тенденціями. Въ отношеніи семьи оно не составляетъ исключенія. Оно можетъ быть оправдано только съ точки зрѣнія воинствующаго коммунизма.

Его деморализующее вліяніе скажется преимущественно на подрастающемъ поколѣніи. Оно лишится тѣхъ моральныхъ устоевъ, тѣхъ сдерживающихъ похоть представленій о границахъ дозволеннаго, которыя будутъ необходимы, когда жизнь неизбѣжно вернется къ буржуазному обиходу, а, слѣдовательно, властно потребуетъ восстановленія семьи.

Честная социалистическая власть должна была предоставить семьѣ эволюціонировать, приспособляясь къ новымъ экономическимъ отношеніямъ, какъ это рекомендовалъ А. Менгеръ, понимавшій бдительность процесса социальнаго переустройства общества. Изъ стараго закона должны были быть изъяты тѣ пережитые архаизмы права, которые кажутся теперь иногда жестоко несправедливыми (выбѣрачныя дѣти), иногда неожиданными, какъ, напримѣръ, ст. 165 т. X, ч. I о правѣ родителей заключать дѣтей въ воспитательно-исправительныя заведенія и даже тюрьму, иногда смѣшными, какъ ст. 178-179 о прекращеніи родительской власти единственно смертью или лишеніемъ правъ состоянія и о сохраненіи власти родителя надъ дочерью, „оставившей домъ и прилѣпившейся къ мужу.“

Когда возстановится нормальный правопорядокъ, старое семейное право не воскреснетъ, его замѣнитъ новое болѣе прогрессивное законодательство, но ему не придется позаимствовать что-либо изъ совѣтскихъ декретовъ. Остается только утѣшаться, что разрушеніе семейныхъ основъ окажется столь же непосильнымъ для совѣтской власти, сколь непосильнымъ оказалось для нея насильственное введеніе коммунизма.

Г. Гинсъ.

Коммунизмъ въ Сибири.

(Изъ организаціонныхъ опытовъ 1920-1921 г. г.)

*Отъ виноградовъ бо содомскихъ ви-
ноградъ ихъ и роза ихъ отъ Гоморры.
(Исаиамъ Давида).*

I. Организаціонная дѣятельность коммунистовъ въ совѣтской Си- бири за періодъ 1920-1921 г. г.

По мѣрѣ движенія 5-ой арміи по магистральной Сибирской желѣзной до-
роги, по обѣимъ ея сторонамъ, вспыхивала такъ называемая партизанская
сыпь, которая принимала организацію и формированіе въ крупныхъ точ-
кахъ на магистральной желѣзной дороги. Въ этихъ точкахъ партизаны вли-
вались въ красную армію, принимали ея стройную организацію и усваива-
ли желѣзную дисциплину, увеличивая, такимъ образомъ, боевую мощь
арміи. Впереди арміи двигались инструктора-организаторы возстаній.

УЧРЕКОМЫ.

По мѣрѣ движенія возстаній, въ городахъ учреждались такъ называ-
емые учрекомы (учетно-реквизиціонныя комиссіи), функціи которыхъ за-
ключались въ учетъ и реквизиціи вещей „излишковъ буржуазіи“, причемъ
вначалѣ подъ словомъ „излишки“ понималось рѣшительно все, и никакихъ
нормъ выработано не было.

СИБЦУРКОМЪ.

Во главѣ всего учетнаго реквизиціоннаго дѣла становится Сибцур-
комъ (Сибирская центральная учетно-реквизиціонная комиссія) изъ 5-ти
лицъ подъ предѣлительствомъ члена Сибревкома (сибирскаго революціон-
наго комптета). Сибцуркому, находящемуся въ Омскѣ, подчинялись губ-
учрекомы (губернскія учетно-реквизиціонныя комиссіи), которыя, въ свою
очередь, вызывали къ жизни уучрекомы (уѣздныя учетно-реквизиціонныя
комиссіи), а эти послѣднія—волучрекомы и сельучрекомы (волостныя и сель-
скія учетно-реквизиціонныя комиссіи). Количество агентовъ учрекомовъ
было громадно. Согласно директивъ изъ Сибцуркома (сибирской централь-
ной учетно-реквизиціонной комиссіи), губучрекомы должны были имѣть въ
своемъ распоряженіи до шестисотъ агентовъ-учетчиковъ, бравшихъ на
учетъ и реквизировавшихъ товары, а также и имущество, покинутое хо-
зяевами-бѣженцами.

РАБОТА УЧРЕКОМОВЪ.

Работа производилась слѣдующимъ образомъ. Губернія дѣлилась на районы. Къ каналамъ сообщеній—трактовъ, желѣзной дороги, бросались учетчики, реквизировавшіе товары. Эти „соловьи-разбойники“ грабли и коннаго и пѣшаго. Нельзя было нигдѣ „ни пройти ни проѣхать“. Города были раздѣлены на участки, причемъ точки залежей товара (склады) брались на учетъ и регистрировались Трампомъ Совнархоза (транспортно-матеріальнымъ отдѣломъ Совѣта народнаго хозяйства). За все время работъ учрекомовъ устанавливалась живая связь, „цѣпочка“, Сибцуркома съ учрекомомъ. Регулярно, черезъ каждыя двѣ недѣли, изъ Сиб'а (Омска) посылались инструктора, которые и направляли работу на мѣстахъ, устанавливая единообразіе и порядокъ въ формахъ отчетности и въ смыслѣ веденія самой системы учета, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ и информируя центръ о положеніи.

РАБОТА ГУБЧЕКА.

Весь человѣческій матеріалъ учрекомовъ, ихъ живая сила была взята на учетъ. На каждыхъ 100 агентовъ-учетчиковъ приходилось по 10 агентовъ-наблюдателей, коммунистовъ, назначаемыхъ Парткомомъ (мѣстнымъ партійнымъ комитетомъ), которые и должны были слѣдить за „чистотой совѣсти“ учетчика. Въ случаѣ малѣйшихъ провинностей, нарушеній этой „чистоты совѣсти“, агенты учрекомовъ шли къ распоряженію Губчека (губернской чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контр-революціей, саботажемъ и спекуляціей). Тамъ они или лишались свободы, или списывались въ тиражъ погашенія (разстрѣливались).

ОЦѢНКОМЫ.

На захваченные товары составлялись акты учета и реквизиціи, причемъ, для удовлетворенія претензій иностранныхъ подданныхъ, преимущественно китайцевъ, учреждались такъ называемыя Оцѣнкомы (оцѣночныя комиссіи), которыя и должны были уплатить стоимость реквизированныхъ товаровъ, по „справедливой“ оцѣнкѣ, по „соглашенію“. Съ русскими же подданными не церемонились—имъ платить не предполагалось. Согласно послѣднихъ полученныхъ нами свѣдѣній, и китайцамъ уплачено не было. Слѣдовательно, организація Оцѣнкомовъ была лишь комедіей, лишь желаніемъ большевиковъ ослабить впечатлѣніе, произведенное реквизиціей товаровъ.

ЛИКВИДКОМЫ УЧРЕКОМОВЪ.

Въ результатъ работъ учрекомовъ накопилась масса документовъ: актовъ учета, реквизиціи, расхищенія, опечатанія и др. Образовались бумажныя залежи, въ которыхъ было очень трудно разобраться, да и люди, стоящіе во главѣ этого дѣла, сами запутывали его, желая скрыть свою несовсѣмъ чистую работу въ немъ. Между тѣмъ, время шло—товаръ разво-

ровывался. Поэтому, согласно приказа Москвы, Учрекомы умираютъ, передавая все дѣлопроизводство Ликвидкомамъ Учрекомовъ (Ликвидационнымъ комиссіямъ по дѣламъ учетно-реквизиціонныхъ комиссій). Въ Омскѣ же появляется Ликвидкомъ Сибкуркома (ликвидационная комиссія по дѣламъ сибирской центральной учетно-реквизиціонной комиссій), съ обновленнымъ составомъ. Ликвидкомы приводятъ въ порядокъ все дѣла учрекомовъ, производятъ фактическій учетъ всему награбленному и устанавливаютъ новые штаты.

БЕЗХОЗЪ ТРАМОТА СОВНАРХОЗА.

По окончаніи всѣхъ ликвидационныхъ работъ, Ликвидкомы Учрекомовъ умираютъ, передавая все дѣлопроизводство, имущество и весь штатъ служащихъ особому большому отдѣлу Трамонта—Безхозу Трамонта Совнархоза (безхозяйному отдѣлу транспортно-матеріальнаго отдѣла Совѣта народнаго хозяйства). Ранѣе Безхозъ вѣдалъ лишь безхозяйнымъ имуществомъ—имуществомъ, покинутымъ хозяевами-бѣженцами.

ДАЛЬНѢЙШАЯ СУДЬБА ЗАХВАЧЕННОГО ИМУЩЕСТВА.

Трамонтъ Совнархоза, совместно съ Губпродкомомъ (Губернскимъ Продовольственнымъ Комитетомъ) и съ одобренія Ревкома (революціоннаго комитета), вырабатываетъ смѣту, по которой часть товаровъ остается для потребностей населенія данной губерніи, а часть выбрасывается на западъ, въ Омскъ.

КАКАКА или КАЭРКА.

Для наблюденія за правильной переброской товаровъ и въ цѣляхъ контроля, организованы инициативой Эркапе (россійской коммунистической партіи) черезъ Парткомъ (мѣстный партійный комитетъ) особыя контрольные разгрузочныя комиссіи—Какака или Каэрка (контрольныя коммунистическія комиссіи). Не одну сотню лицъ Какака отправили въ Ветечека (высшую транспортную чрезвычайную комиссію по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и спекуляціей), а оттуда, часто минуя Ревтрибуналъ (революціонный трибуналъ), въ концентраціонные лагеря или въ тиражъ погашенія.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ НАГРАБЛЕННОГО ИМУЩЕСТВА И ПОЯВЛЕНІЕ СПЕЦИФИЧЕСКИ-СОВѢТСКАГО СПЕКУЛЯТИВНАГО РЫНКА.

Послѣ работы Учрекомовъ и Ликвидкомовъ Учрекомовъ, при дѣятельномъ содѣйствіи Безхоза Трамонта Совнархоза, населеніе было ограблено, что называется, до послѣдней нитки—художественно ограблено. Методомъ же личныхъ связей, скрытыхъ угрозъ и безотвѣтственныхъ дѣйствій, большинство реквизированныхъ товаровъ распредѣлилось не среди массы населенія, а попало въ руки сильныхъ міра сего—комиссаровъ и лицъ, находящихся подъ ихъ эгидой. По теоріи же большевиковъ, все товары—„излишки буржуазіи“—должны были черезъ распрѣ-

дѣлительные аппараты попасть въ руки самаго населенія, создавъ, такимъ образомъ, его благосостояніе. Фактически же, на дѣлѣ, мы этого „обобществленія капитала“ не видимъ. Уже во времена Учрекомовъ и Ликвидкомовъ Учрекомовъ, до перехода товаровъ въ вѣдѣніе Трамонта Совнархоза, констатировалась „бѣшеная утечка“ товара. Эта утечка и является виновницей появленія спекулятивнаго рынка. Того самаго рынка, который поддерживаетъ въ настоящее время послѣднія слабыя силы голоднаго, раздѣтаго и изстрадавшагося населенія. Какъ бы то ни было, но все-таки часть реквизированнаго товара попала въ распредѣлительные аппараты, съ тѣмъ, чтобы при нормальной раздачѣ товаровъ крестьянскому населенію, деревня дала городу хлѣбъ, мясо, масло.

ГУБСОВНАРХОЗЪ.

Высшимъ органомъ власти всей губерніи въ хозяйственномъ отношеніи является Губсовнархозъ (губернскій совѣтъ народнаго хозяйства). Совнархозъ управляется президіумомъ изъ 5-ти лицъ, причемъ они назначаются черезъ Парткомъ (мѣстный партійный комитетъ) и являются членами Ревкома (революціоннаго комитета). Совнархозъ распадается на 22 отдѣла, изъ которыхъ каждый производитъ именно тѣ товары, которые онъ пожралъ черезъ Безхозъ Трамонта Совнархоза отъ Учрекомовъ и Ликвидкомовъ Учрекомовъ.

ОТДѢЛЪ СОВНАРХОЗА—ГУБХИМДѢЛЪ.

Губхимдѣлъ (губернскій химическій отдѣлъ), „высосавъ“ изъ Безхоза Трамонта Совнархоза все переданное ему „химическое наслѣдство“ Ликвидкома Учрекома, долженъ произвести на своихъ фабрикахъ и заводахъ химическіе продукты, которые Химдѣлъ и сдаетъ распредѣлительнымъ аппаратамъ въ обмѣнъ крестьянству на хлѣбъ, мясо, масло и т. д.

ОТДѢЛЪ СОВНАРХОЗА—ГУБМѢХЪ.

Губмѣхъ (губернскій мѣховой отдѣлъ), пожравъ всѣ мѣховые товары, долженъ организовать пушной промыселъ въ губерніи: приготовить порохъ, дробь, промысловыя снасти, намѣтить точки сбора урочая пушнины. Собранныю черезъ своихъ агентовъ пушнину, Губмѣхъ отправляетъ въ распредѣлительные аппараты въ центръ, принимая отъ центра въ качестве эквивалента порохъ, дробь, снасти, которые Губмѣхъ обмѣниваетъ снова у населенія на пушнину и т. д. Казалось бы, какъ это и выходитъ на бумагѣ, пульсъ жизни товарообмѣна забился, и колесо завертѣлось. Но думать такъ—ошибочно. „Perpetuum mobile“ не образуется. Почему—объ этомъ скажемъ ниже.

ОСТАЛЬНЫЕ ОТДѢЛЫ СОВНАРХОЗА.

Остальные отдѣлы Совнархоза сконструированы по той же системѣ Химдѣла и Губмѣха. Такъ, Гублѣсъ (губернскій лѣсной отдѣлъ) завѣдуетъ лѣснымъ дѣломъ въ губерніи; Гуптопъ—снабженіемъ города

топливомъ; Губкожъ—кожевеннымъ дѣломъ въ губерніи; Губтиль—утилизационными продуктами; Губкопдѣль—дѣлами по ликвидаціи кооперативовъ и превращенію ихъ въ филиальные распределительные аппараты Губпродкома (губернскаго продовольственнаго комитета), Губгоръ—горной промышленностью и т. д.

ТРАМОТЬ СОВНАРХОЗА.

Но сердцемъ Совнархоза является отдѣлъ, называемый Трамотомъ (транспортно-матеріальный отдѣлъ). Трамоть является фактическимъ хозяиномъ всѣхъ складовъ губерніи и хранителемъ всего государственнаго имущества, причемъ распорядиться этимъ имуществомъ Трамоть можетъ лишь по приказу того отдѣла Совнархоза, вѣдѣнію котораго по спеціальности это имущество принадлежитъ. Такъ, Трамоть не можетъ распорядиться ни однимъ пудомъ извести безъ приказа Химдѣла, ни одной доской безъ разрѣшенія Гублѣса и т. д. Всѣ склады, находящіеся въ вѣдѣніи Трамота, дѣлятся на нѣсколько категорій, сообразно емкости, приспособленности и общему характеру физическому склада. Вырабатываются графики классовъ складовъ. Спроектирована опредѣленная свѣтъ точекъ лежанія товаровъ, учтена дальность пути отъ пристаней, желѣзной дороги и т. д., промѣрены разстоянія склада отъ склада, и составлены карты. Большинство складовъ строго специализировано. Вообще, нужно сказать, что большевики, учитывая колоссальное значеніе нормальной постановки складочнаго дѣла въ губерніи, разработали этотъ вопросъ детально. Склады раздѣлены на базисные—основные и мелкіе. Къ каждому базисному складу, управляемому отвѣтственнымъ лицомъ, преимущественно коммунистомъ, тяготеетъ территоріально цѣлый рядъ мелкихъ складовъ. На каждый десятокъ мелкихъ складовъ приходится одинъ мелкій агентъ—хранитель. Вотъ эти-то агенты-хранители, сидящіе непосредственно около товара и оберегающіе его, являются виновниками „бѣгства товара“ изъ складовъ Трамота Совнархоза и появленія его на спекулятивномъ рынкѣ. Эти несчастные агенты-хранители массаи гибнутъ въ Губчека (губернской чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и спекуляціей). Но, являясь самымъ благодарнымъ полемъ охоты для агентовъ Губчека, агенты-хранители, приспособляясь и давая взятки товаромъ, развращаютъ агентовъ Губчека, уничтожая ихъ дисциплину и внося въ ихъ среду нелады и разложеніе. Благодаря этому обстоятельству, агенты Губчека сами являются „интереснымъ звѣремъ“ для охоты за ними агентовъ Вечека (вышей чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и спекуляціей). Такъ, пожирая другъ друга, они расчищаютъ мѣсто для опредѣленной категоріи лицъ, которыя, обладая большей приспособленностью, быстро ориентировуются въ положеніи и держатъ себя, какъ рыбы въ водѣ, создавая свое благополучіе на крови и трупахъ погибшихъ. Эти люди не считаются ни съ чѣмъ и взаимно поддерживаютъ другъ друга въ преступленіи. Интересно отмѣтить, что, какъ только въ указанныхъ организаціяхъ появляются люди съ опредѣленнымъ направленіемъ и специфическимъ содержаніемъ—сейчасъ же наступаетъ процессъ кристаллизаціи этихъ элементовъ, они плотно осѣдаютъ на мѣста, и дальнѣйшаго движенія частицъ, въ смыслѣ преслѣдованія и взаимоуничтоженія, мы не констатируемъ.

Быть хранителемъ государственнаго имущества—это первая задача Трамонта Губсовнархоза: второй его задачей является вѣдѣніе и распоряженіе всеми перевозочными средствами губерній. Жизнь свою Трамонтъ началъ съ момента учета перевозочныхъ средствъ—лошадей, экипажей, автомобилей и т. д. Трамонтъ сразу же захватилъ все транспортныя конторы съ ихъ имуществомъ и со всемъ штатомъ служащихъ. Съ момента рожденія Трамонта Совнархоза, съ улицъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, начинаютъ исчезать домовики и пзвозчики. Лошади угоняются въ деревни, экипажи разбираются, а наиболѣе цѣнные ихъ части собственниками закапываются въ землю. Но агенты учрекомовъ и Трамонта зорко слѣдятъ за сокрытіемъ перевозочныхъ средствъ и массами черезъ Губчека (губернскую чрезвычайную комиссію по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и спекуляціей) выводятъ „преступныхъ владѣльцевъ“ (терминъ официальныхъ бумагъ) въ тиражъ погашенія. Все же имущество несчастныхъ забираютъ въ Безхозъ Трамонта Совнархоза (безхозный отдѣлъ транспортно-матеріальнаго отдѣла Совѣта народнаго хозяйства). Являясь хозяиномъ всехъ перевозочныхъ средствъ губерній, Трамонтъ Губсовнархоза, по приказамъ учреждений, нуждающихся въ транспортныхъ средствахъ, представляетъ въ ихъ распоряженіе таковыя, причемъ, согласно постановленій особыхъ специальныхъ комиссій по разверсткѣ транспортныхъ средствъ, въ виду ихъ недостатка, сокращаетъ подачу до 40 и 50 %/о/с. При Трамонтѣ Совнархоза организованы секціи:

1) желѣзнодорожнаго и воднаго транспорта—секція Желводтранса.

2) автомобильно - гужевого транспорта — секція Автогужа.

Секція Желводтранса носитъ характеръ информационной точки. Эта секція принимаетъ отъ учреждений, вѣдающихъ желѣзнодорожными и водными путями, уже готовые цифровые матеріалы, обрабатываетъ ихъ, согласно указаній президіума Трамонта, и представляетъ полученные „спектральные“ цифры въ распоряженіе тѣхъ комиссій, коимъ эти цифры необходимы для соображеній и мѣропріятій.. Секція Автогужа носитъ характеръ инициативной точки. Эта секція является главнымъ нервомъ транспортной части Трамонта Губсовнархоза. На Автогужѣ лежитъ 60% всей работы Трамонта. Въ виду особенно нервной дѣятельности Автогужа, кривая заболѣваемости служащихъ и кривыя „преступныхъ единицъ“ (терминъ официальныхъ бумагъ) чрезвычайно высоки. Два или три раза въ мѣсяцъ Автогужъ Трамонта Совнархоза мобилизуетъ транспортныя средства. И то, что не попало въ руки агентовъ Автогужа въ первый разъ, то обязательно попадетъ во второй или третій. Десятки агентовъ Автогужа растекаются по деревнямъ и селамъ, возвращаясь къ концу мобилизациі съ богатой добычей въ рукахъ. Въ виду особой системы централизациі, Губтрамоты (губернскіе транспортно-матеріальные отдѣлы Совѣта народнаго хозяйства) подчиняютъ Утрамоты (уѣздные трамоты), Утрамоты—Волтрамоты (волостные трамоты), а эти послѣдніе—Сельтрамоты (сельскіе трамоты). Благодаря такой системѣ, всякое колебаніе сверху отдается въ низахъ, но нужно сказать, что сила давленія элемента A_4 (Губтрамота) постепенно ослабѣваетъ, и элементъ A_4 (Сельтрамонтъ) вибрируетъ уже очень слабо. Поэтому Губтрамоты вынуждены держать въ деревняхъ и селамъ особыхъ эпизодическихъ агентовъ, преимущественно Партияудей (партийныхъ людей), кото-

рые и понуждаютъ крестьянъ силой оружія отдавать во время мобилизаціи лошадей и снасти. По даннымъ Автогужа Трамонта Совнархоза, любопытно прослѣдить кривыя работоспособности средней лошади въ губерніи. Въ виду сокращенія „лошадиного пайка“ (терминъ официальныхъ бумагъ), работоспособность лошади въ теченіе года катастрофически падала и къ концу марта мѣсяца 1920 г. дошла до пяти пудо-верстъ, причемъ параллельныя кривыя изнашиваемости лошади обнаружили скачки подъ угломъ въ 45 градусовъ.

Количество большихъ автомобилей катастрофически возрастаетъ. Не имѣя достаточнаго набора свѣжихъ и здоровыхъ инструментовъ, Автогужъ не въ состояніи произвести даже малѣйшій ремонтъ. Части такихъ легко больныхъ автомобилей постепенно разбираются по рукамъ, разворовываются, и, такимъ образомъ, даже легко больныя, автомобиль погибаетъ. Кривыя выходящихъ изъ строя моторовъ все возрастаютъ, и никакія силы не могутъ остановить эти прыжки „безумныхъ“, такъ какъ наступаетъ естественная катастрофа.

Словарикъ сокращенныхъ совѣтскихъ словъ.

- А. Автогужъ Трамонта Совнархоза**—автомобильно-гужевая секція транспортно-матеріальнаго отдѣла Совѣта народнаго хозяйства.
- Агитпунктъ**—агитаціонный пунктъ.
- Б. Безхозъ Трамонта Совнархоза**—безхозяйный отдѣлъ транспортно-матеріальнаго отдѣла Совѣта народнаго хозяйства.
- В. Ветечка**—высшая транспортная чрезвычайная комиссія по борьбѣ съ контр-революціей, саботажемъ и спекуляціей.
- Вечка**—высшая чрезвычайная комиссія по борьбѣ съ контр-революціей, саботажемъ и спекуляціей.
- Военкоматъ**—военный комиссаріатъ.
- Военкомъ**—военный комиссаръ.
- Военрукъ**—военный руководитель.
- Волтрамонтъ**—волостной транспортно-матеріальный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.
- Волучрекомъ**—волостная учетно-реквизиционная комиссія.
- Волхра**—внутренняя охрана.
- Г. Госконтроль**—государственный контроль.
- Губводтрансъ**—губернский водный транспортъ.
- Губгордѣлъ Совнархоза**—губернский горный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.
- Губкоожъ Совнархоза**—губернский кожевенный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.
- Губкомтруддесертиръ**—губернский комитетъ трудового дезертирства.
- Губкоопдѣлъ**—губернский кооперативный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.
- Гублѣтъ Совнархоза**—губернский лѣсной отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.
- Губмѣтъ Совнархоза**—губернский мѣховый отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.
- Губпродкомъ**—губернский продовольственный комитетъ.
- Губсовнархозъ**—губернский совѣтъ народнаго хозяйства.

Г. Губтопъ Совнархоза—губернскій отдѣлъ топлива Совѣта народнаго хозяйства.

Губтрамотъ Совнархоза—губернскій транспортно-матеріальный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.

Губутиль Совнархоза—губернскій утилизационный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.

Губучрекомъ—губернская учетно-реквизиционная коммиссія.

Губхимдѣлъ Совнархоза—губернскій химическій отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.

Губчека—губернская чрезвычайная коммиссія по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ и спекуляціей.

Ж. Железодотрансъ Трамонта Совнархоза—железнодорожно-водная секція транспортно-матеріального отдѣла Совѣта народнаго хозяйства.

З. Завагиторагитполитотдѣлъ—завѣдующій агитационно-организационной частью политическаго отдѣла.

И. Исполкомъ—исполнительный комитетъ.

К. Каканка—контрольная коммунистическая коммиссія.

Кварткомъ—квартирный комитетъ.

Квартстароста—квартирный староста.

Кварткомиссія—квартирная коммиссія.

Казрка—контрольная разгрузочная коммиссія.

Комотдѣлъ—коммунальный отдѣлъ.

Комячейка—коммунистическая ячейка.

Культурпросвѣтъ—культурно-просвѣтительный отдѣлъ.

Л. Ликвидкомъ Сибциркума—ликвидационная коммиссія по дѣламъ сибирской центральной учетно-реквизиционной коммиссіи.

Ликвидкомы Учрекомовъ—ликвидационныя коммиссіи по дѣламъ учетно-реквизиционныхъ коммиссій.

Н. Наробразъ—народное образованіе.

Начдивъ—начальникъ дивизіи.

Начгаръ—начальникъ гарнизона.

Начмобупсибъ—начальникъ мобилизационнаго управленія Сибири.

О. Опродарма 5-й армии—особый продовольственный отдѣлъ 5-ой арміи.

Оцѣнкомы—оцѣночныя коммиссіи.

П. Парткомъ—партийный комитетъ.

Партлюди—партийные люди.

Партчеловекъ—партийный человѣкъ.

Питѣксы—питательныя экспедиціи.

Политотдѣлъ—политическій отдѣлъ.

Профсоюзъ—профессиональный союзъ.

Р. Реввосковѣтъ—революционный военный Совѣтъ республики.

Ревкомъ—революционный комитетъ.

Ревтрибуналь—революционный трибуналь.

С. Сельхозхозъ—сельско-хозяйственный комитетъ.

Сельтрамотъ Совнархоза—сельскій транспортно-матеріальный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.

Сельучрекомъ—сельская учетно-реквизиционная коммиссія.

Сибъ—Сибирь, Омскъ.

Сибмиссія—сибирская миссія.

Сибревкомъ—сибирскій революционный комитетъ.

Сибциркумъ—Сибирская центральная учетно-реквизиционная коммиссія.

Собезъ—соціальное снабженіе.

Совнаркомъ—Совѣтъ народныхъ комиссаровъ.

Спецъ—специалистъ.

Статбюро—статистическое бюро.

Т. Трамотъ Совнархоза—транспортно-матеріальный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.

У. *Увоинкоматъ*—уѣздный военный комиссариатъ.

Ут. *Ут. Сванатлоза* — уѣздный транспортно-материальный отдѣлъ Совѣта народнаго хозяйства.

Уч. *Уч. рассилы*—учетъ и распределение рабочей силы.

Уч. *Уч. учрекомъ*—уѣздная учетно-реквизиционная коммиссія.

Уч. *Уч. учрекомъ*—учетно-реквизиционная коммиссія.

Ц. *Цикъ*—центральный исполнительный комитетъ.

Ч. *Чупоснабарма 5*—чрезвычайный уполномоченный по снабженію 5-ой арміи.

Ш. *Штабъ 5*—штабъ 5-ой арміи.

Э. *Эркане*—россійская коммунистическая партія.

Эр. *Эр. Эрэфэсэръ*—россійская социалистическая федеративная совѣтская республика.

Харбинъ.
18 апрѣля 1921 г.

Инженеръ Вронскій.

Къ характеристикѣ быта линейныхъ служащихъ Китайской Восточной ж. д.

Анкета 1916 года. ¹⁾

Въ 1916 году Пенсіоннымъ Отдѣломъ Управленія Китайской Восточной ж. д., съ разрѣшенія помощника управляющаго дорогою, князя С. Н. Хилкова, была предпринята по линіи дороги небольшая анкета, имѣвшая своею цѣлью ознакомленіе съ бытомъ и культурными условіями жизни линейныхъ служащихъ.

Анкета эта была разослана начальникамъ станцій и разѣздовъ дороги и содержала въ себѣ всего только 11 вопросовъ.

Эти вопросы были слѣдующіе:

1. Какія климатическія условія мѣстности, въ которой вы живете:
 - а) сильные ли у васъ морозы, и до какихъ градусовъ они доходятъ?
 - б) страдаете ли вы отъ жары, сырости, комаровъ, пауковъ и пр.?
2. Довольны ли вы жилищными условіями?
3. Есть ли вблизи васъ поселокъ съ европейскимъ населеніемъ, великъ ли онъ, и чѣмъ занимаются преимущественно его жители?
4. Какія вблизи васъ китайскія поселенія, далеко ли они отъ станціи, чѣмъ занимаются ихъ жители? Выдѣлите особо выдающіеся торговые пункты.
5. Есть ли вблизи васъ какія-либо прославленные въ лечебномъ отношеніи мѣстности, памятники старины и пр.?
6. Велико ли мѣстное (станціонное) общество, и изъ кого именно оно состоитъ?
7. Откуда получаете вы провизію и запасы: изъ ближайшаго ли города, или же ее можно добыть здѣсь же, на мѣстѣ?
8. Дорога ли вообще въ вашей мѣстности жизнь въ обыкновенное время, не принимая во вниманіе современныхъ условій военнаго времени? Определите стоимость мяса, хлѣба, сахара и пр. Удовлетворяетъ ли васъ организація дѣла потребительскаго Общества?
9. Какимъ путемъ удовлетворяете вы свои духовныя потребности:
 - а) имѣется ли вблизи васъ бібліотека, и гдѣ именно? Если нѣтъ, то откуда добываете вы книги для чтенія?
 - б) выпишиваете ли вы газеты и какія именно?
 - в) какимъ путемъ удовлетворяете вы свои религіозныя потребности?

¹⁾ Анкета представляется уже устарѣвшею, но, за отсутствіемъ болѣе современныхъ слѣдствій, представляется небезынтереснымъ использовать матеріалъ, рисующій условія службы и жизни на линіи дороги, существенной перемены которыхъ за послѣдніе пять лѣтъ не произошло. Редакция.

г) укажите ближайшее отъ васъ собраніе или клубъ; часто ли вы его посѣщаете?

д) есть ли въблизи васъ школа и какая именно?

е) устраиваются ли у васъ на станціи любительскіе спектакли, концерты и гдѣ именно?

10. Какія доступны въ вашей мѣстности развлечения: охота, рыбная ловля, катанье, спортъ и пр.?

11. Укажите, если можете, особенности условій жизни, вліяющихъ на ухудшеніе вашего быта.

На анкету было получено 72 отвѣта, т. е. отъ большинства станцій и разъѣздовъ Китайской Восточной ж. д. Съ западной вѣтви дороги было получено 33 отвѣта, съ южной—8 и съ восточной—31 ¹⁾.

Полученные отвѣты, большей частью, не отлпчаются словоохотливостью. Многіе изъ нихъ весьма субъективны. Трудно съ большою точностью освѣтить вопросъ о томъ, отвѣчалъ ли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ начальникъ станціи или разъѣзда только за самого себя и свою семью, или за самого себя и ближайшихъ своихъ коллегъ по линейной службѣ, или же, наконецъ, за все желѣзнодорожное общество въ цѣломъ, т. е. за всѣхъ служащихъ и рабочихъ.

По характеру отвѣтовъ можно предположить, что отвѣты касались преимущественно дающихъ таковыя и ихъ ближайшихъ сослуживцевъ. Поэтому, по результатамъ анкеты, намъ кажется, можно судить о положеніи по линіи дороги лишь служащихъ, т. е. представителей й интеллигентнаго русскаго труда.

Но, само собою разумѣется, анкета освѣщаетъ до нѣкоторой степени и общія условія жизни по линіи Китайской Восточной ж. д., въ которыхъ приходится жить и работать одинаково какъ служащимъ, такъ и рабочимъ этой дороги.

Климатическія условія.

Если обратиться въ западной вѣтви Китайской Восточной ж. д., то, при разсмотрѣніи мѣстныхъ климатическихъ условій, придется здѣсь выдѣлить тѣ станціи и разъѣзды, которые находятся на начальномъ участіи дороги, располагаясь по линіи отъ ст. Маньчжурія до ст. Бухэду. Эти станціи находятся въ предѣлахъ Барги, климатическія условія которой не особенно разнятся отъ тѣхъ, что отличаютъ собою соседнее русское Забайкалье.

Полученные съ этихъ станцій отвѣты, въ общемъ, указываютъ на суровость мѣстнаго климата. Большинство указаній сводится къ тому, что зимою здѣсь морозы доходятъ до 38-46°. Указываются, очевидно, максимумы паденія зимней температуры. Къ сожалѣнію, отвѣчающіе не сообщаютъ, по какой шкалѣ надо принимать эти температуры. Изъ 17-ти отвѣтовъ только въ 3-хъ имѣются опредѣленные указанія, что температуры даютъ

¹⁾ Всего въ 1916 году дорога обслуживалась 90 станціями, включая въ это число открытыя для усиленія пропускной способности разъѣзды. См. Краткій отчетъ о коммерческой дѣятельности К. В. ж. д. за 1916 годъ.

ся по шкалѣ Реомюра. Нужно думать, что по этой же шкалѣ сообщаются температуры и въ другихъ случаяхъ.

Особнякомъ стоитъ отвѣтъ со ст. Ваньгунъ, гдѣ сообщается, что въ 1915-1916 году зимою морозы доходили до 25° (по Реомюру).

О максимальной зимней температурѣ сообщается съ расположенной на горномъ перевалѣ ст. Хинганъ, откуда указывается, что морозы зимою доходятъ до 50°.

Суммируя сообщенія, мы получаемъ такіе результаты опроса о зимнихъ максимальныхъ температурахъ.

Морозы доходятъ до	число отвѣтовъ	въ ‰ ‰ къ итогу
25° ниже 0°	1	5,9
35-38°	2	11,8
39-42°	4	23,6
43-46°	9	52,8
50° ниже 0°	1	5,9
Всего	17	100,0

Болѣ половины отвѣтовъ указываютъ на то, что морозы зимою доходятъ до 43-46°.

Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ имѣются общія указанія на состояніе мѣстныхъ климатическихъ условій.

Эти отвѣты приблизительно сводятся къ слѣдующему.

„Климатъ суровый, морозы сильные. Весною сильные вѣтры. Лѣтомъ переменная погода. Осень ранняя и сырая“ (ст. Цаганъ).

„Лѣтомъ рѣзко сухо. И все время года почти ежедневные вѣтры“ (ст. Ваньгунъ).

„Климатъ континентальный. Сильные морозы начинаются въ первыхъ числахъ ноября и доходятъ до 40° слишкомъ при вѣтрѣ“ (разъѣздъ Куликовскій).

„Всю зиму сильные вѣтры. Лѣтомъ нормально“ (ст. Хакэ).

„Климатъ сухой. Сильные вѣтры въ мартѣ и апрѣлѣ“ (ст. Чжаромтэ).

„Климатъ суровый. Зима продолжительная и холодная. Весною постоянные вѣтры. Лѣтомъ сыро“ (ст. Якэши).

„Условія суровыя. Ранняя осень, поздняя весна, короткое лѣто и морозная зима“ (ст. Унуръ).

На остальныхъ станціяхъ восточной вѣтви Китайской Восточной ж. д., расположенныхъ въ предѣлахъ Зап. Бутхи и Хэйлунцзянской провинціи, климатъ представляется менѣе суровымъ.

Отвѣты, полученные отсюда, говорить о слѣдующемъ:

Морозы доходятъ до	число отвѣтовъ	въ ‰ ‰ къ итогу
25°	3	18,8
30°	3	18,8
32°-35°	3	18,8
40° ниже 0°	7	43,6
Всего	16	100,0

Около половины всѣхъ отвѣтовъ содержать въ себѣ указанія что температуры приводятся по Реомюру.

„Климатъ лѣтомъ сырой. Осенью и весною вѣтры. Лѣтомъ жара сильная“, сообщаетъ начальникъ ст. Ялу.

„Климатическія условія очень хорошія“, сообщается со ст. Баримъ. „Воздухъ сухой, кругомъ горы“ (ст. Халасу). О „хорошихъ“ и „удовлетворительныхъ“ климатическихъ условіяхъ сообщается со ст. ст. Чжалантунь и Фуляэрдн.

„Климатъ сырой; болотистый; частые вѣтры“ (ст. Яньтуньтунъ).

Еще менѣе суровыми представляются климатическія условія по полосѣ южной вѣтви.

Два отвѣта (ст. ст. Шуанчепу и Таолайчжао) говорятъ о томъ, что морозы доходятъ до 35-36° ниже нуля, три—до 30°, два—до 25°. Отвѣтъ изъ Чанчуня гласитъ о томъ, что морозы зимою въ *среднемъ* доходятъ до 20°.

„Мѣстность болотистая. Воздухъ сырой“, добавляетъ отвѣтъ изъ Цайцзягоу.

„Лѣто дождливое. Весною и осенью сильныя вѣтры. Зимою тихо и малоснѣжно. Временами бываетъ жара; въ дождливое время—сырость“ (ст. Таолайчжао).

„Лѣтомъ днемъ жарко, ночью сыро“ (ст. Бухай).

„Климатическія условія—посредственныя“ (ст. Мейшацзы).

Отвѣты съ восточной вѣтви Китайской Восточной ж. д. не всѣ отличаются своею опредѣленностью: одинъ отвѣтъ (съ разъѣзда № 161) гласитъ, что „морозъ и жара средніе“, и не содержитъ въ себѣ сообщеній о максимальной зимней температурѣ. Два отвѣта говорятъ о томъ, что зимою морозы въ *среднемъ* доходятъ до 25-28°, а одинъ отвѣтъ (съ разъѣзда Нагорнаго) сообщаетъ о томъ, что морозы достигаютъ до 30° и *болѣе*.

Остальные 27 отвѣтовъ съ этой вѣтви болѣе или менѣе опредѣленны. Они сводятся къ слѣдующему.

Морозы доходятъ	число отвѣтовъ	въ ‰ къ итогу
до		
25°	2	7,4
28°	1	3,7
30°	8	29,6
32°	2	7,4
33°	1	3,7
35°	6	22,2
40°	5	18,6
46° ниже 0°	2	7,4
Всего	27	100,0

Въ 5-ти случаяхъ была указана температура по Реомюру и въ одномъ—по Цельсію. Последняя приведена нами къ температурѣ по Реомюру.

Въ 12 случаяхъ была сообщена краткая квалификація мѣстныхъ климатическихъ условій: въ 4-хъ они были признаны „хорошими“, въ 2-хъ—„удовлетворительными“, остальные указанія по одному были

таковы: климатическія условія—„среднеумѣренные“, „очень переменныя“, „умѣренные“, „нормальныя“, „довольно неблагоприятныя“ и „суровыя“; нерѣдки указанія на сырость.

Отдѣльныя сообщенія добавляютъ:

„Зимою много снѣга. Лѣтомъ очень часты дожди. Парить“ (ст. Уцзими).

„Зимою часто бываютъ снѣжныя метели. Лѣтомъ туманы и дожди. Хорошая погода бываетъ рѣдко. Сильные вѣтры“ (ст. Гаодинцзы).

„Морозовъ сильныхъ нѣтъ. Лѣтомъ дни жаркіе, ночи холодныя“ (р. Сарахэцзы).

„Лѣтомъ, несмотря на сильный зной, воздухъ всегда сырой“ (р. Нагорный).

„Въ виду гористой и открытой мѣстности, бываютъ чуть ли не постоянные вѣтры, доходящіе иногда до урагана. До половины мая стоятъ холода, и не бываетъ растительности. Съ 15 августа начинаются заморозки“ (ст. Тайпинлинь).

„Ст. Даймагоу находится въ суровыхъ климатическихъ условіяхъ, располагаясь болѣе чѣмъ на 150 саженой надъ уровнемъ моря. Окружающія станцію большія сопки покрыты лѣсомъ. Зимою морозы осложняются вѣтрами. Дожди, начиная съ 15-20 мая, идутъ почти ежедневно. Сырость постоянная“ (ст. Даймагоу).

Суммируя всѣ вышеприведенныя указанія о зимнихъ максимальныхъ температурахъ, мы можемъ теперь составить слѣдующую таблицу:

Морозы доходятъ до	число отвѣтовъ	въ ‰ къ итогу
25° и менѣе	9	13,2
26-30°	15	22,1
31-34°	6	8,8
35-38°	10	14,7
39-42°	16	23,5
43-46°	11	16,2
47° и болѣе	1	1,5
Всего	68	100,0

Въ общемъ, все же $\frac{2}{5}$ числа всѣхъ указаній сообщаютъ о томъ, что морозы зимою доходятъ до 40° и болѣе (по Реомюру).

Къ сожалѣнію, свѣдѣній о максимальныхъ лѣтнихъ температурахъ анкетой собрано не было.

Слѣдующій по порядку анкетный вопросъ имѣлъ своего задачей: въ связи съ мѣстными климатическими условіями выяснить, насколько эти условія являются благоприятными для русскаго служилаго населенія полосы отчужденія жел. дороги, и какъ они отражаются на здоровьѣ этого населенія.

Вопросъ этотъ не совсѣмъ удачно былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ:

„Страдаете ли вы отъ жары, сырости, комаровъ, паутовъ и пр.“

Съ западной вѣтви во многихъ отвѣтахъ (10-ти) не послѣдовало прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Определено отрицательныхъ отвѣтовъ было только одинъ, а определено положительныхъ—только 2. Нѣкоторые отвѣ-

ты (4) касались только части вопроса и были, примѣрно, таковы: „отъ жары не страдаю“, „сырости нѣтъ“, „жара легкая“, или „жары бываютъ не каждое лѣто“.

Остальные 16 отвѣтовъ дали сообщенія, которыя вкратцѣ можно суммировать слѣдующимъ образомъ:

Страдаютъ отъ	число отвѣтовъ
сырости	9
сырости и жары	3
сырости и вѣтра	1
вѣтровъ и пыли	1
жары	1
холода	1

Жалоба на холодъ принесена со ст. Хпинганъ. Она гласила слѣдующее: „Страдаемъ отъ холода въ теченіе всего года, такъ какъ лѣта бываетъ всего 2 мѣсяца, и то съ очень холодными ночами“.

Ст. Якэши, къ сообщенію о сырости, добавляетъ: „жители болѣютъ лихорадкою“.

Сырость, по многимъ сообщеніямъ, развивается въ періодъ дождей.

„Отъ сырости почти всѣ изувѣчены ревматизмомъ“, сообщаетъ начальникъ ст. Дуйцинъшань.

Съ южной вѣтви 3 отвѣта опредѣленно утверждаютъ, что отвѣчающіе не страдаютъ ни отъ жары ни отъ сырости, одинъ—говоритъ обратное, а 4—содержать въ себѣ жалобы на сырость, которая развивается въ періодъ дождей.

„Съ начала весны до конца осени идутъ дожди: все время приходится дышать гнилымъ сырýmъ воздухомъ“ (ст. Шуанченпу).

Съ восточной вѣтви Китайской Вост. ж. д. отвѣты говорятъ слѣдующее:

	число отвѣтовъ
не страдаютъ ни отъ жары ни отъ сырости	5
страдаютъ отъ жары и сырости	4
„ „ сырости	14
„ „ жары	3
отсутствуютъ отвѣты	5

Всего 31

„Сильно страдаемъ отъ сырости въ квартирахъ, такъ какъ во время дождей съ горы вода льетъ ручьемъ подъ жилые дома. Мнрѣ противъ этого положительно никакихъ не принимается“ (развѣздъ Сюолинъ).

„Сырость постоянная. Лѣтомъ въ жилыхъ домахъ приходится подтапливать печи“, говоритъ корреспондентъ со ст. Даймагоу. Этотъ же корреспондентъ жалуется на суровость климата зимою, каковая часто ведетъ къ простуднымъ заболѣваніямъ.

Если взять линію въ цѣломъ, то жалобы на сырость окажутся преобладающими.

Въ связи съ сыростью, не малочисленными оказываются жалобы на комаровъ, паутовъ и другихъ кровососущихъ насекомыхъ.

Одни изъ заявленій по этому поводу отличаются неопредѣленностью,

какъ, напримѣръ: „комаровъ много“, „комары бываютъ“, „есть и комары“, „съ миллиардами насѣкомыхъ свыклись“ и т. д.

Другія звучать вполне опредѣленно: „комаровъ много, и отъ нихъ сильно страдаемъ“ (ст. Якэши). „Цѣлое лѣто комары не даютъ покоя“ (ст. Сяохаонзы). „Отъ всевозможныхъ мошекъ и комаровъ совершенно нѣтъ покоя“ (р. Нагорный).

Начальникъ ст. Даймагоу сообщаетъ: „насѣкомыхъ, какъ мошки, комаровъ, оводовъ—много, отъ нихъ нерѣдко приходится прибѣгать къ средствамъ медицинскимъ. Есть мухи, отъ которыхъ, послѣ укуса, получается опухоль и затвердѣніе тѣла. Затвердѣніе продолжается дней 7-8, а то и болѣе“.

Особнякомъ стоитъ отвѣтъ со ст. Цаганъ, на западной вѣтви ж. д. Отсюда категорически заявляется, что комаровъ и паутовъ нѣтъ.

Жилищныя условія.

На вопросъ: „Довольны ли вы жилищными условіями?“ слѣдовали, болѣею частью, лаконичные отвѣты, вроде: да, нѣтъ, довольны, недовольны—иногда съ нѣкоторыми добавленіями: „довольны въ средней мѣрѣ“, „жилищныя условія сносныя“, „сравнительно довольны“, или: „не особенно довольны“ и т. д. Причины недовольства жилищными условіями во многихъ случаяхъ совершенно не высказываются.

Нѣкоторые изъ отвѣчающихъ, повидимому, поняли поставленный вопросъ не такъ, какъ это надлежало бы, и отвѣчали, какъ будто бы поставленъ былъ вопросъ: „довольны ли вы жизненными условіями?“ Вотъ образцы подобнаго рода отвѣтовъ.

„Нѣтъ, за отдаленностью рыночныхъ пунктовъ“ (р. Хорго).

„Жизненные условія очень тяжелыя“ (ст. Хурхура).

„Нѣтъ никакихъ развлеченій“ (ст. Хайлинъ).

Такого рода отвѣты мы будемъ считать неправильно данными.

Другіе отвѣты отличаются своей неопредѣленностью. Напримѣръ:

„Не даютъ лучшаго; приходится быть довольнымъ и этимъ“ (р. Новый).

„Хотѣлось бы лучше“ (ст. Уцзими).

„Жилищныя условія скрашиваются тѣмъ, что самъ стараешься приспособиться по возможности лучше. Конечно, при сильныхъ вѣтрахъ въ помѣщеніяхъ бываетъ холодно“ (ст. Даймагоу).

Суммируя всѣ отвѣты по всей линіи, мы получаемъ слѣдующіе результаты:

		число отвѣтовъ	въ ‰ ‰ къ итогу
довольны жилищными условіями		36	50,0
недовольны „ „		24	33,4
неопредѣленные отвѣты		3	4,2
неправильные „		3	4,2
отсутствуютъ „		6	8,2
Всего		72	100,0

Половина всѣхъ отвѣтившихъ, такимъ образомъ, показала, что жилищными условіями служащіе дороги довольны, и $\frac{1}{3}$ —что они этими условіями не довольны.

Причины недовольства жилищными условіями, какъ можно об этомъ судить по нѣкоторымъ отвѣтамъ, таковы:

„Въ зимнее время квартиры холодны и промерзаютъ насквозь“ (ст. Угуноръ).

„Не особенно довольны, въ виду сырости“ (ст. Яньтуньтунь). „Не довольны. Все неблагоустроено. Зданія промерзаютъ, очень холодныя, нѣтъ оконъ въ южную сторону“ (ст. Ламадяньцзы).

„Отъ дождей квартира всегда покрыта плѣсенью“ (ст. Шуанченпу).

„Зимой всѣ помѣщенія выхолаживаются отъ сильнаго вѣтра“ (ст. Лидахэцзы).

„Помѣщенія—сырыя и холодныя“ (ст. Уцзимпхэ).

„Помѣщенія—тѣсны; нѣтъ погребовъ, гдѣ бы можно было хранить продукты“ (ст. Сяосуйфынь).

„Жилыми помѣщеніями всѣ, безъ исключенія, недовольны и считаютъ, что у лицъ болѣе или менѣе высшаго ранга скотъ находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ здѣсь люди. Въ зимніе морозы, при топлениі печей по 4 часа и болѣе въ сутки и плиты втеченіе цѣлаго дня, тепла въ квартирѣ болѣе 11° не получается. Пола между досками имѣютъ дыры, шириною въ палецъ и болѣе. Стѣны въ углахъ затыканы войлокомъ, въ потолокъ во многихъ мѣстахъ просвѣчиваетъ лѣтомъ солнце; осенью проникаетъ дождь; зимою вьюга наноситъ снѣгъ. При этомъ лѣтомъ во всѣ эти отверстія ползутъ разныя насекомыя. Только нужда заставляетъ людей жить въ такихъ условіяхъ“ (разъѣздъ № 161, по западной вѣтви).

Окрестныя поселенія.

Вопросы 3, 4 и 5-ый имѣютъ, очевидно, своею цѣлью освѣтить ту общую обстановку, въ которой находятся станціи и разъѣзды Китайской Восточной ж. д. Заранѣе можно предположить, что нѣкоторыя станціи дороги должны находиться въ изолированномъ положеніи, при полномъ отсутствіи вблизи какихъ-либо поселеній, русскихъ или китайскихъ.

Таково должно быть положеніе нѣкоторыхъ станцій на западной и восточной вѣтвяхъ жел. дороги.

Дѣйствительно, съ 12-ти станцій западной вѣтви и съ 12-ти станцій восточной вѣтви на поставленные вопросы послѣдовали лаконично-выразительные отвѣты: „нѣтъ“. Это были по первой вѣтви станціи и разъѣзды: Хорхонтъ, аньгунъ, Угуноръ, Куликовскій, Хакэ, Якэши, Сербскій, Хорго, Цетля, Халасу, Сунъ, Маньгоу, и на второй — Сяолинъ, Лидахэцзы, Хульмихэ, Хунхузенскій, Шинтоухэцзы, Гаолинцзы, Симыхэцзы, Сандаводи, Тайпинлинъ, Санчагоу и р. № 161.

Подъ европейскими поселками анкета, очевидно, разумѣла русскіе поселки, кое-гдѣ образовавшіеся по линіи.

Такіе поселки отмѣчены на слѣдующихъ пунктахъ:

Ст. Цаганъ: „незначительный европейскій поселокъ. Дворовъ 10. Жители занимаются скотоводствомъ, рыболовствомъ и мелкою торговлею“.

Ст. Мянъдхэ: „европ. поселокъ невеликъ, жители занимаются скотоводствомъ“.

Ст. Унуръ: „вблизи есть 3 дома съ европ. семьями; занятія неопредѣленные“.

Далѣе, по западной вѣтви такого рода частныя европейскія, русскія, поселенія отмѣчаются на ст. ст. Хинганъ, Бухэду, Баримъ, Фуляэрдиди, Цицикаръ, Сяохаоцзы.

По южной вѣтви отмѣчается такой поселокъ при станціи Яомынъ („жители занимаются скупкою яицъ“).

По восточной вѣтви имѣются указанія на существованіе европейскихъ поселеній при станціяхъ: Имяньпо („жители занимаются мелкою торговлею“), Муданьцзянъ („въ 4-хъ верстахъ имѣется европейскій поселокъ Эхо, въ которомъ имѣется до 25 частныхъ домовъ. Жители занимаются торговлею.“), Уцзимихэ („два дома, занимаются скупкою хлѣба“) и Пограничная.

Китайскія поселенія вблизи станцій отмѣчаются въ значительномъ количествѣ отвѣтовъ, особенно относящихся къ среднему району дороги и къ ея южной вѣтви.

„Имѣется китайскій поселокъ, жители котораго занимаются торговлею галантерейными и винно-бакалейными товарами“ (ст. Пректэ).

„Малый китайскій поселокъ. Жители занимаются заготовкою лѣса. Имѣются 2 китайскихъ лавочки“ (ст. Ялу).

„Въ полуверстѣ отъ станціи располагается китайскій поселокъ. Жители „занимаются огородничествомъ и мелкою торговлею“ (ст. Чжалантунъ).

„Есть небольшія китайскія деревни, верстахъ въ 5-6 отъ станціи. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.“ (ст. Яньтунтунъ).

„Селеній нѣтъ, а есть по одной китайской фанзѣ. Ближайшая находится въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ станціи. Вывариваютъ соду и занимаются хлѣбопашествомъ“ (ст. Ламадиньцзы).

„Имѣются небольшіе китайскіе поселки. Торговыми пунктами являются г. г. Хуланчэнъ, въ 25 верстахъ отъ станціи, Шуамяцзы, въ 8 верстахъ, и др.“ (ст. Дуйцинъшанъ).

Таковы образцы характерныхъ отвѣтовъ съ западной вѣтви ж. дороги.

По южной вѣтви почти всѣ станціи и развѣзды располагаются по густо населенной китайцами мѣстности, вблизи китайскихъ поселеній.

„Вблизи станціи много китайскихъ деревень. Жители занимаются хлѣбопашествомъ. Въ крупномъ поселкѣ при станціи жители занимаются хлѣбною и личною торговлею“; таковъ, напр., отвѣтъ со ст. Яомынъ.

Съ восточной вѣтви имѣются такого рода отвѣты:

„Имѣется китайскій поселокъ. Жители занимаются отправкою птицы и свиней“ (ст. Имяньпо).

„При станціи—китайскій поселокъ, имѣющій до 50 фанзѣ. Жители занимаются торговлею. Въ 3-хъ верстахъ отъ станціи находится

китайскій торговый городъ Эхо. Въ окрестности много китайскихъ деревень. Въ 40 верстахъ располагается большой городъ Нингута, производящій хлѣбную торговлю“ (ст. Муданьцзянъ).

„Въ 50 саженьяхъ отъ станціи—2 китайскихъ поселка. Жители занимаются выжиганіемъ угля, заготовкою лѣсныхъ матеріаловъ и дровъ“ (р. Новый).

„Имѣется маленькій китайскій поселокъ. Жители—бѣднота, хлѣбопашцы. Полей мало. Горы. Нѣкоторые занимаются заготовкою лѣсныхъ матеріаловъ и выжиганіемъ угля“ (ст. Уцзими).

Не безынтересенъ слѣдующій отвѣтъ со станціи Даймагоу:

„Китайскихъ поселеній вблизи нѣтъ. Даже и въ окрестности верстъ на 40 не встрѣчается. Съ весною является пришлый китайскій людъ, который въ сопкахъ занимается разработкою полей для посѣва мака на опій. Послѣ уборки посѣвовъ мака въ концѣ іюня этотъ людъ уходитъ. Разрабатывается земли подъ посѣвъ мака въ разныхъ мѣстахъ сопокъ, безъ преувеличенія, до 400 десятинъ. Земля по сопкамъ—черноземъ, очень глубокой и плодородный“.

Изъ другихъ поселеній по линіи отмѣчаются кое-гдѣ монгольскія и корейскія селенія. Монгольскій поселокъ отмѣчается въ одномъ отвѣтѣ, именно со станціи Чжаромтэ (западная вѣтвь линіи); по сообщенію корреспондента, этотъ поселокъ находится въ 10 верстахъ отъ названной станціи. Начальникъ развѣзда Куликовского (западная вѣтвь) сообщаетъ: „Изрѣдка перекочевываютъ монголы со стадами скота, и то лишь зимою. Лѣтомъ же, за отсутствіемъ воды и выжиганіемъ солнцемъ растительности, уходятъ въ долины рѣкъ“.

Корейскія поселенія упоминаются въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ, присланныхъ со станцій восточной вѣтви дороги. „Живутъ въ одиночку корейцы и китайцы“ (ст. Санчагоу) „Есть корейскій поселокъ, около 50 жителей. Занимаются хлѣбопашествомъ“ (раз. Бадахъцзы).

Нѣкоторые изъ отвѣтовъ отмѣчаютъ наличие вблизи станцій промышленныхъ предпріятій. „Въ 2¹/₂ верстахъ отъ станціи находится винокуренный заводъ Поповыхъ, въ 1¹/₂ в.—китайскій поселокъ, около 100 дворовъ. Жители занимаются торговлею. Тамъ же, на берегу Нонни, паровая мукомольная мельница и электрическая станція“ (ст. Фуляэрдн). „Въ 10 и 20 верстахъ отъ станціи располагаются два содовыхъ завода“ (ст. Сяохаоцзы). „Имѣется лѣсопильный заводъ съ русскими служащими“ (ст. Мадаоши).

Пятый вопросъ анкеты оказался, въ сущности говоря, лишнимъ: за исключеніемъ двухъ случаевъ, единодушнымъ отвѣтомъ на него было: „нѣтъ“. Въ указанныхъ же двухъ случаяхъ, отвѣты были даны не по существу вопроса.

Одинъ, со ст. Уцзими, гласилъ о томъ, что въ 5 верстахъ отъ станціи имѣется буддистскій монастырь, построенный здѣсь лѣтъ за 20 до проведенія жел. дороги, и что монахи монастыря ведутъ отшельническій образъ жизни и имѣютъ абрикосовую рощу.

Другой, со ст. Даймагоу, восхвалялъ мѣстную питьевую воду.

Станціонное общество.

Велико ли мѣстное станціонное общество? Изъ кого оно состоитъ?

Отвѣты на эти вопросы также не трудно предвидѣть. Само собою разумѣется, на маленькихъ станціяхъ это общество малое, на болѣе значительныхъ—побольше и т. д. Состоитъ оно почти исключительно изъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

Многіе отвѣты даютъ почти подробное перечисленіе лицъ, составляющихъ мѣстное станціонное общество. Вотъ, напримѣръ, образецъ подобнаго рода отвѣтовъ.

„Станціонное общество состоитъ изъ начальника станціи, его 2-хъ помощниковъ, 4-хъ стрѣлочниковъ, 1 сторожа, 2 телеграфистовъ, 1 надсмотрщика телеграфа 1 дорожнаго мастера, 1 фельдшера и 1 машиниста водокачка“ (ст. Хорхонтѣ). Иногда общество такого рода разнообразится тѣмъ, что въ него входятъ офицеры и нижніе чины пограничной стражи, а также чины желѣзнодорожной полиціи и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ станціонному обществу примыкаютъ мѣстные русскіе торговцы, двсопромышленники и другія частныя лица.

На развѣздахъ станціонное общество состоитъ нерѣдко всего изъ нѣсколькихъ лицъ, агентовъ дороги и ихъ семей, на станціяхъ некрупнаго значенія изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, и, наконецъ, на крупныхъ деповскихъ станціяхъ иногда изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Къ сожалѣнію, почти во всѣхъ отвѣтахъ отсутствуютъ указанія на семейное положеніе линейныхъ агентовъ. Свѣдѣній о семейности, впрочемъ, анкета и не имѣла въ виду собирать.

Нѣкоторые отвѣты даютъ все же кое-какія указанія въ этомъ направленіи.

„Общество состоитъ изъ трехъ семействъ: начальника станціи, его помощника и дорожнаго мастера (ст. Сунъ).

На маленькихъ уединенныхъ станціяхъ жизнь, повидимому, протекаетъ скучно, и служащіе дороги иногда успѣваютъ надоесть другъ другу.

„Общество малое“, сообщаетъ начальникъ ст. Сарту: „состоитъ изъ служащихъ дороги, которые сторонятся встрѣчаться другъ съ другомъ“.

„Общество есть условность для каждаго дома семейнаго“, пишетъ начальникъ ст. Даймагоу: „по отношенію въ такой станціи IV-го класса, какъ Даймагоу, этотъ вопросъ отпадаетъ. Живемъ анахоретамъ. Хорошо, если по случаю контингентъ служащихъ, волею судьбы и начальства, подберется уживчивый. Тогда дѣлится время, какъ позволяетъ служба и работа. Этотъ вопросъ—самый тяжкій и самый трудный для интеллигентнаго человѣка съ запросами культурной жизни.“

И. Серебренниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГАРДИНГЪ.
Новый президентъ Соединенныхъ
Штатовъ Америки.

Коммунисты о положеніи на Дальнемъ Востокѣ.

(Докладъ, отправленный въ советскую Россію изъ Владивостока).

Не такъ давно изъ Владивостока коммунистами былъ отправленъ въ советскую Россію обширный докладъ о положеніи Дальняго Востока.

Въ немъ весьма подробно описывалось положеніе дѣлъ, и приводились конкретные выводы политики японцевъ на Дальнемъ Востокѣ.

Въ составленіи этого доклада принимало

главное участіе телеграфное агентство „Руста“.

Въ нашемъ распоряженіи нынѣ имѣется подлинный докладъ, содержание коего мы и приводимъ, не столько для освѣщенія дѣйствительнаго положенія дѣлъ на Д. Востокѣ, сколько въ цѣляхъ разоблаченія тенденціозности советскихъ обозрѣвателей и ихъ скрытыхъ надеждъ на международныя осложненія.

I. Японія и Дальній Востокъ.

Китайская Восточная желѣзная дорога давно привлекаетъ вниманіе японскихъ политическихъ дѣятелей. Обладая этой дорогой, Японія укрѣпляетъ свое положеніе въ Сѣверной Маньчжуріи и Китаѣ, охватываетъ Монголію и контролируетъ всю торговлю Россіи съ Китаемъ.

Съ самаго начала было видно, что пребываніе японскихъ войскъ въ Забайкальѣ не имѣло оккупационныхъ замысловъ; Забайкалье служило для Японіи охранною зоною, за которою она могла свободно принимать мѣры, ведущія къ укрѣпленію японскаго вліянія на Китайской желѣзной дорогѣ и въ Сѣверной Маньчжуріи.

Можетъ быть, поэтому японская военная партія такъ легко уступила общественному мнѣнію и, чтобы прекратить толки объ японской агрессивности среди иностранной печати, распорядилась объ уводѣ войскъ изъ Забайкалья, концентрируя ихъ по линіи Китайской ж. д.

Подъязывъ безпорядками, возникшими въ Китаѣ, японское командованіе старается укрѣпить свое вліяніе на Китайской Восточной ж. д. всѣми способами. Для характеристики дѣйствій Японіи, приводимъ слѣдующіе документы, напечатанные въ газетѣ „Нордъ Чайна Старъ“.

1. Шифрованная телеграмма, посланная изъ Владивостока генераломъ Такаинаги

начальнику японскаго штаба въ Харбинѣ отъ 20-го мая: „Согласно инструкціямъ командующаго Моджи, настоящимъ ставимъ васъ въ извѣстность, что намѣченные планы могутъ быть выполнены успешно“. Телеграмма извѣщаетъ, что нѣсколько шаекъ хунхузовъ, снаряженныхъ въ Дайренѣ и Циндао, разбросаны по линіи Китайской Восточной желѣзной дороги. „Вы должны“, говорится далѣе, „время отъ времени осмѣливаться объ ихъ дѣйствіяхъ и обсуждать съ китайскими властями способы охраны дороги. Съ своей стороны, мы будемъ посылать въ Пекинъ протесты до тѣхъ поръ, пока не будемъ допущены въ составъ управленія дороги.“¹⁾

2. Телеграммы, полученные въ Пекинѣ, сообщаютъ, что, согласно даннымъ японцамъ инструкцій, значительное число семейство японцевъ было послано недавно въ Харбинъ для ареста всѣхъ новыхъ членовъ русской партіи (вѣроятно, харбинской конференціи). Планъ этотъ былъ раскрытъ китайскими властями, которые приняли необходимыя мѣры, дабы воспрепятствовать его исполненію.

1) Означенная телеграмма была помѣщена въ газетѣ еще янвемъ прошлаго года. Понавъ въ Москву, эта телеграмма была переполнена „Дальта“ для помѣщенія ея въ печати, какъ свѣдѣній документа!

3. Въ телеграммѣ, посланной однимъ японскимъ генераломъ Семенову, говорится: „Для блага человечества японское правительство будетъ проводить свои планы, не считаясь съ мнѣніемъ другихъ державъ. Японское правительство никогда не допуститъ на Дальнемъ Востоке установленія независимаго государства, но будетъ поддерживать вашъ штабъ. При вашемъ содѣйствіи командующій вашими войсками Судзукі будетъ имѣть возможность продолжать войну съ большевиками, съ цѣлью охраны границъ Монголіи и Маньчжуріи.“

4. Японскій генералъ Судзукі получалъ отъ японскихъ властей слѣдующую телеграмму: „Вамъ поручается передать атаману Семенову, что мы одобряемъ формированіе имъ въ Харбинѣ добровольческаго корпуса. Мы содѣйствуемъ ему принимать мѣры предосторожности и допускать въ новый корпусъ только опытныхъ офицеровъ и солдатъ. Организация должна производиться согласно указаніямъ японскихъ военныхъ властей; въ моментъ, когда это потребуется, добровольцы должны быть приготовлены и доставлены въ Харбинъ тайно“.

Вначалѣ японцы думали захватить желѣзную дорогу при помощи Семенова, но, когда выяснилось, что китайцы будутъ препятствовать этой комбинаціи, что сепаратизма откидываетъ свой вѣкъ, японцы начали создавать въ Сѣверной Маньчжуріи такое положеніе, чтобы была видима необходимость присутствія японскихъ войскъ для „спокойствія и порядка“.

До сегодняшняго дня Китай дѣлаетъ безнадѣжные попытки взять на себя охрану желѣзнодорожной линіи. Китайскія войска по линіи непрерывно усиливаются. Последней новостью является послылка туда лекционной милліи. Въ свою очередь, въ связи съ эвакуаціей Забайкалья, станціи Китайской Восточной жел. дор. переполнены японскими солдатами. Тогда какъ китайская армія нуждается во всемъ—япоп-

цы устроили склады въ Маньчжуріи, Хайларѣ и Харбинѣ, вмѣщающіе запасы на годъ. Чань-чунь забитъ военными грузами. Ближайшая русская станція къ Чань-чуню—Цао-шао-гоу, которая служила раньше русскимъ военнымъ лагеремъ, превращена японцами въ тетъ-де-понъ еще два года назадъ, а харбинскія газеты 1919 года сообщали о томъ, что на станціи Ши-тоу-хе-цзы японцы устроили окна.

Если присмотрѣться къ дѣйствіямъ Японіи на Дальнемъ Востоке, то становится яснымъ, что она стремится контролировать всѣ пути, ведущіе на западъ. 19 русскихъ радіостанцій на Дальнемъ Востоке находятся въ рукахъ японцевъ. Японія контролируетъ устье Амура. До сегодняшняго дня не исправленъ мостъ черезъ Амуръ, и нѣтъ сообщенія съ Благовѣщенскомъ, ни телеграфнаго ни желѣзнодорожнаго. Японія заявила о своемъ желаніи оставить войска въ Хабаровскѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что, хотя Хабаровскъ и не находится на линіи эвакуаціи войскъ, но онъ какъ бы обезпечиваетъ Николаевскъ-на Амурѣ и Сахалинъ.

Первые выстрѣлы, которые сдѣлалъ японскій крейсеръ въ Охотскѣ, были направлены на радіо-станцію. Главный участокъ Уссурийской линіи Хабаровскаго направленія до сихъ поръ еще фактически находится въ полномъ вѣдѣніи японскаго военнаго командованія.

Итакъ, если посмотрѣть на карту, всѣ пути сообщенія, связывающіе совѣтскую Россію съ Дальнимъ Востокомъ и сосѣдними государствами, контролируются одной изъ державъ тройственнаго согласія.

Принимая во вниманіе англо-японскій союзъ и блокаду совѣтской Россіи на западъ, можно думать, что дѣйствія Японіи на Востоке идутъ въ полномъ контактѣ съ Франціей и Англіей, проводя общую политику блокады совѣтской Россіи.

II. Америка и Японія.

Вторая часть доклада посвящается разсмотрѣнію вопроса отношеній между Японіей и Америкой.

Если, съ одной стороны, есть нѣкоторые данныя, дающія возможность судить о согласованности дѣйствій Японіи и Англіи на Дальнемъ Востоке, то, съ другой стороны, Америка всегда подозрительно смотрѣла на дѣйствія Японіи. Для Америки усиленіе Японіи на берегахъ Тихаго океана является прямой угрозой, ибо вся политика Америки за послѣдніе 50 лѣтъ была направлена въ сторону распростра-

Тихаго океана. Поэтому взаимоотношенія Америки и Японіи нужно разсматривать съ точки зрѣнія разрѣшенія проблемы Тихаго океана.

Мировая война еще ближе сдвинула противорѣчивые интересы Америки и Японіи на Тихомъ океанѣ. Тогда какъ Америка за эту войну не приобрѣла ничего на Тихомъ океанѣ, Японія, до тѣхъ поръ имѣвшая, кромѣ своихъ острововъ, только Формозу, получила значительное количество острововъ по всему Тихому океану.

Характеренъ здѣсь еще одинъ штрихъ. Если внимательно присмотрѣться къ си-

стемъ кабелей, идущихъ по Тихому океану во все прилегающія страны, то окажется, что Японія контролируетъ все кабельные пути сообщеній. Такимъ образомъ, всякое сообщеніе изъ Австраліи въ Америку, изъ Америки въ Китай и Индію, изъ Россіи въ Китай и во все остальные страны контролируется на какой-либо кабельной станціи, находящейся въ сферѣ японскаго вліянія.

Ослабленіе покупательной способности Европы, безпрерывное увеличеніе производства, выбрасываемыхъ американскимъ рынкомъ, остро поставило вопросъ о необходимости подысканія прочнаго и емкаго рынка, которымъ въ настоящее время является Китай. И здѣсь интересы Японіи и Америки столкнулись.

Нужно еще отмѣтить, что постепенное вымирание туземцевъ на Гавайяхъ и иммиграція туда японцевъ поставили американское правительство передъ фактомъ преобладанія японцевъ въ ихъ основной морской базѣ.

Вотъ тѣ основныя причины, которыя вызываютъ соперничество между Америкой и Японіей на Тихомъ океанѣ. Поэтому всякая мѣра, предпринимаемая одною изъ этихъ странъ, всегда находитъ противоѣдствіе со стороны другой.

Усиленіе Японіи за счетъ Китая и Россіи, захватъ ею такихъ огромныхъ рынковъ, какъ Сибирь и Китай, ни въ коемъ случаѣ не входитъ въ расчеты американскихъ политиковъ и финансистовъ.

Поэтому, какъ только Японія официально заявила объ оккупациі Сахалина, Америка послала Японіи протестъ и запросъ по поводу оккупациі.

Хотя японскіе дипломаты и стараются увѣрить Японію, что оккупация Сахалина временная, однако, новый военный губернаторъ Сахалина, жандармскій генералъ Кодзима, который до сихъ поръ былъ начальникомъ жандармовъ въ Корей, заявилъ газетѣ „Дзи-Дзи“, что онъ смотритъ на Сахалинъ, какъ на колонію Японіи!).

III. Японія и Китай.

Прекращеніе въ Китаѣ гражданской войны и объединеніе Китая никогда не входило въ задачи Японіи. Поэтому, когда выяснилось полное пораженіе анфусцевъ, первое, что сдѣлала Японія—это укрыва всѣхъ анфусцевъ, чтобы имѣть въ будущемъ надежныхъ слугъ.

Кромѣ того, не безъ помощи Японіи ведется борьба между провинціями Фукиентъ и Кантонъ. Юанское правительство съ остатками стараго парламента, возглавляемое Ю-Ю, также видимо получаетъ поддержку финансовую и военную отъ Японіи.

По мнѣнію китайской и иностранной прессы, дѣла японской политики—сохраненіе того положенія, которое Японія завоевала въ Китаѣ.

Отношеніе китайцевъ къ Японіи, по прежнему, враждебное. Однако, есть основаніе думать, что съ паденіемъ анфусцевъ вліяніе японцевъ на правящіе круги въ Китаѣ не ослабѣетъ, такъ какъ побѣдители-чижи-лици могутъ стать для нихъ столь же послушнымъ орудіемъ, какъ были въ свое время анфусцы.

Насмотря на то, что срокъ японо-китайскаго военнаго договора окончился, японцы дѣлаютъ все возможное, чтобы продолжить его, хотя бы въ измѣненномъ видѣ. Въ связи съ этимъ, происходили уже кое-какія недоразумѣнія, которыя доказали

неспособность Китая сбросить навязываемое ему иго. Характерно, что японскій военный агентъ, ведшій по этому дѣлу предварительные переговоры, говорилъ о продленіи договора, какъ о чемъ-то предпринятомъ, не подлежащемъ дальнѣйшему обсужденію.

За послѣднее время японцы, помимо травливанія хунхузовъ и снабженія ихъ оружіемъ для производства безпорядковъ на линіи Китайской Восточной ж. д., начали выселять нежелательныхъ имъ китайцевъ съ территоріи дороги. По этому поводу Китай заявилъ протестъ Японіи.

Въ результатѣ непрекращающихся японскихъ интригъ, безпорядки на линіи Китайской Восточной ж. д., продолжаются, несмотря на все усилія китайскихъ властей поддержать порядокъ. Изъ Вашингтона сообщаютъ, что Государственный департаментъ Соединенныхъ Штатовъ, по обсужденіи создававшихся положеній на Китайской Восточной ж. д., призналъ неспособность Китая поддержать порядокъ на линіи и рѣшилъ взять совместно съ Китаемъ контроль надъ дорогою въ дѣлахъ поддержанія порядка.

1) См. статью „Японцы на Сахалинѣ“ („Русское Обозрѣніе“ № 3-4).

IV. Русско-китайскія отношенія.

Съ момента перехода власти къ партіи Чжанги, политика Китая по отношенію къ Россіи, какъ советской, такъ и дальневосточной, рѣзко измѣнилась. Въ свое время Китай былъ главнымъ источникомъ контрибуціи, и русское посольство во главѣ съ Кулашевымъ снабжало всѣхъ русскихъ посланниковъ за границей тѣми суммами, которыя оно получало отъ Китая въ видѣ боксерской контрибуціи. Съ момента китайскаго переворота и сверженія партіи анфусцевъ, китайская пресса, въ своемъ большинствѣ явно склоняющаяся въ пользу улучшенія русско-китайскихъ отношеній, повела кампанію за уничтоженіе тѣхъ привилегій, какими пользуются русскіе консулы во всемъ Китаѣ, правильно учитывая явно реакціонную окраску такъ называемыхъ русскихъ представителей въ Китаѣ. Желая лишить этихъ представителей главнаго козыря—денежныхъ ресурсовъ, пресса начала требовать отъ новаго правительства прекращенія взносов въ Русско-Азіатскій банкъ платежей, причитающихся Россіи, какъ контрибуція за боксерское возстаніе. Китайское правительство увѣдомило русское посольство о прекращеніи дальнѣйшихъ платежей. Въ это дѣло вмѣшались французскій и японскій посланники, которые, по просьбѣ русскаго посольства, предложили китайскому правительству пересмотрѣть это рѣшеніе. Правительство же склонно отстаивать свою старую точку зрѣнія.

Вторымъ шагомъ, ведущимъ къ русско-китайскому сближенію, нужно считать допускъ новымъ китайскимъ правительствомъ делегаціи верхнеудинскаго правительства въ Пекинъ. Противъ этого возражали фран-

цузскій и японскій посланники, но китайское правительство не только допустило верхнеудинскую делегацію въ Пекинъ, но и выслало для нея спеціальные вагоны и почетный конвой.

Вѣдъ всякаго сомнѣнія нужно считать, что рѣшающую роль въ поворотѣ китайскаго общественнаго мнѣнія въ сторону сближенія съ Россіей сыграла нота Карахана, опубликованная агентствомъ „Руста“, послѣ пріѣзда на Дальній Востокъ Виленскаго. Нота эта вызвала рѣзкое проявленіе симпатій въ сторону советской Россіи со стороны китайскихъ общественныхъ круговъ и безусловно отрицательное отношеніе со стороны японской печати, которая, учитывая огромное вліяніе, произведенное нотой на китайскіе круги, въ свое время сфабриковала сообщеніе, клонящееся къ тому, что нота эта-де не нота, ибо она никому не вручалась, да и всѣ обѣщанія, упомянутыя въ нотѣ, взяты Россіей обратно.

Въ заключеніе, какъ характеристика отношенія китайской прессы и общества къ Россіи, приводится выдержка изъ газеты „Пекинъ Дейли Ньюсъ“, по поводу пріѣзда верхнеудинской миссіи:

„Возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Россіей для Китая крайне необходимо, въ виду осложненій вдоль линій Китайской Восточной желѣзной дороги и стремленія японцевъ ее захватить. Возникающіе въ связи съ этимъ вопросы должны быть разрѣшены въ самомъ снѣжномъ порядкѣ, путемъ ли переговоровъ непосредственно съ Москвой или съ Верхнеудинскомъ“.

V. Общественная жизнь Китая.

Каковы бы ни были дѣйствительныя цѣли Чжана, мѣстная пресса, какъ туземная, такъ и иноязычная, увѣренно заявляетъ, что общественное мнѣніе, благодаря силѣ котораго, побѣда надъ Анфу оказалась столь легкой, не даетъ Чжану возможности покончить съ республикой.

Во всякомъ случаѣ, совершенно ясно уже и теперь, что общественное мнѣніе еще не обезпечиваетъ Китай отъ продолженія милитаристическаго засилья. Всѣ газеты сходятся на томъ, что до сихъ поръ, въ сущности, ничего не измѣнилось. Поскольку, впрочемъ, рѣчь идетъ о министрахъ, то несомнѣнно й креатурой Чжана является лишь министръ торговли и земледѣлія, бывшій начальникъ станціи въ Мукденѣ. Интриги

между побѣдителями, какъ говоритъ „Пекинъ-Тяньзинъ Таймс“, ведутся изъ-за постоянъ товарищей министровъ и изъ-за командныхъ должностей въ арміи.

Реакціонно-бюрократическій характеръ клики Чжана и Цао-куна сказывается еще въ болѣе степеніи въ ихъ отношеніи къ идеѣ Народнаго Собранія, выдвинутой генераломъ У-бей-фу.

У-бей-фу, начальникъ одной изъ дивизій, подчиненной чжидзійскому дучуню Цао-куну, несмотря на свой скромный постъ, возбуждаетъ въ массахъ китайской патристической интеллигенціи гораздо болѣе надеждъ, чѣмъ „некоронованный король Маньчжурій“—Чжанъ.

Его популярность объясняется его не-

Японскій премьеръ ХАРА.
президентъ партіи Сейюкай.

обычайной скромностью, нежеланием принимать въ прошломъ подачки отъ анфусцевъ и ихъ покровителей—люнцевъ, рѣзкой и открытой враждебностью къ послѣднимъ и въ особенности тѣмъ, что, побѣдивъ анфусцевъ, онъ, въ отличіе отъ своихъ единомышленниковъ, не вдался въ закулисное политиканство, а ясно и опредѣленно поставилъ вопросъ о необходимости созыва Народнаго Собранія и немедленно же удалился къ мѣсту расквартированія своей дивизіи, отказавшись принять какое-либо участіе въ интригахъ съѣхавшихся въ Пекинъ генераловъ.

О степени довѣрія къ У-бей-фу со стороны общественности можно судить по тому факту, что онъ является единственнымъ военнымъ начальникомъ, подъ начальствомъ котораго насчитывается не мало добровольцевъ, студентовъ и интеллигенціи.

Шансовъ на составленіе новаго парламента путемъ сліянія двухъ парламентовъ, пекинскаго и кантонскаго, очень мало. Сторонниковъ этого проекта нѣтъ ни на югѣ ни на сѣверѣ.

Вопросъ сводится къ тому, будетъ ли созвано Народное Собраніе, какъ предложилъ У-бей-фу, или же оно не будетъ собрано совсѣмъ, какъ того желаютъ Чжань-цзо-линъ и чжильцы. Въ связи съ этимъ, общественныя организаціи все больше и больше склоняются къ мысли о необходимости поддержки У-бей-фу на случай открытаго столкновенія съ милитаристами. У-бей-фу располагаетъ арміей въ 70 тысячъ; кромѣ того, ему обѣдана поддержка другихъ генераловъ. Силы его противниковъ таковы же, но на сторонѣ У-бей-фу симпатіи широкіхъ массъ.

Возможно, что національный конвентъ все-таки будетъ созванъ. За это говорить то, что китайскому премьеру поручено произвести подготовительныя работы по созыву Народнаго Собранія. Однако, это Народное Собраніе не должно будетъ заниматься разработкой конституціи и не будетъ касаться дѣлъ, находящихся въ вѣдѣніи вновь образованнаго Главнаго Исполнительнаго Бюро нынѣ существующаго китайскаго правительства. Но этотъ конвентъ, созданный при внимательствѣ генераловъ

и ограниченный въ правахъ, не будетъ являться выразителемъ народнаго мнѣнія.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ въ концѣ августа, союзъ китайскихъ студентовъ въ Шанхаѣ разослалъ по всей странѣ циркулярное письмо, въ которомъ излагаетъ свои взгляды на созывъ Народнаго Собранія. Тяньцзинскіе студенты также обнаруживаютъ значительный энтузіазмъ въ дѣлѣ созыва съѣзда.

Въ связи съ принятымъ рѣшеніемъ, премьеръ выработалъ планъ постепеннаго роспуска войскъ. Полагаютъ, что путемъ уничтоженія большого количества синекуръ, увольненія ненужныхъ сановниковъ, административные расходы по содержанію центральной власти будутъ уменьшены на одинъ миллионъ таэлей ежемесячно. Когда же численность постоянныхъ войскъ уменьшится на 60 дивизій, военные расходы уменьшатся на 4 миллиона долларовъ ежемесячно. Этимъ путемъ Китай намѣренъ избѣжать вѣтшнаго займа. Такое желаніе одинаково не по вкусу Японіи и военнымъ губернаторамъ. Первой во что бы то ни стало нужно держать китайское правительство въ финансовой зависимости, чтобы легче вліять на его политику, а проектъ упраздненія военныхъ губернаторовъ и сокращеніе войскъ не можетъ понравиться многочисленнымъ тучунамъ, отъ которыхъ этотъ проектъ отнимаетъ средства къ существованію. Интересно, что проектъ этотъ выдвинутъ при благосклонномъ участіи Чжань-цзо-лина, который предложилъ учредить пять военныхъ округовъ съ пятью начальниками. Отъ этого проекта проигрываютъ всѣ тучуны, кромѣ самого Чжань-цзо-лина и его друзей. Дѣло приметъ такой оборотъ, что, вмѣсто десятковъ мелкихъ сатраповъ, появятся пять крупныхъ. Правительство отъ этого опять проиграетъ, ибо верховодить будетъ Чжань и его компанія, а правительство будетъ служить удобной ширмой. Насколько Чжань-цзо-линъ неискрененъ въ этомъ случаѣ, можно судить по тому, что, подавая проектъ сокращенія войскъ на 20 %, Чжань стремится фактически увеличить войска еще на двѣ дивизіи.

VI. Внутренняя жизнь Японіи.

Экономическая депрессія, начавшаяся въ Японіи съ марта мѣсяца и приведшая уже къ закрытію цѣлаго ряда непрочныхъ предпріятій, переживается страной не такъ остро, какъ это предполагалось сначала. Пожалуй, наиболѣе точное опредѣленіе ея дѣлается тѣмъ, кто называетъ ее возвра-

щеніемъ къ нормальнымъ условіямъ торгово-промышленной жизни.

Въ одной изъ послѣднихъ статей „Джапанъ-Кроникль“ авторъ опредѣленно говоритъ, что „острота кризиса уменьшается“. Объясняется это помощью правительства, организаціей синдикатовъ,

предупредивших слишком резкое падение цен, и самонадеянностью купечества вообще.

Нужно, однако, думать, что острота кризиса уменьшилась лишь съ предпринимательской точки зрѣнія. Что же касается трудящихся, то ихъ положеніе, по всей вѣроятности, ухудшается. Объ этомъ можно судить даже по крайне скудной и малопоучительной казенной статистикѣ безработицы, несмотря даже на скрывающій ее оффиціальныи оптимизмъ.

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, сужденіе по этому поводу не можетъ быть хорошо обоснованнымъ.

Говоря о трудящихся, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ находятся, повидимому, какъ разъ наиболѣе сознательные и закаленные въ борьбѣ рабочіе. Объясняется это усиленіемъ японскаго милитаризма, вызвавшего усиленную дѣятельность арсеналовъ, доковъ, верфей и т. д. Въ Курэ, напримѣръ, наняты уже пять тысячъ новыхъ рабочихъ, и, по слухамъ, будетъ нанято еще столько же. Часть заказовъ морского вѣдомства распределена и между пріунышими было изъ-за отсутствія покупателей частными кораблестроителями.

Попутно слѣдуетъ отмѣтить, что, не считая Маньчжуріи и Китая, главнымъ поставщикомъ чугуна для Японіи теперь стала, вмѣстѣ Англіи, Америка. Роль Англіи теперь совершенно ничтожна.

Кромѣ металлургіи и кораблестроенія, слабо задѣта кризисомъ аптекарско-химическая промышленность. Предпринимателямъ удается даже, кажется, поднять цѣны на свои товары.

Болѣе всего кризисъ сказывается на текстильной промышленности, обслуживаемой по преимуществу женщинами, элементомъ наиболѣе текучимъ и отстающимъ и наименѣе оторваннымъ отъ своего деревенскаго прошлаго.

Въ особенномъ затрудненіи находятся прядильныя предпріятія, въ томъ числѣ и наиболѣе крупныя. Скупивъ во время экономическаго подъема массу сырья изъ Индіи, Китая и Америки, они, не используя его, убѣждаются, что японскія цѣны хлопка въ Америкѣ (самаго дорогаго изъ трехъ) дешевле, чѣмъ прежнія въ Азіи. Потребители требуютъ уменьшенія цѣны на пряжу.

Въ странномъ противорѣчій съ этимъ стоитъ грандіозные дивиденды, выплачиваемые прядильными фабриками своимъ акціонерамъ. Процентъ ихъ колеблется между 30 и 80. Канегафуци, наиболѣе обширное изъ предпріятій, выплачиваетъ

70%—и это, несмотря на уменьшеніе производства вдвое.

Такіе же огромные дивиденды выплачиваются и въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ промышленности. Такъ, сахарная платитъ отъ 30 до 108%, пароходства отъ 20—100% и т. д.

Разсмотрѣніе таблицъ ввоза и вывоза даетъ менѣе утѣшительную для японцевъ картину депрессіи. За полугодіе ввозъ превысилъ вывозъ на 477 милліоновъ іенъ, и обычная июльскаго поворота въ лучшую сторону пока не наблюдалось. Оффиціальная статистика утѣшаетъ читателя соображеніями о томъ, что главная причина относительнаго роста ввоза—наплывъ промышленнаго сырья и машинъ.

Изъ портовъ Японіи—Кобе даетъ избытокъ ввоза надъ вывозомъ. Онъ достигъ тамъ за полугодіе 532 милліоновъ. Даже и Иокогама—экспортный портъ—имѣетъ всего 37 милліоновъ превышенія ввоза.

Обращаетъ на себя вниманіе необычайный ростъ оборотовъ Осакайскаго порта, игравшаго до сихъ поръ, благодаря мелководью, роль внутренняго. Въ 1919 году сумма ввоза и вывоза этого порта достигла 386 милліоновъ іенъ, т. е. въ 5 съ половиной разъ больше, чѣмъ въ 1913 году ($\frac{3}{5}$ приходится на вывозъ—изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ идутъ на Китай); хлопокъ, ткани составляютъ главную статью грузооборота.

Значенія этого нельзя недооцѣнивать. Осака, плывъ соседнее Кобе, по мысли японцевъ, должны въ будущемъ приобрести роль распределительныхъ пунктовъ для всей Восточной Азіи (подобно Лондону въ Европѣ) и ослабить значеніе Шанхая, Маниллы, Тяньцзиня и Кантона.

Въ предвидѣніи этого, порты, несмотря на депрессію, снѣжно оборудуются въ Кобе и Осака.

Изъ вопросовъ внутренней жизни страны, въ центрѣ общественнаго мнѣнія, какъ это ни странно, стоитъ теперь дѣятельность мистической секты Омато Кіо или Дайхонъ Кіо (два способа чтенія иероглифовъ).

Ученіе Омато Кіо является довольно запутаннымъ: смѣсь патріархальнаго монархизма, національнаго шовинизма и самомнѣнія, сомнѣнія къ европейскимъ новинкамъ, мечтательнаго демократизма и вѣры въ приближеніе золотого вѣка, когда всѣмъ людямъ будетъ хорошо, и когда главенствовать морально будетъ „страна боговъ“—Японія, столицей которой будетъ уже не Токио, а деревня Аябе; Токио за свои грѣхи будетъ къ тому времени затоплено. Въ движеніи принимаютъ участіе не только малограмотныя массы, но и видные ученые, писатели, офицеры и чиновники. Особенно много офицеровъ.

Нѣкоторые рассматриваютъ секту, какъ сильное средство внушенія массамъ милитаристическихъ идей подъ болѣе пріемлемымъ соусомъ. Но правительство, по-видимому, не совсѣмъ склонно поощрять движеніе и, судя по послѣднимъ распоряженіямъ, готово даже бороться съ нимъ, какъ и съ другими проявленіями „опасныхъ идей.“

О значеніи секты можно судить по тому, что однихъ пропагандистовъ ея ученія насчитывается въ настоящее время около 10 тысячъ. Два года тому назадъ общее число ея послѣдователей едва ли превышало 1000. Секта издаетъ журналы, книги и картины. Ея послѣдней выходкой было предсказаніе близкой войны съ Америкой.

Борьбу съ „опасными идеями“ рѣшено усилить. Создается новый органъ борьбы съ ними. Въ число задачъ новаго органа будетъ входить, между прочимъ, слѣжка за проповѣдованіемъ этихъ идей на русскій Дальній Востокъ и Китай.

За послѣднее время произведено много таинственныхъ арестовъ, причинъ которыхъ никто не знаетъ. Слѣдуетъ отмѣтить арестъ Хонда, вождя вновь возникшей независимой партіи рабочихъ, членовъ студенческаго союза, и нѣкого Цудзи, известнаго подъ именемъ китайскаго копина (бродяги, или, лучше всего, „ушкунника“). Цудзи былъ въ 1913 году произведенъ китайцами-южанами въ генералы и принималъ участіе въ борьбѣ съ сѣверомъ. Его арестъ совпалъ съ моментомъ, когда онъ готовился отправиться въ Кантонъ. Арестъ Цудзи обставленъ большой таинственностью.

Судя по случайнымъ и разрозненнымъ извѣстіямъ, проникающимъ въ печать, въ армию занесена революціонная пропаганда. Подробности остаются внѣ вѣдома прессы. Характерно, что съ этимъ совпало рѣшеніе правительства увеличить солдатское жалованье въ два съ половиной раза, предоставить солдатамъ (но не офицерамъ) одинъ свободный день въ недѣлю и т. д.

Либеральныя реформы ожидаются и въ области управленія полиціей.

Вѣроятно, не безъ причинъ свѣдѣнія изъ Кореи отличаются необыкновенной скудностью. Японцы усиленно распространяютъ слухъ, что въ связи съ поѣздой Конгрессменовъ, корейцы пытаются поднять новое возстаніе. На границѣ съ Маньчжуріей мѣры предосторожности усилены. Производятся массовые аресты, какъ по одну, такъ и по другую сторону. Въ Кантонѣ Цзянь-дао агрессивность Японии не прекращается, и ея отряды, подъ предлогомъ поимки разбойниковъ и террористовъ, непрерывно переходятъ

границу. На протесты Китая Японія отвѣчаетъ заявленіями о необходимости „защитить мирныхъ корейцевъ“, гражданъ Японіи (юридически они—китайскіе граждане).

Изъ такъ называемыхъ либеральныхъ реформъ въ Корей слѣдуетъ отмѣтить лишь предложеніе японскимъ учителямъ изучать корейскій языкъ (по своей конструкціи онъ близокъ къ японскому, но, тѣмъ не менѣе, учителя отговариваются невозможностью изучить его въ короткій срокъ).

Тяга корейскихъ рабочихъ въ Японію прекратилась. Находяшіеся уже тамъ, въ количествѣ 10.000, организовали союзъ для защиты своихъ правъ. Японское правительство намѣрено предоставить имъ землю въ Японіи въ цѣляхъ ассимиляціи.

Перманентное возстаніе горныхъ племенъ на Формозѣ продолжается.

Переходя къ характеристикѣ дѣятельности японскаго парламента, нужно отмѣтить, что окончившаяся чрезвычайная сессія японскаго парламента протекала необычайно бурно, безпорядочно и безтолково. Сейюкайцы, имѣющіе большинство голосовъ защиточныхъ крестьянъ, безотговорочно поддерживали всѣ правительственные законопроекты, совершенно не вникая въ ихъ сущность. Въ свою очередь, и оппозиція, вѣроятно, въ силу своей относительной многочисленности, рѣдко высказывалась по существу того или другого вопроса, предпочитая въ своей критикѣ правительства прибѣгать къ широкимъ мазкамъ и обобщеніямъ, рѣдко, однако, возвышаясь до дѣйствительной принципиальности.

Партій, въ европейскомъ смислѣ этого слова, въ Японіи нѣтъ. Есть только фракціи, которыя ссорятся изъ-за должностей и преимуществъ, связанныхъ съ полученіемъ вліянія на политическую жизнь страны. Предположеніе, что Кенсейкай есть партія радикальная, ни на чемъ не основано. Его защита всеобщаго избирательнаго права въ текущую сессію была тактической мѣрой. Достаточно сказать, что Каго, вождь партіи Кенсейкай, еще недавно высказывался противъ допущенія народа къ урианъ. Вообще, нужно отмѣтить необычайную подкупи-мость японскихъ парламентаріевъ.

Правильнѣе будетъ рассматривать партію Сейюкай, какъ представителей финансовой группы Мицуй, а Кенсейкай, какъ группу Мицу-Биши. Поэтому вожди партій, въ свое время бывшіе бѣдняки—теперь миллионеры. Каждая партія, въ среднемъ, тратитъ на выборы по 60.000 іенъ на каждого избраннаго члена парламента. Доказательствомъ продажности

министровъ является скандалъ, связанный съ экономической депрессіей. Въ этомъ дѣлѣ былъ замѣшанъ министръ финансовъ Такахаси и еще два, которые, зная о надвигающейся депрессіи, продали во время свои акціи.

Невысокій моральный уровень японскихъ парламентаріевъ характеризуется запросомъ графа Янигхара въ палатѣ

пэровъ, изъ котораго видно, что лидеръ партіи Сейюкай и премьеръ-министръ Хара во время послѣдней избирательной кампаніи рекомендовали бывшаго уголовнаго преступника въ качествѣ кандидата члена парламента.

Этимъ заканчивается докладъ „Руста“, отправленный въ совѣтскую Россію.

В. Зчѣ.

Современная Чехословакія.

Политическія партіи. Экономическое и финансовое положеніе.

I.

Первоначально въ Чехословакіи существовала одна политическая партія—національная, или такъ наз. *старочешская*. Въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ возвращенія Чехіи Францемъ Іосифомъ конституціи, она объединила весь чешскій народъ. Программа этой партіи базировалась на національномъ стремленіи къ независимости земель чешской короны въ рамкахъ Габсбургской имперіи. Вслѣдствіе неуспѣха политической тактики этой партіи и въ виду ея близости къ узко консервативнымъ и клерикальнымъ кругамъ, произошелъ расколъ, и возникла новая партія, въ которой сгруппировались прогрессивные элементы чешскаго общества: городская и провинціальная либеральная демократія—*партія національно-либеральная*, или т. наз. *младочешская*. Позднѣе партія младочешская въ Моравіи называлась: *моравская народная партія*.

При выборахъ въ 1889 и 1891 г. г. въ чешскій сеймъ и въ Государственный Советъ, партія младочеховъ побѣдила старочеховъ и стала всенароднымъ борцомъ за національную свободу, объединяя всѣ слои населенія, кромѣ рабочаго класса, который въ 80-хъ годахъ основалъ *соціально-демократическую партію*, въ то время преслѣдовавшуюся правительствомъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ экономического развитія страны, политическое единство начало рушиться. Прежде всего, землевладѣльцы создали независимую *аграрную партію* для защиты интересовъ землевладѣльческаго класса и позднѣе чешскую *партію промышленниковъ и коммерсантовъ* (буржуазную).

Все растущее развитіе политической жизни вызывало дальнѣйшее дробленіе на партіи. Высшіе классы фабричныхъ рабо-

чихъ и мелкая буржуазія создали чешскую *національно-соціалистическую партію*.

Проф. Массарикомъ создана была *чешская прогрессивная партія* съ программой внутренне народной, культурной и либеральной политики. Далѣе возникла *государственно-правовая прогрессивная партія*, группирующая элементы радикальные, въ смыслѣ борьбы за самостоятельность. Наконецъ, нужно отмѣтить еще существованіе *партіи клерикальной (католической)*, *христіанско-соціалистической* и *партіи анархической*. Послѣдняя не играла, впрочемъ, никакой роли въ чешской политикѣ.

При взрывѣ міровой войны, огромное большинство чешскаго народа поняло, что приблизилась часъ достиженія заветной мечты воскресенія самостоятельности Чехославин, и политическія партіи напрягли всѣ силы для побѣднаго окончанія долготѣйшей упорной борьбы.

Въ 1917 г. партіи младочешская, моравская народная, государственная и чешскихъ прогрессистовъ объединились.

Революція произведена была солидарно всѣми политическими партіями, и 28 октября 1918 г. была провозглашена самостоятельность Чехословакіи. Первое національное правительство составлено было изъ лучшихъ представителей всѣхъ чешскихъ партій во главѣ съ Крамаржемъ (лидеромъ младочеховъ). На принципѣ пропорціональнаго представительства создано было временное Національное Собраніе также изъ представителей всѣхъ партій, чешскихъ и словацкихъ. Послѣ коммунальныхъ выборовъ, показавшихъ измѣнившееся численное соотношеніе сторонниковъ политическихъ партій, первое коалиціонное правительство замѣнено было новымъ, тоже ко-

алимпоннымъ, изъ представителей социалистическаго блока (соц.-демократовъ и національныхъ социалистовъ), партіи аграрной и словаковъ. Мѣсто Крамаржа занялъ Тусаръ (с.-д.).

Не мѣняя своей политической фizioноміи, нѣкоторыя партіи перемѣнили названіе: партія прогрессистовъ переименовалась въ національно-демократическую, партія аграрная—въ республиканскую аграрную, партія католическая—въ чехословацкую народную, партія социаль-демократическая—въ соц.-демократическую рабо-

чую. Вновь возникла политическая партія профессій и социалистическая трудовая партія (прогрессивныхъ социалистовъ).

Въ Словакии существуютъ три вліятельныя партіи: національная и крестьянская, чехо-словацкая народная (католическая) и соц.-дем. рабочая (словацкихъ рабочихъ).

При выборахъ въ постоянное Національное Собраніе, состоящее изъ двухъ палатъ,—палаты депутатовъ и сената, происшедшихъ въ апрѣлѣ 1920 года, получились слѣдующіе результаты:

Партія:	Программа:	Палата	
		депут.	Сенатъ
	Соц.-дем. интернаціон.		
Чешская соц.-дем.рабочая	Съ 28 окт. 1918 г. соединяетъ соц.-дем. и слов.	74	41
„ народная (катол.)	Католическая и Словацкая фракція (12) требуетъ нѣкот. автономію для Словакии.	33	18
„ республик. аграрная	Защ. интер. сред. и мелкихъ земледѣльцевъ.	28	14
„ социалистовъ (нац.-соц.)	Соц.-реформ. Въ общемъ, приближ. къ соц.-дем.	24	10
„ націон.-демокр.	Націон. и либеральная въ экономич. вопросахъ.	19	10
Слов. націон. и крестьян.	Большинство прикл. къ прогр. агр.; меньшинство къ нац.-дем.	12	6
Мелкихъ профессій	Защ. интер. мелкихъ пром., торгов. и ремесленниковъ.	6	3
Прогресс. социалистовъ	Правые социалисты.	3	-

Нѣмецкія партіи дали 69-37 депутатовъ, изъ которыхъ 29-16 соц.-демократовъ, 15-8 нѣмецкихъ націоналистовъ, 11-6 земледѣльцевъ, 10-4 христіанскихъ социалистовъ, мадьярскія 6-3, изъ которыхъ 5-2 христ.-социалистовъ, и 1-1 земледѣльца.

Кромѣ того, прошли 4 депутата (въ палату депутатовъ) отъ нѣмецко-мадьярской соц.-дем. партіи лѣвыхъ.

Какъ видно изъ результатовъ выборовъ, въ настоящее время руководящую роль въ Чехословакии играетъ партія социаль-демократическая, которая уже до войны занимала видное мѣсто въ политической и экономической жизни чешскаго народа. Понятно, что экономическія затрудненія послѣ войны еще болѣе усилили это движеніе. Въ 1920 г. социаль-демократическія организаціи насчитывали 450.000 и синдикаты 750.000 членовъ.

По внѣшней фizioноміи чсл. социаль-демократическая партія является марксистской; на практикѣ ея дѣятельность реформативна и положительна, что она доказала уже раньше характеромъ работы въ бывшемъ австрійскомъ парламентѣ и въ особенности дѣятельностью организацій

синдикальныхъ и кооперативныхъ. Съ національной точки зрѣнія, партія сумѣла найти средній путь между интернационализмомъ и національнымъ идеализмомъ.

Въ концѣ 1920 г. въ партіи произошелъ расколъ. Подъ вліяніемъ русскаго большевизма, лѣвые элементы выдѣлились въ количествѣ 170.000 въ партію такъ называемыхъ лѣвыхъ социаль-демократовъ. Имъ не удалось склонить на свою сторону конгрессъ социаль-демократовъ. На конгрессѣ побѣдили умѣренные группы.

Состоявшійся въ концѣ ноября 1920 года съѣздъ высказался противъ III-го интернаціонала, рѣшительно отвергнулъ коммунизмъ и его методы, рѣшилъ придерживаться методовъ демократическаго социализма и созидательной работы, согласованной съ интересами государства. Для достиженія цѣлей своей программы, партія, по рѣшенію конгресса, должна пользоваться средствами, которыя ей даетъ конституція, парламентаризмъ, и средствами экономическими, которыми обладаютъ рабочіе синдикаты. Конгрессъ манифестировалъ съ энтузіазмомъ въ пользу государства и его правительства. Представители

соц.-дем. партий отдельных национальностей, заселяющих Чехословакию, словаков, немцев, русских, поляков—высказали, в свою очередь, искреннее желание сотрудничать с чешскими соц.-дем. во всех политических и экономических вопросах.

В отношении практической политики конгресс высказался за коалицию. В демократической республике нет места для отрицательной политики, и партия не может идти за экстремистами: не может вести политику, угрожающую национальной и политической независимости и неприкосновенности государства.

Но в данное время, в виду происшедшего внутреннего кризиса, конгресс

решил отозвать представителей партий из правительства.

Вследствие этого, коалиционное министерство ушло, и в настоящее время работает в Чехословакии дѣловое безпартийное министерство. Социал-демократическая партия готовится коалицию из социалистов всех оттенков и национальностей с партией аграрной.

Выдѣлившись такъ называемые лѣвые социал-демократы попытались было в декабрь прошлого года совершить переворотъ, захватить власть и провозгласить диктатуру пролетариата. Но эта попытка, благодаря сознательности широких массъ, не только не увѣчалась успѣхомъ, но и не носила даже серьезнаго характера.

II.

В экономическомъ отношеніи чешскія земли: Чехія, Моравія, Силезія, до войны стояли выше другихъ частей, входившихъ въ составъ Австро-Венгерской имперіи. Даже Словакія, столь презираемая и притѣсняемая мадьярами, не является страной бѣдной; она имѣетъ значительныя природныя богатства. Такъ, напримѣръ, въ австро-венгерской сахарной промышленности 95 % производили чешскія земли. При этомъ слѣдуетъ напомнить, что населеніе чешскихъ земель составляло 35 1/2 % всего населенія Австро-Венгрии. Каменнаго угля чешскія земли доставляли 83 % всей добычи; чешская текстильная промышленность представляла 80 % текстильной промышленности всей Австро-Венгрии.

Въ земледѣліи чешскія земли не уступали другимъ: онѣ производили 45 % хлѣба.

Благопріятныя условія, существовавшія до войны, измѣнились теперь, какъ и вездѣ, къ худшему. Урожаи уменьшились на половину, вследствие недостатка рабочихъ рукъ; сокращенія наличности скота (нѣсколько разъ подвергнутого реквизиціямъ) и вследствие недостатка удобренія. Чилийская селитра, суперфосфаты и другія искусственныя удобренія, привозимыя изъ-за границы, плохи и дороги. Натуральнаго удобренія не хватаетъ, вследствие уменьшающагося количества скота. Плохо обработанныя и плохо удобренные поля не позволяютъ добиться до-военныхъ урожаевъ, и поэтому необходимо ввозить въ Чехославію значительныя количества продовольственныхъ припасовъ изъ-за границы: Америки, Югославіи, Болгаріи и Румыніи.

Вывозить Чехославія преимущественно сахаръ и спиртъ. Чехославія—единственная европейская страна, которая въ настоящее время вывозитъ сахаръ. Хотя культивиру-

ется значительно меньше сахарной свекловицы, чѣмъ до войны, хотя урожай далеко не достигаетъ урожаевъ до-военнаго времени—все-таки въ 1920 году выработано 7-8 милл. центнеровъ сахара, изъ которыхъ 4 милл. были вывезены за границу.

Большая часть прибыли, получаемой отъ вывоза сахара, поступаетъ въ казну, имѣющую монополию на вывозъ сахара. Получаемый доходъ, превышающій миллиардъ чехословацкихъ кронъ, дѣлаетъ возможнымъ регулированіе общественныхъ расходовъ. Изъ этой суммы министерство финансовъ используетъ только 700 милл. кронъ, остальные 300 милл. кронъ идутъ въ запасный фондъ для непредвидѣнныхъ расходовъ.

Чехославія можетъ также извлечь большіе доходы отъ вывоза лѣса. Всѣ лѣса Чехославіи въ хорошемъ, культурномъ состояніи и даютъ въ годъ 15—16 милл. куб. метровъ лѣса, изъ которыхъ 3-4 милл. куб. метровъ можетъ быть вывезено. Такъ какъ лѣсныя лѣса на иностранныхъ рынкахъ очень высоки, то доходъ отъ вывоза лѣса обѣщаетъ быть значительнымъ. Что касается угля, то до войны чешскія земли имѣли его съ излишкомъ. Теперь, конечно, эксплуатация угля уступаетъ эксплуатациіи до-военнаго времени; но есть надежда, что положеніе въ скоромъ времени значительно улучшится, и что промышленность, связанная съ эксплуатацией угля, какъ, напримѣръ, желѣзнодорожная, металлургическая и машиностроительная, сможетъ тоже больше работать для экспорта.

Въ текстильной промышленности наблюдается кризисъ, производство тканей превышаетъ спросъ. Ткани вырабатываются изъ первокласснаго, дорогого сырья, привезеннаго изъ-за границы въ то время (въ

началъ 1920 г.), когда курсъ доллара и цѣна пряжи стояли значительно выше, чѣмъ теперь. Въслѣдствіе этого, чешскіе мануфактурсты теряютъ на вывозимыхъ тканяхъ.

Въ стекольной промышленности также, въслѣдствіе колебанія курса, наблюдается кризисъ и сокращеніе производства.

Но, въ общемъ, можно сказать, что въ настоящее время экономическое положеніе Чехословакии укрѣпляется. Въ земледѣліи работаютъ уже такъ, какъ работали раньше, и, вѣроятно, какъ только можно будетъ ввозить изъ-за границы искусственные удобрения въ достаточномъ количествѣ, земледѣліе станетъ на прежнюю высоту.

Железнодорожный транспортъ работаетъ почти нормально, и, такъ какъ 90% дорогъ находятся въ вѣдѣніи казны, то можно надѣяться, что въ скоромъ времени онъ сдѣлается значительной статьей дохода.

Постепенно и неуклонно Чехословакия поднимается изъ бѣдственнаго положенія, въ которое была ввергнута войною; самое тяжелое уже изжито.

Улучшеніе экономическаго положенія отражается, конечно, и на финансахъ страны.

Расходы въ 1920 г. превышаютъ расходы въ 1919 г. на 31%, въ 1921 г. — на 60%, а съ фондовыми вкладами *) почти на 100%.

Расходы 1921 г. превышаютъ расходы въ 1920 г. на 30%.

Увеличеніе расходовъ объясняется повышеніемъ цѣнъ и низкимъ курсомъ чехословацкой кронны. Кроме того, привозятся значительныя количества сырья и предметовъ первой необходимости (зерна, хлопка, шерсти, табаку и т. д.), за которые нужно платить валютой, гл. обр. америк. долларами. Расходы увеличиваются соотвѣтственно поднятію курса доллара.

Какъ вездѣ въ Европѣ, въ Чехословакии жизнь и трудъ все время дорожаютъ. Поэтому ростъ государственныхъ расходовъ на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ ежегодно нельзя считать слишкомъ значительнымъ, если принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что Чехословакия — государство мо-

лодое, вновь создаваемое и, кроме того, все время вынуждено быть на-сторожѣ, быть готовымъ на защиту своего существованія.

Ростъ государственныхъ доходовъ по бюджетамъ тѣхъ же первыхъ трехъ лѣтъ еще значительнѣе.

Доходы казны въ 1919 г. составляли 3700 милл. кр., въ 1920 г. увеличились на 111% и въ 1921 г. на 281%. Этотъ значительный ростъ доходовъ свидѣтельствуетъ о серьезномъ усиленіи упорядочить финансы республики.

Чехословацкая республика является единственнымъ государствомъ въ средней Европѣ, которое съ самаго начала существованія — съ конца мировой войны, не только не прибѣгло къ выпуску бумажныхъ денегъ для покрытія расходовъ, но даже изъязло изъ обращенія, въ качествѣ принудительнаго займа, на сумму 2 миллиарда, бывшихъ австро-венгерскихъ бумажныхъ во время ихъ штемпелеванія. Въ настоящее время, кроме бывшихъ австро-венгерскихъ кредитокъ на сумму 8 миллиардовъ кр., которыя тоже постепенно изымаются посредствомъ имущественнаго налога и налога изъ прибылей, нѣтъ въ обращеніи необезпеченныхъ бумажныхъ денегъ. Такимъ образомъ, созданъ будетъ солидный базисъ для укрѣпленія курса чехословацкой кроны.

Къ сожалѣнію, настоящее, еще не совсемъ определенное положеніе въ Европѣ не позволяетъ перейти совершенно на мирное положеніе и заставляеть производить большіе расходы на нужды военной обороны.

Согласно государственному бюджету на 1921 г., расходъ по министерствамъ жел. дор. и государственной обороны выражается суммой 5871 милл. кр. (доходъ 3743 милл. кр.); слѣдовательно, эти два министерства поглощаютъ 42% всѣхъ прямыхъ расходовъ государства.

Изъ статей дохода самой важной являются налоги на уголь, сахаръ, алкоголь.

Эти налоги на предметы потребленія даютъ, въ общемъ, больше чѣмъ 5 миллиард. кр., между тѣмъ какъ всѣ прямыя налоги — менѣе болѣе миллиарда кр.

Въ общемъ, можно утверждать, что Чехословакия, освобождающаяся постепенно отъ неблагоприятныхъ послѣдствій войны, приближается къ полному оздоровленію государственнаго хозяйства и финансовъ.

*) Фондовые вклады — это кредиты для устройства или улучшенія предпріятій, которыя должны въ будущемъ увеличивать доходъ казны, на желѣзныя дороги, подвижной составъ, телеф. и телеграфы, сѣти и т. д.

Злоупотребленіе правомъ стачекъ,

(Статья Поля Бурже изъ „L'Illustration.“)

Когда ищутъ обоснованія права стачекъ, то устанавливаютъ, что оно вытекаетъ изъ двухъ другихъ, наиболее законныхъ изъ существующихъ правъ, определяющихъ сущность нашей нравственной природы: права на трудъ и права на свободу. Для достойнаго существованія гражданина въ государствѣ необходимо, чтобы онъ обезпечилъ свое существованіе дѣйственнымъ участіемъ въ общей работѣ, т. е. путемъ труда. Этотъ трудъ исполняетъ даже праздный человѣкъ, такъ какъ капиталъ, дающій ему возможность этой праздности, есть лишь накопленіе труда; но для того, чтобы трудъ имѣлъ нравственную стоимость—я настаиваю на этомъ словѣ,—нужно, чтобы онъ былъ добровольнымъ. Въ противномъ случаѣ, онъ назывался бы иначе: это было бы рабство. Понятіе о добровольномъ трудѣ характеризуется возможностью прекращенія его, которая имененно и есть право стачекъ. Благороднѣйшія начала въ жизни человечества осуществляются въ этомъ правѣ, и законодатель, его призавшій, не ошибаясь, когда думалъ, что, проводя его въ жизнь, онъ служитъ дѣлу справедливости и прогресса.

Причины злоупотребленія правомъ стачекъ кроются въ побужденіяхъ крайне различнаго порядка: экономическихъ, политическихъ и даже, при существующихъ обстоятельствахъ, физиологическихъ. Нервный потрясеніе—результатъ долгихъ войнъ—во все время проявлялись взрывами коллективнаго безумія, которому обстоятельства давали поводы, принимаемые поверхностными историками за причины. Среди разныхъ побужденій я желалъ бы указать одно, происходящее отъ неточнаго представленія о томъ, что можно было бы называть „собственностью труда“. Если бы это представленіе было правильно усвоено пролетарскимъ интеллектномъ, онъ нашелъ бы въ немъ орудіе противъ соблазна многихъ революціонныхъ софизмовъ.

„Собственность труда“, сказалъ я. Эта формула можетъ въ первую минуту показаться странной. Кому же можетъ принадлежать трудъ, какъ не работнику, такъ же, какъ его руки, его глаза, его тѣло, его воля? Но взгляните ближе въ

Отъ этой теоретической точки зрѣнія, столь знакомой современности, обратимся къ картинѣ всеобщей стачки. Прежде всего она грозитъ свободѣ угнетеніемъ деспотизма, тѣмъ болѣе безпощаднаго, чѣмъ болѣе онъ анонименъ. Всякая стачка, чтобы быть логичной, должна защищать независимость труда и правильное его вознагражденіе,—но, вмѣсто этого, она вызываетъ саботажъ. Общественный договоръ, защищающій всѣхъ насъ противъ жестокости примитивнаго атавизма, обыкновенно скрытаго, подвергается разрушительнымъ нападеніямъ лишенныхъ обычной сдержки дикарей.

Благодарная идея солидарности, творящая живое единство націи, низводится до солидарности все болѣе и болѣе изолированной группы и извращается до противоестественнаго перерожденія въ догматъ ненависти. Неужели должны мы думать, что доктринеры рабскаго подчиненія одни лишь правы, и что „необъятный вопросъ порядка“, какъ говорилъ Огюсть Контъ, можетъ быть разрѣшенъ лишь неослабной дисциплиной?

какой-либо трудъ, и вы усмотрите, что исполненіе этого труда предполагаетъ наличность самыхъ сложныхъ данныхъ. Железнодорожникъ сидитъ на своей машинѣ, но сама машина, которой онъ управляетъ, на которой онъ начинаетъ работать—развѣ это его произведеніе?

Нѣтъ. Движенія, которыми онъ заставляетъ ее двигаться, и которыми составляютъ его собственный трудъ, не привели бы ни къ чему безъ орудія, которое ему дано. Кѣмъ же? Его товарищами, построившими этотъ локомотивъ, положившими эти рельсы, добывшими этотъ уголь. Это сотрудничество извѣстно и рабочему. Это именно сотрудничество—благородная сторона безумныхъ и роковыхъ возстаній. Это классовое братство. Но оно останавливается на классѣ, и, останавливаясь на немъ, оно несправедливо. Будемъ разсматривать нашъ локомотивъ дальше. Онъ былъ выработанъ руками рабочихъ—но по какому плану? По плану, разработанному другими работниками, интеллигентными. Нужно было установить законы

механики. Кто же могъ это сдѣлать? Ученые, занятые расчетами и аппаратами въ ихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, никогда не утруждавшие своихъ руки не одни эти ученые, но и родичи ихъ изъ области физики, химіи и геологіи, такъ какъ каждое изобрѣтеніе вдохновляется всѣми науками. Какъ они появились, гдѣ получили они свое образованіе? Въ университетахъ, основанныхъ то князьями, то министрами, то аристократами, то буржуазіей. Въ большей или меньшей степени безчисленное количество благожелательныхъ элементовъ способствовало созданію этого приспособленія. Это вноситъ и свою часть въ трудъ рабочаго, который сдѣлался возможнымъ, благодаря имъ. Они сохраняютъ и за собой нѣкоторую долю собственности этого труда. Идите на фабрику, спуститесь въ шахту, посѣтите мастерскія, взгляните на исполняющихъ тамъ заданные имъ уроки—всѣ они, что бы они ни дѣлали, и что бы они ни думали, пытаются силу этого вѣкового сотрудничества. Это сотрудничество есть необходимое условіе ихъ ремесла. Освободиться отъ него было бы для нихъ самоубійствомъ. Они находятъ отъ него въ зависимости, но пользуются имъ для своего блага.

Анализируя все это, мы можемъ выяснитъ истину, которая всѣмъ забыта—о томъ, что такое капиталъ и его различныя формы. Обыкновенно видятъ только одну: деньги. Но, если это слово взять

въ болѣе широкомъ смыслѣ—я его только что называлъ „накопленіе труда“—классы, наиболѣе обремененные, кажутся обладающими огромнымъ интеллектуальнымъ и матеріальнымъ капиталомъ, по отношенію къ которому они являются хранителями и, говоря безбоязненно, должниками. Я не говорю о безопасности, создаваемой для самаго скромнаго рабочаго обществомъ, въ которомъ самый незначительный членъ его получаетъ защиту. Существованіе его самого, его жены и дѣтей не зависитъ отъ произвола и жестокости болѣе сильнаго. Онъ гарантированъ противъ кулачнаго права, *Faustrecht*, жестокаго германскаго средневѣковья. Его сбереженія, имъ лично накопленные, принадлежатъ ему. Сила государства ихъ защищаетъ, но не въ этомъ главное благодареніе, за которое пролетарій не можетъ быть достаточно благодаренъ. Это великое благодареніе въ томъ, что онъ принадлежитъ къ извѣстной цивилизаціи. Это достоинство такой цѣны, что миллионы и миллионы людей прошедшихъ временъ исполнились бы зависти къ нему, если бы могли представить себѣ подобное преимущество. Даже нынѣ—сколько миллионѣвъ людей на земномъ шарѣ въ странахъ еще нецивилизованныхъ лишены этого блага. Какъ обширны эти страны, и какъ малъ нашъ уголокъ цивилизаціи!

Вотъ гдѣ собственно заключается злоупотребленіе правомъ стачекъ: въ забвеніи, съ одной стороны, того, насколько самое индивидуальное усиліе рабочаго содержитъ въ себѣ необходимость коллективнаго труда, съ другой—въ неблагодарности къ обществу, въ которомъ революціонеры видятъ только стѣсненіе, не сравнивая мягкихъ требованій благоустроенной среды съ невозможными страданіями въ средѣ варварской. Какъ во всѣхъ случаяхъ заблужденій ума или сердца, пролетаріатъ, если бы онъ когда-либо дошелъ до крайностей въ злоупотребленіи этимъ правомъ, былъ бы наказанъ даже въ случаѣ успѣха. Въ этомъ успѣхѣ лежалъ бы возвратъ къ дикому состоянію. Прежде всего въ ремеслахъ. Самая химерическая изъ всѣхъ иллюзій—думать, что науки, лежащія въ основѣ промышленности, представляютъ развѣ навсегда добытое сокровище, котораго человечество не можетъ болѣе лишиться. Такъ же, какъ нѣтъ болѣзней, а есть лишь больные, въ извѣстномъ смыслѣ—нѣтъ науки, а есть лишь ученые. Другими словами, если науки не обслу-

жены умами, онѣ уменьшаются въ объемѣ, онѣ умираютъ. Диктатура пролетаріата, примитивныхъ людей, изъ среды которыхъ были бы насильственно изъяты интеллигенты, привела бы, при длительномъ существованіи, къ разложенію научнаго достатка, которое имѣло бы послѣдствіемъ постепенное уменьшеніе цѣнности орудій производства. Усовершенствованіе машинъ прекратилось бы, если бы прекратилось изученіе законовъ, на основаніи которыхъ онѣ были построены. Ихъ нѣточность постепенно уменьшалась бы и плохо пополнялась. Получилось бы пониженіе техники, примѣромъ чему можетъ служить современная Россія, если вѣрить избѣжавшимъ московскаго ада. Ужасающій опытъ, начатый тамъ, показываетъ намъ также, какими средствами поддерживается эта такъ называемая диктатура пролетаріата. Она заставляетъ предполагать существованіе экономическаго милитаризма, гдѣ производство и потребление регулируются съ жестокостью, до которой никогда не доходила ни одна деспотія.

Итакъ, злоупотребленіе правомъ стачекъ, которымъ вожаки французскаго большевизма наифриваются осуществить свое ученіе, ведетъ къ такому разочаровывающему парадоксу: будучи вѣнцомъ права на свободу, право стачекъ въ своемъ крайнемъ развитіи имѣло бы послѣдствіемъ рабство. Получивъ утвержденіе для защиты достоинства труда, оно имѣло бы результатомъ его униженіе. Здѣсь еще доказательство того, насколько полна заблужденій всякая программа, задуманная вопреки законамъ природы. Доктринеры революціоннаго социализма думаютъ о поглощеніи всѣхъ классовъ однимъ, но существованіе этихъ классовъ—фактъ.

Второй фактъ тотъ, что политика, естественно, требуетъ ихъ существованія, такъ какъ они находятся въ продолженіе всѣхъ временъ подъ всѣми широтами, у всѣхъ народовъ. Что они борются между собою—это третій фактъ. Но эта борьба, диктуемая жизнью, заставляетъ предполагать и совмѣстное существованіе. Эти классы, соперничая другъ съ другомъ, не могутъ обойтись одинъ безъ другого; все зависимо, писалъ; моралисты 18 вѣка—воздухъ

принадлежитъ человѣку, а человѣкъ принадлежитъ воздуху. Никто не принадлежитъ только самому себѣ и не существуетъ независимо.

Этотъ великій жизненный законъ взаимной зависимости уже инстинктивно осознанъ французскимъ пролетаріатомъ.

Нужно, чтобы онъ его понял, чтобы онъ уловилъ его сущность и глубокую справедливость. Въ день, когда онъ овладѣетъ имъ „сознательно“—прибѣгаю къ лексикону агитаторовъ,—будетъ предупреждена смертельная опасность, угрожающая не только нашей странѣ, но и всей европейской цивилизаціи. Усвоимъ себѣ хорошенько, что и она можетъ исчезнуть, какъ исчезло столько другихъ, вѣрившихъ также, что онѣ неразрушимы. Придемъ къ заключенію, что нѣтъ слишкомъ дорогихъ усилій для ея защиты. Къ этой защитѣ пролетаріатъ такъ же обязанъ, какъ и буржуазія. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы отнять у него право стачекъ, а о томъ, чтобы указать ему законное имъ пользованіе, состоящее въ служеніи корпоративнымъ интересамъ въ соотвѣстствіи съ общимъ благомъ—благомъ государства.

Вильгельмъ Вундтъ.

(Некрологъ).

Въ Лейпцигѣ 1 сентября 1920 года умеръ восьмидесяти восьми-лѣтнимъ старикомъ знаменитый германскій философъ Вильгельмъ Вундтъ.

Вильгельмъ Вундтъ только лѣтомъ 1917 года отказался отъ чтенія лекцій въ Лейпцигѣ и до самой смерти не оставлялъ научной дѣятельности. Въ томъ возрастѣ, когда многие себя переживаютъ, онъ продолжалъ неутомимо работать и уже старикомъ создалъ свои знаменитѣйшія произведенія: „Kleine Schriften“ и „Элементы психологіи народовъ“, выпустилъ 6-е переработанное изданіе своихъ „Основъ физиологической психологіи“ и дополненное изданіе своей „Этики и психологіи народовъ“.

Вундтъ родился 16 августа 1832 года въ пасторской семьѣ въ Некекау, около Мангейма. 23-лѣтнимъ врачомъ, онъ получилъ приватъ-доцентуру и посвятилъ себя, главнымъ образомъ, изученію физиологіи, которая привела его черезъ психологію къ философіи.

Онъ всецѣло отдался задачѣ построить изъ философіи науку, связанную съ другими науками. Онъ видѣлъ цѣль ея въ монистически-идеалистическомъ мировоззрѣніи.

Дѣятельность его въ области философіи была чрезвычайно успѣшна. Въ 1879 году онъ основалъ въ Лейпцигѣ институтъ экспериментальной психологіи, который далъ этой области науки много новыхъ открытій.

Изъ школы Вундта вышло много талантливыхъ и дѣятельныхъ изслѣдователей человеческой души.

Къ двухсотлѣтію Лейбница неутомимый ученый выпустилъ работу о жизни Лейбница, въ которой онъ отдавалъ должное великому мыслителю и его времени.

Самъ Вундтъ больше всего походитъ на Лейбница. Какъ и Лейбницъ, онъ воплотилъ въ себѣ всѣ знанія своего вѣка.

† Философъ ВУНДТЪ.

Библиографія.

Три альманаха.

1) „Дальний Восток“, Шанхай, 1920 г., 92 стр., ред. Э. Магарамъ. 2) „Желтый ликъ“, Шанхай, 1921 г., 82 стр., ред.-изд. Э. Магарамъ. 3) „На чужбинѣ“, Шанхай, 1920 г., 84 стр., ред. Е. Семчевская и П. Карелинъ.

Ужасная буря, свирѣпствующая у насъ на родинѣ уже 4 года, загнала на Дальний Востокъ, съ одной стороны, много интеллигентныхъ силъ, а съ другой—тотъ элементъ, который раньше и представленія не имѣлъ о Востокѣ. Первые, естественно, должны были отвѣтить на запросы вторыхъ, должны были удовлетворить ихъ книжный голодъ, потому что къ 1921 году русской книги на здѣшнемъ рынкѣ не осталось.

И вотъ, какъ грибы послѣ дождя, стали появляться книги; рынокъ продолжаетъ и понинѣ заваливаться ими—но покупатель исчезъ (или, вѣрнѣе, исчезла покупательная сила). А, между тѣмъ, многія изъ появившихся недавно книгъ заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе.

Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести три альманаха, изданные въ Шанхаѣ: „Дальний Востокъ“, „Желтый ликъ“ и „На чужбинѣ“.

Первые два изъ нихъ редактированы однимъ лицомъ, содержатъ статьи почти однихъ и тѣхъ же сотрудниковъ и являются, въ сущности, продолженіемъ одного другого; поэтому и разсматривать ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ.

Третій же, „На чужбинѣ“, названъ 1-мъ номеромъ ежемѣсячнаго журнала; но онъ не имѣетъ ничего специфически журнальнаго и является, въ сущности, типичнѣйшимъ альманахомъ. По содержанію и направленію, онъ рѣзко отличается отъ первыхъ двухъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ является логическимъ ихъ дополненіемъ.

„Дальний Востокъ“ и „Желтый ликъ“ посвящены исключительно Китаю. Намѣреніе создателей этихъ альманаховъ—ясно: познакомить русскихъ читателей-бъ-

женцевъ со всѣми гранями многосторонней китайской жизни, такой сложной, такой непонятной европейцу, съ бытомъ Китая, его природой, исторіей, etc., etc.

Намѣреніе въ высшей степени похвальное, и въ этомъ отношеніи появленіе этихъ двухъ альманаховъ слѣдуетъ горячо привѣтствовать.

Но какъ выполнена эта задача? Вотъ тутъ приходится жестоко разочароваться.

Прежде всего, открывъ „Желтый ликъ“, читатель приходитъ въ недоумѣніе, зачѣмъ въ дѣльномъ предисловіи помѣщены такія фразы: „мы... получили поддержку со стороны мѣстной подлинной демократіи“... (курсивъ нашъ); „... русская демократія отнесется съ симпатіей къ нашему полезному изданію“. Что означаютъ эти усиленные авансы въ сторону демократіи? Изученіе Востока, казалось бы—объективное занятіе. Далѣе: что значитъ это раздѣленіе на демократію „подлинную“ и „неподлинную“? И не лучше ли о степени полезности и неполезности судить не хозяину выбрасываемого на рынокъ товара, а кому-либо со стороны?

Что касается самаго содержанія альманаховъ, то львиная доля матеріала принадлежитъ перу самого редактора, г. Магарамъ. Его статьи рѣзко отличаются отъ статей другихъ сотрудниковъ—хорошимъ языкомъ, богатствомъ образовъ; онъ видитъ красокъ и слышитъ звуковъ несравненно больше, чѣмъ его сотрудники. Конечно, онъ—единственный „писатель“ въ своихъ альманахахъ. Въ дѣломъ рядѣ разсказовъ онъ даетъ очерки шанхайской жизни, вѣрнѣе, низовъ ея. Не портятъ ихъ съ внѣшней стороны и нѣкоторыя шероховатости (напр., „прѣсныя зеленая маслины“, которыя еладутъ китайци въ чай—дѣло идетъ о китайскихъ цукатахъ—и т. п.).

Лучшимъ изъ этихъ разсказовъ слѣдуетъ считать „Рикша“, хотя тема и трактовка ея заимствованы, можетъ быть, неволью, у Бунина.

Но что слѣдуетъ поставить въ вину г-ну Магараму—такъ это пристрастіе его къ тѣмъ „реальнымъ“ темамъ, которыя въ прежнія „буржуазныя“ времена попросту назывались сальными. Правда, авторъ трактуетъ ихъ не по-блоковски, но достаточно откровенно для того, чтобы читатель получилъ отвращеніе, но не къ описываемымъ явленіямъ, а именно къ этимъ писаніямъ. Въ цѣломъ рядъ разсказовъ: „Въ баръ“, „Синово“, „Въ китайскомъ порту“, „Жена“—описываются отвратительные лупанаріи, торговля женой и другія мерзости, о которыхъ противно говорить. Къ этому же разряду относится и разсказъ Евлича „Опасная забава“.

Неужели же авторъ, при его несомнѣнномъ талантѣ и наблюдательности, увлѣиваетъ только эти стороны китайской жизни? Прямо обидно становится за человека! „Смѣющийся Будда“—явно придуманный и неправдоподобный эпизодъ.

Далѣе идутъ „Китайскія сказки“, переведенныя съ французскаго г-мъ Нарымскимъ изъ сборника Вигера.

Что можно сказать объ этихъ переводахъ? Переводчикъ *китайскихъ* сказокъ съ французскаго на русскій не знаетъ ни китайскаго языка (безъ значія котораго нельзя сдѣлать правильнаго перевода) ни русскаго. Вотъ какіе шедевры попадаютъ въ его переводы: „поворотень“ (вмѣсто „оборотень“), „женить его на нашу дочь“, „восемь діаграммовъ“ („диаграммы“—и поясненіе, что это значитъ „заговоръ“), „намочилъ свою кисть въ киноваръ“, „тао-чей“ (вмѣсто „даосъ“—и поясняетъ, что это значитъ „худесникъ“, вмѣсто духовнаго лица даосской религіи), „съѣлъ большими кусками грушу“, „былъ задержанъ Ли-юаномъ, скинутого имъ съ престола“, „Тай-чунъ“ (Тай-цзунъ,) „для десяти судей“...

Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно для опредѣленія, каковыя языкомъ владѣетъ г. Нарымскій.

Подборъ сказокъ для перевода весьма неважный, т. е., вѣрнѣе, выбора не было сдѣлано никакого. А, между тѣмъ, у Вигера богатый матеріалъ. Но слѣдуетъ предупредить г. Нарымскаго, что, вопервыхъ, многія изъ этихъ сказокъ уже переведены (см., „Вѣстникъ Азіи“, № 25-27, 30, 31-32, 33, 35-36, 38-39, 41); а во-вторыхъ—самъ Вигеръ не всегда разбирается въ первичныхъ въ его книгахъ китайскихъ текстахъ, и французскій переводъ не вполне соответствуетъ китайскому подлиннику.

Особое, „почетное“ мѣсто въ альманахахъ занимаютъ стихи П. Черкеза. При чтеніи ихъ бросается въ глаза удивительная бѣдность и ограниченность мысли; бѣдный авторъ замкнулся въ крошечномъ скленикѣ своихъ убогихъ идеекъ и никакъ изъ него выбраться не можетъ, или, вѣрнѣе, не хочетъ (тюремный сидѣлецъ вѣдь тоже, говорятъ, привыкаетъ къ своей камерѣ!) Одинъ и тотъ же перепѣвъ повторяется безъ конца, извѣстная тенденція такъ и бьетъ изъ всѣхъ щелей такихъ, съ позволенія сказать, „стиховъ“, какъ напиръ:

*„Поспѣшно, въ одиночку, парой
Прохожіе толкутъ троттуаръ“...*

Или:

*„Послушайте, люди бѣлые,
Какъ стонетъ вашъ желтый братъ.
Тысячелѣтія цѣлымъ
Его бичуетъ катъ.
Зовется палачъ этотъ рабствомъ
Нищиты, среди вѣчныхъ трудовъ;
Онъ проклятый, онъ святотатствомъ
Людей превращаетъ въ скотовъ“...*

*„Въ двадцатомъ вѣкѣ рабства жало
Извѣтъ, какъ и въ былые вѣка“...*

Даже собственная редакція не выдержала такихъ „стиховъ“ и сдѣлала въ примѣчаніи оговорку, что не принимаетъ на себя ответственности за слогъ этого „стихотворенія“, но фактъ помѣщенія его въ альманахъ говорить самъ за себя...

Жаль, что воспѣваемые г-мъ Черкезомъ кули не понимаютъ русскаго языка, а то не было бы сомнѣніи въ томъ, что, „стихи“ г. Черкеза несутъ опредѣленно агитаціонный характеръ въ духѣ: „вставай, подымайся, рабочій народъ!“.

А, можетъ быть, они переводятся съ черкезовскаго языка на китайскій?

Далѣе идетъ рядъ компиляцій, большею частью, переводныхъ: „Китайцы“, „Религія китайцевъ“, „Милитаризмъ въ Китаѣ“, „Возрожденіе Китая“, и др. Всѣ эти компиляціи написаны, большею частью, по весьма устарѣлымъ источникамъ.

Остановимся немного на пѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ статьѣ „Китайское искусство“ переводчикъ пишетъ: „египетское искусство не имѣетъ по времени продолжительности, равную китайской“ (подписи переводчика нѣтъ, но слогъ похожъ на слогъ г. Нарымскаго). Но это еще не бѣда; а вотъ далѣе онъ сообщаетъ, что шаманами называются буддійскіе священники (стр. 72). Трудно предположить, чтобы авторъ статьи, г. Верлей, могъ написать такую..ересь. Ничтожная доля

хотя бы и „домашнего“ образованія требуетъ даже и для переводчика!

Во всякомъ случаѣ, содержаніе статьи не соответствуетъ ея названію. Скорѣе ее можно было бы озаглавить: „Нѣчто изъ области философіи китайскаго искусства“, или что-либо вродѣ этого.

Далѣе—„Исторія Китая“, переводъ съ французскаго. Переводчикъ сообщаетъ, что исторія Китая „восходитъ изъ очень высокой древности“; и далѣе: „наиболѣе древнее извѣстное событіе—это вторженіе народа, пришедшаго съ запада.“ Последнее—только гипотеза, весьма вѣроятная, но оспариваемая многими авторитетами, а вовсе не является несомнѣннымъ фактомъ. Затѣмъ, страна въ моментъ появленія китайцевъ на полѣ исторіи, была населена не дикими, а племенами, во многихъ отношеніяхъ болѣе культурными, чѣмъ сами тогдашніе китайцы...

Историческія „традиціи“, вмѣсто „преданія“, простимъ переводчику; а вотъ какого такого „последняго императора Кіанской династіи“ разбилъ Хуанъ-ди, и какъ это онъ „зафиксировалъ законы аріометрики“? Шэнь-чунъ не былъ династическимъ императоромъ; императоры тогда были *выборные*. „Кіанская династія“—открытіе въ исторіи.

Далѣе мы читаемъ: „подъ управленіемъ князя этой династіи жилъ Конфуцій“; книги сжегъ не Цинъ ши-хуанъ-ди, а „Чжоу хуанъ-ти“ и т. д.

Вообще, на стр. 76, 77 и 78 такая сплошная пуганица именъ и событій, что привести ихъ—значитъ переписать эти страницы цѣликомъ.

Въ статьѣ „Природа Китая“, написанной также по очень старымъ неперовереннымъ источникамъ, встрѣчаются интересные открытія: якъ—это „подукоза“ (хорошая коза—двухъ сажень длины и сорока пу овъ вѣсу! См. у Пржевальскаго); въ крупныхъ городахъ „всевожможная дичь продается по неимовѣрно дешевымъ цѣнамъ“. А ну, г. г. составители этой статьи, пробовали вы въ вашемъ Шанхаѣ сушить на рынокъ за „неимовѣрно дешевой“ дичью? Если нѣтъ, то попробуйте. А въ Пекинѣ, Тяньцзинѣ (это вѣдь крупныя города?) также неимовѣрно дешево продается дичь? Тамъ же, вѣроятно, китайцы ѣдятъ „особую“ породу собакъ, которая попросту называется...щенками, открмливаемыми рисомъ по способу калуновъ. Равнымъ образомъ, удивительны сообщенія, что въ Китаѣ не существуетъ „ни одного болотца или рва, въ которомъ бы не водилась рыба“, искусственно разведенная; гаолиновыя лепешки—„единственная пища народа“; „яюгъ отъ Желтой рѣки растетъ хлопокъ,

табакъ и индиго“ (слѣд., на сѣверѣ отъ Хуанъ-хэ эти растенія не растутъ? П дѣло идетъ вовсе не объ индиго, а о красильной пречихѣ).

„Рисъ растетъ въ долинѣ Янь-цзы-цзина“. Авторъ, вѣроятно, будетъ изумленъ, если указать ему, что рисъ растетъ даже около Харбина, во многихъ мѣстахъ по восточной вѣткѣ Кит. Вост. ж. дороги и около станціи Гродеково.

Кому нужно поставить въ вину всѣ эти недочеты: переводчикамъ ли, людямъ новымъ, не имѣющимъ представленія о Китаѣ и не умѣющимъ еще разбираться въ источникахъ? Или редакціи, которая не потрудилась всѣ эти писанія пропустить черезъ фильтръ, очистить ихъ, проефирить, давши ихъ на просмотръ опытному китаевѣду?

Конечно, виновата редакція. Виновата сугубо, потому что среди этихъ странныхъ людей, пишущихъ о Востока и не имѣющихъ о немъ представленія, есть, повидимому, настоящій; Божьей милостью, восточникъ, г. Федоровъ. Его „Исторія китайскаго театра“ (не слишкомъ ли претенціозное заглавіе для такой маленькой статьи?) и особенно „Санъ-го янь-и“, хотя и переведены съ англійскаго, но не могли быть написаны не китаевѣдомъ, и солиднымъ китаевѣдомъ.

Почему же редакція не использовала *единственную* имѣвшуюся въ ея распоряженіи силу, и не дала г. Федорову на просмотръ работы господа Черныхъ, Темныхъ, Нарымскихъ и прочихъ псевдонимовъ? Совершенно непонятно.

Кстати, два маленькихъ замѣчанія для г. Федорова: Чи-би, красный утесъ (красная стѣна), находится не Янь-цзы не выше Хань-коу, а ниже. Вѣрнѣе, есть два мѣста, называемыя Чи-би: одно, указываемое историками, на правомъ берегу, и другое, по указаніямъ мѣстныхъ жителей—на лѣвомъ берегу Янь-цзы. Но оба они ниже Хань-коу. 2) Этой же темой интересовался еще кто-то, и недавно въ Харбинѣ выпли изъ печати книга „Китайскія легенды“, половина которой посвящена Чжу-гэ Лячу; какъ указано въ предисловіи, матеріаломъ для обработки послужилъ тотъ же источникъ—Санъ-го янь-цзи, но не англійскій, а китайскій текстъ.

Все указанное—сравнительно, мелко. Главное же—то, что г. Матарамъ задается цѣлью ознакомить русскую публику съ „желтымъ ликомъ“. Такую цѣль нельзя не привѣтствовать, и, конечно, въ слѣдующихъ выпускахъ редакторъ будетъ строже и внимательнѣе относиться къ компилированнымъ работамъ несвѣдущихъ людей, да и самъ не будетъ угощать своихъ читателей *черезчуръ „тряной пищей“*.

Третій альманахъ, „На чужбинѣ“, названъ первымъ, октябрьскимъ, номеромъ ежемѣсячнаго журнала. Редакція его, по-видимому, совѣтъ не задавалась цѣлью что-то проповѣдывать, кого-то просвѣщать и поучать; цѣлью ея было—дать „на чужбинѣ“ легкое, здоровое чтеніе, къ которому привыкла въ Россіи средняя интеллигентная семья въ тѣ дни „не истинно-демократическаго“ времени и „ненавистнаго режима“, когда „существовали“ „буржуазный порядокъ“, „отсталый законъ“, „награбленная собственность“ и прочія контръ-революціонныя установленія.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, редакція не отказалась и отъ ознакомленія своихъ читателей съ Востокомъ: „То и се объ Японіи“ Е. Семеновской—очень милая вещьца; а „Нѣсколько словъ о современной Японіи“ К. Сахарова—весьма дѣльная статья, указывающая экономическій ростъ современной Японіи. Это уже не перепечатка и не сводка устарѣлыхъ матеріаловъ, а работа живого человѣка о живомъ дѣлѣ.

Очень жаль только, что Востоку отведено слишкомъ мало мѣста, да и то только Японіи; это большой минусъ журнала.

Книжка начинается прелестнымъ стихотвореніемъ Л. Мисной „Пиръ“. Стихотворенія Палѣя также хороши.

Рассказъ г. Карелина „Джесси“ былъ бы безукоризненъ, если бы въ немъ не было грубовато выдуманнаго и совершенно лишняго эпизода съ бѣшеной собакой.

„Бывшій сенаторъ“ Маріэти—красивый набросокъ, написанный штрихами. „Будь проклята!“—манерная, мелодраматическая вещьца. Недурно написано „Письмо“ Каръ. „Побѣда“—эскизъ въ старинномъ духѣ.

Очень недурные шаржи—„Въ коммунарномъ раю“ П. Галина.

„О социалистическомъ государствѣ“ Г. Спенсера. Какъ было бы хорошо, если

бы наши создатели „земныхъ раевъ“ почаще читали бы старика Спенсера!

„Очерки учения іеговъ“ даютъ слишкомъ мало данныхъ по затронутому вопросу.

Теперь—о главной вещи, „гвоздѣ“ книжки, „Избранникъ“ Каменскаго. Не знаешь: смѣяться, или сердиться, читая эту нелѣпицу, написанную прекраснымъ языкомъ, эту своего рода „дыру, облитую сталью“, какъ опредѣлили пушку какой-то „снецъ“! Ну, какъ можно въ наше время, когда мы кое-что уже знаемъ о Востокахъ, да еще въ журналѣ, издаваемомъ въ Шанхаѣ—писать о широкораспространенной религіи чертопоклонниковъ въ Китаѣ! Перенеси авторъ мѣсто дѣйствія въ Малую Азію, или, въ крайнемъ случаѣ, помѣсти этотъ рассказъ въ какомъ-нибудь западно-европейскомъ изданіи—ну, куда бы ни шло, грѣхъ можно было бы простить. Скажутъ, что это поэтическая вольность.

Получается впечатлѣніе, что „Избранника“ рассчитана на вкусъ мальчиковъ до 12-ти лѣтняго возраста.

Наконецъ, опять г. Черкезъ: „Хай-хо! Эй-хо!“ Какъ г. Черкезъ попалъ и въ этотъ журналъ—удивительно. Но результатъ получился одинъ и тотъ же: какъ и „Желтый ликъ“ испорченъ въ значительной мѣрѣ г. Черкезомъ—такъ и журналъ, „На чужбинѣ“ сильно проигралъ, помѣстивши эти грубые, вычурные, кривые, неровно нарубленные дрова; вмѣсто стиховъ, одобренныхъ съ вѣшной стороны футуристической бессмысленностью (вродъ: „мѣшковъ тяжелыхъ анды“) и реализмомъ. И какъ ни поддѣлываетъ г. Ч. свой стихъ „подъ Пушкина“—пусть онъ будетъ увѣренъ, что въ близкомъ сосѣдствѣ съ великимъ поэтомъ онъ никогда не будетъ.

Во всѣхъ трехъ альманахахъ есть недурныя иллюстраціи, между которыми обращаютъ на себя вниманіе талантливые рисунки г. Хрѣнова.

Манза.

Сборникъ Ярославскаго Государственнаго Университета. Вып. 1, 1918-1919 г. 1.

Ярославль, 1920 г.

Сборникъ подводитъ итоги первому году существованія Ярославскаго Государственнаго Университета. Сколько воспоминаній вызываетъ этотъ сборникъ! Вѣдь это—надгробный памятникъ старому Демидовскому Лицею, который существовалъ въ г. Ярославѣ съ 1803 по 1918 г., сначала до 1868 г. въ видѣ камеральнаго Лицея и съ 1868 г. по 1918 г. въ видѣ юридическаго Лицея (юридическаго факультета). Какъ много далъ Лицей за это время и русской наукѣ и русской вѣшной школѣ. Я вспоминаю такіа име-

на, какъ историковъ права—Владимирскаго, Буданова, Дятлова, Шпилевскаго, Тарановскаго, философовъ права и государствовѣдовъ—Е. Н. Трубецкаго, В. А. Кистяковскаго, Каустипа, Палиенко, романистовъ—Митюкова (отца), Фрезе, пивилистовъ—Лювернуа, Гордона, Тала, Яблочкова, криминалистовъ—Чубинскаго, Пионтковскаго, Ширяева, экономистовъ—Постникова, Орженецкаго, канониста Суворова, и еще цѣлый рядъ именъ ускользаетъ изъ памяти.

Когда я имѣлъ честь преподавать въ Д. Ю. Лицеѣ (1915—первая половина 1918 г. г.), его составъ, составъ послѣднихъ лѣтъ Лицея, включая слѣдующихъ лицъ: романиста В. Н. Фрезе (магистръ римскаго права), цивилистовъ—І. С. Тали (докторъ гражданскаго права), В. А. Рязановскаго (магистръ гражданскаго права), Б. А. Лавицкаго (магистръ гр. права), криминалистовъ В. Н. Ширяева (докторъ уголовного права), Н. Н. Полянскаго (магистръ уголовного права), публицистовъ—Б. А. Кистяковского (докторъ государственнаго права), В. Г. Щеглова (докторъ государственнаго права), Н. Н. Голубева (докторъ международнаго права), А. А. Рождественскаго (магистръ государственнаго права), экономистовъ—Р. М. Орженецкаго (докторъ политической экономіи), А. Р. Свирцевскаго (магистрантъ судебной медицины), И. О. Зубова (докторъ медицины, богословія), Д. С. Глагодега (магистръ богословія).

Изъ этой ученой плеяды послѣдняго состава Демидовскаго Юридическаго Лицея ярче всего встаютъ въ моей памяти два крупныхъ ученыхъ и два крупныхъ чловека: Б. А. Кистяковский и Р. М. Орженецкій—политическіе антиподы (одинъ—горячій украинецъ, другой—полякъ) и почти друзья въ частной жизни; одинъ—русскій по духу, много лѣтъ прожившій за границей, другой—иностранецъ по культурѣ, почти всю жизнь проведшій въ Россіи. Крупный по фигурѣ, съ мягкими жестами и манерами, спокойный и глубокій, Богданъ Александровичъ Кистяковский—человѣкъ, котораго всѣ уважали; высокій, стройный, съ совершенно сѣдыми волосами и умными юношескими глазами, Р. М. Орженецкій—человѣкъ, котораго почти всѣ боялись; оба съ рѣдкимъ умомъ и громадными энциклопедическими знаніями.

Затѣмъ вспоминаются такіе видные ученые, какъ Тали, Фрезе, Ширяевъ, Мышцынъ, Полянский. Составъ настолько сильный, что рѣдкій юридическій факультетъ провинціальныхъ университетовъ могъ сравниться съ нимъ. Лицей издавалъ три юридическіе журнала, официальный „Временникъ І. Ю. Лицея“, „Юридическіе записки“ и „Юридическую бібліографію“.

Уставъ Лицея (1874 г.) не былъ затронутъ реформой 1884 г. и давалъ большій просторъ академической работѣ, а старыя традиціи поддерживали эту работу. Лицей обладалъ многочисленными стипендіями, взимая небольшую плату за слушаніе лекцій, и собиравъ въ своихъ стѣнахъ широкія массы студентовъ и демократическихъ слоевъ населенія.

Хорошъ и самый городъ, прекрасно расположенный на высокомъ берегу Волги, съ живописною набережною, съ чудными

памятниками русскаго церковнаго зодчества и живописи—весь такой художественный и уютный въ зеленѣ. Красиво было и зданіе Д. Ю. Лицея, построенное въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, громадное трехэтажное зданіе александровской эпохи съ колоннадой, съ массой свѣта и воздуха, съ чугунной лѣстницей художественной работы, съ дубовой мебелью и т. д., стоявшее на крутомъ берегу Волги—домъ номеръ первый и лучшее зданіе г. Ярославля.

Рѣдкая, тщательно подобранная бібліотека, начавшаяся въ 1803 г. пожертвованіемъ П. Г. Демидовымъ 12000 книгъ и разросшаяся до 200000 томовъ, главнымъ образомъ, по юридическимъ и подсобнымъ къ нимъ дисциплинамъ—лучшая въ Россіи юридическая бібліотека. Надъ ней много работалъ одинъ изъ первыхъ директоровъ Лицея профессоръ Капустинъ. Большія суммы отлучались на нее изъ демидовскаго капитала. Хорошо были оборудованы и кабинеты: экономическихъ наукъ, криминалистики, цивилистики, судебной медицины. Хорошо было и жить въ Ярославлѣ и работать въ Лицеѣ. И не даромъ столько ученыхъ трудовъ, столько диссертаций было написано въ Ярославлѣ, столько крупныхъ научныхъ силъ вышло изъ стѣнъ Д. Ю. Лицея и разошлось по Россіи. Есть чѣмъ помянуть русскою высшею школою старый Демидовскій Юридическій Лицей.

Неоднократно поднимался вопросъ и о преобразованіи Д. Ю. Лицея въ университетъ: въ 60-хъ годахъ, въ 80-81 г. г., въ 1916-1918 г. г. Сколько энергіи было вложено въ это дѣло. И вотъ онъ, этотъ новый университетъ, созданъ. Но, къ сожалѣнію, не въ той обстановкѣ, на которую рассчитывали его инициаторы. Въ іюлѣ 1917 года половина города во время возстанія была сожжена, зданіе Лицея, подожженное зажигательными снарядами красной арміи, сгорѣло въ числѣ первыхъ, и съ нимъ погибла роскошная юридическая бібліотека Лицея съ ея униками и рѣдкостями, съ ея громадными культурными цѣнностями.

Ярославскій университетъ строится буквально заново. И тяжело достается ему это строительство, какъ видно изъ находящагося въ сборникѣ отчета университета.

Университетъ учрежденъ въ сентябрѣ 1918 года въ составѣ четырехъ факультетовъ: общественно-юридическаго, общественно-историческаго, медицинскаго и агрономическаго. Въ 1919 г. два первые факультета были объединены въ одинъ факультетъ общественныхъ наукъ; агроно-

мическiй факультетъ (какъ мы извѣстно) открыть въ 1920 году.

Студентовъ на двухъ факультетахъ въ 1919 году числилось около 1900. И въ сухихъ словахъ отчета видна тяжелая борьба новаго университета за существованiе: то его хотятъ слить съ костромскимъ, то закрыть общественный факультетъ, отбiрають зданiя, вселяють войска, ушлoтняють другими учебными заведениями и т. д.; въ университетѣ, говоря словами отчета, имѣются лишь зачатки кабинетныхъ библиотекъ, и, вмѣсто громадной тщательно подобранной библиотекы Д. Ю. Липецка, университетъ имѣетъ хотя и довольно большой (до 60.000 томовъ), но совершенно случайный подборъ книгъ. Составъ: „внхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“.

Перешелъ въ Кiевскiй университетъ и умеръ на югѣ Б. А. Мстиславскiй, перешелъ въ Петроградскiй университетъ, а оттуда въ Варшавскiй Р. М. Орженекскiй, уѣхалъ въ Прибалтiйскiй край Б. Н. Фрезе, перешли въ Москву Л. С. Таль и Н. Н. Полянскiй, въ Томскiй университетъ, а оттуда въ Дальневосточный—В. А. Рязановскiй. Прочiе остались и составляютъ основу новаго университета. Все такъ же во главѣ университета стоитъ видный академическiй дѣятель В. Н. Ширяевъ, послѣднiй директоръ Д. Ю. Липецка. Изъ отчета и изъ частныхъ свѣдѣнiй видно, что прилагаются громадныя усилiя создать университетъ въ Ярославлѣ.

Научная дѣятельность: вмѣсто издававшихся прежде трехъ юридическxъ журналовъ ежегодно, за три послѣднiе года вышелъ только одинъ томъ настоящаго сборника.

Кромѣ отчета, сборникъ содержитъ 10 статей и юридическую библиографiю за 1917—1919 г. г.

Юридическая библиографiя страдаетъ значительной неполностью. Не говоря уже о работахъ, вышедшихъ за указанныя годы въ Россiи внѣ черты совѣтской республики, въ библиографiи пропущены и многiя работы, вышедши до образованiя военныхъ фронтовъ; напримѣръ, не указаны: учебникъ энцикл. права профессора Тарновскаго, учебникъ гражданскаго права профессора Синайскаго, книга Мартынова о землеустройствѣ, даже изданная самимъ Д. Ю. Липецкомъ работа В. А. Рязановскаго: толкованiе 1140 ст. т. X ч. I и др. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта юридическая библиографiя, содержащая всего на 37 страничкахъ свѣдѣнiя о вышедшихъ за 3 года юридическxъ работахъ, изъ коихъ большая часть относится къ 1917 г., значительно меньше къ 1918 г. и совсѣмъ мало къ 1919 г.—рисуетъ тяжелый параличъ юридической

мысли въ Россiи, ея постепенное замирание при совѣтскомъ режимѣ.

Сборникъ содержитъ десять слѣдующихъ статей: В. Н. Ширяевъ—Вопросы право-творчества и суда въ совѣтской Россiи; Б. Плетневъ—Национальность и государство; А. Рождественскiй — Положенiе третьяго сословiя въ „Государствѣ“ Платона; В. В. Чредитъ—Политическiя воззрѣнiя Горация; Н. Пчелинъ—Сила и право въ дѣятельности Петра Великаго; Б. Ланицкiй—Вознагражденiе за немущественный вредъ; Н. Полянскiй—Цѣль уголовного процесса; С. Радцигъ—Романтическiе мотивы въ поэзи Эврипида (Ахиллъ, Пфигенiя); В. А. Кудрявцевъ—Цѣнность математики и ея положенiе среди другихъ наукъ; И. Зубовъ—Къ вопросу о дефектахъ „провинциальной“ судебно-медицинской экспертизы.

Такъ какъ наша замѣтка слишкомъ разрослась (въ сторону воспоминанiй), то мы позволимъ себѣ лишь бѣгло отмѣтить три изъ указанныхъ статей.

Н. Н. Полянскiй въ своей статьѣ, въ результатѣ разсмотрѣнiя ряда опредѣленiй цѣлей уголовного процесса, приходитъ къ выводу, что цѣль уголовного процесса заключается въ установленiи для конкретнаго случая существованiя (т. е., существуетъ ли) права государства на наказанiе и эвентуально (т. е., если оно существуетъ) тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ оно подлежитъ осуществленiю“ (155 стр.). Другими словами, цѣль уголовного процесса авторъ видитъ въ установленiи права (государства на наказанiе) въ его конкретномъ видѣ. Несомнѣнно, установленiе права (спорнаго или сомнительнаго)—основная задача (цѣль) всякаго процесса. Но въ тѣхъ случаяхъ цѣлью процесса является и охрана права, если даже осуществленiе права (исполненiе) выльется изъ процесса, какъ это дѣлаетъ авторъ.

Статья В. А. Ланицкаго представляетъ убѣдительную защиту доктрины вознагражденiя за нематериальный вредъ, на основанiи какъ теоретическxъ соображенiй, такъ и данныхъ положительнаго права и судебной практики. Рекомендуемъ эту статью вниманiю всѣхъ интересующихся данной проблемой. Являясь сторонниками этой доктрины, мы позволимъ себѣ лишь отмѣтить, что ст. 574 т. X ч. I открываетъ такiя же возможности къ ея осуществленiю на практикѣ, какъ и ст. 1382 французскаго кодекса, тѣмъ болѣе, что и источникъ 574 ст. говорятъ не только о возмѣщенiи материальнаго, но и моральнаго вреда.

В. Н. Ширяевъ въ своей статьѣ анализируетъ совѣтское законодательство и судебную практику въ области юстици и

констатирует резкое расхождение программ с действительной жизнью. Так, по программѣ народное правотворчество, въ действительности собраніе узаконеній, инструктирование сверху и кассационная инстанція по программѣ—упраздненіе юридическихъ факультетовъ, а въ жизни—возвращеніе къ законамъ, кодексамъ и нормамъ, выработаннымъ наукой и судебной практикой. Словомъ, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, говоритъ авторъ,

повторилась старая и въ то же время вѣчно новая исторія: соприкосновеніе съ действительностью реальной, настоящей, а не измышленной со спеціальной цѣлью, разбиваетъ иллюзіи и мечты; тѣмъ низкихъ истинъ оказывается силѣе обмана, хотя бы и возвышающаго (19 стр.).

Въ заключеніе пожелаемъ Ярославскому Университету быть достойнымъ преемникомъ Демидовскаго Лицея.

В. Р.

Календарь-справочникъ.

Въ изданіи фирмы „Л. Г. Пьянковъ и Ко“ въ Копенгагелѣ (L. G. Pjankoff & Cie Copenhagen, St. Mont 4) вышла изъ печати КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИКЪ НА 1921 ГОДЪ. Книжка эта содержитъ, помимо обычныхъ календарныхъ свѣдѣній, православный, римско-католическій, лютеранскій и еврейскій календари, обширный справочный отдѣлъ, обнимающій свыше 1500 адресовъ русскихъ правительственныхъ, благотворительныхъ и культурно-просвѣтительныхъ учреждений и общественныхъ дѣятелей въ Европѣ и Америкѣ.

Календарь-справочникъ является первымъ опытомъ изданія карманной справочной книжки для русскихъ на чужбинѣ, въ которой русскіе бѣженцы, разбросанные по всемъ угламъ земного шара, нашли бы нужные имъ адреса русскихъ учреждений, а также названія и адреса издаваемыхъ за границею русскихъ газетъ и журналовъ.

См-чз.

Сергій Алымовъ. „Кіоскъ нѣжности“. Стихи. Изданіе „Окно“. Харбинъ, 1920.

„Пустыню жизни можно одѣлать
сидомъ,
„Не бойтесь только говорить „лю-
блю“.

Не любовь ли мудрость бытія?..

Эти строки изъ двухъ стихотвореній Алымова опредѣляютъ собою все содержаніе книжки его стиховъ.

Любовь изысканная, рафинированная, любовь на мигъ, любовь, какъ бунтъ тѣла, чувственный порывъ, быстро угасающій, любовь, какъ любованіе женщиной, вѣрнѣе, женскимъ тѣломъ—такова алымовская любовь.

Въ стихахъ его она отразилась лишь своей грубой, внешней стороной; резко бьетъ въ глаза обиліе эротическихъ деталей, аксессуаровъ женской спальни, что, вмѣстѣ съ чрезмернымъ увлеченіемъ автора манерностью и слащавой жеманностью выраженій и образовъ, придаетъ алымовскому сборнику стиховъ особый, специфическій колоритъ. Когда-то это было вновь и могло своей экзотичностью и пріятностью занимать современнаго читателя съ надломленной душой и изысканной тонкостью воспріятія. Но увы! Алымовъ уже не первый. Давно еще началъ „популярить изыски“ великолѣпный маэстро,

„повсеградно обѣзраченный“ Игорь Сѣверянинъ, за нимъ вслѣдъ пошли и Владиміръ Пруссакъ, и цѣлая плеяда „талантливой молодежи“, и все эти алымовскіе „лимузинъ, сирень во льду баккара, браслетовыя мечты, тріолетовыя горюхы и смарагдовыя дессус“, а главное, обязательныя „томики Гойа“, или „кошмары Гойа“—безнадежно набили оскомину и невыразимо пошлы, какъ будуаръ дешевой кокетки.

Утомляетъ излишняя склонность Алымова къ неумержимому „словотворчеству“. Чего-чего у него вѣтъ: „очашія русалково“ женщины ходятъ „матчишно“; „флейты ландышно-шорохны“; глаза „циклонноспяшіе“; „віолончель вельветить“; „сердце качелится нирвапой“ и т. д. Есть очень удачныя новыя словообразованія въ современной поэзіи, которыя нужно только привѣтствовать; алымовскія же „дегестянцы“, „тянутки“ и „свѣчаники“ сильно напоминаютъ намъ предлагавшіеся еще въ давнія времена, для обращенія въ публикѣ, „мокроступы“ и „топталица“, такъ никогда и не получившіе права гражданства въ русскомъ языкѣ...

Въ вязкой тинѣ этихъ диковинныхъ словъ, среди этой галакто-помадной „поэзіи“, теряются отдѣльные красивые стихи, изящныя, четкіе образы, умныя и мѣткія сравненія... А ихъ въ сборникѣ разбросано не мало.

Думается намъ, что все же настоящий Алымовъ не здѣсь, не въ этихъ пустозвонныхъ пустякахъ—это просто грѣхи его поэтической молодости, отъ которыхъ онъ какъ будто начинаетъ уже освобождаться. По крайней мѣрѣ, последнее его произведение „Облака“, помѣщенное въ томъ же сборникѣ, говоритъ о большихъ художественныхъ достиженіяхъ поэта. Это—цѣлая поэма, гимнъ облакамъ, „чей леть—жемчужный балъ“, гдѣ всѣ „читаютъ сказъ о чудномъ“.

„Ближе всѣхъ къ заброшенному Богу
„Облаковъ пушистая града!

„Ближе всѣхъ... внимательный и чище...
„Потому, что вѣчно отъ земли
Терный взоръ стремится въ высь и
ищетъ
Облаковъ надмірныхъ корабли.“

Алымовъ, сумѣвший подмѣтнуть въ далекомъ небѣ чудо облаковъ и сумѣвший повѣдать намъ объ этомъ такими чарующими истинной поэтичностью словами, этотъ Алымовъ—поэтъ милостью Божьей. Алымовъ же, пѣвецъ дамскихъ туфель и каблучковъ—вѣрнѣе, остался въ прошломъ.

А. С-ва.

В. Эчъ. *Исчезнувшій городъ. Трагедія Николаевска-на Амурѣ. Владивостокъ, 1920 г.*

Выпуская въ свѣтъ эту книжку, авторъ имѣлъ въ виду, какъ онъ указываетъ въ предисловіи, передать то, что онъ „слышалъ и видѣлъ, разсказать о тѣхъ ужасахъ, которые творились русскими людьми надъ русскимъ населеніемъ, приподнять край кровавой завѣсы, скрывающей истинныхъ виновниковъ этого дѣла, и тѣмъ самымъ воочію показать настоящее лицо тѣхъ, кто смѣетъ называть себя друзьями народа“.

Этимъ предисловіемъ авторъ до нѣкоторой степени стучится въ открытую дверь. Истинные виновники николаевской трагедіи давно уже хорошо извѣстны всѣмъ, также какъ не оставляетъ ни въ комъ сомнѣній и „настоящее лицо тѣхъ, кто называетъ себя друзьями народа“, и въ этомъ отношеніи г. Эчъ рѣшительно ничего новаго въ своей книжкѣ не добавляетъ. Разсказъ же о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ лично въ „исчезнушемъ городѣ“, конечно, представляетъ интересъ, ибо это—живой документъ тѣхъ сказочныхъ, печеловѣческихъ страданій, которыя пришлось перенести уцѣлѣвшимъ немногимъ жителямъ несчастнаго города, на глазахъ которыхъ одичавшіе люди пятали и убивали ихъ близкихъ и родныхъ отъ стариковъ до грудныхъ младенцевъ.

Эта безпримѣрная по своимъ размѣрамъ трагедія, составляющая самую черную и страшную страницу нашей „великой, безкровной революціи“, слишкомъ живой еще болѣе отзывается до сихъ поръ въ нашихъ сердцахъ, чтобы можно было этически, въ качествѣ безпристрастнаго наблюдателя, повѣствовать о ней. Поэтому, вѣроятно, и авторъ данной книжки, не обладающій, къ тому же, еще, повидимому, и литературной оытностью, не справился удовлетворительно съ своей задачей. Видно, что картины, представившіяся ему въ исчезнушемъ городѣ, были на-

столько ужасны, что онъ теряется среди нихъ, не можетъ овладѣть матеріаломъ, разбрасывается. Въ силу этихъ причинъ, изложеніе его сбивчиво, часто загромаждено ненужными и неинтересными деталями, въ ущербъ главному и существенному. Можно было, напримѣръ, не приводить цѣликомъ дневника смотрителя Клостеръ-Камискаго маяка, капитана Н. Н. Оводова (впослѣдствіи убитаго партизанами), взявъ въ него только важнѣйшія сообщенія и опустивъ перегружающія этотъ дневникъ незначашіе записи „домашняго“ свойства, вроде: „сего числа обнаружена пропаша двухъ замшевыхъ кожь“, „отрядомъ порѣзаны на портянки два комилекта зававѣсей отъ фонаря“ и т. п. Излишне также вкрапленъ въ разсказъ эпизодъ съ посѣщеніемъ авторомъ убѣжища для прокаженныхъ въблизи Николаевска. Все это отвлекаетъ отъ главнаго и, такъ сказать, разжижаетъ до нѣкоторой степени впечатлѣнія отъ николаевской трагедіи.

Интересныя данныя, характеризующія дѣятельность николаевскихъ большевиковъ, а также отношеніе тамошняго китайскаго консула къ русскимъ и иностранцамъ, даетъ приведенный авторомъ полностью обзоръ николаевскихъ событій, составленный уполномоченнымъ польскаго комитета въ Николаевскѣ г. Лисией. Представляютъ интересъ также и записи дневника евангельскихъ христіанъ г. Николаевска о кровавыхъ событіяхъ 15 мая—3 іюня.

Книжка снабжена фотографическими снимками (кстати сказать, плохо исполненными, тусклыми) съ развалинъ бывшихъ зданій гор. Николаевска, выброшенныхъ волнами Амура человѣческихъ труповъ; есть снимокъ и съ героемъ этой ужасной вакханаліи—Тришцына, Лебедевой, Лапты и др.

Заклячая свой обзоръ, мы не можемъ не указать автору книжки, что онъ чересчуръ увлекся въ рекламированіи своего труда, перейдя всѣ границы дозволенной этикой. Изъ дня въ день мы читаемъ на страницахъ газетъ и въ окнахъ магазиновъ назойливый призывъ: „Требуйте вездѣ книгу В. Эча „Мисепувиный городъ“. Цѣна 1 іена.“ До сихъ поръ мы привыкли встрѣчать такіа зазыванія лишь въ специфическихъ случаяхъ, напри-

мѣръ, въ обличеніяхъ о выпускѣ какого-нибудь патентованнаго средства для рошенія волосъ и т. п. Признавая всю нужность появленія въ свѣтъ книжки т. Эча, мы считаемъ абсолютно недопустимымъ причислять беззастѣнчивые рекламскіе приемы въ области литературы, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, еще не высохла недавняя человѣческая кровь.

А. С-ва.

Исслѣдованія химическаго состава и переваримости китайскихъ кормовыхъ веществъ. Переводъ съ нѣмецкаго ветеринарнаго врача Ар. Хорвата. Шанхай, 1920 годъ, стр. 50. Изданіе Манчжурско-Владивостокскаго района Монгольской экспедиціи по заготовкѣ мяса для нуждъ дѣйствующей арміи.

Въ 1909 году была открыта въ Циндао нѣмецко-китайская высшая школа, сельско-хозяйственное отдѣленіе которой наметило широкую программу изслѣдованій по вопросамъ китайскаго животноводства и земледѣлія. Подъ умѣлымъ руководствомъ д-ра Вагнера сельско-хозяйственное отдѣленіе начало энергично осуществлять эту программу, публикуя ежегодно въ „Извѣстіяхъ“ школы солидныя монографіи по названнымъ вопросамъ и привлекая къ участию въ разработкѣ этихъ вопросовъ и китайцевъ-слушателей школы.

Предлагаемый въ русскомъ переводѣ коллективный трудъ нѣмецкихъ и китай-

скихъ авторовъ былъ напечатанъ въ V-мъ выпускѣ „Извѣстій“ за 1914 годъ. Трудъ этотъ касается только нѣкоторыхъ кормовыхъ продуктовъ Китая, именно: соломы, земляного орѣха, выходящихъ стеблей сладкаго картофеля и листьевъ гаоляна. Изслѣдованія химическаго состава и переваримости названныхъ кормовыхъ продуктовъ предпосланъ краткій обзоръ ученія о кормленіи. Книга въ русскомъ переводѣ снабжена предисловіемъ переводчика. Въ этомъ предисловіи переводчикъ, какъ специалистъ, даетъ рядъ критическихъ замѣчаній по содержанію переведеннаго имъ труда.

Н. П-ова.

А. С. Мещерскій и П. Н. Меньшиковъ. Современное состояніе въ Хэйлунцзянской и Гиринской провинціяхъ Китая. П. В. П. Подкопаевъ и П. Н. Меньшиковъ. Современное состояніе скотоводства въ Мукденской провинціи Китая. Харбинъ, 1920 г., стр. 52. Изданіе Манчжурско-Владивостокскаго района Монгольской экспедиціи по заготовкѣ мяса для дѣйствующихъ армій.

Первая работа, имѣющая свою цѣлью охарактеризовать состояніе скотоводства въ Хэйлунцзянской и Гиринской провинціяхъ Китая, является, въ сущности говоря, лишь краткою сводкою накопившагося поэтому вопросу литературнаго матеріала и носитъ поэтому характеръ компиляціи, не обнаруживающей критическаго отношенія авторовъ къ источникамъ. Здѣсь можно признать оригинальнымъ матеріаломъ только краткія и не часто встрѣчающіяся свѣдѣнія о мѣстной скотопромышленности, почерпнутыя, видимо, изъ опыта самой Монгольской экспедиціи. Приведенный въ работѣ статистическій матеріалъ разработанъ недостаточно умѣло и безъ должной полноты.

Вторая работа носитъ, наоборотъ, характеръ новизны. Въ ней, во-первыхъ, статистическія данныя о количествѣ домашнихъ животныхъ въ Мукденской провинціи сообщены П. Н. Меньшиковымъ

изъ матеріаловъ, собранныхъ имъ для III-го тома его труда по описанію Манчжуріи, еще въ печати не появившагося. Въ описательной своей части эта работа заполнена результатами спеціальнаго обследованія современнаго состоянія животноводства въ Мукденской провинціи—обследованія, произведеннаго, по порученію Монгольской экспедиціи, ветеринарнымъ врачомъ В. П. Подкопаевымъ въ 1916 году.

Послѣдній даетъ описаніе мѣстнаго рогатаго скота, касается вопросовъ его выносливости и работоспособности, молочности, мясности, способности къ откорму, сообщаетъ свѣдѣнія объ убойномъ вѣсѣ этого скота, его разведеніи, половой зрѣлости, воспитаніи телятъ, кормленіи и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія, какъ основанныя на личныхъ наблюденіяхъ автора, являются весьма цѣнными. Къ недостатку книги въ цѣломъ надо отнести то обстоятель-

ство, что она не содержитъ въ себѣ суммированныхъ статистическихъ данныхъ о результатахъ животноводства во всѣхъ трехъ провинціяхъ Китая вмѣстѣ, существенно составъ этого животноводства

и географическомъ распредѣленіи отдѣльныхъ категорій домашнего скота по территории Маньчжурин.

И. С.-вз.

В. Вагнеръ. Изслѣдованія китайскаго домашняго крупнаго рогатаго скота. Переводъ съ нѣмецкаго ветеринарнаго врача Ар. Хорвата. 1920 годъ, стр. 41. Изданіе Маньчжурско-Владивостокскаго района Монгольской экспедиціи по заготовкѣ мяса для дѣйствующихъ армій.

Настоящій трудъ В. Вагнера напечатанъ въ IV-мъ выпускѣ „Извѣстій“ нѣмецко-китайской высшей школы въ Пиндао за 1914 годъ. Онъ является лишь началомъ цѣлой серіи нѣмецкихъ и подготовлявшихся докторомъ Вагнеромъ къ печати работъ, посвященныхъ изслѣдованію китайскаго крупнаго рогатаго скота, для чего молодымъ нѣмецкимъ ученымъ были собраны матеріалы большой научной цѣнности. Къ сожалѣнію, мировая война 1914-1918 г. г. прервала плодотворную работу этого ученаго и обрекла его на прозяба-

ніе въ плѣну. Судьба собранныхъ имъ матеріаловъ остается неизвѣстной.

По компетентному отзыву переводчика, ветеринарнаго врача Ар. Хорвата, настоящее изслѣдованіе В. Вагнера является крайне цѣннымъ какъ для специалистовъ, преслѣдующихъ чисто научныя цѣли, такъ и для всѣхъ интересующихся крупнымъ рогатымъ скотомъ Китая исключительно съ точки зрѣнія его хозяйственной цѣнности.

М. П.

А. С. Мещерскій. Автономная Барга. Шанхай, 1920 г., стр. 39. Изд. Маньчжурско-Владивостокскаго района Монгольской экспедиціи по заготовкѣ мяса для дѣйствующихъ армій.

Входящая въ составъ Китайской республики автономная область Барга, слабо населенная монгольскими и тунгусскими народностями, располагается между р. Аргунью и хребтомъ Большой Хинганъ, соприкасаясь съ Забайкальской областью Сибири. Несмотря на свою относительную близость къ русскимъ владѣніямъ, Барга мало известна русскому населенію и мало изслѣдована. Находясь въ сферѣ вліянія Китайской Восточной желѣзной дороги, которая пересѣкаетъ Баргу, эта область на привлекала къ себѣ большого вниманія и со стороны управленія этой дороги, такъ какъ съ коммерческой точки зрѣнія она имѣетъ мало интереса, будучи въ состояніи представлять для перевозокъ, не считая каменнаго угля, лишь небольшое сравнительно количество животнаго сырья. При скуд-

ности русскаго литературнаго матеріала о Баргѣ, появленіе новаго труда съ описаніемъ этой области можно приветствовать, въ особенности, если этотъ трудъ даетъ новыя, свѣжія свѣдѣнія.

Разсматриваемая нами работа А. С. Мещерскаго въ значительной степени представляетъ изъ себя компіляцію; оригинально является только та часть брошюры, которая трактуетъ вопросъ объ экономическомъ положеніи мѣстнаго населенія Барги и касается затѣмъ статистики мѣстнаго скотоводства. Особенно цѣнными представляются тѣ статистическія свѣдѣнія, которыя были собраны лично авторомъ брошюры въ 1913 году, когда онъ, при противочумныхъ работахъ въ Баргѣ, смогъ обследовать здѣсь 343 монгольскихъ хозяйства.

С.

Поступили въ редакцію

Новыя книги.

„Русская книга“ № 2 и 3 (Берлинъ, книжный магазинъ „Москва“). Цѣна по 12 марокъ (40 сѣнъ) за книжку.

Второй и третій номеръ составлены такъ же интересно, какъ и первый (см. отзывъ въ № 3-4 „Русск. Обзоръ“).

Проф. Яценко напечаталъ въ нихъ ста-

тью „Авторскія права русскихъ писателей за границею“ и „Обзоръ русской поэзіи со- вѣтской Россіи за три года.“

Даны новыя свѣдѣнія о русскихъ издательствахъ за границею и о судьбѣ и работахъ писателей, ученыхъ и журналистовъ.

Издание, повидимому, крѣпко стало на ноги, выходитъ безъ запозданій, и можно только пожелать ему большого успѣха.

„Архитектура и жизнь“ № 3. Цѣна 3½ цента.

Кромѣ специальныхъ статей по зодчеству, въ номерѣ третьемъ помѣщены беллетристика, литературные обзоры и рецензій. Поэзія и беллетристика въ последнемъ номерѣ слабы. Внѣшній видъ, по прежнему, прекрасенъ, но журналъ очень теряетъ отъ того углубленно мѣстнаго характера, которымъ отличаются даже его литературные обзоры.

Жильяр. „Трагическая судьба русской царской семьи“. Перев. съ французскаго. Пекинъ, 1921 годъ. Цѣна 1 долларъ.

Мемуары Жильяра печатались въ L'Illustration—уже одно это говорить объ ихъ литературныхъ достоинствахъ. Авторъ пишетъ правдиво и сообщаетъ много интереснаго о судьбѣ царской семьи, начиная съ предреволюціоннаго періода и появленія Распутина. Авторъ былъ преподавателемъ французскаго языка при царскихъ дѣтяхъ и раздѣлилъ съ ними изгнаніе. Заключивается книжка днемъ 19 марта 1920 года, когда ген. Дитерихсъ и авторъ книжки вручили ген. Жанену сундучокъ съ останками царской семьи. Впрочемъ, эта сцена описана авторомъ нѣсколько мелодраматично.

Книжка заслуживаетъ вниманія. Переводъ сдѣланъ хорошо.

Отъ редакціи.

Предполагая широко поставить въ журналѣ отдѣлъ библиографіи и литературныхъ обзоровъ, редакція обращается ко всѣмъ издателямъ и авторамъ съ просьбою присылать новыя книги для отзыва. Помимо рецензій, въ журналѣ будетъ также печататься списокъ присланныхъ для отзыва книгъ съ указаніемъ цѣны, мѣста изданія и краткаго содержанія.

Редакція предлагаетъ также

всѣмъ издательствамъ посредничество по распространенію ихъ изданій, какъ въ обмѣнъ на мѣстные дальневосточныя, такъ и на коммисіонныхъ началахъ.

Высылать изданія рекомендуется первоначально въ количествѣ 50-100 экземпляровъ для ознакомленія. Высылать можно заказною бандеролью на имя и на отвѣтственность редактора.

Политическій дневникъ.

Россія.

Мартъ 18. Москва. Подписанъ польско-советскій договоръ; важнѣйшія изъ постановленій его—слѣдующія:

1) Признаніе независимости Украины и Бѣлоруссін и обязательство не вмѣшиваться во внутреннія дѣла другой договаривающейся стороны.

2) Освобожденіе Польши отъ какихъ-либо обязательствъ по государственнымъ долгамъ Россіи.

3) Уплата Польшѣ 30 милліоновъ золота.

4) Передача Польшѣ части подвижного состава сов. Россіи, а именно, 523 паровозовъ, 695 пассажирскихъ и 16.800 товарныхъ вагоновъ.

18. Москва. Подписанъ торговый договоръ съ Германіей. Протоколъ содержитъ въ себѣ наряду съ дополнительнымъ соглашеніемъ о военнопленныхъ разъясненія правъ взаимныхъ представительствъ, а также поданныхъ обѣихъ сторонъ. Договоръ устанавливаетъ безпрепятственныя экономическія сношенія между обѣими странами.

19. Москва. На 10 съѣздѣ Р. К. П. избранъ новый Цѣкъ партіи. Въ него вошли Ленинъ, Троцкій, Томскій, Шлянинъ, Бухаринъ и др.

Дальній Востокъ.

Апрѣль 2. Владивостокъ. Закрѣлся съѣздъ несоціалистическихъ организацій, принявшій радикально-демократическую резолюцію по политическому моменту, вплоть до четырехчленной формулы для выборовъ въ д. представительный органъ. Съѣздъ выдѣлилъ исполнительный совѣтъ изъ семи лицъ, въ который были избраны братья Меркуловы, В. Ф. Ивановъ, Еремѣевъ, кн. Крапоткинъ и др.

10. Токио. Генераль Такака официально заявилъ, что японское правительство не предполагаетъ вступать въ торговые сношенія съ республикой Д. В. Р.

Пекинъ. Во внутреннюю Монголію отправлена чрезвычайная делегація, чтобы удержать монголовъ отъ движенія противъ Пекина.

6. Чита. Въ сторону Монголіи, въ частности на Маймаченъ, отправлены красныя войска.

7. Хунчунъ. Началась эвакуація японскихъ войскъ, которая должна закончиться въ первыхъ числахъ мая.

9. Владивостокъ. Состоялся роспускъ Приморскаго Народнаго Соборанія.

10. Токио. Сокращая штаты, Главное Управленіе японскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ уволило 15.000 служащихъ.

12. Чита. Празднованіе „траурной“ годовщины апрѣльскихъ событій прошлаго года носитъ характеръ широкой организаціи народнаго движенія противъ японской интервенціи.

12. Харбинъ. Торгово-промышленный союзъ рѣшилъ присоединиться къ нап. эк. союзу и ввести въ президіумъ его четырехъ представителей. Избраны Неклютинъ, Кувырковъ и Опаринъ.

12. Владивостокъ. Командующій японскими войсками на Сахалинѣ ген. Козима опубликовалъ о временной оккупаціи японскими войсками Николаевска, Де-Кастри и Софійска.

14. Кантонъ. Кантонскій президентъ Южнаго Китая д-ръ Сун-Яг-Сенъ сформировалъ кабинетъ министровъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ У-шин-фанъ.

16. Тяньцзинь. Открылось важное совѣщаніе китайскихъ министровъ и генералъ-губернаторовъ.

Пекинъ. Монголами захваченъ г. Ула-сутай.

17. Гродеково. Состоялось открытіе 10 круга Уссурийскаго войска, параллельно съ которымъ заѣзжаетъ обще-казацкія конференція. Походнымъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, вмѣсто атамана Дутова, избранъ атаманъ Семеновъ.

19. Харбинъ. Представителемъ республики Д. В. Р. въ полость отчужденія назначенъ коммунистъ Озаринъ.

Маймаченъ. Въ противовѣсъ хутухтѣ, здѣсь образовано монгольское революціонное правительство.

22. Владивостокъ. Прибыла 9 японская дивизія на сѣбю тринадцатой, которая, однако, продолжаетъ пребывать въ районѣ Никольскъ-Спасскъ.

23. Владивостокъ. Американскіе представители г. г. Эбботъ и Дэвисъ, въ сопровожденіи Кожевникова, выѣхали въ Читу для информаций на мѣстѣ о республикѣ Д. В. Р.

25. Троицкосавскъ. Троицкосавскъ и Акша заняты отрядами Унгерна.

Чита. Учредительное Собраніе образовано въ Народное Собраніе послѣ принятія основныхъ законовъ республики. Верховная власть сосредоточена въ рукахъ „семерки“, въ которую вошли коммунисты Краснощекоевъ, Матвѣевъ, Шиловъ, Слинкинъ, Бондаренко, Бородинъ и Кларкъ.

Май 2. Чита. Въ связи съ образованіемъ верховной власти изъ семи коммунистовъ, эсеры отказались участвовать въ коалиціонномъ кабинетѣ Никифорова. Меньшевики Анисимовъ и Винаскъ вступили въ правительство.

15. Владивостокъ. Образовался демократическій союзъ. Въ центральный комитетъ избраны Круликовъ, Кроль, Бодыревъ и Знаменскій.

16. Токио. Началось особое министерское совѣщаніе. Въ первую очередь будетъ обсуждаться вопросъ объ эвакуаціи экспедиціонныхъ войскъ изъ Приморья. На совѣщаніе приглашенъ рядъ японскихъ дѣятелей, работавшихъ на мѣстахъ, въ томъ числѣ ген. Тачибана и Нагао.

Европа.

Мартъ 13. Италія. Въ Римъ прибыла изъ Москвы дипломатическая миссія, возглавляемая Воронскимъ. Миссію составляютъ 25 агентовъ совѣтской власти.

25. Италія. Въ театрѣ „Скала“ была брошена бомба. Убито 24 человѣка, ранено 100. Возмущеніе среди націоналистовъ (фашистовъ) выразилось въ угрожающей демонстраціи передъ социалистической газетой.

25. Силезія. Плебисцитъ въ Силезіи закончился побѣдой нѣмцевъ. За Германію высказались 704.579, а за Польшу 471.523. Согласно Версальскому договору, Силезія будетъ раздѣлена на основаніи полученнаго большинства въ каждомъ отдѣльномъ округѣ.

Апрѣль 9. Румынія. Румынскимъ правительствомъ предприняты массовыя репрессіи противъ коммунистовъ.

9. Лондонъ. Въ связи съ забастовкой, кабинетъ министровъ получилъ чрезвычайныя полномочія.

10. Греція. Вмѣсто Кологеропулоса, на постъ премьера вступилъ Гунарисъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ Балпаззи, военнымъ—Теотокисъ.

12. Англія. Въ связи съ беспорядками, правительство рѣшило увеличить армію на 300.000 человѣкъ.

14. Испанія. При обсужденіи вопроса о присоединеніи къ 3-му интернаціоналу, на конгрессѣ испанскихъ социалистовъ произошелъ расколъ.

18. Берлинъ. Комиссія по возмѣщенію убытковъ предъявила требованіе о переводѣ германскаго золотого фонда въ оккупационную зону, въ обезпеченіе исполненія обязательствъ.

23. Лондонъ. Конгрессъ шотландскихъ унионистовъ въ Абердинѣ высказался за присоединеніе къ московскому интернаціоналу.

25. Англія. Состоялось ответственное совѣщаніе между Ллойдъ-Джорджемъ и Брианомъ.

30. Между Франціей и Чехо-Славіей заключенъ военный договоръ.

Май 4. Силезія. Въ Верхней Силезіи начались серьезныя беспорядки. Руководителемъ движенія является полякъ Корфанскій, выступающій, вопреки результатамъ плебисцита, противъ Германіи.

4. Польша. Арестованъ командующій 3 арміей ген. Пермикинъ, въ связи съ раскрытіемъ заговора на жизнь Савинкова.

10. Германія. Паденіе кабинета Ференбаха-Симонса вызвало составленіе новаго кабинета министровъ бывшимъ министромъ финансовъ Виртомъ. Вице-канцлеромъ назначенъ Бауеръ.

14. Англія. Ллойдъ-Джорджъ въ категорической формѣ высказался за предоставленіе Германіи права на усмиреніе польскихъ повстанцевъ въ Силезіи во имя соблюденія Версальскаго мира.

Америка, Азія, Африка и Австралія.

Мартъ 26. Вашингтонъ. Въ отвѣтной нотѣ на совѣтское предложение о вступленіи въ торговыя сношенія, Государственный департаментъ заявляетъ, что нельзя ожидать возобновленія торговли, пока не будутъ прочно установлены экономическія основы производства. Государственный департаментъ отрицаетъ при наличныхъ условіяхъ самую возможность „основы для обсужденія вопроса о возобновленіи коммерческихъ сношеній“.

Апрѣль 14. Вашингтонъ. Гардингъ декларировалъ, что онъ не присоединится къ Лигѣ націй и возражаетъ противъ военныхъ дѣйствій въ Германіи.

21. Америка. Правительство Гардинга отклонило просьбу Германіи о посредничествѣ въ вопросѣ о возмѣщеніи убытковъ.

30. Америка. Сенатъ принялъ резолюцію Нокса о мирѣ съ Германіей.

Май 1. Палестина. Въ окрестностяхъ Яффы коммунисты произвели демонстрацію, закончившуюся кровавымъ столкновениемъ.

3. Америка. Вслѣдъ за забастовкой морскихъ инженеровъ въ Нью-Йоркскомъ порту начались беспорядки въ портахъ Атлантическаго океана. Бастующихъ до 40.00 рабочихъ коммерческаго флота.

Издатель-Дальневосточная лига свободы и правъ человѣка.

Редакторъ Г. И. Гинсъ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

учр. въ 1881 году,

Правленіе коего въ настоящее время находится въ Парижѣ и
Главное Отдѣленіе для всего Китая и Маньчжуріи—въ Шанхаѣ,
настоящимъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что оно заключило
договоръ съ датскимъ

Перестраховочнымъ Обществомъ „Россія“,

основаннымъ въ 1918 году въ г. Копенгагенѣ со сполна опла-
ченнымъ капиталомъ въ 6.000.000 датскихъ кронъ, согласно ко-
торого Перестраховочное Общество „Россія“ приняло на себя полную от-
вѣтственность по всѣмъ выдаваемымъ Страховымъ Обществомъ „Россія“
на Дальнемъ Востокѣ полисамъ. Общество принимаетъ страхованія:

Отъ огня: недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ и товаровъ.
Транспортовъ: морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ отъ всѣхъ
случайностей въ пути, пароходовъ и баржъ („Наско“). **Стеколъ
и зеркалъ:** отъ взлома и разбитія. **Отъ кражъ со вло-
момъ:** движимаго имущества всякаго рода.

СТРАХОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ ВЪ ИНОСТРАННОЙ ВАЛЮТѢ.

Главное Агентство для г. Харбина и Маньчжуріи: Харбинъ-Пристань, Поли-
цейская ул., № 56, домъ Акц. О-ва Соединенныхъ Маньчжурскихъ
Мельницъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. Я. ЧУРИНЪ и К-О

Фирма основана въ 1867 г.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МАГАЗИНЫ въ Новомъ городѣ и на Пристанн.

Папиросы изъ лучшихъ табаковъ собственной
фабрики.

Чай собственной развѣски, очищенный отъ пыли
и мусора на электрическомъ аппаратѣ.

„ОБЩЕЕ ДѢЛО.“

Выходитъ ежедневно,
но исключая поведѣльничьихъ и послѣ праздни-
чныхъ дней.

Редакторъ-издатель

В. Л. Бурцевъ.

Подписка принимается

въ Парижѣ, 142, rue Montmartre

Подписная цѣна:

(во франкахъ)

	1 м.	3 м.	6 м.	1 г.
Франція и	6	16	30	55
Бельгія	6	16	30	55
Другія страны	9	25	45	80

Тарифъ объявленій:

На 4 стр 4 фр. за строку

„ 3 „ 7 „ „ „

„ 2 „ 10 „ „ „

„ 1 „ 25 „ „ „

Пр.труда 3 „ „ „

Открыта подписка на 1921 годъ
на большую ежедневную газету

„Послѣднія Новости“

выходящую въ Парижѣ подъ
редакціей П. Н. Миллюкова.

Собственные корреспонденты во всѣхъ столичныхъ
городахъ и во всѣхъ центрахъ русской эмиграціи.

Постоянныя корреспонденціи о совѣтской Россіи.

Подписная цѣна:

1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 1 годъ.

Во Франціи 10 фр. 27 фр. 50 фр. 95 фр.

За границей 12 фр. 33 фр. 60 фр. 110 фр.

Табачная фабрика

Акціонернаго Общества

А. ЛОПАТО СЫНОВЕЙ

въ Харбинѣ.

Рекомендуетъ лучшія папиросы,

изготовленныя изъ РУССКИХЪ СУХУМСКИХЪ ТАБАКОВЪ:

Т-во „Новый Магазинъ“

Китайская, уголъ Аптекарской.

Отдѣлы:

МѢХОВОЙ

ГОТОВОГО ПЛАТЬЯ

АНГЛІЙСКОЙ МАНУФАКТУРЫ

ПОРТНОВСКАЯ И СКОРНЯЖНАЯ МАСТЕРСКІЯ

ВЫДѢЛКА СЫРЫХЪ МѢХОВЪ.

„Коммерческій Телеграфъ.“

Ежедневная газета, посвященная вопросамъ торговли, промышленности,
финансовъ и транспорта.

Редакторъ Чиликинъ.

Адр. Китайская, 55. Подписка на 3 мѣс. 1—50 ена.

„Русское Обозрѣніе“.

СОДЕРЖАНІЕ декабрьскаго номера.

Четыре сына Евы. Разск. Бласко Ибаньеса. Идеальный и реальный человекъ въ гражданскомъ правѣ. Ст. Г. К. Гинса. Горитъ Москва. Драм. эскизъ А. П. Нилусъ. Побѣгъ. Пов. А. Герасимова. Странствующая красота. Леопида Астахова. Царевна-Сибирь. Стих. А. Герасимова. Госпоминанія. П. В. Вологодскаго. Золотой драконъ. Разск. Митчинера. Возстаніе поляковъ за Байкаломъ. Ст. А. И. Серебренникова. Хезетъ Кничъ. Разск. Виллмса. Миссія Вандерлина въ Японію. Съ англ. Португальскій цементъ. Разск. Ватранчева. Памяти Потанина. Ст. И. П. Серебренникова. Любовь молодости. Разск. Франса Серьеса. Константинопольскій калейдоскопъ. Изъ америк. журналовъ. Ледяной походъ. Ст. капитана К. Китайскій богъ. Разск. Л. Никитина. Теорія потребностей. Ст. М. В. Абросимова. Русскіе интересы въ Китаѣ. Ст. Г. К. Гинса. Новый президентъ С. Ш. Америки. Ст. Е. Х. Отецъ. Сочетъ В. С. Иванова. На Дальнемъ Востоѣ (политическій обзоръ). Ст. Г. К. Гинса и Обозрѣвателя. Международныя отношенія. Финансы, промышленность и торговля. Рабочій вопросъ. Библиографія. Политическій дневникъ.

Цѣна 3 съ полов. іена.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Пекина, Тяньцзина, Шанхая и Харбина.

СОДЕРЖАНІЕ январь-февральскаго номера.

Елка. Стих. А. Нилусъ. Сила земли. Ром. Л. Никитина. Китай и дальневосточныя перспективы. Ст. П. Шкурина. Рецепты спасенія. Ст. Г. Гинса. Рахиль. Пов. Каринъ Михаэлисъ. Современная Германія. Ст. изъ нѣмецк. журналовъ. Хунхузы. Разск. П. Пикрушъ. Ампиръ. Стих. Вс. Иванова. Эриннйи прошлаго. Разск. А. Жернаковой. Волкъ таежный. Стих. А. Герасимова. Паденіе стоимости серебра. Ст. А. Скерстъ. Къ событіямъ въ Монголіи. Ст. Ургинскаго. Гортензіи. Стих. А. Нилусъ. Наука очаровывать. Повѣсть Алисы Миллеръ. Изъ Гейне. Стих. А. Нилусъ. Характерная черта міровоззрѣнія Л. Н. Толстого. Очеркъ Г. Гинса. Л. Н. Толстой, какъ философъ. Статья Н. Стрѣлкова. Соціальныи контроль надъ хозяйственной дѣятельностью. Ст. И. Петрова. Въ советской Россіи. Нисъмо изъ Иркутска. Очерки Н. Лидина. Международныя отношенія. Финансы, промышленность и торговля. Библиографія. Политическій дневникъ.

Цѣна 2 іена и 75 сень.

СОДЕРЖАНІЕ мартъ-апрѣльскаго номера.

Аврора. Поэма Георгія Маслова. Геометрія. Стихотвореніе Вс. Иванова. Сила земли. Романъ Л. Никитина (продолженіе). Святая Русь. Стихотвореніе М. Волошина. Стихи о Россіи Е. Яшнова. Наука очаровывать. Повѣсть А. Миллеръ (окончаніе). Като Саймонъ. Повѣсть Г. фонъ-Гофера. Пѣтвеніе логоса. Стихотвореніе Ю. Галича. Рахиль. Повѣсть Каринъ Михаэлисъ (продолженіе). Китежъ. Стихотвореніе Максимиліана Волошина. Міровая социальная проблема. Е. Яшнова. Морализація капитала. Маринза Окума. Чрезвычайно убійточныя ложнаго демократизма. Промышленность Амурско-Приморской окр. Инж. А. Савицкаго. Борьба съ большевиками въ Туркестанѣ. А. И. Соколова. Контуры международной политики. Г. К. Гинсъ. На Дальнемъ Востоѣ: Экономическая политика ДВР. Военная мощъ ДВР. Экономика советскаго Прибайкалья. Японцы на Сахалинѣ. Политическій обзоръ (Событія въ Россіи. Поворотъ экономической политики. Торговый договоръ съ Англіей. Углубленіе безправія русскихъ въ Китаѣ) Обозрѣватели. Библиографія. Н. И. Пегровъ (некрологъ). Политическій дневникъ. Цѣна 2 іена.

Расцѣнка объявленій для „Русскаго Обозрѣнія“:

ОБЛОЖКА		4 страница—80 іень. —1/2—50 іень.	
		3	—70 „ ——40
Впереди текста	1 стр.	—60 іень	Позади текста 1 „ стр.—40 іень.
„	3/4 „	—52 „	„ 3/4 „ —35 „
„	2/3 „	—45 „	„ 2/3 „ —30 „
„	1/2 „	—38 „	„ 1/2 „ —25 „
„	1/3 „	—27 „	„ 1/3 „ —20 „
„	1/4 „	—20 „	„ 1/4 „ —15 „
„	1/8 „	—10 „	„ 1/8 „ —8 „

Общественная и политическая газета

„СВѢТЪ“

(Органъ независимой мысли).

Выходитъ въ Харбинѣ съ 1919 г. Редакт.-изд. Г.Г.Сатовскій-Русевскій.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ВЪ ХАРБИНѢ.

1 мѣс.—4 іены, 3 мѣс.—10 іень, 6 м.—18 іень,
12 мѣс.—35 іень. Служащимъ Управленія Кит.
Вост. ж. д. въ городѣ—2 іены, на линіи—2.50.

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ 1 мѣс.—4. 50.

ВЪ ЯПОНИЮ И КИТАЙ 1 мѣс.—5 іень

Продолжается подписка на 1921 г.

на большую ежедневную газету

„РУССКИЙ ГОЛОСЪ“

посвященную защитѣ рус-
скихъ интересовъ на Во-
сточной Окраинѣ.

Адресъ ред. и конт.: Московскіе ряды,
№ 10. Телеф. № 259.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ золот. рублѣхъ или іенѣхъ.	1 м.				3 м.				6 м.				9 м.			
	1 м.	3 м.	6 м.	9 м.	1 м.	3 м.	6 м.	9 м.	1 м.	3 м.	6 м.	9 м.	1 м.	3 м.	6 м.	9 м.
Въ г. Харб. съ дост.	4 00	11 00	20 00	30 00	4 00	11 00	20 00	30 00	4 00	11 00	20 00	30 00	4 00	11 00	20 00	30 00
Для иногородн	4 50	12 00	23 00	35 00	4 50	12 00	23 00	35 00	4 50	12 00	23 00	35 00	4 50	12 00	23 00	35 00
За границу	5 00	15 00	30 00	45 00	5 00	15 00	30 00	45 00	5 00	15 00	30 00	45 00	5 00	15 00	30 00	45 00
Для служ. К. В. ж. д. въ г. Харб. и посылъ отчужд.	3 00	8 00	15 00	24 00	3 00	8 00	15 00	24 00	3 00	8 00	15 00	24 00	3 00	8 00	15 00	24 00

Подписная плата принимается и въ долг.

Еженедѣльная демократическая газета

„ЗАРЯ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ
ДОСТ. И ПЕРЕС.

ВЪ ХАРБ. на лин. для кит.

На 1 м.—2 іены —2 д. — 2 с. д.
„ 3 м.—5-50 — 5-50 — 5-50
„ 6 м.—11 —11 — 11 сер.
„ 12 м.—20 —20 д. — 20 с. д.

ВЪ ЯПОНИЮ: на 1 м. 3 іены,
3 м.—8 іень, 6 м.—15 іень,
12 м.—28 іень.

Редакція и контора:
Харбинѣ, Кит. ул., №5,
уг. Сквозной.

Тел. № 287.

„ВЕЧЕРЬ“

Виѣпартійный де-
мократическій ор-
ганъ подѣ редак-
ціею

С. Ф. ЗНАМЕНСКАГО,
Л. А. КРОЛЬ,
В. И. МОРАЗСКАГО и
М. Н. ПАВЛОВСКАГО.

Подписная плата

на 1 мѣс. 4 р. 50 к.
30д. р., за границу
8 іень.

Адресъ редакціи и
конторы:
Владивостокъ, ул.
Петра Вел. № 10.

„НОВОСТИ ЖИЗНИ“

Ежедневная, политическая, общественная, литературная, торгово-промышленная газета.

АДРЕСЪ:

Телефонъ № 660. Харбинѣ, Биржевая, 42.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На одинъ мѣсяцъ

въ Харбинѣ 4.50 іены, въ Японию 7.00, въ Китай 7.00, иногородніе 7.00.

Иногородн. подписка принимается съ 1-го по 1-е число.

Пересылка денегъ по китайской почтѣ или чекомъ на Русско-Азіатскій банкъ, Юкогама Спони банкъ,
Гонконгъ-Шанхайскій банкъ въ Харбинѣ.

Для личныхъ переговоровъ редакція открыта отъ 12 до 2 часовъ дня.

„СЛОВО“

ежедневная газета.

Органъ независимой мысли.

ПОДПИСКА НА МѢСЯЦЪ:

Владивостокъ, съ достав. 2 р. 50 к. 30д. Иногороднимъ—3 р. Заграницу—8 іень.

Контора и редакція: Владивостокъ, Корейская ул., 35—3 (входъ черезъ Т. Д. А. Лазько и Коми.).

Телефонъ 4—84.

„РОССІЯ“ “большая русская газета

== въ Софіи ==

(Болгарія) выходитъ два раза въ недѣлю. Въ газетѣ принимаютъ участіе: проф. Э. Д. Гриммъ, А. И. Ксюнинъ, проф. К. Н. Соколовъ, А. М. Федоровъ, Е. Н. Чириковъ и мн. др.

Спеціальные корреспонденты въ Европѣ.

Цѣна на мѣсяцъ 15 левъ. За границу 20 левъ. Редакція: г. Софія, отель „Континенталь“, № 276 и 277.

Ежемесячный большой литературный и общественно-политическій журналъ

„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“.

При ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова,
М. В. Вишняка, А. И. Гукковского и
В. В. Руднева.

Адр. редакція: 9bis, rue Vineuse,
Paris (XVie)

Téléphone: PASSY 89-61.

Подписка, продажа и приемъ
объявленій въ книжномъ магазинѣ
J. Povolozky, 13, rue
Bonaparte, Paris (Vie).

Téléphone: Gobelins 53-62.

Подписная цѣна на каждые 3 мѣсяца: во Франціи
30 фр., въ др. странахъ заграничей 33 фр. Цѣна
отдѣльн. номера журнала 10 фр., съ пересыл. за-
казн. бандеролью 11 фр.

„Рулъ“.

Ежедневная, демократическ.
газета при близж. участіи І. В.
Гессена, проф. А. И. Каминка
и В. Д. Набокова. Приемъ под-
писки. Ullsteinhaus, Berlin,
S. W. 68. Kochstr. 22-26.

Подписная цѣна: въ Бер-
линѣ 10 м., во Францію 6 фр.,
въ Америку 1½ долл., въ Япо-
нію 1 іена.

„Русская Мысль“

Подъ редакціею П. Струве.

Выходитъ въ Софіи (Бенковска, 5).
Подписная цѣна за 3 книги 120 левъ
(болгарск.), 25 фр., 100 герм. марокъ,
10 шилл. Объявленія 1 стр.—200 фр.

Вышелъ изъ печати третій номеръ ежемѣсячнаго критико-
библіографическаго журнала

„РУССКАЯ КНИГА“.

Подъ ред. проф. А. С. Яценко.

Изд. рус. книжнаго магазина „МОСКВА“ въ Берлинѣ. Содержаніе: Русская поэзія за послѣдніе три года, А. С. Яценко. Критика и рецензіи. Хроника и разныя замѣтки. Судьба и работы русскихъ писателей, ученыхъ и журналистовъ за 1918-21 гг. Русскія газеты за предѣлами совѣтск. Россіи за 1920-1 гг. Русскія книги за 1918-1920 г. г., выходившія въ совѣтской Россіи. Книжки по изысканной литературѣ, вышедшія въ совѣтской Россіи.

Цѣна №--6 мк., въ странахъ съ высокой валютой 12 мк.

Русскій книжный магазинъ „МОСКВА“ въ Берлинѣ.

Russische Buchhandlung Heinrich Sachs. Berlin.

S. W. 48, Wilhelmstr. 20.

Russian Book-Store, „Moskwa“. New York 234 East 6th Str. Geiser & Gilbert, Tokio.

УРАЛО-СИБИРСКАЯ КОМПАНИЯ.

Телеграфный адресъ „СИБУРЪ“ Тел. № 6-38.

Правление: Короткая, 2, въ Харбинѣ.

Паровая
вальцевая
мельница

въ Фудзядянь

Магазинъ англійской ма-
нуфактуры и американ-
ской обуви.

КИТАЙСКАЯ, 31.

ОТДѢЛЕНІЯ:
ВЪ МАНЧЖУРІИ,
ХАЙЛАРЬ
ШАНХАЙ И
ВЛАДИВОСТОКЪ

Продолжается подписка
на ежедневную газету

„ВОЛЯ РОССИИ“

выходящую въ Прагѣ

при ближайшемъ участіи:

В. М. Зензинова, В. Н. Лебедева
и О. С. Минора.

Редакція и контора газеты:

Tcheco-Slovaquie, Praha 1,

Uhelný trh. 1.

Тел. 9802.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOE SLOVO

31 E, 7th St., New York

Telephone: Orchard 5530

Russian Daily Newspaper, Published Every Day
including Sunday by V. Shimkin.

Подписная цѣна въ Нью-Йоркѣ:

на 1 год 6 д., на 6 мѣс. 3 д. 50 с.,
на 3 мѣс. 1 д. 75 с. на 1 мѣс. 60 с.

„ГОЛОСЪ РОССИИ“

выходитъ въ Берлинѣ ежедневно.

Цѣна отдѣльнаго номера 50 пф.

Подписная цѣна на 1 мѣсяцъ 20 мар.

„ „ 3 „ 30 „

Для военнопленныхъ, обращ. непосредств. въ ред.,

подпис. цѣна на 1 мѣс.—9 мар., на 3 мѣс.—27 мар.

Банкородео по слѣдующему тарифу:

1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс.

Въ Германію и нѣмецкую

Австрію . . . мар 15.— 42.— 80.—

Окраин. русск. госуд. „ 18.— 50.— 95.—

Франція и Бельгія фр. 6.— 15.— 27.—

Прочія страны мар 25.— 65.— 125.—

Пріемъ подписки и объявл. въ конторѣ редакціи:

Berlin SW 68, Friedrichstr. 204, Golos Rossii,

Verlag G. m. b. H.

„НОВАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Органъ русской освободительной
національно-государственной мысли

ежедневная газета.

Издается въ Гельсингфорсѣ подъ
редакціей Ю. А. Григоркова, при бли-
жайшемъ участіи проф. А. В. Каргоше-
ва, проф. Т. Д. Гримма, проф. В. І. Кузь-
мина-Караваева и А. Н. Куприна.

Подписная цѣна на 1921 г.:

Для Финляндіи на 1 мѣс. 18 м. городск. и 22 м.
изгород. Заграничной 40 фин. мар. въ мѣс.,
на два и на три мѣсяца вдвое и вътрое дороже.

Адресъ редакціи и главной конторы:

Finland, Helsingfors, Elisabetsgatan 29, lok. 2

„ПРАВДА“

ГАЗЕТА ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА
ВЪ Соед. Штатахъ Америкъ

Выходитъ каждое воскресенье
въ вторникъ и пятницу

РОЧНА ПРЕДПЛАТА:

Въ Америкѣ долл. 32.50

До Канады и Европы . . . „ 3.—

PRAVDA,

213-215 NORTH WILLOW AVENUE, OLYPHANT
LACKA, CO., PA.

„Русское Эхо“

г. Шанхай, Нанкинъ родъ, 573.

„Russian Echo“

Morning Paper

Editorial Office, 573, Nanking Road, Shanghai.

Подписная плата въ мексиканск. долларахъ:

Мѣсяц. подписка: Изгород. подписка, и
за гравиду:

1 мѣс. долл. 2.50 1 мѣс. долл. 3.—

3 „ „ 6.50 3 „ „ 7.—

6 „ „ 12.— 6 „ „ 14.—

12 „ „ 22.— 12 „ „ 24.—

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

„Сибирь, союзники и Колчакъ“

Проф. Г. К. ГИНСА.

(„МЫСЛИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЧЛЕНА ОМ-
СКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 1918—1920 г. г.)

Книга въ 60 печатныхъ листовъ (930 страницъ),
богато иллюстрирована фотографическими снимками:
портреты политическихъ и военныхъ дѣятелей—адм.
Колчака, предсѣдателя Директоріи Авксентьева, Во-
логодскаго, другихъ министровъ, Хорвата, Брешко-
Брешковской, ген. Гайда, Дитерихса и другихъ;
снимки: Уфимское Совѣщаніе, Сибирская Областная
Дума, смотры войскъ, казачій съѣздъ, встрѣчи
союзниковъ, группы иностранныхъ представителей,
банкеты и проч. — всего семьдесятъ три иллю-
страціи.

ДВА ТОМА: ПЕРВЫЙ—СИБИРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.
ВТОРОЙ—АДМИРАЛЪ КОЛЧАКЪ; КАТАСТРОФА.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ г. ХАРБИНѢ—Мужское Коммерческое училище, книж-
ный складъ школьной секціи Общ. Возр. Россіи.

Цѣна книги по подпискѣ 8 руб. Въ продажѣ первый томъ—4
рубли и второй 5 руб. Выписывающимъ не меньше 10 экзем-
пляровъ скидка 25 %.

Для странъ съ низкою валютою значительная скидка.

„Русское Обозрѣніе“.

БОЛЬШОЙ ЖУРНАЛЪ

Литературный, научный и политическій.

Подъ редакціей Г. К. ГИНСА.

Издатель—„Дальневосточная Лига свободы и правъ человѣка“.

Въ текущемъ году въ журналѣ печатаются: большой романъ изъ земской жизни предреволюціоннаго періода „Сила земли“—Л. Никитина; переводный романъ „Рахиль“—Карпъ Михаэлисъ; „Домъ Вальтасара“ романъ Локка и рядъ рассказовъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, въ томъ числѣ „Мистеріи сатаны“—А. Жернаковой, рассказы П. В. Шкуркина (изъ серіи „Хунхузы“), поэтическія произведенія В. Иванова, А. Нялусъ, Г. Маслова, Е. Яшнова и др., литературные обзоры Вс. Иванова и Леонида Астахова, мемуары П. В. Вологодскаго, ген. М. К. Дитерихса, Г. К. Гинса и др.

Въ научномъ отдѣлѣ: статьи съ описаніемъ естественныхъ богатствъ и экономическихъ перспективъ Д. Востока (статьи инжен. Савицкаго), экономическія изслѣдованія доцента М. В. Абросимова, С. Крестовскаго, А. Соболева и Е. Яшнова, юридическія статьи проф. Г. К. Гинса, прис. повѣрен. М. Э. Гильчера, проф. В. В. Ангельфельда, очерки проф. Н. Макарова—„На пути къ кризису социальнаго раціонализма“, проф. Рязановскаго—„Новый судъ“ (очеркъ совѣтскаго судебн. права), историко-философскіе очерки доц. Л. Зандера.

Обзоры международный, политическій, финансовый и торговый, библіографія.

Всего выйдетъ за годъ не менѣе 8-ми книгъ, объемомъ отъ 250 до 320 стр. каждая.

Подписная цѣна на годъ—15 іенъ: 8 іенъ при подпискѣ и 7 іенъ къ 1 августа. За границу Китая и Россіи—17 іенъ.

Редакція и контора—Харбинь, Таможенная, 54.

Цѣна настоящаго номера 2 зол. рубля.

AP
50
R88
1921
no.5

Russkoe obozrienie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
